

2 *том второй*

книга
первая

Иркутск

2011

■ Бег времени

*Автографы
писателей*

поэзия

ББК 84(2=Рус)7
УДК 821.161.1
И 81

Издание осуществлено при поддержке Правительства Иркутской области и Министерства культуры и архивов Иркутской области в рамках программы празднования 350-летия г. Иркутска

Редакционный совет:

Юрий Багаев, Ким Балков, Юрий Баранов, Виктор Бронштейн,
Станислав Гольдфарб, Альберт Гурулев, Владимир Дейкун,
Василий Забелло, Иван Козлов, Сергей Корбут, Александр Лаптев,
Ольга Пушкина, Валентина Семенова, Владимир Скиф,
Сергей Ступин, Арнольд Харитонов

**Редакционный совет выражает благодарность
Губернатору Иркутской области Дмитрию Фёдоровичу Мезенцеву
за помощь в реализации этого проекта**

Иркутск. Бег времени : в 2 т. — Т. 2 : Автографы писателей.
И 81 Кн. I : Поэзия. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лаптев А. К.),
2011. — 716 с.

ISBN 978-5-91871-014-2

В первую книгу второго тома 2-томника «Иркутск. Бег времени», подзаголовок которой *«Автографы писателей: поэзия»*, вошли стихотворные подборки поэтов, членов писательских организаций Иркутской области, с 1931 по 2011 г. Имена сгруппированы по десятилетиям: 1930–1950-е, 1960–1980-е, 1990–2000 гг.

Издание носит информационно-справочный характер, адресовано культурологам, исследователям литературы, критикам, студентам-филологам.

Посвящено 350-летию города Иркутска и 80-летию Иркутской писательской организации.

© Забелло В.К., Скиф В.П., составление, 2011
© Дейкун В.Н., художник, 2011
© Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2011

ISBN 978-5-91871-014-2

От редактора и составителей

Второй том двухтомника «Бег времени», посвящённого 350-летию города Иркутска, призван отметить ещё одну юбилейную дату — 80-летие образования Иркутской писательской организации. Впервые поставлена цель охватить, и как можно полнее, имена тех наших земляков-литераторов, кто стал обладателем билета члена писательского союза.

Немного недавней истории.

После перемен, постигших страну в 1990-е годы, Союз писателей РСФСР (в составе Союза писателей СССР) распался на несколько союзов. Как и во многих других местах, в Иркутске вместо одной организации появилось две, а в 2000-е к ним прибавилась ещё одна. В итоге их стало три: это Иркутское региональное отделение Союза писателей России (правопреемник Иркутской организации Союза писателей РСФСР), Иркутское отделение Союза российских писателей, Иркутская областная писательская организация (в составе СП России). Все они представлены на страницах тома, имеющего подзаголовок «Автографы писателей».

Том поделен на две книги; первая отдана поэтам, вторая — прозаикам. Вместе они вмещают около двухсот имён.

Обзор восьми десятилетий потребовал обращения к литературным справочникам, архивным материалам и редким изданиям. Самое трудное ожидало составителей в периоде 1930-х годов. В то время первая самостоятельная организация — Восточно-Сибирская ассоциация пролетарских писателей (отделение Российской АПП) — согласно принятому курсу воспитания человека новой, социалистической, эпохи, провозгласила призыв в литературу представителей трудящихся масс. По всему Восточно-Сибирскому краю, на заводах, фабриках, шахтах, в колхозах и совхозах, были организованы литературные кружки, где могли проявиться литературные таланты из рабоче-крестьянской среды. Списки ассоциации росли и росли, имена появлялись и тут же исчезали — для большинства призванных литература не стала делом жизни. По этой причине оказалось невозможным чётко очертить круг имён той поры. Может быть, как раз массовость затенила кого-то из наиболее способных, не успевших громко заявить о себе в печати, и они не попали в поле зрения составителей.

Другая особенность другого времени.

С середины 1960-х по 1980-е годы уровень литературы в Приангарье настолько вырос, что Иркутская писательская организация стала одной из самых сильных в стране. Повысились и требования к мастерству желающих вступить в её ряды. За пределами союза остались те, кто развивался неспешно, но при этом добротнo и многие годы работал в литературе, не претендуя на писательский билет. Часть из них была принята позже, в 1990–2000-е годы.

Наше время, круто повернувшее в капитализм, так же круто изменило судьбу создателей литературы и искусства. Творческие союзы, имевшие особый статус в системе общественных организаций, утратили его. Труд писателя перестал считаться профессией и всё более лишился государственной поддержки. Во внутренней жизни союзов перемены выразились в смягчении условий приёма в организации, заинтересованные после разделения в росте своих рядов. Сказалось и закрытие государственных книжных издательств с их строгим подходом к рукописям, в то время как книга, кем бы она ни была издана, по-прежнему является главным основанием для вступления в союз. Таким образом, с одной стороны, значение писателя в новой России понизилось (надеюсь, временно), с другой — количество людей, ощущающих себя писателями, возросло.

Составители, взявшие на себя труд отбора произведений, осознают возможные неровности в развёрнутой картине. Утешает то, что в коротких текстах автографах отражена почти вековая история литературного процесса Приангарья, и она даёт почву для наблюдений, размышлений о путях слова, о путях страны. Ещё больше ободряет сам факт появления таких книг, понимание и поддержка, с которыми отнеслось правительство Иркутской области к идее выпуска литературно-справочного издания в год крупного юбилея нашего города. Ведь как бы ни менялись времена, неизменными остаются задачи писательских союзов: творческое содружество, воспитание молодых талантов, просветительская работа среди населения. Всё более очевидна сегодня и необходимость в усилении влияния писателей на состояние культуры своего Отечества.

А теперь несколько слов о первой книге тома «Автографы писателей».

Сборник выстроен хронологически и разбит по десятилетиям на три части: 1930–1950-е годы, 1960–1980-е и 1990–2000-е — в соответствии с поворотами российской истории и переменами в сознании людей. Такой принцип, как нам кажется, помогает воспроизвести коллективный портрет писательского сообщества Приангарья на фоне времени. Принадлежность к десятилетию зависит, как правило, от даты вступления в союз; однако не обошлось без исключений. Они сделаны для тех поэтов, чьё творчество достигло расцвета раньше или позже, чем был получен писательский билет, и потому они определены в один раздел со сверстниками по литературной стезе. В пограничных случаях вопрос решала дата вступления. Внутри разделов имена расставлены по алфавиту.

Непременно следует назвать тех, кто не включён в этот сборник — среди них немало известных или просто талантливых поэтов. Причина одна: они не входили в иркутские писательские организации. Одни уехали до основания самой первой из них, другие — до того как по-настоящему занялись творчеством, тре-

ты не успели вступить и уже ушли из жизни, кто-то просто отдалился от литературы.

Вот их имена, знакомые многим: Джек Алтаузен, Михаил Скуратов, Иосиф Уткин, Иван Черепанов, Моисей Рыбаков, Василий Фёдоров, Александр Гайдай, Ростислав Смирнов, Светлана Кузнецова, Иван Харабаров, Алла Стародубова, Владимир Березин, Пётр Прихожан, Валентин Уруков, Леонид Андреев, Георгий Кольцов, Владислав Пляскин, Николай Сиротенко, Сергей Швецов, Олег Портнягин, Леонид Сенченко, Вэлта Арясова, Георгий Бязырев, Лев Аврясов, Борис Ананьин, Маргарита Дюкова, Нина Сидорова и др. Всех охватить невозможно, ведь судьба поэта порой напоминает падающую звезду, на миг прочертившую небо, и память о таких судьбах хранится лишь в немногих сердцах, чутких к слову и оказавшихся рядом.

Хорошо помнятся и, возможно, ещё встретятся в печати стихи успешно начинавших в 1980-е годы Василия Хлыбова и Владимира Старшова; с той же поры любители верлибров следят за публикациями Александра Сокольниковца; разминувшись с местным отделением СП молодой поэт из Ангарска Василий Попов — он вступил в Союз писателей Москвы; в Черемхове давно и в разных литературных жанрах работает поэт Вадим Инешин, там же знают Татьяну Ковальскую, в Усолье-Сибирском — Валерия Туровца, в Ангарске — Ольгу Гизатулину, в Усть-Илимске — Михаила Рябикова, в Саянске — Надежду Антипкину, в Иркутске — Зою Горенко...

Не будем перечислять всех, кто сегодня увлечённо пишет стихи, занимается в литобъединениях своих городов и посёлков — лучше пожелаем им роста в мастерстве, признания читателей и уверенного вступления в творческий союз.

Приносим благодарность тем, кто помог в поисках текстов и сведений об авторах: сотрудникам Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского; Центральной городской библиотеки им. А. В. Потаниной; Научной библиотеки ИГУ; сотрудникам Государственного архива новейшей истории Иркутской области, а также членам Иркутского отделения Союза российских писателей Т. В. Андрейко, Л. И. Сухаревской, члену Иркутской областной писательской организации Л. В. Соболевской, иркутским редакторам Л. В. Иоффе и С. Н. Асламовой.

1930 – 1950-е годы

Александр Балин

* * *

Нелюдимо наше море...

Н. Языков

Куда бы гневно ни кидала
Меня нещадная судьба,
Душа в скитаниях не знала
Слепой покорности раба.
Несусь, мечтою увлечённый,
К желанным сердцу берегам
И, к бурям жизни приучённый,
Ладьёй проворной правлю сам.
И как ни страшен вид у моря,
Где волны пенятся, бурлят, —
Мой парус крепнет, с ветром споря,
И кормчий верный у руля.
Сегодня день воспоминаний.
Вас нет со мной, но с вами я...
Былых надежд, былых желаний
Воскресла дружная семья.

1919

Балин Александр Иванович, поэт (1890, Томск — 1937, репрессирован). Автор книг: *Берег* (Иркутск, 1934); *Возвращение* (Иркутск, 1966). Член Союза писателей СССР.

* * *

Порой случается — забытая любовь
Вдруг оживёт и сердце больно ранит,
И с укоризною знакомый образ встанет,
И всё минувшее воскреснет вновь.

И грустью светлую наполнится душа.
Залог бессмертия таит воспоминанье.
Мечта любовная, о как ты хороша
В осеннем блеске увяданья.

1919

Полные вёдра

А. Пиотровскому

Я не люблю встречать пустые вёдра,
Тоской души их наполняю я,
Зато шагаю весело и бодро,
когда полны и плещутся края...

Когда два полные ведра на коромысле,
Склонённые, дрожат движеньям в лад,
Удачу вижу в них, и радостные мысли,
Нахлынув вдруг, мне сердце веселят.

1920

Осеннее вино

Осеннее вино струится на полянах,
В сентябрьском воздухе — осеннее вино...
И древний мир горит цветущим станом.
И сердце вновь опьянено...
Осенний серп, листок полей летучий,
Что столько лет на землю упал,

Над пылью золотой и на отвесной круче —
Сквозных ветвей вскипающий закал...
Внезапный вихрь —
 суровых дней предвестник, —
Сметающий лесных пожаров гарь,
И в звонкой тишине — родные песни,
Пропетые заботой встарь...
Всё тот же сон земли преображённой.
Из года в год незримой цепи лет,
И осени плоды снимают неуклонно
С немых полей и пахарь, и поэт.

1921

* * *

Немая музыка полей —
Песнь нестареющей природы.
Её напевы нам милей
Всех экзотических мелодий.

Искать в цветах созвучья слов,
Внимать пророчеству кукушки
Ты в сень прохладную лесов
Входи, как вдохновенный Пушкин.

Народной правде послужи,
Пройдя неузнанным в народе.
И, непричастный шумной моде,
Простую песенку сложи.

1928

* * *

Тропою будущих дорог
Иди вперёд зимой и летом,
И песню звонкую поэта

Не заглушит мятежный рог.
В пути, размытом непогодой,
Деля опасность под огнём, —
Будь ночью звёздным небосводом
И не ропщи ненастным днём.
Познай в минуты откровенья
Единство в строе мировом.
В годину грозного смятенья
Не оставляй свой отчий дом.
В борьбе неравной год за годом
Звездой немеркнувшей гори,
И заодно с родным народом
Ты победи — или умри!

1929

Воспоминание

В закатном пламени соседнего окна,
Струистым вечером за сумрачной оградой,
Неизъяснимой, скорбною отрадой
Сойдёт воспоминанье к нам...
И тени робкие на миг виденьем станут,
На миг волнующий разворошив года,
Картины зыбкие, что вновь в забвенье канут...
Иные улицы, иные города...
Друзей и недругов живая вереница,
Сверкнувшей молнией — забытый разговор,
На миг единственный мелькнул родные лица,
В нас заронив немой укор...
Но гаснет вечера последний отблеск алый...
В оцепененье от земного сна,
Мы с грустью странною уже глядим устало
На потухающий отлив окна.

1931

Юность

Я не умею старым быть,
Друзья, ведь юность нам сподручней.
Весенний ливень полюбить,
Тропу, что в горы вьётся круче...

Кто раз над бездною висел,
Кто мерил мыслью омут вешний, —
Земные радости в удел
И нестареющие песни...

Пусть непрерывных дней поток
Не надрывает жизни рвений.
Средь молний сорванный цветок
В грозе весенних откровений.

Иду дорогою земной —
С весенней песней неразлучный,
И юность следует за мной
От взоров старости докучной...

Возвращение

Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...
А. С. Пушкин

Здравствуй, море! Долго ль ждало
Возвращенья моего...
Сколько лет в волнах промчалось,
Белой пеною качалось,
В бурю ветром унесло...

Первозданная стихия,
Вновь волнуясь предо мной,
Ты в просторы разливные
Катишь волны голубые,
Блещешь гордою красой...

Помнишь, море, боль и злобу
Я тушил в твоих волнах?
Много вспомнить ты могло бы.
Мы теперь свободны оба
Наяву и в снах...

Не с унынием, не в горе, —
Вновь, как в юности моей,
Я пришёл к тебе, о море,
С верой дерзкою во взоре —
Встретить радость бурных дней...

Так же в струях быстротечных,
В переливах бесконечных —
Дни несутся чередой...
Тот же моря ропот вечный, —
Волн бунтующий прибой...

Во славу песни

...Горит кристалл сияньем ровным,
С воскрылий пламенных опавший уголёк —
Горений будущих залог...
Удачу терпеливо ждать,
Довольствоваться ролью скромной, —
Во славу песни жизнь отдать, —
И солнце не затмит с приходом дня
Сиянья Прометеева огня.

Отрадной мастеру бесславно умереть,
Чем равнодушно издали смотреть
На унижение павшего из стаи
Пернатых песен юного птенца...
Не выдержать позора до конца,
Когда на горло песне наступают,
А песнь летит, — не смолкла, не поблекла.
Как Феникс выпорхнет из пепла...

И вновь Орфей в скитанья вовлечён,
И в звёзды, и в цветы влюблён.

Поэту вновь — признание и почёт,
Но мирный труд уединенья
Он бурной славе предпочтёт.
Среди достойных почести имён
Он выйдет не спеша на суд времён,
Спасая песню от забвенья.

Песнь о весёлом стихолове

Взвалив мешок созревших слов
На плечи трудодня,
Не раз весёлый стихолов
Срывался с рифм до дна.

Над ним смеялись от души
Созвездья неспроста, —
Хотел он звёзды потушить,
На лунный серп привстав...

Трель соловьиная в кустах,
Двойных видений сон...
Ещё не замерли уста —
Стозвучный ветра стон.

С любимой сказкою вольней
На озере мечты, —
Взглянуть в глаза живой волне,
Морщинок рябь снести...

Сломать запретную печать,
Купаться в трёх морях
И сказкой песню увенчать,
Пока горит заря...

И никогда не изойдёт
По каплям песен кровь,
И сердце смертное поёт
Бессмертную любовь.

Камни поют

А. М. Горькому

Я камень древний у дороги,
Седых времён застывший вал...
Лишь ветер, странник мира строгий,
Мне песни воли напевал.

И я мечтал, как в заточенье,
Я жил средь тёмных непогод
И ждал, что мира возрождение
Расплавит первозданный гнёт.

Во мгле таился скрытый пламень,
Закрепощённый навсегда,
Я знал, что под лежащий камень
Ко мне не потечёт вода.

Средь зорек утренних, вечерних
Горит тоски моей роса.
Мне снилось эхо песен древних —
От взоров скрытая краса.

И сердцу каменному странно
Биенье пульса отмечать,
В ночи иль на рассвете рано,
В сиянье звёздного меча...

Но и в моём долготерпенье
Из груди прошлого — золы —
Во мраке вдруг раздалось пенье
Моей праматери-скалы.

А люди подымали взоры:
Откуда песня и куда?
То пели камни на просторе...
...Немой несметные года
И бор шумел, и пели горы...

Апрель 1937

Елена Жилкина

Исток

Не отвергаю и не забываю.
Воспоминанья не зарыть в золе.
Как позывными, часто окликаю,
зову то место лучшим на земле.

Леса стоят у отчего порога,
я слышу их баюкающий гул.
Сухая каменистая дорога
уходит в горы, где цветёт багул.

Ах, как здесь пахнет в середине лета!
Я опускаюсь в разноцветье трав.
Я берегом иду, а он — из ветра,
из хмурого волненья переправ.

Над марью распростёртого Байкала
в задумчивости брошено весло,
здесь на закате розовые скалы
хранят, как люди, для меня тепло.

Весь этот мир,
чистейший,
мудрый,
строгий,
зову своим истоком потому,
что если по реке плыву широкой,
то, верно, я обязана ему.

Давно он в дымке лет и лихолетий
живёт незамутнённым, мой исток,

Жилкина Елена Викторовна, поэтесса (1902, пос. Листвянка Иркутской обл. — 1997, Москва). Автор многих книг, в т. ч.: *Верность* (Улан-Удэ, 1943); *Сердце не забывает* (Иркутск, 1958); *Сентябрь* (1966); *Родные ветры* (Иркутск, 1972: *Сибирская лира*); *Пора листопада* (М., 1976); *Земные дни* (Иркутск, 1982); *Заморозки* (М., 1986); *Бесконечная даль* (Иркутск, 2004) и др. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

во мне его биенье слышно где-то,
он возле сердца самого пролёт.

Нам не дожидаться тихого причала,
нам памяти не разомкнуть кольца...
всё видится далёкое начало,
и нет ему конца.

* * *

Суровое родное Приангарье,
Опаловые дымчатые дали,
Запахнет ветер вдруг таёжной гарью,
Рыбачья лодка бьётся на причале.

Упрямей камня и синее льда
Холодная гремучая вода.

Скупым огнём окрашивая запад,
Горит заря за рощицей еловой,
И, вспыхивая нежностью внезапной,
По берегам цветёт багул лиловый.

Его весной всегда приносишь ты
В подарок мне — сибирские цветы.

Блестя спиной чешуйчатой и новой,
Плот величаво проплывает мимо...
Дымок из трубки, песня рулевого,
Вода и воздух — всё неповторимо.

Кипит, шумит, пленительно дика,
Прозрачная, алмазная река.

* * *

Не дом с резным, диковинным навесом,
Не это — удивление моё,

А белое, в снегу, с дымком над лесом,
Затерянное в мире зимовьё.

Благодарю его за отданные крохи
Печного немудрящего тепла,
За шорохи, похожие на вздохи,
Которые услышать я могла

За глухотой тайги, нависшей надо мною,
В беззвёздной, настороженной ночи...
Там рыскала позёмка за стеною
Да в снег роняли иглы пихтачи.

Не угасая, светится оконце,
В нём уместилась сказка о добре.
Здесь хорошо мечтается о солнце
В неистово морозном январе.

Не миновать в лесу тропы случайной,
Но долго-долго будет звать меня
То зимовьё, где мужество молчанья
И бескорыстье нежного огня.

* * *

Проходят мимо поезда,
и вслед за ними сердце мчится —
недаром по ночам мне снится
Байкала синяя вода...

Летит по небу самолёт,
зовёт в немыслимые дали...
Вы, может быть, не всё видали,
что там в краю моём живёт?

А там всегда в начале лета
рассыпаны в тайге жарки,
и на удачу рыбаки
там ставят сети до рассвета.

Течёт в сиянии река
через года, сквозь дымку вёсен,
она — во мне
от всхлипа вёсел
до пароходного гудка...
Там, в затихающих потёмках,
стук деревянных пристаней.
Я слышу музыку над ней —
Сибирских лаек голос тонкий.

Горят костры на берегу,
кто их зажжёт июльской ночью?
Кому в неведение помочь я
теперь, наверно, не могу.

О, эту близость расстояний
преодолеть я не вольна.
Тоски вздымается волна,
несёт меня воспоминанье.

И то, что сказано давно,
должно когда-то повториться.
К ветрам тем, берегам, к тем птицам
обращено моё окно.

Новый тракт

Здесь, корневища побросав седые,
попятилась испуганно тайга...
Лежат откосы в желтоватом дыме,
и до чащобы только два шага.

И шум её несётся мимо, мимо...
Мы ловим эхо, слышное едва.
А тракт летит назад не удержи́мо,
слепит глаза — асфальта синева.

И снова даль открыта перед нами.
Грозит тайга: «Вам дальше не пройти»,

Но вот блеснул добротными домами
посёлок лесорубов на пути.

И будто здесь опять всему начало,
когда, стремительно сменив тепло,
прохлада, прилетевшая с Байкала,
о ветровое стукнется стекло.

Остались далеко желтеющие крыши,
гремит мотор,
чем тяжелей, тем злей...
Подъём, подъём.
Но чем взлетаем выше,
тем новый тракт
становится светлей.

* * *

Почему оно уйти не может —
дверь открою,
распахну окно,
наяву и в снах
меня тревожит,
в непогоду мучает оно?

...Берег и сейчас мной не забытый,
брошенные наземь якоря...
День как день,
ничем не знаменитый.
Выпал снег. Начало октября.
Парохода маленького остов
в снежных пятнах стынет у горы,
холодом пронизанный мой остров,
живший у истоков Ангары.

Белое предзимье за стеною.
Печь топлю.
Мне зябко и теперь...
А была она тогда одною,
Лишь одною из моих потерь.

Времени, несущегося ветром,
не уносит день тот никуда,
всё стоит меж заберегов светлых
тёмная-претёмная вода.

И летит через года тот камень,
далеко закинутый с руки...

Может, и печаль когда-то канет,
и исчезнут на воде круги.

* * *

Улетают птицы, улетают,
возвращения скорого не жди.
Вот уже не видно их, растаяли...
Осень. Начинаются дожди.

Нежность солнца, небо голубое.
Кажется, всю теплоту земли
эти птицы взяли и с собою
нынче утром ранним унесли.

Я стою. И вслед смотрю им грустно
на пороге чуть озябших дней.
Птицы улетают. Стало пусто.
Стало пусто в горнице моей.

* * *

Едва коснувшись моего порога,
ты улетаешь за Полярный круг.

Я на твоих несчитанных дорогах
не обозначаю станцию разлук.

Не буду говорить о новой встрече
и ничего на память не возьму.

Я руки положу тебе на плечи,
по-женски на прощанье обниму.

Я за тобою не закрою двери
и не усядусь грустно у огня.

Неизмеримо больше, чем потери,
Всё то, что остаётся у меня.

Парус

Что ищет он в стране далёкой,
Что кинул он в краю родном?
М. Лермонтов

За ним приморским прошлым летом
с тревогою следила я:
он возникал в тумане где-то,
как будто из небытия.

И шёл, меняя очертанья
и разрывая сердце мне,
как горькое напоминанье
о дальней-дальней стороне.

Потом он падал лёгкой тенью
вдали, у моря на краю,
оставив мне своё смятенье
и вечную тоску свою.

Он уходил. Крыло касалось
волны нездешне-голубой...
И всё казалось, всё казалось —
и день другой,
и век другой.

Птенец

Тане

Гроза вставала, как в бою — открыто,
шла и шумела проливным дождём,

не обойдя берёзками укрытый
среди ветвей весёлый птичий дом.
Дрожала мокрая испуганная роща.
И только он, птенец, не оробел,
чуть огляделся, хохолок топорща,
и, вдруг с гнезда сорвавшись, полетел.
Туда, где тучи горизонт закрыли,
чертила огненная молния черту,
несли птенца взъерошенные крылья,
окрепшие внезапно на лету.
А ветер гнал его вперёд отчаянно,
он задыхался, трепетал в борьбе...
Я вспомнила всё это не случайно,
я вспомнила с тревогой о тебе.
Приходит час — нам кров отцовский душен.
как тот птенец в берёзовом лесу,
так ты ушла, впервые не послушав
моих советов — не ходить в грозу.

Но вот не слышно громовых раскатов,
сияет солнце, высохла трава...

Я, может быть, немного виновата,
и, как всегда, ты, молодость, права.

Байкальская осень

Ошеломит, закружит, уведёт
в мерцающие тайны листопада,
у ног лисицей рыжей проползёт,
погонит туч оранжевое стадо.

Деревьям разматает жёлтый шарф,
плеснёт на горы чем-то ярко-красным...
меня не отпускают ни на шаг
байкальской осени немыслимые краски.

Всё гуще синева, всё жёстче ветер в море,
и дальний берег дальше с каждым днём,

но всё равно над деревянным молотом
горит маяк спасительным огнём.

Сквозь пламя сентября, сквозь тишину
с вершин сорвутся холода раскаты,
и закачает белую волну,
всё свирепея, баргузин косматый.

В глаза осени вглядываюсь пристально...
а пароходный дым, тепла не сохранив,
коснётся губ моих...

Стою на пристани
я,
на перила
руки уронив.

* * *

Валентину Распутину

Им не досталось слов стоустых,
Они неизвестны для молвы.
Лежат деревни среднерусские
В ста километрах от Москвы.

Мы знаем: здесь война проухала
Недавно будто и давно...
Живёт она, деревня Глухово,
А рядом с ней Вертошино.

Живут они, как сёстры близкие,
С одною общею судьбой.
А между ними обелиски
С солдатской алою звездой.

И в День Победы, той порою,
Когда заголубеет даль,
Идут сюда одной тропой,
Несут в себе одну печаль.

Над головами где-то в небе
Неистово кричат скворцы,
И весть о том, что смерти нету,
Разносится во все концы.

* * *

Я иду одна по городу
белым-белым зимним днём,
и меня встречают голуби,
поселившиеся в нём.

По асфальту ходят стаями...
И покажется им вдруг,
что уже снега растаяли,
потеплело всё вокруг.

Нет. Пускай не обижаются,
далеко ещё весна...
Просто в окнах отражается
крыльев их голубизна.

Но не верят птицы гордые:
говорят наперебой...
...Я иду одна по городу,
а мне кажется — с тобой.

* * *

Торчат у берега торосы
И светят голубым огнём.

Как пахнет брошенным с мороза,
В избе истаявшим бельём.

Январь.
Приметы неплохие —

День прибывает. Благодать.
Но так колюч байкальский хиус,
Что на ногах не устоять.

Стучит по ставням то и дело,
Гуляет по дорогам он,
Свирепой стужей с дымом белым
Мой дом надёжно окружён.

Земля отцов, ты дорога мне,
Где б ни жила — к тебе тянусь,
И зимы с долгими снегами,
Как песню, знаю наизусть.

* * *

Мне досталось немного,
груз взяла по плечу —
никакого итога
подводить не хочу.
Не забуду лихого
у прошедших годов,
не запомню плохого
у друзей.
у врагов.
Колесила по свету,
знала горечь и грусть,
никого я за это
винить не берусь.

Ничего лучше не было
троп, что дальше вели,
чем свидания с небом
и дыханья земли.

Без сердечности близкой
мне не вспомнить и дня...
Значит, кланяюсь низко
всем, любившим меня.

Юрий Левитанский

Кое-что о моей внешности

Я был в юности — вылитый Лермонтов.
Видно, так на него походил,
что кричали мне — Лермонтов! Лермонтов! —
на дорогах, где я проходил.

Я был в том же, что Лермонтов, чине.
Я усы отрастил на войне.
Вероятно, по этой причине
было сходство заметно вдвойне.

Долго гнался за мной этот возглас.
Но, на некий взойдя перевал,
перешёл я из возраста в возраст,
возраст лермонтовский миновал.

Я старел,
я толстел,
и с годами
начинали друзья находить,
что я стал походить на Бальзака,
на Флобера я стал походить.

Хоть и льстила мне видимость эта,
но в моих уже зрелых летах
понимал я, что сущность предмета
может с внешностью быть не в ладах.

Левитанский Юрий Давидович, поэт (1922, Козелец Черниговской губ., Украина — 1996). Автор многих книг, в т. ч.: *Солдатская дорога* (Иркутск, 1948); *Встреча с Москвой* (Иркутск, 1949); *Наши дни* (М., 1952); *Листья летят* (Иркутск, 1956); *Стороны света* (М., 1959); *Течение лет* (Иркутск, 1969; *Сибирская лира*); *Кинематограф* (М., 1970); *Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом* (М., 1981); *Избранное* (М., 1982); *Когда-нибудь после меня* (М., 1998); *Чёрно-белое кино* (М., 2005) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР. Член Иркутской организации Союза писателей СССР в 1950-е гг.

И тщеславья — древнейшей религии — я поклонником не был, увы.
Так что близкое сходство с великими не вскружило моей головы.

Но как горькая память о юности,
о друзьях, о любви, о войне,
всё звучит это — Лермонтов! Лермонтов! —
где-то в самой моей глубине.

Квадратный человек

Как полуночный вздор,
 как на голову снег —
мой грозный командор,
 мой чёрный человек —
как поздний вестовой
 по гулкой мостовой —
квадратный человек
 с квадратной головой.
Квадратное лицо.

Квадратные очки.
Квадратные глаза.
Квадратные зрачки.

И челюсти во рту
 гремят, как жернова,
когда он говорит
 квадратные слова.

Квадратный человек,
сам чёрт ему не брат.

В саду его растёт
квадратный виноград.

И явственно видна,
пока он говорит,
квадратная луна
в глазах его горит.

О, этот человек,
он выпрямить готов
округлости полей,
округлости прудов,

и возвести в квадрат —
 и возвести стократ —
квадрат своих затрат,
 квадрат своих оград.
Квадратный человек,
 мой грозный командор,
мой прошлогодний снег,
 мой полуночный вздор,
Нелепое звено
 из рода небылиц, —
и всё-таки одно
 из действующих лиц.
И по спине сквозит
 нездешним холодком,
когда он мне грозит
 квадратным кулаком.

* * *

Сколько нежных слов я не сказал,
сколько их ненужных обронил.
Сколько я стихов не написал,
сколько их до срока схоронил.

Посреди нехоженной травы,
в чаще лебеды и лопухов,
шапку сняв с повинной головы,
прохожу по кладбищу стихов.

Ни крестов, ни траурных знамён
в этом темном месте и глухом.
Звёздочки стоят вместо имён
по три, по три, по три над стихом.

Голова повинная, молчу.
Вглядываюсь вдаль из-под руки.
Ставлю запоздалую свечу
возле недописанной строки.

Тихий свет над чёрною травой.
 Полночь неподвижна и тиха.
 Кланяюсь повинной головой
 праху неизвестного стиха.

Жизнь моя — кинематограф

Это город. Ещё рано. Полусумрак, полусвет.
 А потом на крышах солнце, а на стенах — ещё нет.
 А потом в стене внезапно загорается окно.
 Возникает звук рояля. Начинается кино.
 И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
 Ах, механик, ради Бога, что ты делаешь со мной!
 Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
 Заставляет меня плакать и смеяться два часа,
 Быть участником событий, пить, любить, идти на дно...
 Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!
 Кем написан был сценарий? Что за странный фантазёр
 Этот равно гениальный и безумный режиссёр?
 Как свободно он монтирует различные куски
 Ликованья и отчаянья, веселья и тоски!
 А потом придут оттенки, а потом полутона,
 То уменье, та свобода, что лишь зрелостью дана.
 А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
 Детством, первыми шагами тех, что будут после нас
 Жить, участвовать в событиях, пить, любить, идти на дно...
 Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!
 Но в великой этой драме я со всеми наравне
 Тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся мне.
 Даже если где-то с краю перед камерой стою,
 Даже тем, что не играю, я играю роль свою.
 Всё проходит в этом мире, снег сменяется дождём,
 Всё проходит, всё проходит, мы пришли, и мы уйдём.
 Всё приходит и уходит в никуда из ничего.
 Всё проходит, но бесследно не проходит ничего,
 Потому что в этой драме, будь ты шут или король,
 Дважды роли не играют, только раз играют роль.
 И над собственной ролью плачу я и хохочу,
 По возможности достойно доиграть своё хочу, —

Ведь не мелкою монетой — жизнью собственной плачу
И за то, что горько плачу, и за то, что хохочу.
О, как трудно, как прекрасно пить, любить, идти на дно.
Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!

* * *

Я медленно учился жить,
ученье трудно мне давалось.
К тому же часто удавалось
урок на после отложить.

Полжизни я учился жить,
и мне за леность доставалось —
но ведь полжизни оставалось,
я полагал,
куда спешить!

Я невнимателен бывал —
то забывал семь раз отмерить,
то забывал слезам не верить,
урок мне данный забывал.

И всё же я учился жить.
Отличник — нет, не получился.
Зато терпенью научился,
уменью жить и не тужить.

Я поздно научился жить.
С былою ленью разлучился.
Да правда ли,
что научился,
как надо, научился жить?

И сам плечами лишь пожмёшь,
когда с утра забудешь снова:
не выкинуть из песни слова
и что посеешь, то пожнёшь.

И снова, снова к тем азам,
в бумагу с головой заройся.
— Сезам, — я говорю, — откройся!
Не отворяется Сезам.

* * *

Б. Слуцкому

Окрестности, пригород — как этот город зовётся?
И дальше уедем, и пыль за спиною завьётся.

И что-то нас гонит всё дальше, как страх или голод, —
окрестности, пригород, город — как звать этот город?

Чего мы тут ищем? У нас опускаются руки.
Нельзя возвращаться, нельзя возвращаться на круги.

Зачем нам тот город, встающий за клубами пыли, —
тот город, те годы, в которых мы молоды были?

Над этой дорогой трубили походные трубы.
К небритым щекам прикасались горячие губы.

Те губы остыли, те трубы давно оттрубили.
Зачем нам те годы, в которых мы молоды были?

Но снова душа захолонет и сердце забьётся —
вон купол и звонница — как эта площадь зовётся?

Вон церковь, и площадь, и улочка — это не та ли?
Не эти ли клёны над нами тогда облетали?

Но сад затерялся среди колоколен и башен.
Но дом перестроен, но старый фасад перекрашен.

Но тех уже нет, а иных мы и сами забыли,
лишь память клубится над ними, как облачко пыли.

Зачем же мы рвёмся сюда, как паломники в Мекку?
Зачем мы пытаемся дважды войти в эту реку?

Мы с прошлым простились, и незачем дважды прощаться.
Нельзя возвращаться на круги, нельзя возвращаться.

Но что-то нас гонит всё дальше, как страх или голод, —
окрестности, пригород, город — как звать этот город?

Диалог у новогодней ёлки

— Что происходит на свете? — А просто зима.
— Просто зима, полагаете вы? — Полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
в ваши уснувшие ранней порою дома.

— Что же за всем этим будет? — А будет январь.
— Будет январь, вы считаете? — Да, я считаю.
Я ведь давно эту белую книгу читаю,
этот, с картинками выюги, старинный букварь.

— Чем же всё это окончится? — Будет апрель.
— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.
Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
будто бы в роще сегодня звенела свирель.

— Что же из этого следует? — Следует жить,
шить сарафаны и лёгкие платья из ситца.
— Вы полагаете, всё это будет носиться?
— Я полагаю, что всё это следует шить.

— Следует шить, ибо сколько выюг ни кружить,
недолговечны её кабала и опала.
— Так разрешите же в честь новогоднего бала
руку на танец, сударыня, вам предложить!

— Месяц — серебряный шар со свечою внутри,
и карнавальные маски — по кругу, по кругу!
— Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
и — раз-два-три,
 раз-два-три,
 раз-два-три,
 раз-два-три!..

Зачем дураку море

Подарили дураку море.
Он потрогал его. Пощупал.

Обмакнул и лизнул палец.
Был солёным и горьким палец.

Тогда в море дурак плюнул.
Близко плюнул. Подальше плюнул.

Плевать в море всем интересно.
Дураку это даже лестно.

Но устал он. И скучно стало.
Сел дурак на песок устало.

Повернулся спиной к прибою.
Стал в лото играть. Сам с собою.

То выигрывает, то проигрывает.
На губной гармошке поигрывает.

Проиграет дурак море!..
А зачем дураку море?

Зимний пейзаж

Д. Самойлову

Пока я спал, за окнами мело.
И вот пейзаж зимы.
Белым-бело.
Белы кусты, дорога и забор.
И белый бор торжествен, как собор.
И Жучка у колодца вся бела,
хоть накануне белой не была.
Но вдруг над белым-белым — голубой.

И это отдаленное пространство
прозрачно,
 как намек на постоянство
и на умение быть самим собой.
А к ночи всё становится синей:
и бор, и пар, летящий из сеней,
и след саней,
 и Жучка —
 и за ней
я тоже замечаю эту склонность.

А небо стало пепельно-стальным,
с пейзажем не сливаясь остальным.
И это — как намёк на убежденность,
что гнаться, мол, за модой
 ни к чему.

Трава

Марине

Всему свой срок. Сейчас пора травы.
Она легко пробилась между строк,
и, маленькая, ты по ней идёшь,
не замечая, как она густа.
Ты тоже между строк в моих стихах.
Ты тоже как травинка.
 Можешь лечь
на белом поле этого листа
и не привлечь внимания моего.
А я вверху.
 Я где-то там. Где Бог.
Что я могу?
 Что сделать для тебя?
Карандашом я обвожу кружок.
Вот это твой лужок.
 А дальше снег.
А дальше поле.
 Белые листы.

И белые кусты.

И слабый след
неровной строчки белого стиха.
А ты тиха.

Тебя пугает снег.
Им окружён твой маленький лужок,
и ты боишься выйти из него.
А ты не бойся.

Ты моя трава.
Ты всё равно пробьёшься между строк,
заполнив эти белые листы.
А до того — белы они.

Пусты.
Пока ты не пробьёшься между строк.

* * *

Разлюбили. Забыли.
Так однажды забыли,
будто двери забили
и все окна забили.
В заколоченном доме моём
не светает.
Только слышу,
как с крыши
сосулька слетает.
Кто-то мимо проходит.
Кого-то зовут.
В заколоченном доме моём
только звуки живут.
Только звуки приходят ко мне
и гостят у меня.
Звуки ваших часов.
Звуки вашего дня.
Вот я слышу,
как вы зажигаете свет
через тысячу стен от меня.
Ваше платье упало на стул.
Это вы раздеваетесь.

Вы гребёнкою чешете волосы.
 Это гроза.
Через тысячу стен этих
 слышу,
 как вы раздеваетесь,
как вы дышите,
 как закрываются ваши глаза,
как становится тихо потом,
 а потом, погода...
Белый звук снегопада.
 Зелёные звуки дождя.

Иннокентий Луговской

Слово к Байкалу

Необычайно нежно любя,
Оговорили поэты тебя:

Седой...
Седеющий...
Поседевший...
Ты слышал в стихах этот свист надоевший?
А может быть,
 с берегом в вечной борьбе
Седеешь не ты, а стихи о тебе?

Тебя величали бездумно и щедро:
Загадочный!
Грозный!
Бушуешь от ветра!
А может быть, выведав тайны пучин,
Сказать бы, что нет ничего без причин?

Тебя утешали в строфе простодушной:
Забудь, мол, о дочке своей непослушной...
И, может быть, в песне замолвить пора,
Что стала послушной твоя Ангара?

Мы всё сидеем. Становимся строже.
А ты всё моложе.
А ты всё моложе!

Луговской Иннокентий Степанович, поэт, переводчик (1904, с. Турга Оловянинского р-на Читинской обл. — 1982, Иркутск). Автор многих книг, в т. ч.: *Просека* (Иркутск, 1934); *Россыти* (Иркутск, 1937); *Из полевой сумки* (Иркутск, 1942); *Край любимый* (Иркутск, 1951); *Кто разбил лёд*: стихи для детей (М., 1952); *Незабываемое* (Чита, 1958); *Сибирские стихи* (М., 1959); *Избранные стихи* (Новосибирск, 1965); *Тайга зовёт* (Иркутск, 1971; *Сибирская лира*); *Эхо* (Иркутск, 1981) и др. Член Союза писателей СССР.

И в снег твоих горных вершин влюблена,
Взлетает, как юность, шальная волна.

И верь:
Под твоим полусказочным светом
Будет смешно и неловко поэтам,
Правду превыше всего любя,
Седым называть молодого тебя!

* * *

Лишь ветер ударит о скалы,
О бронзу столетней сосны —
Морщинистый лоб Байкала
Тревожат далёкие сны.

Старик!
Он становится злее
И глухо рыдает всю ночь
О том, что ушла к Енисею
Его непослушная дочь.

О том, что разбиты о скалы
Судьбины бездомных людей,
Где люди легли, словно шпалы,
Под рельсы сибирских путей.

О том, что, кляня неудачу,
Беглец обрывал свой побег
И, насмерть прикованный к тачке,
Смерти просил человек...

Зарю поднимает, как знамя,
Высокий лиловый пик,
И меркнет бездонная память,
И сны забывает старик.

Он знает, что всё миновало,
Ушло в вековую тьму.

А солнце торжественно встало,
И рады матросы ему.

И рады, и песни слагают,
по-старому песни любя.
И в песнях навек прославляют
Его — старика — и себя...

Услышит — и сердце забьётся,
И вновь молодеет Байкал,
И зычно скликает боцман
Команду свою на аврал.

Взлетает над гребнями вала
Пена, как птичье перо.
Забудь обо всём, что бывало —
Ухо держи востро!

Так бейте же, брызги, картечью,
Чтоб руки в морозном огне
Вели пароходы навстречу
Зелёной от злости — волне.

Чтоб разлетался в клочья
И молнией вился флаг
Над морем,
Где плыл в омулёвой бочке
К далёкой свободе варнак!

Кедры над Леной

Над белой бездной в каменном краю,
Невозмутимы, кряжисты, усаты,
Стоят они, как старые солдаты,
В несокрушимом сомкнутом строю.

Над ними вьюга воет волчьей глоткой,
Их раздирает стужа, ослепляет муть.

И ветер бьёт по ним прямой наводкой,
Стараясь в три погибели согнуть.

Их засыпает снегом метр за метром,
Их обжигает ледяной огонь,
А им не страшно: крикают под ветром
Да бьют ладонью хвойной о ладонь...

Ушла под лёд от смертной стужи Лена.
Они ж стоят, спокойны и крепки...
.....

Так под Москвой в сугробах по колено
Стояли, смерть поправ, сибиряки!

Как быть?

Как цветок степной, цветёт Дулма.
По Дулме давно схожу с ума.
И никак, никак не разгадаю:
Зря или не зря по ней страдаю?

Быть погоде ясной иль ненастью?
Буду я счастливым иль не буду?
Говорят, посуда бьётся к счастью?
Может, перебить мне всю посуду?!

Волк

Он подходил сегодня к зимовью
И долго жалобу тянул из пасти —
На самодурство забайкальских вьюг,
На гиблое осеннее ненастье.

Степная ночь, как чёрная вода,
Лилась по снегу, по звериной туше.
И в тундре неба звёздные стада
Дрожали молча на ветру и стуже...

Он тёплой крови требовал себе
Неистово, нахально, очумело.
Но вьюга на пронзительной трубе
Ему в ответ насмешливо свистела.

Тогда зелёный сумасшедший глаз
Настиг в дворах курчавого барана.
Но чёрный столб шагнул из-за угла,
И заспанно прокашляла бердана.

И он ушёл в курганы, скрючив хвост,
Ввалив глаза в щетинистые гнёзда,
И дикий вой поднял до самых звёзд,
Как будто бы хотел пожаловаться звёздам!

Зимним утром

Петух проспал. Былая меркнет слава
Первейшего в деревне раностава:
Опять сегодня радиоволна
Внезапно разбудила певуна.

Взмахнув крылом растерянно и наспех,
Он всё же спел колхозным курам на смех.

И враз по избам полыхнули печи.
И по привычке старой, фронтовой,
Кузнец на ладно скроенные плечи
Плеснул воды сердитой, снеговой.

Пузатые распиты самовары.
Повёл движок свой бесконечный счёт.
Заполнились пахучие амбары
Гуденьем ветра, шелестом решёт.

И, словно осы, пилы прожужжали,
И было видно, как на диск пилы,
Раздваиваясь, брёвна набежали
В пурге опилок, в запахе смолы.

И, сбросив куртки, молодые парни
С неистоимой шуткой на губах
Взялись за сруб для будущей овчарни,
Да так, что пар поднялся от рубах.

А в кузне ухнул молодецки молот
И разлетелись стаи алых стрел...

И всем казалось: злой февральский холод
Как будто бы — немного подобрел.

И отступил на горный кряж высокий,
Где встали сосны твёрдо на постой
И где рассвет — спокойный и широкий —
Гасил звезду ночную за звездой.

В дни листопада

Распахнула двери — рассказала,
Что в тайге тревога и разлад,
Что прошёл по берегу Байкала
Рыжий, как лисица, листопад.

Что среди ущелий ветер мечет
Скирды туч, косматых и глухих,
И грачи слетаются на вече
Погадать, что ожидает их.

От тебя ли, друг мой, от тебя ли
Мне ещё услышать довелось,
Мол, с листвою, что ветры оборвали
Что-то и в душе оборвалось?

Друг мой юный! Это верно, верно.
Если ветры свищут, как хлысты,
Мы и впрямь немножко суеверно
Топчем облетевшие листья.

В листопаде есть свои печали.
Но с тобой поспорить я берусь:

Двадцать листопадов за плечами —
Разве груз? И это разве грусть?

Заревая тишина

Чуть светает. В мёртвой хватке сна
Озеро утиное не дышит.
Небосклон пурпурной ниткой вышит.
Тишина... Такая тишина...

Холодна осока. Клонит дрёма.
Но, дыханьем согревая ил,
Ожидаю, как удара грома,
Еле уловимый шелест крыл.

Тише, пёс! В осоку прикорни:
Гонят волны, кажется, они...

Впереди всех уток, впереди,
Голову откинув горделиво,
Селезень выносит из залива
Розовую зорьку на груди.

Вот скрылся с грудью заревою,
Вот он скрылся за густой травой:
С белого атласного крыла
Чёрный глаз дробовка отвела!

Я лежу. Шумит камыш высокий,
Я назад растерянно смотрю:
Две звезды сияют из осоки —
Это пёс мой смотрит на зарю.

Ждёт Фингал,
но не гремит централка.
Ждёт, с укором смотрит на стрелка...
Ах, Фингалка, славный мой Фингалка,
Ну не выстрелил...
Не мог пока...

Разведём костёр. Приляжем на росу.
Поровну разделим колбасу.

Что ж, и без трофея хороши
Заревые эти камыши,
И костёр, звёзды, и она —
Тишина. Такая тишина!

Иван Молчанов-Сибирский

Я бы рад

Я бы рад полюбить горячо,
Да скучны будут страсти страницы.
Потому-то я их не прочёл,
Не прошёл сокровенной границы.

А теперь в сердце зреет печаль...
Вспоминаю последнюю встречу...
Мне любви неизлюбленной жаль
И проколотый звёздами вечер.

1923

* * *

Серый, серый гаснет вечер,
Запотело окна плачут.
И висят скупые речи:
Как нам быть? Иль жить иначе?

Не придёт весна до срока,
Не растеплится в лазури,
И ручьёв весенний рокот
Не разбудит сонный Урик.

Молчанов-Сибирский Иван Иванович, поэт (1903, Владивосток — 1958, Иркутск). Автор многих книг, в т. ч.: *Рождение радости* (Иркутск, 1934); *Синие Саяны* (Иркутск, 1937); *Граница на Востоке* (Иркутск, 1939); *Полевая почта* (Иркутск, 1942); *Мои товарищи* (Иркутск, 1948); *Письмо из тайги* (М., 1951); *Таёжница*: стихи для детей (М., Л., 1954); *Лирика* (Иркутск, 1959); *Синий снег* (Иркутск, 1970: *Сибирская лира*); *Моё предместье*: стихи, рассказы, очерки, письма (Иркутск, 1985); *Дяди Ванин туесок*: стихи для детей (Иркутск, 2003). Член Союза писателей СССР.

Дым удушливый повиснет
В дряхлой, старенькой избёнке.
Тополёк в последних листьях,
Будто стрижен под гребёнку.

Скоро ночь! И за амбаром,
Где стоят немые ёлки,
Заглушив напев гитары,
В тишине завоют волки.

1922

* * *

Снова старенькая комната,
Расписной узор гардин.
Я сижу, печалью скованный,
В тёмной комнате — один!

Монотонно время тукает,
Как сегодня и вчера.
Со своею старой мукою
Буду снова я играть.

Плещет белыми метелями
Ночь из чёрного ковша.
Будешь в полночь ты расстреляна
Злой тоской, моя душа!

1923

* * *

Ваши очи — небесные выси,
Как цветок — ваша нежная статья.
Вот бы мне ваше сердце приблизить
И родные глаза целовать.

Растопите же снежную горечь,
Растопите в груди лёд и яд...
Я сотку вам на небе узоры,
Я спою вам стихи серенад.

Заласкаю вас музыкой звуков,
Зацелую словами любви,
Позабуду жестокие муки,
Эти сладкие муки мои.

Вы умеете ласково мучить,
Вы умеете нежно играть.
Дайте сердца мне вашего ключик,
Мне спокойнее с ним умирать.

1923

Осеннее

За решётками парка
Томно, нежно зарделись
Молодые боярки —
Ягод колкая прелесть.

Под вуаль паутины
Скрылось золото листьев.
У рябины — рубинов
Светят тяжкие кисти.

Ветерок втихомолку
Пробежался по клумбам,
Сбросил пыли ермолку
С алебастровой тумбы.

Солнце стало с монету,
Часто прячется в тучах.
После пыльного лета
Стало время тягучим.

По утрам заморóзки,
Серый день слёзы точит.
Обнажились берёзки,
Ветер в парке хохочет.

Он своею метёлкой
Вымел чисто аллею
И стыдливую ёлку
Заласкал, залелеял.

1923

Мать

Что ты ходишь за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится
Перекошенный плетень.

Ты куда идёшь — печальная —
Через старый-старый мост,
Через лысую прогалину
На заброшенный погост.

Там часовенка забытая
Робко скрылась за сосну,
Здесь ты хочешь горе вытаять,
Вылить сердца глубину.

Не проси прощенья строгого
Непреклонного Творца,
Что пошёл отец дорогою
Пролетарского бойца.

Не ходи ты за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится,
Бурый скошенный плетень.

1923

Я не знаю...

Поцелуй твой — он был или не был?
Может быть, это вымысел, бред...
То ли день был, запудренный снегом,
То ли ночь нам шагала вослед.

На полянке ли девственно-белой,
Под вуалью живого куста,
В первый раз трепетали несмело,
В поцелуе сливаясь, уста.

Что-то ветру пропели берёзы,
Что-то ветер нашёптывал нам.
Наши очи сверкали, как звёзды,
Мы по облачным плыли волнам.

У реки, иль у старого бора,
Где, насупившись, дремлет кедрач,
Мы любви нашей ткали узоры
В страсти алой, как будто кумач.

Нас пленило безумие красок,
Нас качала любви колыбель,
Опьянила порывистость ласок,
Окуная в живую купель.

Ты в потоках червонных сияний
Распустила каштановость кос...
Мы всю ночь, в водопаде лобзаний,
К счастью строили шаткий свой мост.

Я не знаю — он был или не был,
Поцелуй? Или это — мечта?
Может, ночью придумало небо
Шаткий мост... поцелуи... уста...

1923

* * *

Скучно в городе. Шум переливчатый,
Словно кашель, засевший в груди.
О, скорей бы к родному заливику
В старый домик на Чёрной пади.

Больно режет глаза мне витринами,
Ветер гневно срывает плакат.
Посмотреть бы, как ТАМ —
 над вершинами —
Гаснет радужный, зимний закат.

Проводами, как будто тенётами,
Город спутан... Затоплен в гранит.
Хорошо — за пустынными гротами —
Волны моря о скалы гранить.

Режет волны лодчонка смолёная,
Смутный берег маячит вдали,
А луна, в эти горы влюблённая,
Золотит серых туч корабли.

Улыбнётся рассыпчатым золотом,
Загрустит и глядит из-за туч.
Позови в этот край меня, молодость!
Я ещё и красив, и могуч!

Не хочу оставаться я в городе:
Здесь замкнулся томительный круг.
Закрутили меня, как на воротах,
На колодезном воротах мук.

1923

Кузнец

С каждым ударом — каскад,
Брызги рубиновой стали.

Острый, отточенный взгляд,
Щёки латунными стали.

Тени по стенам бегут
И осыпаются в горны.
Искры плечо моё жгут,
Молот вздымаю упорно.

Воеет железо стропил,
Сталь голосит серенаду.
Жжёт меня, словно тротил,
Пламя кузнечного ада.

Эй, кузнецы! Я — кузнец!
Бронзою волос мой вьётся.
Молотом наших сердец
Новое время куётся!

1923

В разлуке

Дорога дальняя пуста.
Ветров студёные объятья.
Здесь холод дальнего поста.
Здесь нет подруг.
Здесь только братья.

Разделены, как рубежом,
Полями необъятной сини,
Ещё сильнее мы любим жён,
Чем мы любили их доньне.

1944

Русская гармошка на Хингане

Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.

Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.
Спутница солдатская — баклажка —
Больше суток без воды гремит.

Кухня батальонная в тумане,
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.

То она поёт и веселится,
То грустит о чём-то в тишине...
Русская гармошка за границей,
На маньчжурской дальней стороне.

1945

Дуб в пустыне Чахар

Как старик седой — у двора,
У дороги — столетний дуб.
На рассвете ему ветра
Развевают зелёный чуб.

Грустно здесь стоять одному,
А кругом — полынь да ковыль.
Я на память лист подниму
О тебе, старина-бобыль.

На рассвете, в степи чужой,
Ты один провожал нас в бой.

9 августа 1945 г.

Танк в облаках

Танк на Хингане. Вестник нашей славы.
Он вознесён на гребне в облака,
Как монумент могущества Державы,
Прославленной отныне на века.

Травой зарастут войны дороги,
Но этот танк от Родины вдали
На башне сохранит простые строки:
«Здесь в сорок пятом русские прошли!»

1945

Годовщина

Сигнал. И тронулась колонна
Вперёд, в неведомую даль...
Там близких нет, ни слёз, ни стоны,
Напутствий нет — и это жаль.

И после многих битв и стычек,
Как древний, грозный великан,
Предстал во всём своём обличье
Синеющий Большой Хинган.

Для танков здесь тропинки узки,
Темна подъёмов крутизна,
Но нет нигде преград для русских.
Грядёт победная весна!

Над хмурую жарких перекатов,
Поросших жалкою травой, —
Знамёна. Под руку Саратов
Идёт с Иркутском и Читой.

Пусть градом бьёт, пусть жажда мучит,
Но мы стремимся от беды

Идти быстрее. Беда научит,
Как обходиться без воды.

* * *

Идём по спалённой пустыне,
По руслам исчезнувших рек...
Мне кажется: падает синий,
Пушистый, сверкающий снег.

Не звёзды ль вступили в кружение?
Боец любоваться не прочь,
Но нас ожидает сражение
В грядущую чёрную ночь.

Песок точно после пожарищ,
Колюча сухая трава...
— Гляди! — восклицает товарищ, —
Сверкает озёр синева!

Нам кажется: плещется влага,
И мы убыстряем шаги.
Милей, чем столетняя брага,
Воды животворной круги.

Как будто доносится свежесть
Сквозь горький, томительный зной.
Сквозь лютую эту безбрежность
Озёра зовут белизной.

Дорога куда-то отбилась,
К терпению себя приневолю.
В озёрах вода испарилась,
Осталась лишь горькая соль.

И снова пылает дорога,
Пески обжигают, палят.
— Ну, что ж, до колодца немного, —
Со вздохом промолвил солдат.

Утро в степи

Степь безмолвна. Дымка аргала.
Вдруг дохнул ветерок. По приволью
Вмиг повеяло вереском, смолю,
Горьким жаром таёжного пала.

Будто степь вмиг покрылась лесами,
Будто всюду ручьи зажурчали,
Колебался стружок на причале
На реке сумасбродной, на Маме.

Будто снова иду я тропюю,
А она всё вздымается круче.
Кедры, словно витязи к бою,
Поднимают, как сабли, сучья.

Скоро ль, скоро ль моя судьбина
Приведёт — побороться с японцем.
Предо мною лежит равнина
И трава, спалённая солнцем.

* * *

Скудный вид из моего окошка.
Крыши, трубы, провода.
По песку накатана дорожка,
Из растений — только лебеда.

Бедно!
Лишь закат не скуп на краски.
Греет солнце, уплывая прочь.
Рад я этой мимолётной ласке,
Ведь за нею наступает ночь.

Мунку-Сардык

Мунку-Сардык суров и грозен
Среди погод и непогод.
Там воздух в самый жар морозен,
Снега сияют круглый год.

Глядятся в зеркало Байкала
Его высокие хребты,
Где туча, словно покрывало,
Ползёт с небесной высоты.

Сражаясь на земле далёкой,
Играть со смертью я привык.
С тоскою русскою глубокой
Я вспоминал Мунку-Сардык.

Как всё здесь мило и знакомо,
И сердцу дорого до слёз.
В глухих горах раскаты грома
И трепет ветреных берёз.

Здесь кедры, словно великаны,
Пронзают прошлые века.
Так мы, раскрепощая страны,
Прославили сибиряка.

На берегу

Слушаю: плавится рыба,
Птицы ночные кричат.
С грохотом катится глыба —
Струи речные звучат.

Ночью хотел я дожждаться
Первой колючей звезды.
Станут сейчас усмехаться
Омуты звёздной воды.

Трудно мне сдвинуться с места.
Черная даль. Тишина.
В золоте, словно невеста,
В степь выплывает луна.

Год назад

Отроги гор. Их дальняя вершина
Цепями стягивает сумрачный Хинган.
А наша одинокая машина —
Скорлупкой брошена
В песчаный океан.

Какая тишь!
Здесь миг похож на вечность.
Века назад —
Была морская гладь кругом.
Теперь степей усталых бесконечность.
Не здесь ли мы найдём
В песках
Свой вечный дом?

1946

У таёжного ключа

Краюха хлеба аржаного —
Хороший завтрак у ключа,
Вода в котором так сурова,
Что мнится — вправду горяча.

Мгновенно губы леденеют,
Как будто от осколков льда.
Ладони жаркие немеют —
Свела студёная вода.

В него, головками качая,
Глядятся стебли иван-чая.

В листве черёмух и осин
Небесная гуляет синь.

Смородины душистой листья
Над зябким холодом повисли...
Я в три погибели согнусь,
Студёной досыта напьюсь.

Избушка на Ичене

За день езды устали и олени.
Морозный нынче выдался денёк...
Охотничья избушка на Ичене,
Приветлив путеводный огонёк.

Забудешь здесь дорожные лишения,
Благословив гостеприимный дом.
Хозяйка нам готовит угощение.
Всё добыто охотой и трудом.

Мороз занятно расписал окошко.
Лежит у печки бурый волкодав.
Пахнула паром из котла картошка,
Запахло мёдом высушенных трав.

Над печкой пляшут золотые тени,
Как бы раскачивая потолок.
Отраднa нам избuшка на Ичене,
Поскольку путь и долог, и далёк.

Как хорошо согреться крепким чаем!
Он словно смоль,
когда глядишь на свет...

Хозяйка говорит:
— А мы скучаем,
Когда подолгу человека нет.

Мой муж на фронте.

Мы с Наталкой двое.

Охотимся.

Вчера попался волк.

В глухой тайге семейство зверобоя

Перед Отчизной выполняет долг.

Приятно видеть радостные лица,

Сиянье чистых и наивных глаз.

Наталка —

удалая белковщица —

За эту зиму шкурок триста сдаст.

Запомнилась мне тихая беседа,

Я вновь увидел — стоек человек.

И здесь куётся русская победа,

Вблизи сибирских заповедных рек.

От печки пляшут озорные тени,

Окно в узорах, в блёстках куржака.

Как Русь крепка избушка на Ичене,

Такая может простоять века.

Плавим мы не пленных белых,
А смолёвый белый лес.

Новых песен переливы
Рассыпаем по горам,
По задумчивым заливам,
По шершавым шиверам.

1927

Пороша

Низовка звереет,
Надрывно свистя
В аду опустевшем...
Вдруг ставнями хлопнет...
Под вечер
 на стёкла
 не капли летят,
А падают
 пухлые хлопья.

Исчезли деревья, земля, облака,
Лишь мутная, снежная кружит река...

И кажется,
 дом наш —
 скрипучий баркас —
На яростных гребнях бросает и кренит,
И вот заливает,
Через борта
Хлынули волны и пена...

То за полночь вьюга стихает, и сон
Выходит дозорить, звезда горизонт.

А утром
 чуть свет
 я на улице.

Тишь.
Заря
отлинявшею розовой прошвой,
Земля и суслоны столпившихся крыш,
Покрытые первой порошей.

И вспомнились зайцы, костёр на ветру,
Неторные тропы и сахарный хруст.

Теперь на охоту!
Туда поскорей,
Где заячьи петли у горьких осинок,
Бродить дотемна по плечистой горе
С ружьём
В сапогах камасиных.

Там ель в богатырке,
В папахе сосна,
Былинный покой,
Ширина, ширина!

1928

Разноцветные стекляшки

О, детство! Ковш душевной глуби!
Б. Пастернак

Я в детстве прятал их с волненьем
В песчаной куче на дворе,
Хранил, как клад, как украшение
В воображаемый дворец.

Зимой из хаты занесённой,
Где затхлый сумрак, чад и дым,
В стекляшки видел мир зелёным,
Оранжевым и голубым.

Казалось — сад цветёт на склоне
И пляшут сполохи зарниц,

Пересыпая, слышал в звоне
Разноязыкий говор птиц...

Я и теперь нередко вскружен
Мечтой, что грусти пыль стряхнёт,
Когда приветливо у лужи
Осколок синий подмигнёт.

В мечтах опять сады, зарницы.
Встают дворцы на месте хат,
Слетает радость певчей птицей
И заливается в стихах!..

1928

ОГОНЬ

Он сердце лаской отогреет,
Как дружба, песня и любовь,
При нём развязнее, добрее
Угрюмый пахарь, зверолов.

Нежнее девушка... Так просто
В кудлатый вечер при костре
Над лугом, смолкнувшим и росным,
Прольётся песней косарей.

И часто в песнях о кручине,
В припевках бойких под гармонь
Пропета древняя лучина
И электрический огонь.

И мне всегда, согревши тело
И грусть расплавив в теплоте,
Крылатым сделаться хотелось
И вместе с дымом улететь.

Бывает — сумерками сжатый,
Плывёт в раздумье мой челнок

К трепещущим огням заката,
Хотя мне надо на восток.

1928

Короткие стихи

1

Идёшь спеша.
И вдруг услышал...
Остановился.
Неужель?..
Да, так и есть:
С высокой крыши
Стекло рассыпала капель.

2

И ветер южный, тёплый.
Небо
Взлетело выше.
Даль ясна.
И свежеспеченным хлебом
Пахнуло в воздухе...
Весна!..

3

Глубокий вздох...
И, улыбаясь,
На миг замедлил и следишь,
Как искристая, голубая
Летит капель-стеклярус с крыш.

4

Пальто распахнуто мгновенно,
Спеша, ты шепчешь, как в бреду:

— Как хорошо!
В стране весенней
И вот живу,
горю,
иду!..

1934

Биография стихов

По порядку всю родню вспомняем.
Впереди по праву старшинства,
Дед — широкоплечий каторжанин,
Душегуб, не помнящий родства.

По этапу с Дона ражим парнем
Он прошёл до буйной Ангары,
Соль таскал в царёвой солеварне,
Сваи бил и котлованы рыл.

Путь этапный! Сколько поколений
Этим трактом каторжным прошло!..
Кончен срок... Приписан поселенец
В тёмное челдонское село.

Приангарье... Глушь... Тайга... И тут-то
В повесть входит бабушка моя.
Черноглазая полуякутка,
Сказочница и ворожея.

...Яростные волны океана
На плечах качают корабли,
Мчит каурка простака-Ивана
За живой водой из-под земли.

Мудрый Сирин... Спящая царица...
Невидимка. Чудо-юдо кит...
На гумне соседском в риге древней
Непрерывно змей-горыныч спит.

Это драгоценнейшее детство,
Тёплый голбец в сумети густой,
Это неповторный сплав чудесный
Сказок бабки с детскою мечтой.

Это — посвист снегирей, свистулек,
Пёстрый гомон шалостей, затей...
Ты звездой падучей промелькнула,
Радость детских босоногих дней.

Ты отцвёл мгновенно — милый, детский —
Сад простых ребяческих забав,
Ибо мне досталось по наследству
Горькая батрацкая судьба.

Мой отец (плечистый и скуластый,
На побаски и на песни лих)
С малолетства на полях кулацких,
Словно вол, ворочал за троих.

Да! И мне достался путь обычный:
«В люди», к «благодетелю-отцу»!
Град пинков, издёвок, зуботычин,
Кровь, размазанная по лицу.

Детство! Детство! Ты, как зелень в мае,
Стоптано! И с проклятой в веках
Жить и мне бы с песней: «Доля злая,
Доля бедняка».

Но в наследство мы её не взяли,
Эту песню! Новую звезду
Нам не зря отцы завоевали
В грозном семнадцатом году.

Катунь

Сколько солнца!
Сколько плеска, шума,
Грохота отчаянной воды!

Даже древний кедр, всегда угрюмый,
Кажется радушным, молодым, —

Весь пронизан яркими лучами,
Горным ветерком растормошён...
А река, от ярости дичая,
Взбеленившись, лезет на рожон

Серого гранитного уступа,
Голубые точит валуны,
В злобе ли, в улыбке ль кажет зубы
Крепкотелой бешеной волны.

Знать, июльским солнцем растопило
На горах заоблачных снега,
Потому река и разбесилась,
Вот с чего ей тесно в берегах.

Только там, в хмельных лугах покосных,
Присмирееет рьяная она.
На серебряном широком плёсе
Медленней ленивая вода.

Там форелей плеск, там разговоры
Куликов — на россыпях слышны...
Мы идём — от солнца и простора
И таёжных запахов пьяны.

Мы у водопада... Заглушая
Шум и гром, кричит мне друг: «Дика!..»
Грохотом пугает, осыпает
Градом брызг сварливая река.

1937

Анатолий Ольхон

Байкальское сердце

Марку Азадовскому

Говорят, Байкал седой!
Ты не верь.
Он такой же молодой
И теперь.

Это ты, мой милый друг,
Стал сед еть.
И тебе уж недосуг
Песни петь.

Острова лазурной мглы
Далеки.
Стали весла тяжелы
Для руки.

В бурю парус озорной
Не поднять.
Серых чаек над волной
Не гонять.

Постарели мы с тобой
Навсегда,
Но шумит, поёт прибой,
Бьёт вода.

Ольхон Анатолий Сергеевич (Пестюхин), поэт (1903, Вологда — 1950, п. Новая Руза Московской обл.). Автор многих книг, в т. ч.: *Большая Ангара* (Иркутск, 1938); *Красная ракета*: агитстихи и сатира (Иркутск, 1942); *Падунский порог* (Иркутск, 1945); *Сибирский тракт* (Якутск, 1945); *Байкал* (М., 1945); *Солнце над Леной* (Новосибирск, 1947); *Стихи и поэмы* (1951); *Избранное* (1959); *Северное сияние* (Иркутск, 1978; *Сибирская лира*) и др. Член Союза писателей СССР.

Молодой вскипает шквал
В устьях рек.
Дышит вечностью Байкал
Сотый век.

Погляди же на него,
Будь таким,
Волей сердца своего
Молодым.

Нашим мужеством сильна,
Жизнь зовёт.
Пусть же в душу седина
Не войдёт.

Вечерины

А. А. Кузнецовой

1
Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу.
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу.

На гранитных темных крутоярах
Леденеют лапы якорей,
Невода и сети спят в амбарах,
Зимний лов начнётся в январе.

А сейчас — досужие зазимки —
Время свадеб, девичьих забот.
Всюду шьют обновки да новинки...
На Байкале так из года в год.

Между двух путин до ледостоя,
Получив сполна по трудовням,
Веселится племя холостое —
Вся моя байкальская родня.

Рыбаки, рыбачки, мотористы,
Бондари, засольщики, гребцы —
Шутники, танцоры, гармонисты
И свои — ловецкие — певцы.

Всё народ весёлый да задорный,
Закалён ветрами и водой.
Как пойдут по улице Подгорной —
Словно лес шагает молодой.

Высоки, стройны, широкоплечи —
В три ряда по улице идут.
К ним выходят девушки навстречу,
Баянистам песню задают.

И звенит над берегом Байкала
Чей-то голос, ласковый такой,
И выходит первый запевала,
Помахавши девушкам рукой:

«Эх, Подгорна, ты, Подгорна,
Развесёла улица!
На тебе, моя Подгорна,
Милая балуетца.

Выйдет, глянет,
Павой встанет,
Полушалонок развернёт.
Говорит, что не обманет,
А руки не подаёт.

Что ж ты павой выступаешь?
Расскажи, куда идёшь?
Провожу, коль пожелаешь,
Ты дороги не найдёшь».

Распахнув цветные полушалки,
Будто стая сказочных жар-птиц,
Усмехнутся наши молодайки,
Подтолкнут застенчивых девиц.

И пойдёт навстречу баянистам,
Раздвигая плечиком парней,
И взмахнёт платочком из батиста
Та, чьи косы ноченьки темней.

Гордо топнет жёлтеньким ботинком,
А потом, лукаво покраснев,
Соловьём зальётся невидимкой,
И подхватят девушки напев:

«Ты, Подгорна, ты, Подгорна,
Развесёла улица.
На тебе, моя Подгорна,
На меня любятся.

Где ни встану,
Как ни гляну, —
Милый краше не найдёт.
Полюблю, так без обману,
Только... пусть он подождёт.

Вьёт метелица перины,
Широка родная падь.
Мы идём на вечерины,
Разрешаем провожать».

И пойдут по улице Подгорной
Все мои знакомцы и друзья,
Плясовою поступью проворной
Над обрывом берега скользя.

На мысу, за чёрными камнями,
Под шатровой крышей новый дом —
Клуб колхозный — светится огнями,
Там сегодня время проведём.

2

Нынче наши вечерины.
Торопитесь поскорей.
Две подруженьки-дивчины
Встали около дверей.

Всех с поклонами встречают,
За рукав шутя берут —
Раздеваться приглашают...
Что ты делать будешь тут?

Непривычно это дело,
Да не станешь рассуждать.
Раньше в шубах мы сидели,
А теперь велят снимать.

Девки тешатся, голубки.
В кучу шубы, полушубки.
Куртки, шапки, рукавицы
Прибирают молодницы, —
Так-то лучше и видней,
У кого костюм модней.

Парни все в суконных «тройках»,
В пёстрых галстуках форсят,
Все в сорочках-разнокройках,
И у всех значки висят.

По два, по три, по четыре...
Вот они, сибиряки,
Что ни грудь — то выше, шире...
Ворошиловцы-стрелки,
ГТО, парашютисты...
Любо глянуть на ребят,
Принаряжены и чисты,
Вышли будто на парад.

Девки модой щеголяют,
Не уступят городским.
Щёки заревом пылают,
И румян не надо им —

Все цвета и все оттенки.
Роза к лебедю плывёт.
Ну-ка встанем, друг, у стенки, —
Начинают хоровод.

3

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают,
Ленты пышные блестят,
Платья в танце шелестят.

Пара к паре.
Пара к паре.
Кто-то звякнул на гитаре,
А в углу, наискосок,
Взмыл свирельный голосок:

«Полюбила я его,
Полюбила, милая,
Для него, для одного
Всех других забыла я...»

Три кудрявых баяниста
Развели ладами враз,
И ответил голосисто
Молодой рыбацкий бас:

«Она, моя милая,
Сердце моё вынула,
Сердце моё вынула,
Да в Байкал закинула...»

Тут баяны и гитары
Заиграли сразу — вдруг.
Разошлись, распались пары,
Все танцоры встали в круг.

Звонко хлопнули в ладоши,
Дружно за руки взялись.
Покачнулись,
Развернулись,
Закружились,
Понеслись.
Вправо — влево,
Влево — вправо.
Плясовая мчит забава.

Баянисты-игроки
Поскидали пиджаки.

Обещанья, крики, шутки
Взгляды милые зовут.
Смех, улыбки,
Прибаутки
Подгоняют и несут:
Влево — вправо.
Вправо — влево.
Хоровод летит с припевом.
Все играют,
Все поют,
Гитаристы пальцы рвут.

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают.
Чётко топот каблуков.
Реют крылья мотыльков —
Реют девичьи косынки...
Хороши вы, вечеринки!
Жарко в сердце бьётся кровь.
Радость, молодость, любовь!

Омулёвый лов

Жёлтый полог небес,
Будто шёлк на заре.
Дым туманный исчез,
И вода в серебре —
В серебре от зари,
От светлеющих гор.
На становье горит,
Затухает костёр.

...Мы идём налегке,
Лодки словно летят,
В сетевом поплавке
Брызги света блестят.

Брызги света кругом.
Весла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули —
Круговой поворот.
Это сеть повели
Из сверкающих вод.

Из сверкающих вод
Омулёвый нагул.
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах,
Тяжелей бечева.
Первый омуль в руках.
Сеть не рвётся едва.
Сеть добычей полна,
Рыбы стаи густы...

Голубая волна
За кормой шелестит:
— Славься, мыс Онгурён!
Вы, круты берега!
Омуль ровный ядрён,
Чешуя — жемчуга;
Чешуя — жемчуга,
Омуль вешних путин.
Водяные луга,
Жатва синих глубин.

На восходе у скал
Якоря загремят:
— Славься, море Байкал,
Урожай твой богат.

Зимняя путина

Зимний лов на Байкале хорош,
Хороша промысловая страсть!
После пышных декабрьских порош
Лучше дела себе не найдёшь!
Знай — почаще посматривай снасть.

Я люблю это время, мой друг!
Голубые дымят берега —
Облака уплывают на юг.
Тёплый пух осыпают вокруг.
Как невеста нарядна тайга!

А в заливах, под скатертью льда,
Под холстинами гладких снегов
В прорубях загустела вода,
Невидимки плывут — невода,
Урожайный снимают улов.

Закруглились сеговыи хребты,
Осетровые жирны бока, —
Рыбьи стаи нагульны, густы...
Погляди и порадуйся ты
На удачливый труд рыбака.

Возле наших колхозных шатров
Малолюдно в такие деньки.
Поварихи ворчат у костров,
Что обед самолучший готов,
Да никак не идут едоки.

Разгулялась ловецкая страсть,
И ничем ты её не уймёшь...
Время солнышку в горы упасть,
Торопись, пошевеливай снасть.
Зимний лов на Байкале хорош!

Прибой на острове Ольхон

Пушечный сдавленный гром,
Наковален тягучий звон:
Это байкальский шторм
Рвётся на остров Ольхон.

Полчищем пенистых грив
Бьётся крутой прибой,
Камень водой напоив,
Ревёт боевой трубой.

Ударь, ударь, ударь!
Твёрд и могуч Ольхон,
Гранитом одета ярь
Его четырёх сторон.

В разбег,
В набег,
В разгон,
Раскачивая волну,
Обрушивай тысячи тонн
На каменную вышину.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится пеной прибой.
Камень воды верней —
Он принимает бой.

Так бы и мне стоять —
Грудью ветрам в упор,
Темные волны мять,
Славить седой простор.

Твёрдость у камня взяв,
Остров Ольхон, с тобой,
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.

Семён Дежнёв

Опустите бинокли!
Там каменный берег,
Там закутанный тучами
Тёмный, обрывистый мыс;

Там слетаются ветры из всех
неоткрытых Америк
И обтаявший лёд осыпается вниз.

Ясно вижу сквозь тёмную дымку столетий:
Над волнами ныряет дерюжный косой парусок;
Сбоку — бьётся другой;
Распластался оборванный третий...
Завывает ветрище.
Пурга сыплет белый песок.

Посвинцовело море,
И неба не видно.
Надвигаются плотные, грузные льды,
Погибают суда!
Зимовать не легко и обидно:
Растеряются жизни, и чьи-то исчезнут следы,

Голод станет томить,
Смерть придёт — без могилы...
Поглядите! Они всё идут и идут.
Видно, есть на Руси удалецкие силы!
Поговорки о них заклинаят беду:

«Удалец — не утонет».
«Удачник — не сгинет»...
Леденеющей бездной,
Последней волной
Вот на отмели эти суденышки кинет,
И гремучая гибель пройдёт стороной.

Раскололись судёнышки.
Жалкие кочи, —
Долотом да топориком сшиты суда,
Но прошли, не робея, сквозь व्यужные ночи,

По студёным морям залетели сюда.
Капитан-командор Витус Беринг возвышен:
Окрещён его именем русский пролив,
А казак-мореход Сёмка Дежнев не слышен,
Чуть не веком пораньше к Охотску доплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын российской землицы!
Эй, Семён свет Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты приземистый да круглолицый.
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,
В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд... пронзителен. Речь — скуповата, строга.

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремлют товарищи странствий твоих,
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю...»
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих.)

Не ослабнешь, Семён свет Иванович!
Слава
Подняла твоё имя на веки веков:
Этот глыбистый берег
России держава
Закрепила границею материков.

...Опустите бинокли!
Закройте зрачки фотокамер!
Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:
Дежнев мыс над Чукоткой поднялся и замер,
Вечный памятник русских побед.

Константин Седых

Прадед

Мой прадед не был казаком.
Он вскормлен горьким молоком,
Объедками в людской княгини.
Щелчком раскалывал он дыни,
А грузным слитком кулака
На бойне сваливал быка.

Желтоволосый богатырь,
Он не добром ушёл в Сибирь,
Махнув платком полям Рязани:
За девку с карими глазами
В глухую ночь впилась рука
В цыплячье горло барчука.

Над прорвой речек и болот
Косой крутился снеголёт,
Слепая вьюга бушевала.
И от привала до привала
Вела дорога ровно год
В хребты на Нерчинский Завод.

Там неприступно хмур и дик
Зарос крестовский становик
Колючкой, жалами крапивы.
Крепить листовые огнивы,
Как в преисподнюю, увёл
Пришельца шахты мокрый ствол.

Седых Константин Фёдорович, прозаик, поэт (1908, пос. Поперечный Зерентуй Нерчинско-Заводского р-на Читинской обл. — 1979, Иркутск). Автор многих книг, в т. ч. сб. стихов: *Стихи* (М.; Иркутск, 1933); *Родная степь* (Иркутск, 1937); *Первая любовь* (Иркутск, 1945); *Над степью солнце* (Новосибирск, 1948); *Солнечный край* (Чита, 1950); *Степные маки* (Иркутск, 1969; *Сибирская лира*); романов: *Даурия* (Иркутск, 1942); *Отчий край* (Иркутск, 1960) и др. Лауреат Государственной премии СССР. Почётный гражданин г. Иркутска. Член Союза писателей СССР.

Пород сползающих навес
Шатал и гнул крепёжный лес,
Метался воздух воспалённый...
А в полночь прадеда в зловонной
Низине койкой из досок,
Гнилым борщом встречал острог.

Земля, шпицрутены, цинга
Тушили жизнь. В ночах пурга
Над горным кладбищем шипела,
Где много в те года истлело
Без отпеванья, без гробов,
Насмерть замученных рабов.

Пятнадцать лет кромешной мглы...
Звенели тупо кандалы,
Пугал внезапный шум обвала...
Под серой шапкой выцветало
Витое золото волос.
Но прадед выжил, перенёс.

Он поселенец. У ручья
Он рубит лес для зимовья,
В квашне замешивает тесто.
Пока не сыщется невеста,
Сам носит воду, лопоть шьёт,
В столбы городит огород.

О, заревая ласка жён!
Срезает бороду ножом
Мой прадед, как траву дурную,
Потом тунгуску молодую
На безвенчальное житьё
За руку вводит в зимовьё.

С берёз багряный лист опал,
Когда без крестных и попа
Крестил он первенца в бочонке.
Топырил красные ручонки
И лихоматом голосил
Новокрещённый Михаил.

Топор загнал на крутяки
С равнин густые листвяки,
В пади остался бурый колок,
А по заречью рос посёлок,
Да окружала городьба
Казачьи тучные хлеба.

Но редко сдобленный калач
Имел мой прадед. Неудач
Не разорвал он круг проклятый —
И ни сохою, ни лопатой
Не вырыл клада. Не помог
Ему глухой распятый бог.

А там пришёл и день такой,
Когда, угрюмый и худой,
На лавке вытянулся прадед.
Вперёд ногами по ограде,
По светлой улице, в гробу
Ушёл он с венчиком на лбу.

Теперь на кладбище пустом
Цветёт рябиновым кустом
Седая вечность над могилой.
Подгнивший крест дождями смыло
И унесло в сырую падь
По свету белому гулять.

1933

Беглянка

Над серым лежищем тумана
В степи блестит, как серебро,
В шеломе старого кургана
Берёзы белое перо.

Плывёт над степью сонный кречет,
Пылит цветочная пурга,

И кто-то сильный, ловкий мечет
Вязиль шипучую в стога.

По голубой его рубашке,
По красным крестикам шитья
Узнал я в нем твои замашки,
Шальная молодость моя.

Так вот где ты. Нашлась, беглянка!
Не убежишь, пойдём назад.
Там без тебя молчит тальянка,
Не расцветает хмурый сад.

Пойдём! — над степью прозвенело,
Откликнулось издалика.
Но вдруг у ног моих вскипела
Водоворотами река.

И уплыла по ней, широкой,
Улыбку хитрую тая,
В луга, шумевшие осокой,
Шальная молодость моя.

Зимнее утро

Дым повис пуховой шалью
Над зимовьями в распадке.
По сугробам у дороги
Наследили куропатки.

В небе гаснет тонкий месяц.
За омётами в лощине
Снегири встречают утро
На серебряной осине.

Вдоль опушки стройный ельник
В куржаке и позолоте.
Спозаранку молотилкой
На гумне овёс молотят.

Звонко стучают решета,
Тупо цокают подковы,
Над гудящим барабаном
Ходит облако половы.

Щедрый умолот лопатой
Ты кидаешь в жёлтый ворох,
И от инея платок твой
В синих звёздах и узорах.

Всё светлей и ярче утро...
Бьётся сердце с буйной силой,
Оттого, что ты улыбку
Мне, как счастье, подарила.

Лебеди

Ясным утром над степью ковыльной
Лебединая стая летит,
Словно кто-то и щедрый, и сильный
Связку жемчуга кинул в зенит.

Извивается связка и рвётся
И, творя колдовство наяву,
То в серебряный слиток совьётся,
То цепочкой уйдёт в синеву.

Проструится живым перламутром
И растает у дальней горы
Там, где ставит румяное утро
Облаков голубые шатры.

И пойду безотчётно-счастливым
В степь былинную, словно в хмелю,
Чтоб поведать озёрам и нивам,
Как я милую землю люблю.

* * *

В вагонах русская гармошка,
Родной сибирский говорок.
Плывёт в тумане за окошком
Звезды зелёный огонёк.

Его заносит облаками,
Скрывает сопками от глаз,
А он всё гонится за нами,
Всё не насмотрится на нас.

Далёк наш путь. На поле боя
Не будет звёзд родных полей,
Но будет с нами там святое
Благословенье матерей.

1942

Забайкальцы

Помню забайкальские морозы,
Ледяные ветреные дни,
Белые от стужи паровозы,
Красные на станциях огни.

Буфера звенели, дребезжали,
Сквозь пургу сигналили рожки,
На далёкий запад уезжали
Наши забайкальские стрелки.

Помню за минуту до посадки
В изморози плотные ряды
Горняков Балея и Булатки,
Казачков Аргуни и Унды.

На песке от снега бело-буром
Стыли и сутулились слегка
Смуглые потомки Гантимура,
Русые потомки Ермака.

И когда напутственное слово
Говорил им старый генерал,
С неба Марс — звезда войны — сурово
Их лучом своим благословлял...

На Днепре погода штормовая,
За Днестром равнины широки.
Где они сегодня, мы не знаем,
Наши забайкальские стрелки.

Но теперь отныне и навеки
Эти люди кровью и трудом
С гор даурских льющие реки
Породнили с батюшкой Днестром.

Пусть же и в Корсуни, и в Полтаве
Ходят, распевают кобзари,
Как по Украине к вечной славе
От Байкала шли богатыри.

1943

1960 – 1980-е годы

Юрий Аксаментов

* * *

Вижу Лену, вижу Чую,
Вижу яростный Витим.
Где угодно заночую
И останусь невредим.
Потому что все медведи —
В самом дальнем кедраче,
И — отцовское наследье —
Есть двустволка на плече.
На тропе стою, не сбился.
Соль и спички — всё при мне.
Я нечаянно родился
В этой самой стороне.
Знаю я её порядки —
Исходил до маеты
Эти пади и распадки,
Эти взгорки и хребты.
Не на этом ли увале,
Под полярною звездой,
Было дело — целовали,

Аксаментов Юрий Петрович, поэт (1939, с. Петрово Жигаловского района Иркутской обл. — дата смерти неизвестна, предположительно, 1992). Автор книг: *Рябиновая гроздь* (Иркутск, 1970: *Бригада*); *Поединок* (Иркутск, 1974); *Встречь солнца* (М., 1975); *Добрый день, веселый час* (Иркутск, 1987) и др. Член Союза писателей СССР.

Когда был я молодой.
И теперь, и впредь, пожалуй,
Я другим не соблазнюсь,
Только с молодостью шалой,
Как положено, прощусь.

— До свиданья, — прокричу я, —
Доплыви до льдов, жива!..
...Слышит Лена, слышит Чуя
Запоздалые слова.

Утреннее

Выйду утром по росе
С прутиком берёзовым,
Обобью головки все
Клеверинкам розовым.

Удержаться не смогу,
Молодой да жилистый,
Рядом с ветром побегу
По тропе извилистой.

А как только из-за гор
Выйдет солнце светлое —
Запоёт пернатый хор
Про моё заветное.

Птицам песню подскажу,
Самую хорошую,
И небрежно на межу
Прутик свой заброшу я.

* * *

Вьюга белая летает
У окон и у дверей.

Смутно мне. Душа не знает,
Что судьба готовит ей.

Вся ли чаша мной испита?
Или там, на самом дне,
Сок густой и ядовитый
Предстоит отведать мне?

Вместо брата, вместо друга
Стал опорой край родной.
Не стучи ты в окна, вьюга!
Что ты сделаешь со мной!

* * *

Зелёный дол и синий плат
Небес, вознёсшихся высоко.
Согласно сосны говорят
С вечерним ветром и осокой.

То к облакам, то к бережку
Летает стриж с весёлым свистом.
Гора спускается в реку
Неровным выступом скалистым.

Звезда затеплилась...
Пора
улечься нам в свои постели:
Кому — у малого костра,
Кому — у милой параллели.

Мы взяли по сердцу труды...
И звук печали или смеха
Здесь, над поверхностью воды,
Послушно отражает эхо...

Ты все огрехи и грехи
Простишь мне, Родина...
Я знаю:

Твои — и песни, и стихи,
А я их только повторяю.

Иван — шоферская башка

Сыну Жене

Когда замерзала река,
По зимней дороге, по клину,
Иван — шоферская башка
Гонял сумасшедше машину.
Он сельских людей поражал.
Мне помнятся возгласы эти:
— Иван проезжал? — Проезжал!
— И как я его не заметил!

Он начал дорогу мою
В суровую, стылую зиму:
Я с матерью рядом стою,
А он открывает кабину.
Он ставит сапог на педаль.
Баранку, склонясь, обнимает,
И словно придвинулась даль,
Пихтовые вешки мелькают.

Легка у шофёра рука,
Он весел, хоть кажется строгим.
Иван — шоферская башка
Всегда напевает в дороге.

Я вскоре, пригревшись, уснул.
И мне не дознаться вовеки,
На чей огонёк он свернул,
Кого попросил о ночлеге.

Он валенки мне подшивал,
Он дратву сплетал на колене.
(На Волге огонь бушевал,
Сжигал города и селенья.

Была она так далека,
Война, где людей не щадили.)
Иван — шоферская башка
Уехал на фронт, говорили.

С тех пор я не видел его.
И что-то в душе моей стынет.
Один поворот... Никого!
Второй поворот... Я в кабине
Лечу...
Но не глохнет тоска,
И так мне поверить охота:
Иван — шоферская башка,
Он — там, за крутым поворотом...

БЫЛО ЧТО-ТО В НЕЙ ТАКОЕ

В. П.

Было что-то в ней такое,
Что как за сердце берёт,
Отбивает от покоя
И покоя не даёт.

Те же руки, те же плечи,
Те же встречи в суете,
Те же очи — человечьи,
Да немножечко не те.

Что-то в тех очах играло,
Как на озере заря.
Не смотрела — одаряла,
Ничего не говоря.

Где ты, милый мой товарищ?
Крепче ль замок, чем шалаш?
Твой подарок не отдаришь
И другому не отдашь.

Не оставить за рекою,
Как ненужное жильё...
Было что-то в ней такое,
Что теперь навек моё.

* * *

Никто не продал и не предал.
У каждого своя стезя.
Мои — ошибки и победы.
Мои — враги. Мои — друзья.

Да, пригibasя я сутуло
От слов горячих, как ожог...
Поизогнулось то, что гнуло,
И то, что тёрло — порошок.

Я понял: время и пространство —
Причина всех моих кручин.
Не жду от женщин постоянства
И послаблений от мужчин.

На каждый вздох мой,
каждый крик мой,
Как эхо на вечерний звук,
Одушевлённостью великой
Земля откликнулась вокруг.

Она ни славы, ни бесславья
Не обещала наперёд,
А только лес да разнотравье,
Да ход мальков, да птиц пролёт...

Вот и попробуй ей соври-ка,
Когда от капелек седа,
Во мхах зардеется брусника
Началом твоего стыда!

А стоит чуточку поверить
В ночи мерцающей звезде —

Охота лгать и лицемерить
Переохотится в тебе.

* * *

В глуши сибирских плоскогорий,
Под сенью северных небес,
Вкусив и радости и горя,
Я трижды умер и воскрес.

Мне стали ближе и роднее
Незнаменитые места,
Понятней — лес, река — слышнее
И слаще — ягода с куста.

Я удивляюсь: сердце бьётся!
Смеюсь: резвится детвора.
Душе — по-новому поётся,
Давно пора, давно пора!

Ведь там, где вечность и забвенье,
Ей не нашлось и уголка...
Блистай, короткое мгновенье!
Попридержите ход, века!

* * *

Услышу ли дальнюю песню,
Взгляну ли в небесную высь —
Счастливей, прекрасней, чудесней
Покажется вся моя жизнь.
Как будто беспечен я снова,
Как будто живу — не грущу,
Как будто заветного слова
В холодных снегах не ищу.
И впрямь мне Сибирь подарила
Два добрых подъёмных крыла...
И только на миг ослепила
Сухая дорожная мгла.

Валерий Алексеев

Детство

На кухне чад, шипенье примуса,
мигает лампа на окне,
а мать молоденькая мне
читает сказки дяди Римуса.
А подо мною ходит стул,
я хохочу, смеюсь до колик,
узнав о том, как братец Кролик
хитрюгу Лиса обманул.
Я не боюсь нисколько Волка,
я верю маминым речам...

И окровавленная Волга
ещё не снится по ночам.

22 июня 1941 года

Сулил воскресный вечер танцы,
смолил смычки концертный зал,
но шли в колоннах новобранцы
не на концерт, а на вокзал.
Шли с полной выкладкой, сутулясь,
суровые не по годам,
сквозь строй знакомых с детства улиц,
к разгорячённым поездам.
Уже не мальчики — солдаты,
герои будущих побед!
Они ни в чём не виноваты,

Алексеев Валерий Анатольевич, поэт (1923, Уфа — 2003, Ангарск). Автор книг: *Паводок* (Иркутск, 1970); *Станция Свеча* (Иркутск, 1981); *Баллада о колокольне* (Иркутск, 1992; *Сибирская лира*); *Соловецкий камень* (Иркутск, 1998) и др. Почётный гражданин г. Ангарска. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

но им пришлось держать ответ
за то, что Сталин промахнулся
и в отчий дом вошла беда...

Состав ушёл и не вернулся,
и не вернётся никогда.

Старая церковь

В который раз, построив танки ромбом,
фашисты шли на приступ — цепь за цепью.
Оглохшие от пушечного грома,
мы от огня укрылись в старой церкви.
Качались наверху паникадила,
со звоном наземь падали иконы,
лампадка лихорадочно чадила,
и колокол гудел на колокольне.
Но тщетно в стены бухали снаряды,
у предков был кирпич прочней бетона,
они в тот день вставали с нами рядом,
им было не впервой разить тевтонов.
Они неволе — смерть предпочитали...

А поутру, разглядывая фрески,
мы над бойницей надпись прочитали:
«Собор основан Александром Невским».

Смерть командира

Как всё стряслось,
 не помню толком,
хоть память залистал до дыр.
Случайным раненый осколком,
упал наш ротный командир.
Он был один за нас в ответе...
Не в силах сделать ничего,
осиротевшие, как дети,

столпились мы вокруг него.

— Вперёд!.. —

он прохрипел и замер,
чуть набок голову склоня,
остекленевшими глазами
с надеждой глядя на меня...
И гаркнул я: — Впе-р-рёд!..
В ата-а-а-ку!..
Бойцы бежали вслед за мной,
паля по вражескому танку
из трёхлинеечки родной.

В госпитале

Н. В. Никифоровой

В палате пахло кровью и эфиром,
метались тени «юнкеров» в окне...
И будто из неведомого мира
в одежде белой шла она ко мне.
Одёрнув узкий пояс на халате,
откинув прядь каштановых волос,
она садилась тихо у кровати
с глазами, покрасневшими от слёз.
Когда же её трепетные руки
касались моей кисти и лица,
я забывал и дьявольские муки,
и боль, которой не было конца.
Я выплывал из тёмной,
страшной глубины,
но я не знал тогда ещё о том,
что женщина во мне другого любит
и, глядя на меня, грустит о нём.

Карликовая берёзка

Любови Щедровой

Она за мною шла из Подмосковья
на Север, становясь всё ниже ростом,
на климат и на слабое здоровье
не жалуясь своим высоким сёстрам.
Она со мной дошла до океана,
где скалы утопают в белой пене.
Её в дугу сгибали ураганы,
топтали быстроногие олени.
Но в час, когда в пустыне нелюдимой
над телом её ветры голосили,
она вставала вновь непобедимой,
дивясь своей живучести и силе.

«Пятьсот весёлый»

Мелькали города и сёла,
баян отчаянно играл,
и поезд наш
«пятьсот весёлый»
шёл из столицы за Урал.
Но в нём веселья было мало,
в него набился разный люд,
и мест на всех не доставало.
На нарах, шатких и скрипучих,
сидели: бабка, как сова,
путеец с бородой колючей
и франтоватая вдова.
Танкист, уволенный по чистой,
глядел на свой пустой рукав...
И оглашал округу свистом
наш запыхавшийся состав.
День всё короче становился,
угрюмый лес шумел листвою,
и чернокрылый ворон вился,
как «мессершмидт»,
над головой.

Осенние цветы

Я вижу вновь костлявые кресты,
с опаской обхожу бугры и ямы.
Неяркие осенние цветы
кладу на пожелтевший холмик мамы.
С берёз поблекших падает листва
и мельтешит в сентябрьской круговерти.
Никто из нас не думает о смерти,
покуда мать родимая жива.

* * *

Буряты не стреляют лебедей,
ведь лебеди, по их поверью, — птицы,
готовые мгновенно превратиться,
коль это будет надобно, в людей.
Охотник! Опусти своё ружьё,
увидев, как летит в осеннем небе,
пространство рассекая, белый лебедь
и медленно садится на жнивье.
Лебёдушку заметив над водой,
не думай — это, мол, всего лишь птица,
а вдруг она в девицу превратится,
твоей невестой станет и женой.

Буряты не стреляют лебедей.

Ворон

Озирая землю оком грозным,
он,
меняя перья каждый год,
жил ещё, наверное,
при Грозном
и меня,
и вас переживёт.

Каркая,
мужает век от века,
а под ним,
смыкая свет и тьму,
бабочка порхает,
однодневка,
вовсе не завидуя ему.

Бабье лето

В лесу вовсю пирует осень,
сквозные просеки чисты.
Неслышно стучаются оземь
с ветвей слетевшие листья.
И, хоть зима в округе бродит,
здесь, невредима и цела,
черёмуха назло природе
в осенний полдень расцвела.
Весенний полдень повторяя,
цветёт, не ведая пока,
что молодость её вторая,
как бабье лето, коротка.

* * *

Я на хребты Саянские гляжу,
на жёрдочке над пропастью качаюсь,
румяной костяникой угощаюсь
и золото лучей в снопы вяжу.
Я жду тебя у этих грозных скал,
дождём отполированных до блеска,
где горизонта тоненькая леска
размежевала небо и Байкал.
В закатный час взберусь по гребням гор
Туда, где луч с крошечной тьмою сшибся,
И на вершине разведу костёр,
Чтоб вертолёт твой курсом не ошибся.

Анатолий Горбунов

Пьяная деревня

Михаилу Т.

Кучи жухлой ботвы.
Опустевшие грядки.
Замер в голых полях
Скрип гружёных телег.
По-над крышами изб
Шли и шли на посадку
В глубь печальных болот
Журавли на ночлег.

Мы сидели с тобой
На скамеечке древней,
Хоронили закат
В обмелевшей реке.
В струях прожитых лет
Отражалась деревня,
Красный бакен качал
Огонёк вдалеке.

Напророчили ей
Вещуны поднебесья
На грядущую жизнь
Перемены и крах.
По оградкам текла
Заунывная песня —

Горбунов Анатолий Константинович, поэт, прозаик (род. в 1942 г. в д. Мутина Киренского р-на Иркутской обл.). Автор многих книг, в т. ч. сб. стихов: *Чудница* (М., 1975); *Осенцы* (Иркутск, 1980); *Звонница* (Иркутск, 1985); *Перекааты* (Иркутск, 1988: *Сибирская лира*); *Сторона речная* (Иркутск, 2004); сб. прозы: *Тайга и люди* (Иркутск, 1982); *Рыбаки-охотники* (Иркутск, 2008); книг стихов для детей: *Журчинки* (Иркутск, 2000); *Родины свет* (Иркутск, 2011) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Отпевали себя
Мужики во дворах.

Колотилась мошка
О квадратные луны
И в стаканах мерцал
Ядовито этил.
Помнишь, нет, Михаил,
Как на скотницу Дуню
Соколиный свой глаз
Ты в тот год положил?

Обнимал-миловал,
Гладил русые косы,
В жены взять обещал,
Да, видать, не судьба...
В молодой листопад
Вдруг с речного утёса
Гордо бросилась вниз,
Онесчастив тебя.

От горючей тоски,
От любви ли великой
Грешный суд над собой
Сотворила она?
Доносило с болот
Журавлиные крики,
И утопшая им
Улыбалась со дна...

Стёрта с лика страны
Та хмельная деревня,
Два пенька на бугре
Сиротливо торчат,
Где сидели с тобой
На скамеечке древней,
В обмелевшей реке
Хоронили закат.

Зелёная отчизна

Анатолию Байбородину

Ослепший дом. На брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих —
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.

Скорбит река о празднично идущих
По вечному — по Млечному Пути...
В заоблачных далёких райских куцах
Милей лугов, чем эти, не найти!

Прости живых, зелёная отчизна,
За то, что мы собой не дорожим,
За то, что мы на самом склоне жизни
Даём оценку радостям земным.

Ослепший дом. На брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

Домовуша

Слёзки льёт озябший домовуша,
Кто растопит глиняную печь?
Русских песен хочется послушать,
По дворам чужая льётся речь.
Помнится, хозяйка утром рано
На столешню сеяла муку:
На дорожку блинчиков румяных
Напекла последнему сынку.
Каждый блинчик, солнышком сияя,

Зайчиков пускал на потолок.
 — Я ещё вернусь, моя родная! —
 Улыбался матери сынок.
 За деревню с Богом проводила
 И, крестясь, благословила путь.
 Смелых, огнеоких девять было,
 Всех забрали, чтобы не вернуть.
 Раскидали по горячим точкам...
 На божничку общую свечу
 Ставила на здоровье сыночкам
 И ушла по звёздному лучу...
 Жалуется мышке домовуша,
 По дворам чужая льётся речь.
 Оттого и слёзки его душат —
 Не сумел свой угол уберечь.

Рыбачье горе

На дрожащих стеблях пели
 Колокольца череды.
 Мошкарю ловила пелядь,
 Вылетая из воды.
 Серебриста. Долговяза.
 — Эх, поймать бы хоть одну...
 Только вымолвил и сразу
 Поплавок ушёл ко дну.
 Будто ниточку гнилую,
 Поводок оборвала
 И проворно в глубь морскую
 Вместе с мушкой уплыла.
 Гоготал дикарь на взгорье,
 Ржали кони за Сармой.
 Разделил рыбачье горе
 Куличок береговой.
 Я поплакал с ним на пару,
 Мушку новую достал...
 Ничего легко и даром
 Не даёт седой Байкал!
 На дрожащих стеблях пели
 Колокольца череды.

Мошкару ловила пелядь,
Вылетая из воды.
И жужжала плавниками,
И ныряла в синий звон.
Сеял весело на камни
Позолоту махаон.

Напарники

Юрию Гуртовому

Медвежий рёв. Ночлеги. Лайки.
Магнитный взор седой луны.
В свои сибирские окрайки
Мы с детства были влюблены.

Из прорубей закаты пили,
Топтали хвойное руно,
Тайгу крест-накрест исходили,
Истёрлись посохи давно.

Ещё былых костров осветки
Коварно манят за хребты,
Где бородатый мох на ветках
Повис, как беличьи хвосты.

Там сердцу радостней стучится,
И от растопки сладок дым...
Мы — две печальных старых птицы,
Уже туда не долетим.

Утулик

Василию Забелло

1
Дятел клювом по выжерди стукнет —
И ведро над колодцем вспоёт.
Докрасна раскалённая клюква

Манит в зыби коварных болот.
 Ветерок, прилетевший с Байкала,
 В кошки-мышки играет с листом.
 Сентябрины — берёза опала! —
 Мы в ограде сидим за столом.
 Тётя Лина радёшенька-рада,
 Разносолами потчует нас.
 Дядя Котя при полном параде
 Выпил рюмку — душа напоказ:
 — Супостаты России не дремлют,
 И пока в жилах силушка есть,
 Бейтесь насмерть за отчую землю,
 За свободу, за русскую честь...
 Долу буйную голову свесил,
 Закручинился, больно смотреть.
 Чует смерть, оттого и невесел
 Синеглазый сибирский медведь.
 Подбодрила его тётя Лина:
 — Ты у нас настоящий солдат.
 Ранен в грудь, а дошёл до Берлина —
 Ишь, на френчике сколько наград!..
 Молодая картошка дымится.
 Мёд прозрачен — хоть окна стекли.
 Эти старые русские лица —
 Украшение нашей земли!
 Вот уйдут они в мир незабудок,
 Удалые кормильцы страны,
 И таких уже больше не будет
 На просторах родной стороны.
 Понаехало к нам новых русских,
 Копошатся вокруг — невпродых:
 Днём и ночью плодятся... моллюски...
 Подменяют собой коренных.

2

Как давно я здесь, Господи, не был!
 Навестить не пускали дела.
 Тётя Лина отправилась в небыль,
 Дядю Котю проведать ушла.
 Опустела без милых Россия.
 Лебеда на завалинке — в рост.
 Перестань убиваться, Василий,

Молча сходим давай на погост.
Я любил ненаглядных до дрожи,
Потерял слишком рано своих:
Так они друг на друга похожи —
От забот, от лишений земных!
Посидим в тишине, погорюем...
И пока в жилах силушка есть,
Мы ещё, сибиряк, повоюем
За свободу, за русскую честь.

Нефть

Глебу Пакулову

Закурейки, протоки, печки,
Серых изб лебедовая грусть.
В каждой ставенке, в каждом крылечке
Недобитая теплится Русь.

Сенокосы, тайга и болота.
Пот на лицах крутой, как тузлук.
Главный козырь — пушная охота,
И подспорье — картошка и лук.

Враг берёт деревеньку измором —
Ни гвоздей, ни стекла, ни зерна...
По державным когда-то просторам
Втихомолку шагает война.

Власть имущие точат балясы,
Раздают ордена стукачам.
Чуя гибель, на гнёздах бекасы
Исступлённо кричат по ночам.

Чужеземцы — убийцы, воришки
Надвигаются с разных сторон:
Скупают всё, и поднимутся вышки —
Кровь народа качать за кордон.

По речной голубой круговерти
Чертят грозные знаки стрижи.

Деревенька готовится к смерти,
Чистит ружья и точит ножи.

За родимую землю сельчане
Отдадут свою дорого жизнь.
Сколько в древних молитвах печали!
Сколько душ примет лунная высь!

На божницах отаяли свечи...
Серых изб лебедовая грусть.
В каждой ставенке, в каждом крылечке
Недобитая теплится Русь.

1991

Раскол

Словно чёрная бóрзая тройка,
Не давая опомниться нам,
Пронеслась по стране перестройка,
До небес подняла тарарам.

Кто зашёлся от криков победных,
Кто зловеще притих до поры...
Не помирят богатых и бедных
Никакие цари и пиры!

Упырь

Не однажды купленный и проданный,
Он при каждом строе и вожде
Бьёт челом, как самый верный подданный,
На державной кормится беде.
Заказной, прожжённый и увёртливый,
Выглядит до капельки родным.
Птицей с перерезанной аортою
Распласталась Родина под ним.

Праздничная скатерть

Домик. Окна.
Дымок над крышею.
Куры. Изгородь.
Два подсолнышка.
Незакатное
В небе солнышко...
Скатерть мама
Когда-то вышила.

Молодчинка

Женихов-то было мало,
Где тут выйти замуж!
Нагрешила-нагуляла
Выводок, а там уж:

Стряпка, стирка и починка,
Да работа в поле.
Не стыдилась молодчинка
Материнской доли.

По лугам ходила, пела,
Собирала разный —
Собирала клевер белый,
Розовый и красный.

Зелье парила-варила
В глиняной посуде,
Зауголышей поила
От лихой простуды,

От рахита, от испуга,
От беды, от сглаза,
От душевного недуга
И другой заразы.

Поднялась как на опаре,
Выросла орава:

Ну и девки, ну и парни —
До чего же бравы!

Хлеба за зиму съедают
Аржаного — тонну!
Папы рысью обегают
Сельскую мадонну.

Эти дочки и сыночки
Не потерпят срама —
Отшибут любому почки,
Кто обидит маму.

Всей семейкой клевер косят,
Радуются звонко:
— Под сердечком снова носит
Мама ребятёнка.

Не дают счастливой даже
Отщипнуть лучинку:
— Отдыхай, голубка наша,
Наша молодчинка!

Бегство

Станиславу Китайскому

Вот и последние утки
Взмыли в пустынную высь,
С посвистом, с ветром попутным
Строго на юг понеслись.

Долго товарища ждали,
Всё-таки бросить пришлось.
Крылья срastутся едва ли —
Дробью прошиты насквозь.

Канула в мареве стая...
Серым беглянкам под стать,
Видимо, тоже настало
Время и мне улетать.

Жаль расставаться с калекой.
Взять бы его, а куда?
Утренник выстудил реку,
И загустела вода.

Вой подвесного мотора
Хвойные глушат хребты.
Катится грозно Ичёра,
Вьёт ледяные хвосты.

Тихий рыбацкий пристанок
Был наяву или нет?!
К ласке привыкший подранок,
Крякая, гонится вслед.

Медведки

На опечках потрескался ил.
Лето. Свадьбы медвежьи.
Разжелтил, рассинил, раскраснил
Сеностав побережье.
Остроглазая. Тоненький стан.
И волнистые бёдра...
Нас будил на заре турухтан
Камышинкой о ведро.
Вился овод. Хрустел камешник.
Птахи нянчили деток.
Заглушал эту музыку рык
Разъярённых медведок.
Ты была в тот чудной сеностав
Горяча и упруга.
Вечерами — настоями трав
Мы поили друг друга.
Догорал развесёлый костёр...
В балагане под ветки
Я совал свой походный топор:
Баловали медведки!
Ты смеялась, перечила мне,
Мол, медведки не тронут...

Но храпели в ночной тишине
Долгогривые кони;
Осыпая горошины рос,
Громко ойкали птахи,
Беззащитно скулил старый пёс,
Лез в кострище от страха.
Ты отважно, в чём мать родила,
На покос выбегала:
То русалкой по травам плыла,
То жар-птицей сверкала.
Я к медведкам тебя ревновал.
Помню, были причины...
Задождало — поник астрагал,
Золотарник и чина.
Запорхал над Ичёрой снежок,
Хоп — и в армию взяли...
А в апреле родился сынок —
Михаилом назвали.
Ты писала про наш сеностав
И о прелестях луга,
Где настоем загадочных трав
Мы поили друг друга.
Вспоминала про зной и цветы,
Намекнув напоследок,
Что была легкомысленна ты
В отношении медведек...
...Наконец-то дошло до меня,
Что родился медведка!
За постылой казармой полдня
Пил от сердца таблетки.
Три наряда себе схлопотал.
Хитро лыбилась рота:
Косолапика нарисовал
Мне на кителе кто-то.
Командир не щадил молодых —
Топай без передышки...
Тут ещё на конвертах твоих —
Олимпийские мишки.
Письма сыпались, не было сил
Отвечать на приветы:
Миша, Мишенька и Михаил —
Раздражало всё это.

Охранял я прилежно Восток,
Славу армии множил,
А вдали подрастал мой сынок,
На медведку похожий.
Лягу спать и представится вдруг
Чёрный носик уродца...
Утешал опечаленный друг:
— Может, всё обойдётся?
Даже повар в столовой и тот
Из оконца справлялся:
— Как там тыга-топтыга живёт?
И уважить старался.
Друг за дружкой мелькали деньки,
Словно дикие пчёлы,
А медведки считали пеньки
На далёкой Ичёре.
Командир за солдата дрожал,
Бедный, выплакал очи:
— Хоть бы в лес поскорей убежал
Твой мохнатый сыночек!
А иначе — нежёванным съест,
Как безмозглую птичку,
Где поставим несчастному крест
И повесим табличку?

Вот и кончилась служба моя,
Отстрелялся я метко
И метнулся в родные края,
А с крылечка медведка:
— Папа-лапа вернулся домой!
Мама, мама! Скорее!
По-медвежьи потряхнул головой
И запрыгнул на шею.
На меня пошибал озорник,
Дал за это конфеток.
За околицей слышался рык
Разъярённых медведок.
Ты сказала, на грудь мне припав:
— Лето. Свадьбы медвежьи.
Время косы точить — сенокос,

Луговое освежье.
Остроглазая. Тоненький стан.
И волнистые бёдра...
Нас будил на заре турухтан
Камышинкой о ведро.

Владимир Гусенков

* * *

Поклонимся маю, сулящему мёд.
Он пчёл легкокрылых теплом обоймёт.
Он, небо отверзнув стридам молодым,
Сирени оденет в лазоревый дым.
От яблонь предместье, хмелея слегка,
Похоже, купило себе облака.
И дышится вольно, и город в цвету,
Но тянет куда-то, и сладко во рту.

Шагать по горячим тропинкам пора
Туда, где откинулась навзничь гора,
Где склонам клубникой манить суждено,
Где хвоя горчит, как сухое вино.
Там туча за лесом живёт, говорят,
Под синим шатром укрывая дождя.
Там грому шальному приснился уже
Трепещущий тополь на мокрой меже.

* * *

Нет моста через реку.
Мы на разных живём берегах.
Мне, как древнему греку,
Суждено заблудиться в лугах.
Афродита ли водит,
Или держит Цирцеи печать.
У богинь это в моде —

Гусенков Владимир Павлович, поэт, прозаик (род. в 1932 г. в г. Иркутске). Автор книг: *Корабли выходят на орбиты: стихи* (Иркутск, 1961); *Мой бедный Артаньян: повести* (Иркутск, 1987). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

То сводить, то опять разлучать.
Здесь туманы такие,
Здесь такие глухие места,
Здесь цветы полевые,
Как разверстые настезь уста.
Ты зовёшь — я не слышу.
И к тебе переплыть не могу
Под высокую крышу
На далёком твоём берегу.

* * *

Не бежал и не скрывался от пурги я,
Леденящей, как ушедшая эпоха.
А теперь одолевает ностальгия:
Хорошо ли было в прошлом, или плохо?

Не ушла пурга, но круче завывает,
И обещанная оттепель не греет.
На ветру колючем память остывает,
Кровь на солнце неотступно леденеет.

Чей же призрак бродит нынче у развалин?
Чьи глаза горят в ночи неугасимо?
Это Маркса тень, а может, это Сталин,
И могильщики, обещанные с ними.

Где же третий — перепутавший дороги?
Или, дерзостными помыслами мучим,
Ищет новые он пламенные строки
У засыпанных истории излучин.

* * *

Ещё рано проталины солнцу торить.
Ещё нечего стылým полянам дарить.
Непогода пока.

Непогода.

Подле куколок белых в кремле земляном
Муравьи почивают заботливым сном.
Даже стража забылась у входа.

В буреломе, в болоте,
 под палой листвою
Спит, угревшись, без страха
 народец лесной,
Что так радостно множился в травах,
Что так звонко вопил и вовсю хлопотал —
То сновал, то коварные сети латал,
Изощряясь в прехитростных нравах.

Скрыта снегом тропинка — до лета ничья.
Не слышать в тишине песнотворца-ручья:
Ледящей цензурой он скован.
Он под иней осенний предвидел беду,
Не давался он долго жестокому льду,
Но метелями был зацелован.

И, однако же, оттепель снова близка.
Скоро талым настоем задышит река.
Да очнутся безгрешные души.
И почует себя под водой стрекоза,
И подснежников нежные глянут глаза,
И кукушка обедню отслужит.

* * *

Живу в саду, где яблоки мои
Под самые морозы вызревают,
И трепетные пальцы их срывают,
Когда в горах уже молчат ручьи.

В тепле избы их сладок аромат.
Их запахом пропитана светлица.
Но не с кем за столом повеселиться.
И в этом поздний холод виноват.

Кого мне ждать, когда метель кругом.
И солнце, будто маска лицедея,
Глядит сквозь мглу, искрясь и холодея,
В безмолвии распятое нагом?

Лишь ветви шепчут, заслонив окно:
«Как резок ветер по ночам над садом,
не заслонить нас никаким фасадом,
и претерпеть всё это мудрено».

О, сад мой бедный, ты — не на века.
И ты умрёшь, как всякое творенье.
Но на изломе держатся деревья,
Пусть участь на ветру их нелегка.

* * *

Это жар в голове, или сон наяву:
Будто в городе этом один я живу.
И окрест — никого. И стоит тишина.
Я в безлюдье вдоль улиц брожу дотемна.
У подъездов машины в сгустившейся мгле
Точно сонные жабы припали к земле.
Звёзд очнувшихся оторопь. Гаснет заря.
Ни души в магазинах, распахнутых зря.
И собак не слышать. Не инстинкт ли немой,
Нашептав им погибель, увёл за собой.
Вон белье на верёвках — сухое давно.
Только вряд ли хозяйки дожждётся оно.
И не плачет ребёнок, не ропщет вдова,
Чья усталая кругом идёт голова.
Я бреду по музею, как прежде, один.
Но и здесь всё живое исчезло с картин.
Лишь ландшафты и те же пустые дома,
Словно в них отгостила недавно чума.
Льнут ступени к подошвам. И мрачен карниз.
Как Орфей к Эвридике, спускаюсь я вниз.
Опечаленный парк занемог без огней.
Пуст и холоден он. Преисподни темней.

Только где-то фонтан ещё ропщет во сне.
Да безгласные твари скользят в стороне.
То — голодные кошки (их спины — дугой)
Чёрным цугом упорно крадутся за мной.
В их горящих глазах вековая тоска.
Их кончина, я думаю, тоже близка.
Этот город сегодня — как цирк-шапито.
Где костлявые ведьмы играли в лото,
Где бесчинствовал клоун, а маг-чародей
Непристойные сны насылал на людей.
Завтра птица последней с ветвей упадёт,
И последний, наверное, дождик пройдёт.
И не знаю, проснусь ли я сам поутру...
Пот холодный со лба ледяного утра.

* * *

Поэты русские недаром
Радеть умели о труде,
И сексо-порно-перегаром
Смердело редко в их среде.

Сказать по правде, в дни застоя
Нас червь сомнения точил.
И умирали с перепоя,
И кто-то кляузы строчил.

Умно цензура величалась.
Рецензий падали дожди.
И громко рыкали, случалось,
На пьяных форумах вожди.

Сейчас не то. И это верно.
Скажу «счастливым» не во зло,
Что в лодке позднего модерна
Им, наконец-то, повезло.

Их кормчий — нынешний издатель,
Печатая не всех подряд,

Теперь уже — работодатель,
И он не беден, говорят.

Вот только не в ладах с ним что-то
Мы, не привыкшие, увы,
Ни угождать, ни лезть в болото,
Где уж едят — так с головы.

А вспомнить вскользь, не мы ли сами
Без принудительной нуды
О бескорыстии писали,
О людях из простой среды.

И темы эти души грели,
И спрос читательский не гас,
И в залах звёздами горели
Глаза, прощающие нас.

Вера Захарова

* * *

Погляди мне в глаза и — мимо,
Невлюблённый и нелюбимый.
Солнце накрест крестом оконным
Не зачёркивай, беззаконник!

Льнут к чужому лицу ресницы —
Отпусти меня.

Губы — горечь.
Отпусти за синие горы,
Отпусти, я — синяя птица.

Нас, как вещи, страхом страхуют,
А глаза — о другом тоскуют.
Вашим горем сыта по горло,
Отпусти меня в чудо-город.

Этот город во сне мне снится.
Как под нашим ласковым солнцем
Умирают синие сосны,
Умирают синие птицы.

Чудо-город, моя отравы.
Только может быть,
я не справлюсь,
О другом глаза затоскуют.
От любви у нас не страхуют.

Захарова Вера Геннадьевна, поэтесса, прозаик (1946, Нижний Тагил Свердловской обл. — 1993, Ангарск). Автор книг: *Я уже здесь была*: стихи (Иркутск, 1968); *Дневник*: стихи (Иркутск, 1973); *Семейные неприятности*: роман (Иркутск, 1983); *Ваш образ милый*: повесть, рассказы (М., 1988); *Весной*: повесть, рассказы (Иркутск, 1989) и др. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

* * *

Серенький полдень сквозь серенький дождик,
Мамин пустующий дом.
Здесь я была только маминой дочкой,
Гостьей за полным столом.
Писем я здесь и стихов не писала —
Детский вольготный мне мир.
Здесь — мои тёплые родинки знали,
Прихоти чтили мои.
Милые, добрые, тёплые стены,
Книги, цветы на окне.
Маминым ласковым запахом детства
Пахла подушка во сне.
Нынче здесь пусто и тускло, и тесно,
Пыль неживая в углах.
Здесь даже стены — чужие мне стены,
Мама моя умерла.
Осиротевшие вещи и платья,
Тусклая мёртвая ложь.
Мне бы заплакать, да нет, не заплачу,
Выйду под серенький дождь.
Просто, никто не поймёт, кроме мамы,
Боль не поделишь с чужим.
Просто здесь пахло аптечной ромашкой,
Маминым, милым, живым.
Как не поймёт нас француз или немец,
Наше и счастье, и боль,
Так непреложно нам отчее небо
Над материнской землёй.
И ни отнять, ни забыть невозможно,
Осознаётся с трудом:
Город, окраина, серенький дождик,
Мамин пустующий дом.

* * *

Была река. — Остался ручеёк.
Была толпа. — Остался человек.

Была звезда. — Угасла навсегда.
Беда.
Вся суета не стоила труда.
И ты закрой спокойные глаза.
Груз совести не тяжелее век.
Живут же без друзей,
 без звёзд,
 без рек,
А собирать их всех — корóток век.
Но будущее трудно предсказать.
Пусть ручеёк. — Он встретит океан.
Пусть человек. — Он толпы соберёт.
И новые миры родит звезда.
И что тогда?..

* * *

В окно, в пугающую глубь
Взглянуть, лениво отвернуться.
И непокорно улыбнуться
У самых губ, у ваших губ.
В который раз и не для вас
Молчать таинственно и длинно,
Копить усталые дождейки
На дне невыплаканных глаз.
И повторять, и повторять
Чужую боль, чужую глупость,
Чужие плечи обнимать,
Следить, как шевелятся губы,
И ничего не понимать.
Устану в ваши очи целить,
С чужим делить чужую дрожь.
К окну, как в маленькую церковь,
Уйду, дослушивая дождь.
Останется: теплом согреть,
Тяжёлым лбом оконный крест,
Взглянуть в окно на стынь и слякоть,
В ладони голову зажать
И долго вдохновенно плакать
Под колокольный звон дождя.

Тайная вечеря

Ни персты негодующей черни,
 Ни молитвы — вотще — у икон...
 Но в смущении тайной вечери
 Я вполне понимаю ЕГО.
 Плотник, умница, сыне Господний —
 Он, предвиденья дара стыдась,
 Как хотел бы не знать на сегодня,
 Что вот этот — назавтра предаст.
 И беспомощность Понтий Пилата,
 И Петра нерадивость. Судьба.
 Да и дело-то было не в плате —
 Дело было в тщеславье раба,
 Ибо было предательство смыслом,
 Диалектикой, мерой души,
 Ибо чести сопутствует низость
 Равновесно, как всякая жизнь...
 А пока пожимали десницы,
 И глаза улыбались глазам,
 А пока опускали ресницы
 Чуть поспешней, чем надо друзьям.
 И хотелось не думать, что будет,
 И довериться слепо судьбе,
 И хотелось бы думать, что люди
 Стоят, чтобы страдать за людей.
 И надеясь на позднее чудо,
 И страшась, что возврата уж нет,
 К Иисусу тянулся Иуда,
 Как казнимый — глядит на рассвет.

Баллада

А в это лето ты мне даришь розы,
 И мы живём без чая и вина...
 Где пропадала я? Да очень просто:
 Была зима, и я была одна...
 Шёл вечный снег, и в реках спали рыбы,
 Шли месяцы, безвыходно тихи.
 В ту зиму я отчаянно курила

И начала пописывать стихи.
По вечерам писала... Впрочем, мало...
Я только вечерами и жила.
Соседи очень рано засыпали.
Какая наступала тишина!
И — ни души. Одни часы стучали.
И некому сказать: «Какой мороз!..»
Но, слава Богу, мой весёлый чайник
Свистел и пел, и всякий вздор молот.
Ты не поверишь, то-то было счастье!
У локтя — книга, в комнате светло...
К апрелю распаялся старый чайник,
Уже не пел — пылился под столом.
Да...
Становились всё длиннее дни,
Сырее снег, прокуренной обои.
По-прежнему ходила на работу,
А вместо чая слушала синиц...
Что было дальше, лучше или хуже,
Уже не помню. И зачем теперь?..
Но помню дождь, и как я шла по лужам,
И — чудеса! — незапертую дверь.
И свежей грязью тёмный пол заслежен,
И зайчик на прокуренной стене.
Кто был? Не ты ли был? Но кто-то нежный
Подснежники оставил на столе...
А дальше было нынешнее лето.
И — жить, и ни о чём не вопрошать.
Нести лицо в лесной, в зелёный лепет,
К губам твоим, не глядя, не дыша...
И солнца мало, лета, лета мало!
Встречаться утром, до утра гулять.
Забавно, я тогда не понимала
Как было невозможно без тебя...
Не сумасбродна. Это гроздь бродят
Вином, под солнцем, при честном народе.
И я тебе, как зёрнышко, видна...
Где пропадала я? Да очень просто:
Была зима, и я была одна.

* * *

Рождённый светел. Он о смерти
Не ведает. Но разум мстит,
И мне, девчухе пятилетней,
Немыслимое предстоит:
Мне, жизнерадостной, беспечной,
Узнать сознательную грусть,
Что я — прибор недолговечный —
Когда-нибудь, как все, умру.
И день за днём уйдёт неспешно,
Утихнет первая беда.
«Когда-нибудь!» — И я утешусь,
Преобразую в «никогда» —
В пять лет осознанная мудрость...
Но пять умножатся на пять,
С тех пор, как я играю в жмурки,
А перед сном глаза зажмуришь,
Умножишь на два двадцать пять —
И то с избытком...

И опять

Узнать, что вся от пят до темени,
Ума и чувства светотени,
Мой жест и шеи поворот,
Моих капризов, вкусов гений —
Всё-всё моё со мной умрёт.

И грустно, страшно и нелепо
Подумать, что пройдёшь бесследно.
А время гонит, время — травит:
Работа, радости, семья...
И что отдать, и что оставить
От всех моих возможных «я»?

Сергей Иоффе

* * *

У крылечка — скамья, кадушка.
Посредине двора — турник.
Деревянная сараюшка.
Вышка с флюгером. Дровяник.

За оградой — картошка, грядки,
перелесок, пустырь, овраг.
Там играли в лапту да в прятки,
там курили тайком табак.

В коммунальном барачном быте —
нескрываемом, без затей —
было много больших событий
и доподлиннейших страстей.

Было много и слёз, и песен —
мало снеди и барахла.
Быт был скуден, убог и тесен,
но уверенность в нем — жила.

Без прописки жила, без спроса,
часто — логике вопреки:
и в душе старика Федоса —
что вернутся с войны сынки,

и в бессонных молитвах бабки —
что у дочки проснётся стыд,

Иоффе Сергей Айзикович, поэт, прозаик (1935, Смоленск — 1992, Иркутск). Автор многих книг, в т.ч.: *Желание* (Иркутск, 1964: *Бригада*); *Надежда* (Иркутск, 1966); *Мужчины* (Иркутск, 1972); *Живут стихи: этюды о поэтах* (Иркутск, 1979); *Отзвук* (Иркутск, 1980: *Сибирская лира*); *Северные поезда: очерки* (Иркутск, 1986); *Время вышло* (Иркутск, 1995); *Невозвратные края* (Иркутск, 2005). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

и в мечтах непутёвой Клавки —
что Иван, отлупив, простит,

и в сумбурных, взрывных, как порох
(не сносить тебе головы!),
нескончаемо-долгих спорах
независимой пацанвы.

Мы большими себе казались:
сквернословили без стыда.
Мы знавали обиду, зависть,
но безверие — никогда.

Каждый верил не в то, так в это,
безусловно сходясь в одном:
вот как только придёт Победа,
лучше некуда — заживём.

Синяки получая в драках,
мы, случалось, таили злость...
А безверию в тех бараках
просто места бы не нашлось.

СЛОВО

Мы притворяться не умеем,
дела и помыслы — чисты.
Но как немеет,
как немеет,
сажая за белые листы!

Какая мертвенная пропасть
от наших дум —
до наших слов!
Какая немощная робость
честнейших душ, лихих умов!

Не нам ли, радуясь и мучась,
писать всю правду до конца?

Иначе — гибельная участь
раба,
придворного певца.

Терпение

В солидные журналы не стучусь.
Не взбадриваю шпорами Пегаса.
И с первого сознательного часа
безмерному терпению учусь.

Что проку в скороспелой болтовне,
в безудержном потоке суесловья?
Пииты богатырского здоровья,
бодряческие песни — не по мне.

Вот и слыву угрюмым чудаком.
Мой оптимизм — совсем иного склада.
Легка из рук ценителя награда,
да тяжело отрабатывать потом...

* * *

Какие женщины встречались!
Нет, не на жизненном пути,
а просто утром мимо мчались,
весь день навстречу попадались,
в любой толпе обозначались —
ну ни проехать, ни пройти!

Улыбки. Возгласы. В движенье
весь, ветром вылепленный, стан.
И рук полёт. И ног скольженье.
И ожиданье, напряженье.
И дерзкий — до пренебреженья! —
взгляд-обещанье, взгляд-обман.

О, эти взгляды роковые!
О, эта древняя игра!
Здесь всё старо и всё впервые.
Здесь всё смешалось: вековые
инстинкты, страсти огневые,
полупритворства мишура.

Смотрины! Танец ритуальный!
И в этом сонме женских лиц
я разглядел твой взор печальный,
старозаветный, изначальный,
почти греховный и опальный,
лазоревого, из-под ресниц.

* * *

Благословенные края,
я ваш в любую пору.
Кривая улочка моя,
что от Байкала — в гору.

И покосившийся забор.
И ветхая калитка.
И ручеёк, бегущий с гор
заливисто и прытко.

И вы, соседи-добряки,
и вы, что похитрее...
Я вдаль гляжу из-под руки.
Скорее, кэп, скорее!

Идём, плывём, летим туда,
где ни хандры, ни смуты,
туда, где лучшие года
промчались, как минуты.

* * *

Ты про недуги снова:
мол, снадобье не впрок.
Молчу и ни полслова
не вставлю поперёк.

Не вторю и не спорю —
такие времена...
Помочь сумела б горю
ну разве что война.

Она б не различила,
кто хвор, а кто здоров.
Она бы излечила
получше докторов.

Она бы прописала
и скатку за спиной,
и шмат свиного сала
для печени больной,

и марш-броски ночами,
и спирта по сто грамм
(хоть сказано врачами,
что это вредно нам)...

Ты про недуги снова:
мол, снадобье — не впрок.
А я тебе два слова,
три слова поперёк!

Не о войне, конечно,
нет, боже упаси!
Да будет мир навечно —
для всех и для Руси!

И не атаку сходу
прописываю я,
а марш-бросок в природу,
ночёвку у ручья.

Ночной байкальский холод —
он самый лучший врач...
А утром сладим колот
и двинемся в кедрач.

Ореховое дело
нагонит аппетит...
Рискуй, пока я смелый.
Никто не запретит.

Оставь свою берлогу,
не то пойду один...
Ну, так и быть: в дорогу
возьмём валокордин!

Потомку

Далёкий, премудрый потомок!
Моя бестелесная тень
сквозь дебри веков и потёмок
стучится в твой праведный день.

Услышав подобие стога,
захочешь ли внять, господин?
Единственный шанс из миллиона.
Цепляюсь за этот один.

Историк, философ, послушай.
Разгадан секрет бытия,
да только болящую душу
тебе не постичь без меня.

Беспечное, райское время.
Всесилен, как бог, человек.
Блаженства несладкое бремя
тебя придавило навек.

Пусть даже ещё не угасла
нетленная жажда ума —

ты бьёшься над тайной напрасно.
Раскроется тайна сама,

лишь ты — не Иисус и не Будда —
мне дерзость с улыбкой простишь,
свершишь ординарное чудо
и к жизни меня возвратишь.

Прошу, умоляю о чуде!..
Нимало я не огорчу —
сомненью, отчаянью, смуте
и болям своим научу.

А если они не по нраву,
а если некстати они,
верни меня ради забавы.
Ну что тебе стоит? Верни.

Ты зрелищем будешь доволен.
Без милой, без дома, без прав
очнусь и заплачу на воле,
родимой земли не узнав.

Ты меня не кори

Ты меня не кори,
будь со мною нежна.
Напой, накорми,
Коль зовёшься «жена».

Окна в ночь распахни,
верхний свет погаси.
Помолчи. Отдохни.
Ни о чем не проси.

На земле тишина —
не спугни тишину.
Мне сейчас не до сна —
я всю ночь не усну.

Как обманчив покой
этих тихих ночей!..
Я нескладный такой —
и не твой и ничей.

Ничего не хочу.
Всё сижу и дымлю.
Всё брожу и молчу.
И другую люблю.

Не коришь меня. Но
сам себя я корю...
А стихи всё равно
я тебе подарю.

КНИГИ

М. Сергееву

Мужское дело — книги покупать.
Водить знакомство с книгопродавцами,
со старичками, мудрыми дельцами —
любую древность могут откопать.

А книга, что древнее — то ценней.
И это не причуда букинистов,
чей нюх остёр, чей промысел неистов,
чей помысел о книге, лишь о ней.

Листаем, как ласкаем: чуть дыша.
Спешим прикосновеньем насладиться...
И чувствуем, что этак — не годится,
что надо бы всерьёз и не спеша.

Да только — где нам! Дети городов,
мы всё бежим за временем вдогонку.
Привыкли мы откладывать в сторонку
то, что небыстрых требует трудов...

Святое дело — книги покупать.
Хоть знаешь: не прочесть и половины.
Но книги в том нисколько не повинны.
И не спешат ни жить, ни погибать.

Несправедливость

Памяти отца

Как много значил батин труд —
дороги, города...
А что стихи? Они текут
сквозь пальцы, как вода.

Кого хоть раз утешить смог,
от стужи убережь?
И даже если хвалят слог, —
не крыша он, не печь.

Меня печатают давно,
пожалуй, двадцать лет.
Не знаменит, не славен, но
считается — поэт.

И чтоб от прочих отличать
мои стихи вовек,
идёт фамилия в печать:
мол, автор — имярек.

А что дома? Молчит фасад.
Немые корпуса.
На них — ни имени, ни дат,
пелёнки пёстрые висят,
как будто паруса.

Пойди, пройдишь по этажам,
спроси и там и тут:
«Кто этот дом построил вам?» —
Руками разведут.

Несправедливостью такой
я маюсь, хоть кричи.
Составил опус — видно: мой.
Стоят дома — ничьи.

Ничей завод. Ничей дворец.
Кварталы без конца...
Куда ни глянь — везде отец.
И нет нигде отца.

Немые дни

Памяти мамы

Немые дни.
Безмолвные недели.
Но бьётся мысль —
простая, как озноб:
осиротели мы, осиротели,
и нету рук —
приткнуть горячий лоб.
И надо притворяться терпеливым.
И тягостно участие родни.
И каждый, утешая торопливо:
«Не вы одни, — твердит, — не вы одни».
Не мы одни!
Пойди сочти по свету
всех горемык, заблудших и сирот...
У тех — отца,
у этих — веры нету,
а там, глядишь, сиротствует народ.
Весь мир в потерях, горестях, утратах,
а нам ничуть не легче оттого.
И мы уже не ищем виноватых,
не знаем смысла горя своего.
Но выживаем.
Тупо и упрямо
идём сквозь ночи, сквозь немые дни...

«Ты не ушла, — твердим. —
Ты с нами, мама.
Не мы одни, — твердим, —
не мы одни».

* * *

Боюсь остаться в памяти твоей
беспомощным, подавленным, недужным,
себе осточертевшим и ненужным,
каким я буду на закате дней.

Боюсь остаться в памяти твоей
неискренним, неправым, безучастным —
пусть я таким бывал не очень часто,
но чем обида реже, тем сильнее.

Царапина от милого больней,
чем от врага безжалостная рана...
Твержу никчёмно, поздно, покаянно:
Боюсь остаться в памяти твоей.

Во сне и наяву

— Что ты плачешь? Опомнись, любимая,
а не то ведь и я зареву.
Плач во сне — словно горе незримое,
лучше уж наяву, наяву...

— Снилось, будто бы руку ссадила я,
от обиды мне больно вдвойне...

— Все как есть твои ссадины, милая,
по моей, по невольной вине.
Виноват, что привязчив не в меру я.
Нетерпим. Нелюдим. Грубоват.
Что живу, не смиряясь, не веруя,
не прощая... Кругом виноват!..

Сон ли явь — всё тебе одинаково:
Снова плачешь, смятение чиня.

— Нет, во сне беспечально я плакала.
Ну зачем разбудил ты меня?

Виктор Киселёв

Русские леса

Люблю леса России...

Под Москвой

Запомнили захватчики навеки,
Как встали неприступною стеной
Прославленные Тульские засеки.

В лесных завалах тысячи стрелков
Скрывались, Русь родную охраняя,
Громили орды диких крымчаков,
Отбрасывали полчища Мамая.

Зазубренные выставив штыки,
Гудели ели похоронным звоном,
Когда в лесу громили мужики
Псов-рыцарей из чёрного Ливона.

И проглядел надменный Бонапарт,
Как с флангов обошёл его Кутузов...
Над головой подняв ветвей штандарт,
Дремучий лес зажал в тиски французов.

И помнит партизанская тайга,
И люди, помрачневшие от горя,
Как падали на русские снега
Непрошенные гости из-за моря.

Киселёв Виктор Владимирович, поэт, прозаик (1918, Иркутск — 1978, Иркутск). Автор многих книг, в т. ч.: *Хороший обычай*: стихи (Иркутск, 1958); *Любовь моя — тайга*: стихи (Иркутск, 1964); *Не в зверинце, а в тайге*: стихи для малышей (Иркутск, 1965); *Шиворот-навыворот*: пародии и подражания (Иркутск, 1976); *Шестой океан* (Иркутск, 1977; *Сибирская лира*); *Большая вода*: роман (Иркутск, 1971); *Кордойская быль*: повесть (М., 1975) и др. Член Союза писателей СССР.

Когда затмив собою небеса,
Опять пришли с войною чужеземцы,
Народ ушёл в дремучие леса,
И не было в тылу покоя немцам.

Я — старожил лесных сибирских мест,
Мне дороги и рощи, и дубравы —
Наш русский лес, неистребимый лес —
Испытанный зелёный щит Державы!

* * *

Женщина бывает без причины
Сердцем и воинственна и зла.
Но рука её
В руке мужчины
Трепетна,
Податлива,
Тепла.
Потому-то мы,
Идя на муку,
Добровольно отправляясь в плен,
Просим у любимой
Только руку,
Сердце отдавая ей взамен.

Следы

Попробуй тут не удивись:
Бор в мареве опаловом
Следами запятнала рысь
Следами пятипалыми.

Но я разгадкой удивлён:
Нет,
 не следами рысьими,
Всю просеку усыпал клён
Оранжевыми листьями.

Байкал

Его природа создавала
В далёком веке,
В древней мгле...
Я вижу контуры Байкала,
Как полумесяц на земле.
Хребты — Приморский,
Баргузинский
Его прикрыли с двух сторон.
Великой силой исполинской
Байкал издревле наделён.
Разнообразный,
Многоликий,
Семи ветрам подставив грудь,
Спиной опёрся на Великий
Сибирский путь,
Железный путь.
Решительный,
Неустрашимый
Покорный гордо только нам,
Он подопрёт своей вершиной
Дорогу северную — БАМ!

Сосна и берёза

Острою секирою ранена берёза...
А. К. Толстой

Читатель,
Извини меня за прозу...
В осенний полдень,
В прошлую войну
Осколком мины ранило берёзу,
Другим осколком ранило сосну.
Берёза сохла
От смертельной раны,
Глубокий шрам не сгладили года.
Она,
Утратив грациозность стана,

От ветрагнулась, никла в холода.
А рядом с нею
Хвойная сестрица
Стояла прямо,
Вечно молода,
Как йодом, рану затянув живицей.
От шрама не осталось и следа.

Жестокая война
Не повторится.
Но отголосок до сих пор звучит:
Врачует раны у сосны — живица,
И у берёзы
Сок — кровотоцит...

Лесной пожар

Опять весна запахла гарью,
Запахла злом пороховым.
И по всему по Приангарью
Плывёт слоёный горький дым.
В чужих руках мелькнула спичка:
Вспорхнул проворный огонёк,
Как в жёлтом оперенье птичка,
Как краснокрылый мотылёк.
И вот —
Нашла коса на камень,
Стена столкнулась со стеной.
Сошлись зелёный хвойный пламень
И пламень красный огневой.
И с вероломством супостата
Огонь ползёт через кордон,
И, жадным пламенем объятый,
Деревьев рушится заслон.
Почуя смерть, взлетают птицы,
Бежит зверьё,
Ползут ужи:
Спасть за огненной границей.
Не лечь у огненной межи.
Медведь переплывает реку,

И покидает волк тайгу.
Бегут к жилищу,
К человеку —
К спасителю,
А не врагу.
И только дрогнул щит зелёный,
Смяв опалённую броню,
Непробиваемым заслоном
Встал человек —
Лицом к огню.
...Редет дымная завеса,
Над лесом зарева круги.
Спасибо, люди, вам от леса,
От обитателей тайги.
Я дописал стихотворенье,
Но точку ставить не могу.
Есть частное определение
К НЕМУ,
Поджёгшему тайгу!..

Шестой океан

Есть пятый океан —
Воздушный,
Он синим светом осиян.
И есть ещё один —
На суше —
Шестой зелёный океан.

Он равно «Тихий» и «Великий»,
Многообразный и простой.
Он нам дороже всех реликвий
Своей безбрежной красотой.

На нём и в ясную погоду
Гуляют буйные валы.
Его вздымают к небосводу
Литые медные стволы.

Хранитель доброй
Русской силы,
Былинный гордый великан,
Краса и гордость всей России —
Шестой зелёный океан!

Анатолий Кобенков

* * *

Я однажды лежал на зелёной траве,
на зелёной-зелёной,
настолько зелёной,
что земля мне казалась зелёной и небо,
и минувшие годы зелёными были.

И в подъездах, заполненных тьмою зелёной,
поцелуй был зелёным на вкус и на запах,
и травинка зелёной была,
и дорога,
и стихи,
и зелёные капли на них...

Вот как всё это было,
а вы говорите,
что бывает на свете печаль или радость...
Я уверен —
достаточно, чтобы на свете,
было что-то зелёным,
зелёным и только!..

Первое увольнение

Какая погода сырая!
До нитки промок городок.

Кобенков Анатолий Иванович, поэт, критик-эссеист (1948, Хабаровск — 2006, Москва). Автор многих книг, в т. ч.: *Улицы* (Иркутск, 1968: *Бригада*); *Вечера* (Иркутск, 1974); *Два года* (Иркутск, 1978); *Послание друзьям* (Иркутск, 1986: *Сибирская лира*); *По краям печали и земли* (М., 1989); *Круг* (Иркутск, 1997); *Строка, уставшая от странствий* (Иркутск, 2003); *Путь неизбежный*: книга литер. эссе (Иркутск, 1983) и др. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Я тёплой рукой прикрываю
слепой папиросный дымок.

И листья ещё не истлели,
и шапка ещё не нужна,
но всё-таки выйти в шинели
вчера приказал старшина.

И нравлюсь я в ней,
между прочим,
не только себе,
а всему:
трамваям,
деревьям,
рабочим,
домам и дождю самому...

* * *

Вот и кончились наши свиданья,
наши встречи в каморке моей.
Начинается лиц увяданье
по указке, неведомо чьей.

Начинается небо в полосочку —
дождик сеется: лету — отбой,
и душа моя требует тросточку,
потому что рассталась с тобой...

Стали в очередь воспоминания...
Оттого-то и сердце болит,
что одно из них,
давнее-давнее,
всё без очереди норовит...

Вечер в провинции

Евгению Раппопорту

В провинцию входила темнота.
Она располагала к разговорам
о холодах,
которые наступят,
о валенках,
что надо покупать.

На скользких крышах
спотыкался дождь.
Он задевал ногами подоконник
и ветки,
и срывался на асфальт,
разбрасывая руки...

Я сидел
на низеньком скрипучем табурете,
смотрел в окно,
и маленький еврей,
начальник похоронного оркестра,
рассказывал мне,
как на той неделе
у них из похоронного оркестра
навек ушёл хороший барабанщик, —
он был влюблён в бессмертный марш Шопена
и в женщину Нехаму, что слегла,
когда ушёл из жизни барабанщик,
и умерла через четыре дня...

В квартире было тихо и спокойно,
и тикали часы,
и табуреты
скрипели, как осенние качели,
и булькало в надтреснутой бутылке
дешёвое вино...

Я вдруг увидел,
как спать ложится старый барабанщик:
погладив барабан в прихожей тёмной,

он спать ложится,
чтоб уснуть навеки,
чтоб завтра увести свою Нехаму
не в парк,
не на концерт,
а в новый мир...

Я закрывал глаза и улыбался,
я слушал, как, покашливая, тихо
начальник похоронного оркестра
мне говорит:
— Вы знаете,
с тех пор
никто не умирает,
лишь Нехама
ушла от нас в тот непонятный мир,
и знаете, мне кажется,
что люди
боятся умирать:
никто не хочет,
чтобы ему бессмертный марш Шопена
исполнили бы мы без барабана,
вы знаете, никто не умирает...

Я улыбнулся этому еврею,
и я поверил всем его рассказам,
и молча выпил за его здоровье...

А через час я уезжал,
в вагоне смеялись люди
и играли в карты.
Я им сказал:
— Товарищи!
Молчите!
Мы покидаем город,
где неделю никто не умирает, потому что
у них из похоронного оркестра
навек ушёл хороший барабанщик.

Игра

Играли,
играли,
играли...

В жмурки играли.

Поочерёдно закрывали глаза руками,
прятались кто куда...

Однажды
закрыл я глаза руками,
выкрикнул считалочку,
пошёл искать,
и никого не нашёл —
все спрятались очень хорошо:
кто превратился в примерного
семьянина,
кто ушёл ловить сайру в море,
а Танька
сбежала в старые девы.

* * *

Зимой, весной, осенью и летом
я вас любил.
Вы помните об этом?

Я приносил вам самый первый снег,
который таял на ресницах ваших,

а если вам ночами было страшно,
я вместе с ним являлся вам во сне.

Зимой, весной, осенью и летом
я к вам спешил.
Вы помните об этом?

Я приносил багул вам по весне,
и стены ваши розовыми были,
и если вы кого-нибудь любили,
я вместе с ним являлся к вам во сне.

Зимой, весною, осенью и летом
я вас любил.
Вы помните об этом?

Я стал цветком засохшим на окне,
листочком, истлевшим в книжке позабытой,
и может быть, поэтому сердитым
я всякий раз являюсь вам во сне

Зимой, весною, осенью и летом...
Я не устал.
Не думайте об этом.

* * *

Ночами в родительском доме
с трудом засыпал иногда,
но было ли что-нибудь,
кроме
желания славы тогда?

По Волге гулял на пароме,
умел боронить и косить,
но было ли что-нибудь,
кроме
желанья слова находить?

Неужто не спал на рассвете,
в глаза целовал лошадей
затем,
чтобы только поэтом
прослыть среди добрых людей?

* * *

Василию Козлову

Нет, не только затем, чтоб когда-то
над придуманной нами строкой
наш потомок случайно заплакал,
мы опять повторились с тобой.

Потому и живём на планете,
и ещё повторимся не раз,
что ни лодки,
ни малые дети
не научатся плавать без нас.

* * *

Разве дело в печали, которой я жив,
или даже в мотиве, которым я стар,
или в том, что я песенке сердцем служил,
а она убежала, от сердца устав...

и не в том эта боль, что прибилась ко мне,
и не в том, что могла бы прибиться к тебе,
а, наверное, в том, что в иной стороне
и с иной стороны я не стал бы иным...

* * *

Набери, пожалуйста, мой номер,
я тебе отвечу — не совру:
если жив, скажу что я не помер,
если мёртв, скажу, что не живу...

Набери мой номер наудачу —
разве плохо, если будешь знать,
что не умер — думаю и плачу,
не живу — и пробую молчать...

Василий Козлов

* * *

Ольге

Светлый месяц в окне как младенец...
Этой схожестью удивлена,
Ты широкое платье наденешь
И пойдёшь на прогулку одна.

Взгляды встречных тебе непривычны.
Замираешь от смутных надежд,
Покупаешь незрелые вишни
И, как в детстве, немытыми ешь.

У тебя скоро дочка родится —
Ожидание как волшебство.
И светлеют вечерние лица
От смущенья лица твоего...

Воскресение

I
— Воскрес! Ты слышал, говорят...
Ликуй, Ерусалим!
Исус, что был вчера распят,
Из гроба встал живым.
Чудесной вестью воскреслён,
Народ возликовал:
— Исус, что был вчера казнён,
Живым из гроба встал!

Козлов Василий Васильевич, поэт (род. в 1947 г. на ст. Оловянная Читинской обл.). Автор книг: *Уроки доброты* (Иркутск, 1975: *Бригада*); *Есть у меня на свете брат* (Иркутск, 1979); *Стихотворения* (Иркутск, 1985); публикаций в коллект. сб. и периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

«А вдруг всё это сущий бред
Досужего ума,
И воскресенья в мире нет?» —
Так размышлял Фома.

Христос возник пред ним, как свет.
— Что, воскресенья нет?..
Горел предсмертной мукой лик,
Взгляд кроток был и тих.

— Ты видишь рану на груди?
Потрогай, подойди.
Теперь ты веришь или нет?
Фома молчал в ответ.

— Вот солнце, чудо из чудес,
Его не меркнет свет.
Для тех, кто верит, я воскрес,
У мёртвых — веры нет.

И
Пред храмом замер крестный ход,
Как год, как век назад,
И в ожидании народ
Застыл у древних врат.

И золотые купола
Из мрака смотрят в нас.
И так торжественно-светла
Открытость ясных глаз.

Христос воскрес! Христос воскрес!
Взлетает до небес,
Но и с восторженных небес
Гремит: Христос воскрес!

Ударил колокол с небес.
И чудо из чудес:
— Христос воскрес! Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Преображение

О. Каллинику Подлосинскому

Я в этот храм на косогоре
Люблю ходить по воскресеньям
И в переполненном притворе
Внимать чуть слышным песнопеньям.

Я дальше в храм пройти не смею,
Я не готов к духовной битве.
Но тихий голос иерея
Зовёт, зовёт меня к молитве.

Я вспоминаю день вчерашний,
Он длился праздно и уныло.
А в храме свет почти домашний
Исходит от паникадила.

Я вспоминаю, как их много,
Ушедших и живущих рядом,
Кого обидел ненароком,
Кого отринул грубым взглядом.

И что мне опыт мой и знание —
Плоды угрюмые гордыни?
Слезой единой покаянья
Я дорожить готов отныне.

Я верю, что от сна сомненья
Душа неверная очнётся,
И дивный свет преображенья,
Быть может, и меня коснётся.

Могильщикам России

Вам не впервой готовить сруб
Всемирной домовины,
Вам запах свежей крови люб
И привкус мертвечины.

Россию рано хоронить.
Напрасны кривотолки.
— Вдевай, вдевай слепую нить
В ушко кривой иголки!

Ещё рождает боль и крик
Растерзанное тело.
Ещё не омертвел язык
И ткань не отвердела.

Сшивает нить, сживляет нить,
И смерти тень исчезла...
Россию поздно хоронить,
Она уже воскресла.

Она в пределах тех высот,
Откуда вечность грянет,
Куда и взгляд ваш не дойдёт,
И голос не достанет...

Другая жизнь

Виктору Бронштейну

1
Искусывая в кровь сухие губы,
Ты бился в лапах страха своего...
Но вострубят Архангеловы трубы,
Народы встанут пред лицом Его.

Ты уповал на Бога в укоризне,
Ты отвергал величие Творца.
Но как не ведал ты начала жизни,
Так не увидишь и её конца...

2
Когда душа оставит тело,
А тело выстынет в земле,

Жизнь без начала и предела
Пойдёт по новой колее.

Для новой жизни жизнь очнётся,
И не поймёшь, была ли мгла
Меж той, которая начнётся,
И той, которая была.

Памяти поэта

Моя поэзия здесь больше не нужна...
С. А. Есенин

Никогда я не был в Константинове
И уже не буду никогда...
Там осенний лёгкий свет осиновый
Отражает стылая вода.

От стогов в длину ложатся тени,
Вздрагивают стрелы камыша.
Здесь тебя для страшных потрясений
Выстрадала русская душа

И вручила огненной стихии,
Ненасытной гордости страстей.
И судьба великая России
Отразилась в гибели твоей.

И из наших дней смешных и диких
Я кричу, что здесь не нужен ты,
Может быть, последний из великих
Плакальщиков русской красоты.

Голос твой в родном краю всё тише.
Русской песни минула пора.
И страну правят нувориши,
Маклеры, воры и шулера.

Взвейся, очистительное пламя!
Пусть в сплошном огне погибну сам,

Но твои стихи несусь, как знамя,
На груди по вражеским тылам.

Чтоб мой внук заплакал над тобою,
Как когда-то в детстве плакал я,
Постигая с болью и тоскою
Тайный смысл родного бытия.

* * *

Я стою над ликующей бездной.
Звезды плачут, мигая во мгле.
Неужели была бесполезной
Жизнь моя на цветущей земле?

Я ещё не устал улыбаться,
Знаю радость и горькую страсть.
Может, выше уже не подняться,
Но и ниже уже не упасть.

И стоять над ликующей бездной.
Хорошо, когда вспыхнет гроза,
И смотреть, как по грани отвесной
Тихо катится Божья слеза.

Может быть, не напрасны страдания
На закате исполненных дней.
Дал бы только Господь покаянья
В непостыдной кончине моей.

* * *

Г. Гайде

Уходя, задержись на пороге,
Оглянись на оставленный кров,
Только в дальней и грустной дороге
Осознаешь значение слов.

Обними меня, друг, на прощанье
И не прячь затуманенных глаз,
Пусть как клятва звучит обещанье
Помнить срок и назначенный час.

Над Россией застыло ненастье,
Но пробьётся, затеплится луч.
Не терзай себя призраком счастья
И вселенской тоскою не мучь.

Всё проходит, и пьянство и слава,
Блеск богатства и мерзость канав,
Но и падшая наша держава
Краше многих цветущих держав.

Уходя, задержись на пороге,
Оглянись на последние дни
И спасительной мыслью о Боге
Неисполненный путь осени.

Лишь в пути открываются дали,
Холм за речкой и храм над холмом.
Этой горькой и сладкой печали
Не постичь просвещённым умом.

* * *

Г. Гайде

Я оставил на том берегу
Свои лучшие годы...
Вот бреду по колени в снегу
И желаю
Здоровья — врагу,
Заключённому — скорой свободы.

А тебе я желаю любви,
Что ушла безвозвратно...
Жизнь былая, зови не зови,
Не вернётся обратно.

Но отрадно встречать холода
Посреди заметённого поля.
Лучше было — не знать никогда
Это слово жестокое — воля.

Пусть хоть стая волков обступает в кольцо,
Но, надеясь и веря,
Я и смерти в чужое лицо
Посмотрю со спокойствием зверя.

Вот и красное солнце из снега встаёт,
Купол храма в огне золотится...
Тот, кто в сердце воскресшего Бога несёт,
Никого, ничего не боится.

Иван Козлов

* * *

Есть звёздный час,
И есть последний час,
А между ними истина простая —
Сей бранный мир
однажды покидая,
хотел бы я, мой друг, увидеть Вас.
До судных дней, до грани неизбежной,
Я слово заповедное храню —
за наш разрыв и светлый, и мятежный,
мой милый друг,
я Вас благодарю.

Свершилось,
как и должно, искупленье
за суетное наше бытие —
я посылаю Вам благословенье,
любовь и покаяние моё.

Под звёздами в ночах мерцают реки,
вершит свой путь земная красота —
Храни Вас днесь и присно, и вовеки
Небесных сил святая чистота.

* * *

Вся душа моя словно застыла,
погружаясь в неведомый мрак,
когда слово мне явлено было
как сомненья убийственный знак.

Козлов Иван Иванович, прозаик-очеркист, поэт (род. в 1936 г. в г. Иркутске). Автор книг: *В гостях у декабристов* (Иркутск, 1975); *Колокола не умолкают* (Иркутск, 1979); *Самая долгая зима* (Иркутск, 1986); *Книга о Шелихове* (Иркутск, 1997); стихотворных подборок в коллект. сб. и периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

И отпрянул за облако свет:
— Вы не женитесь, милый поэт...
Под созвездья, как тяжкие птицы,
долгих лет улетали страницы
и под сводом вселенского мрака
обретали судьбу зодиака.

И неведение долго и строго
изнуряло меня до того,
что уже меж душою и Богом
не осталось почти ничего.

Звёздный пояс сомкнул зодиак,
и отхлынул неведения мрак.

Из весенней капли и света,
ослепляя, явилась комета —
на исходе двенадцати лет
я нашёл твой утерянный след.
Я пришёл в небольшой городок,
В тихий дом у таёжных проток.
Твои губы, неслышно, как травы,
колыхнулись:
— Какими ветрами?..

И в тот миг неземного желанья,
Неподвластный словам и уму,
я унёс золотое сиянье
в золотую и жаркую тьму.

Позабыв искупленья дороги,
торжествующим стоном дыша,
в запредельные хлынув пороги,
прикоснулась к бессмертью душа.

Отрывки из триптиха «Нижнеудинск»

Ты пишешь мне о городе твоём,
Ты так его красиво величаешь,
Как будто бы легенду сочиняешь,
И благоденствуй,
Милый друг, на том:

«В белёсой мгле дороги и дома —
Плотнее снег — на улицах темнее.
Вступает мир в эпоху Водолея —
На Нижнеудинск падает зима...»

.....

Твоё письмо
В заснеженном конверте
С наплывами рассветных облаков
Явило грусть о друге и поэте,
Затерянном в бескрайности снегов.

Я внемлю.
Я квартиру закрываю,
Беру билет
И, завернув цветы,
Заснеженную ночь переплываю,
Укрывшую и реки и мосты.

И всю дорогу
За окном вагона,
То въяве, то в каком-то полусне,
Алмазная подвеска Ориона
Стекает тихой музыкой ко мне.

О чём она?
Конечно, о тебе.
О городе за дальнею рекою,
О том, что будет явлено в судьбе
Начертанное звёздною рукою.
Я спал, но просыпался, как всегда,
Под шум пролётов над рекой Уда.

.....

Быть женщиной —
Это искусство
Сильнее шальной красоты.
Прости мои давние чувства —
Я вспомнил — ты любишь цветы.

Цветы откровенно глазасты,
Как ты,
не глаза — родники.
Цветы я дарил, но не часто,
И реже гораздо стихи.

Но, впрочем,
Здесь правила нету,
И тем наша жизнь хороша,

Что мы получаем ответы,
Которые ищет душа.

И спорить мы с этим не будем.
Нам нежность дана не взаймы —
Тебе я привёз в Нижнеудинск
Цветы среди белой зимы.

Твоя непритворная милость
Сердечней любой доброты —
И искренно ты удивилась:
«Зима — и живые цветы!»

Но нет,
Удивляться не надо.
И летом, и долгой зимой
Будь счастлива просто и рада,
Что мы повидались с тобой.

Пусть память твоя не ветшает —
Что было — пребудет всегда,
Хоть жизнь наша вдаль убегает,
Как светлая речка Уда.

* * *

Я живу средь байкальских лесов
У лазурного края,
Где в откате февральских снегов
Тает тень золотая.

Там в таёжную светлую даль
От полдневного солнцеворота,
Из Байкала уходит хрусталь
В Золотые ворота.

Тонкой кромкой на камне звеня,
Тает солнечный слиток —
Из ладоней февральского дня
Мы испили небесный напиток.

Приворотная сила воды
И сильна, и опасна.
Огради нас, господь, от беды,
И спаси от соблазна.

Небо в чистую воду глядит —
Ни тумана, ни тучи —

Нашу светлую тайну хранит
Мир таёжных излучин.
Золотится в полнеба гора,
И тот день провожая,
От Байкала,
Как дочь — Ангара,
Ты махнула рукой, убегая.
На весну развернулся февраль
По огням небосвода.
И, как время, уходит хрусталь
В Золотые ворота.

* * *

Столько лет без тебя
Я шагал то легко, то устало
К дальним звёздам твоим,
Что призывно мерцали вдали.
Время нас развело
И сближало потом неустанно
На весёлых и шумных
Бескрайних дорогах земли.
Столько лет без меня
Твои звёзды над миром качались,
Уходила зима
И снега просыпались звеня.
Ты мечтою жила,
И в мечту свою тайно влюблялась,
И, влюбившись, ждала,
А чего — ты не знала сама.
Столько лет без тебя
Я встречался с любовью земною —
Я дороги любил,
Я легко покидал города.
Я легко выживал
От разлук, сочинённых судьбою,
Но всё ближе и ближе
Твоя полыхала звезда.
Столько лет без меня
Как весенний поток отшумело,

Срок настал, и дорог
Неразрывно сомкнулось кольцо.
 Под высокой звездой
Ты была в ослепительно белом,
И в ладони твои,
Преклоняясь,
Опустил я лицо.

* * *

 Похоже,
так устроено судьбою —
из-под небесных золотых планид
стремительно несутся над землёю
потоки серебристых леонид.
 Вселенная на миг не забывает
Рождённых ею самых малых чад,
И из глубин пространства посылает
Высокий дар — полночный звездопад.

 Пускай не всё
Ты о Вселенной знаешь,
Но выйдя в август,
В предосенний сад,
Закрыв глаза, в ладони принимаешь
Небесный дар —
Великий звездопад.

 Пребудут на земле друзья и внуки,
Но ты живи легко и невпопад.
И пусть летит в распахнутые руки
Вселенский дар — полночный звездопад.

Иннокентий Новокрещенных

Сквозь театральный занавес

И древний город, и тенистый сад
мне снятся вновь, когда бушует ветер.
Сосульки в тихой полночи висят,
и клумбы расцветают на рассвете.

И на рассвете просыпаюсь я,
я встаю из тлена Древней Трои.
Здесь воины-герои — как друзья,
мои друзья как древние герои.
И я иду к бойницам отстоять
мои полуразрушенные стены.
Сжимает век меня, как рукоять,
бросает жизнь меня под задник сцены.
Идёт спектакль... И знать бы, сколько лет
проходит от рассвета до рассвета.
Сию минуту нужен мне ответ
(я завтра обойдусь и без ответа).
Сию минуту нужен мне пророк:
узнать бы, что там в новом акте пьесы,
и на какой из тысячи дорог
мои сойдутся с миром интересы?
На первом плане сцены — короли.
Им за руины города не стыдно.
Зарею занимается вдали
рассвет...

как занавес...

И ничего не видно.

Новокрещённых Иннокентий Фёдорович, поэт (род. в 1932 г. в с. Красное Поселъе, Забайкалье). Автор книг: *Пробный камень* (Иркутск, 1965); *Розовый олень* (Иркутск, 1966); *Часы* (Иркутск, 1970); *Людмила* (Иркутск, 1979); *Голос* (Иркутск, 1983); *Снег забинтовывает раны* (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

В трёх соснах...

Предо мной лежат солидно
белый путь, чёрный путь...
И отраднo и обидно...
Э-гей! Кто-нибудь!

Я — домашний крот, по сути,
а по логике вещей,
я — рюкзак тяжёлой ртути.
Кто-нибудь, э-гей!

Да, в моих сермяжных жилах
спит не кровь, а пляшет ртуть.
Я её сменить не в силах...
Э-гей, кто-нибудь!..

Вдаль уводят, извиваясь,
белый путь, чёрный путь...
И кричу я, надрываясь:
— Э-гей! Кто-нибудь!..

* * *

Двое. Каждый о своём.
Каждый — в жизни тонем:
то смеёмся, то поём,
то от горя стонем.
У расколотых корыт
время прядью тянется.
Терем сказочный сгорит,
а шалаш останется.

Я на всё искал ответ,
в мир глядел с опаской.
Дверь в бескрайний белый свет
красил яркой краской.
Чей я подданный теперь?

Жизнь моя — обочина.
А покрашенная дверь
с гневом заколочена.

Но единственный венец
что-нибудь да значит.
Пусть родится сорванец
тот, что наспех зачат.
Вот он ходит, говорит...
ручкой к солнцу тянется.
Временный шалаш сгорит —
дом родной останется.

Мир в пиршеской чаше, или Время работы над переводами монгольской и бурятской поэзии

Жёлтая кайма вплеталась в лето,
листьями летя из-под машин.
Помню жест восточного поэта —
правнука былых улигершин.
Вот застыл его знакомый профиль,
пред которым пенилось вино...
И стихи...
И азиатка Софи...
И Дориму ждали из кино...
Время мчалось то потоком серым,
то в тревоге бешеной, в огне.
Верил я, что по осенним скверам
роза Азии спешит ко мне.
Загляделся в пиршескую чашу
мир, что поднят за моей спиной.
Но не опрокинут.
Гостью нашу
ждём под солнцем или под луной...
Развернулось время, укатило
на буланом вздыбленном коне.
А Дорима всё не приходила:
через всю планету шла ко мне.
День угасший, не мираж ли это?..

Прорывался непомеркший свет
сквозь слова восточного поэта —
утешенья, брошенного вслед.
Я ушёл, бродяга, ночь смеялась...
И листвою гремел бессонный лес.
А Дорима навсегда осталась
в мире сновидений и чудес.

* * *

Мир земной: поэты и пираты...
Мир земной то мягок, то жесток:
где-то — и добычи и награды,
где-то просто — фиговый листок.

Шар земной, он, на поверку, тесный.
Кто там — со щитом, кто — на щите?
А на чердаке поэт известный
умер этой ночью в нищете.

Солнце в небесах висит немое:
ни вопрос во взгляде, ни ответ,
Словно ни на суше, ни на море
ни поэтов, ни пиратов нет.

Горестный сонет

Сегодня принимающий всерьёз
лишь свой покой да хлеб, который сдобен,
ты не способен горевать до слёз
и заболеть любовью не способен.

Однажды после лёгкого дождя
увидишь невзначай на солнце пятна, —
недоуменно руки разведя,
ты равнодушно скажешь: — Непонятно.

И вот вдали от суеты мирской
на «умников» ворчишь, на непокой
беззлобно, лишь бы время скоротать.

Есть для тебя единственный совет:
запомни этот горестный сонет...
А сердца нет? По благу не достать.

* * *

С весны обжитой уезжаю,
где солнце растопило льды...
Мне вечным пленом угрожая,
пришла ты, юная чужая...
С какой планеты иль звезды?..
В меня вселенностью вплеснулась...
как будто только что проснулась
любовь в галактике земной.
Так нет — откуда-то иной,
совсем на бранных непохожий,
(хотя был просто так — прохожий)
явился бравый звёздный князь.
Ты с ним в свой прежний мир вернулась,
со мною даже не простясь.

А мне — вагонный борщ на ужин.
Буфетчик, чарочку налей!..
Я снова никому не нужен
в системе Солнечной моей.

Томления странствующего

Что может быть в жизни нелепей
бездомной чужбины земной.
Увидел я облако в небе,
что словно следило за мной.
Лукавое море лежало,
на солнце лаская бока,

на лоне своём отражало
плывущие вдаль облака.
Лежало, глядело, молчало.
От думы моей в стороне.
А в эту минуту звучала
тяжёлая песня во мне.
Надрывисто. Многоголосо.
И — дерзок, изменчив, хитёр —
вдруг ветер сорвался с утёса
и крылья вокруг распростёр.
О! Если б в пути я не встретил
тоску в нелюдимом краю...
Послушай, сказал бы мне ветер,
осеннюю оду мою.
Уступы ленивые мoya
и рифы круша под собой,
послушай, сказала бы море,
как в бурю играет прибой.
А песня всё сдержанней, тише...
И с ветром пропала во мгле.
Пройдя по уступам повыше,
я долго стоял на скале.
Плыл мир фиолетово-синий:
и остров, и горы, и лес.
И облако пухлой гусыней
куда-то упало с небес.
Представ отчуждённым сначала,
не видя, что я одинок,
теперь море тоже скучало,
лениво вздыхая у ног.

* * *

Сегодня я лечу
как все,
сквозь бездну,
волнуясь,
уставая
и скорбя.
Потом меня не будет —

Я исчезну:
оставлю горстку строк взамен себя.
Сегодня и судить меня не надо,
но там,
когда я перейду мосты...

Всё значимое началось
с мечты;
Как и любовь в нас началась
со взгляда.

Царь-пушка
Поэма (в сокращении)

Лунька ноги из звонницы свесил,
Потянулся, поскрёб в голове,
Пальцы в рот и — залиvistо, весело —
Свистом с кровли сорвал голубей,
Аж старушка на паперти
 в страхе
Руки взбросила в маленький крест:
«Парень в красной, как пламя, рубахе —
Не звонарь, Бог прости меня, — бес!».
— Ого-го-о! Не узнала! Ну, ловко-о!
Лунька я! Ты пошто заспала-а?!.
Намотав на ручищи верёвки,
Стал позыбывать колокола.
А в небушке синь-то какая!
Хоть рви на рубашку лоскут...
Серые галочки стаи
Ором будили Москву,
Ярью на солнце взблескивал
В руках у стрельцов булат
Да плавильсь золотом дерзким
Соборные купола.

Будоражил весёлый, шалый,
По Москве распolzаясь, слух:
«Пушку мастер отлил небывалую!
Во́ две са́жени!! Бо-о-ольше двух!».

Пакулов Глеб Иосифович, прозаик, поэт (1930, станица Бусеевская Амурской обл. — 2011, Иркутск). Автор книг прозы: *Тиара скифского царя* (Иркутск, 1970); *Горнист Чапая и Сказка про девочку Лею...* (Иркутск, 1971); *Варвары* (Иркутск, 1976); *Глубинка* (М., 1981); *Останцы* (Иркутск, 2002); *Гарь* (Иркутск, 2005; М., 2010); поэтич. сб. *Славяне* (Иркутск, 1964; *Бригада*); Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

— О такой не слыхали доселе! —
 Мужичок ткнул соседа в грудь. —
 Слышь-ко, надоть подводу зелья
 Ей в хайло, чтоб разочек пальнуть!
 Брось, Иван, торговать ватрушки,
 Суй лоток к моему под клеть.
 Братцы-ы! Энто же диво, не пушка!
 Все айда на Пушкарской, гляде-е-ть!

2

— Фу-у, жарища у чёртова горна, —
 И детина прильнул к бадье.
 С губ срывались студёные зёрна,
 Гасли в смóлевой бороде.
 — О-ох, водица! Нутро охолóнул.
 Прощка, глянь-ко, к нам скопищем прут...
 Над Москвою малиновым звоном
 Колыхался тугой перегуд.
 Чохов кудри рукою тронул,
 Пальцем сдвинул ремень со лба:
 — Ну, суди, Русь!

И ахнула стоном

Обступившая пушку толпа.
 — Люди-и! Эво бяда-то какая!
 — Жми поближе!
 — Ай стрелит!
 — Не трусь!
 — Эту матушку в жисть не охаять,
 Русь, она мастерица, Ру-усь.
 — Ковач — дьявол!
 — Не глумничай, дьяче,
 Сам Псалтирь на копыта сменил!..
 Подскочив, словно войлочный мячик,
 Дьяк к Разбойному засеменял.
 Вслед пустив ему ругань злую,
 Сплюнул, шапку срывая, кузнец.
 — Чохов, дай я тебя расцелую,
 Ну, хитёр, брат, утешил, литец!

Бороды мяли заморские гости,
дивились:

В Руси, ан, искусники есть?
И трогали жерло опасливо
трьостью:

— Страшна, аки смерть, а очей
не отвести.

В толпе хохотали, вздыхали,
Почёсывали кулаки...
Принюхиваясь, сновали
В толпе приказные дьяки.
У подслуха волчья повадка —
Кормит чужая кровь.
Парень со каменной кладки
Крикнул, ломая бровь:
— Вот эта бы ловко сдунула
Хоромы бояр на дрова!
К парню меж спинами сунулась
Приплюснутая голова.
— Стрельцы-ы! Государевы речи-и!
Дьяк покосился зло
И голову спрятал в плечи.
— Ивашка-хамовник,

холоп,
Таит государю измену-у!
Хватай, не стой дураком!..
Парень дьяка тиснул об стену,
Поддел сапогом.
А крики и справа и слева:
— Следы из Москвы умой!
— По ней, по боярской сугреве,
Пальнём ишшо, братец мой!
— Живей на Ордынку двигай,
Не то на дыбу к Луке-е!..
Валялся пластом ярыга
С гусиным пером в кулаке.
А рядом седой и присталый
Тревожил сердца домрачей,
И Родина в песнях вставала
Из пепла под скрежет мечей.
Шли деды в присохших повязках...
Сказитель потряхнул головой,

Побелевшей в сабельных лязгах:
— Потешу ужю плясовой!

Как на кружечном дворе
Государевом
Шкуру с пѣтухов дерут
Словом цѣревом.
Нам от хмеля не проспаться,
Хмеля дымного.
Станут головы кататься
В поле дынями.

Ой, кум, короб дум,
Да кнутуют люто.
По Руси над людом глум —
Кáты-малюты!

Чохов к певцу протолкался:
— Громче, дед, за душу тронь!
Под насупленной бровью
катался
Переливами синий огонь.
— Песня горькая — нам не отравя.
Жарь, что нá сердце! Верно, братья?
Как с Руси разбазарили славу
Эвон те, что раззявили рты.
В диво?... То-то! И мы не уроды.
Есть чего показать-поглядеть!..
Басовито, в обстанье народа,
Слову мастера вторила медь.
— Ох-хо-хо! Обмочило со страху!
Ткни ослопом — не двинутся с мест!
Хохотал, и о грудь под рубахой
Гулко бухал нательный крест.

.....
.....

3
Солнышко как на салазках
Съехало на косогор.
Вспыхнул приснившейся сказкой

Девятиглавый собор.
Пров на него покрестился
И вновь зачеканил легко.
Звон молотка разносился
Весело и далеко.
А Чохов, приспинившись к пушке,
Растроганно и тепло
Глядел на церквей макушки,
И по щекам текло.
— Ой, Русь, ты сильна и богата,
Спорить с тобой не рискуй.
Ума у тебя — палата.
Што ж немцев зовёшь на Кукуй?
Своих молодцов не достало?
Нет, Родина, лада моя,
Ты кровью не раз подплывала,
Ан выходили — своя!

— Андрей, да ты плачешь, ли чо ли?
— И каюсь и маюсь — молюсь.
Эх, Прошенька, нам бы да воли,
Я даже подумать боюсь,
Што сможет наш русич...
— Гляди-ко!
Седой бородёнкой тряся,
Тряпьем чуть прикрытый,
в веригах,
Единственным глазом кося,
Тащился к ним старец Афонька,
Сошедший с ума под кнутом,
Гнусава хихикал тихонько
Беззубым ввалившимся ртом:
— Быть беде-е, быть беде-е,
Кровь течёт по бороде.
Пригрейте Афонечку голого,
А Луньке оттяпали го-о-лову.
— Луньке, бормочешь ты вроде бы,
Да что ты блажишь, юродивый?!
— Тело пляшет на полу,
Вьются кудри на колу!
— Андрюшка-а! Идут из Кукуя!
Вернись!

— Прогони их не ждя!..
Шлёпнулись в землю сухую
Первые капли дождя.

Потемнело. Ветер разбрасывал
Струи пригоршней. Весел и дик
У собора под ливнем приплясывал
Одинокий юрод-старик.
Туча молнией подпоясалась,
Порет брюхо о шпиль церкви.
Лыва, светом лучин помазанная,
У открытых кабацких дверей.
Пробежал человек, сапогами
Бухнул в лужу и вычерпнул свет.
Кабатчик всплеснул руками:
— К Лобному в ночь! По Москве!
Чохов метнулся под стены,
Псы, воя, скакнули в овраг.
Вспыхнул в сполóхах Блаженный
И провалился во мрак.
Брызнула искр позолота
С маковки до комля,
Как будто ударил кто-то
Кресалом по башне Кремля.
— Лу-унька! Вставай, надёжа!
Уйдём! Ты же на ноги гожа...
По красной в подтёках рогоже
Картечью нахлёстывал дождь.
А ветер вцепился в бороду,
А темень плывёт в глаза.
Хохочет над мокрым городом,
Зубы скаля, гроза.
— Ну, братка, прощай ненадолго.
Вернусь — отзвоню-ю. А допрежь
Бежать мне пристало волком
На Волгу, аль в Радонёж.
Люд в темноте своей страшен.
От тьмы сей — и плаха и кол.
Кровушкой дешевой нашей
У неба набряк подол.
Светало... Исхлёстанный ливнем
Город устало вздыхал.

Радуга яркими бивнями
Прорезала облака.
Едва со звонниц о Боге
Напомнили звонари,
Зашлёпал по мокрой дороге
По лывам, по космам зари.
Дорогой шагал не новой,
По той, что собой увела
Болотникова и Рублёва
Из душного им угла.
Куда вела — вольная знала, —
Где ветер ковыльный свежей,
Чтоб вспучилось да захлестало
Порусье огнём мятежей.
Чтоб рабскую выплеснув долю —
Русак, беспокоен и скор,
Пошел-загулял по приволью,
Угрюмо крестясь на топор.

Анатолий Преловский

Осень

Отзвенело медвяное лето,
желтый август, с земли уходя,
посбивал лепестки позднецветов
серебристою плёткой дождя.
От порочных насиженных ветел
неторёной тропой, налегке,
ревизором придирчивым ветер
зашагал по звенящей тайге.
Он ко всем приставал: «Покажи-ка,
что ты на́жил? Прожил каково?»
И просилась тугая брусника
в золотые ладони его.
Кедр дарил его шишкой смолистой,
в пики брали его камыши,
наклонясь головой золотистой,
рожь просила его: «Причеши!»
Строгий ветер! Придирчивый ветер!
Надышавшись тайгой допьяна,
он придёт и к тебе, на рассвете
стукнет ставнем глухого окна.
От него отвернуться не сможешь,
и услышав: «Прожил каково?» —
что свершил ты и что ты положишь
в золотые ладони его?

Преловский Анатолий Васильевич, поэт, драматург, переводчик (1934, Иркутск — 2008, Москва). Автор многих книг, в т.ч.: *Багульник* (Иркутск, 1957); *Берега: стихи* (Иркутск, 1960); *Пятый угол: пьеса* (М., 1961); *Чёрная работа: стихи* (М., 1966); *Смешанный лес* (Иркутск, 1977: *Сибирская лира*); *Земная тяга* (М., 1983); *Избранное* (М., 1984); *Вековая дорога: свод поэм* (М., 1986); пер. с бурят.: *Великий Гэсэр* (М., 1999); *Тувинская народная поэзия XIX века: из фольклор. собр. Н. Ф. Катанова/пер., перелож. А. Преловского* (М., 2002); *Северный эпос: Памятники сибирского фольклора XVIII — XX веков/сост., пер. и перелож. А. Преловского* (М., 2003); *Сонеты* (М., 2008); и др. Лауреат Государственной премии СССР. Член Иркутской организации Союза писателей СССР в 1950–1960-е гг.

ЗИМНЯЯ ГОСТЬЯ

Дом в снегу, и дорога зальдела,
и слабеет по-зимнему свет.
Вот и птица в окно залетела
по законам недобрых примет.
По законам недоброй природы
ищет птица тепла и зерна:
не нужны ей простор и свобода,
нужен кров для голодного сна.
Ты зачем у меня поселилась,
нагнетая тревогу и грусть?
Всё уже в моей жизни случилось,
я уже ничего не боюсь.
Ничего для меня не осталось,
лишь тебя накормить, обогреть,
лишь бы ты за меня попыталась
и летать, и гнездиться, и петь.

Ерусалимка

Любовь к отеческим гробам...

А.С. Пушкин

Иркутска городская завязь
росла в тайгу от Ангары,
но призадумалась, уставясь
в подножье некрутой горы:
на ней кресты уже стояли,
в ней кров последний обрели
все те, кто город основали
и храм нагорный возвели.

Землепроходческий, служилый
Иркутск столетьями сходил
под соснячок зеленокрылый
и глубже — в таинство могил, —
так, по-бурятски родовой,

святой по-русски, издавна
горушка стала, и молвою
Ерусалимкой названа.

1

Так что ты есть, Ерусалимка? —
дорожки, холмики, кусты,
песочек, камешек да глина.
Нет в том особой красоты.
А всё ж, от мала до велика,
всех притягал твой окоём.
Ах, милая Ерусалимка,
вся жизнь моя — к тебе подъём!

На том ерусалимском спуске,
как нынче понимаю я,
в непотопляемом Иркутске,
мужала молодость моя.
Туда с уроков мы сбегали,
туда с блатными драться шли,
туда девчонок увлекали,
там и костры, и время жгли.

Там юность длилась и не длилась,
отодвигалась на потом,
и что-то вечно шевелилось
под каждой веткой и кустом:
то ль букли, то ль гусарский ментик,
то ль представительный пиджак,
а чаще — друг любви, студентик,
с подружкой свежей так-на-так.

Там пулемёт на пьедестале
бетонным поводит стволом,
там предки спали и не знали,
какой грядет им костолом,
какие им готовят штуки
за их великие труды
неукоснительные внуки,
что выдумкой любой горды.

Потом, потом свершит всё это
герой обкомовских трудов...
А я всё там — средь тьмы и света,
и груз любви нести готов.
А я, как прежде, не умею
собрать, что порвано, и сшить —
с колючей памятью моею
хоть в видимом согласье жить.

2

На том ерусалимском взвозе
под свежий посвист бытия,
как встарь, у варварства в обозе,
плетётся молодость моя:
её, уже получужую,
как будто яблоню в цвету,
благоговея, возношу я
на нашу с нею высоту.

Ещё могил не разрывали,
ссылая в бездну даже прах,
и плит могильных не взрывали,
чтоб утвердить себя в мирах.
Ещё струилась манна с неба
на одичавшую сирень,
на купол родового склепа
и памятников светотень.

Ерусалимка принимала
под сень нерубленных ветвей,
Ерусалимка обнимала
нешумной зеленью своей.
И кто-то вдумчивый над нами
дождём познания орошал,
и кто-то вежливый под нами
ласкать любимых не мешал.

На той ерусалимской горке
теперь ни молний, ни зарниц.
Давно истерлись в прах подпорки
сто раз новлённых половиц.

Всё поросло бурьяном рьяным,
дома схилились, обветшав, —
так дурень гнётся в танце пьяном,
ногою тщась попасть в рукав.

Сюда ли я тогда стремился,
сюда ли от всего сбегал,
когда без памяти влюбился
и сердца не оберегал?
Над нами облака сияли —
и нас, и городской излом
невозмутимо осеняли
молочно-ангельским крылом.

Мне сердце снова рвёт на части
воспоминание о той
непреходящей юной страсти
к моей подруге золотой:
к душе бесхитростно открытой,
к дрожанью рук, к движенью век,
к любви, теперь полузабытой,
но нескончаемой вовек.

К той златокосой, белотелой
и от смущения блажной,
к которой тягой оголтелой
прикован был как раб цепной,
жизнь прислонилась — сразу, плотно,
назло хуле, молве, родне,
и думалось: бесповоротно...
Да мало ли, что мнилось мне!

Ах, как легко тогда любилось,
когда взаимностью колен
сплетались судьбы, сердце билось,
происходил жизнеобмен!
И сколько раз я всласть, в обнимку,
в кипенье яблонь возносил
подругу на Ерусалимку,
не чувствуя ни ног, ни сил!

Так отпусти меня, дурёха,
останься там, где ты была!
С тобою целая эпоха
души и жизни отошла.
Так отслоись от боли глаза,
отдельно от меня живи!
Но нет, божественна зараза —
свет недолюбленной любви.

3

В твоих кудрях клубилось небо,
в твоих глазах густилась тьма.
Иркутск любил тебя свирепю,
а я был просто без ума.
Когда взбегала на подмости
и заводила монолог,
то и старухи, и подростки —
все у твоих у белых ног.

Что там толкнуло нас друг к другу,
что ввергло в ангельскую дрожь,
сквозь лет стремительную выюгу
не углядишь и не поймёшь.
Но это чудо было, было:
нас, будто в голову вино,
ударило, а не разбило,
расшибло, но свело в одно.

Вот здесь жила ты, чудо света,
меня по вечерам ждала.
А я и до сих пор — всё где-то,
где жизнь своё не отжила,
где боль своё не отболела,
где шум поэзии не спал,
где без души ещё ни тела,
ни рук никто не отдавал.

К избе с подсолнухом на грядке
взбегаю, а в глазах темно.
Вот шаль на прясле: всё в порядке,
и можно залезать в окно.

И можно быта пыль и пену,
как скуку жизни, отряхнуть,
и к благосветлому колену
всей беспризорностью прильнуть.

Да, здесь и плакалось, и пелось,
не просыпалось поутру.
Но, боже мой, куда всё делось,
в какую ахнуло дыру?
Где этот смех неповторимый,
где этот бесконечный взгляд?
Теперь, лишь памятью хранимый,
он иногда зовёт назад.

Вдоль этой лестницы скрипучей
судьба не зря нас провела,
чтоб съединить на всякий случай
и душу мне спалить дотла.
Чтоб вечным фениксом вставала
из бездны лет любовь моя
и отболеть не позволяла
высокой хворью бытия.

4

Ерусалимское кладбище
от наших перестроек всех
теперь беспамятно и нище,
и фарисейски впало в грех.
Сдаёт — как старец седовласый,
сдаёт землю в поднаём
то импортной обжорке частной,
то переторжищу рваньём.

И там же зоосад заезжий,
обдуривать стараясь нас,
своих зверей облезлых держит
и деньги лупит за показ.
На прахе прах и вор на воре, —
ведётся так который век.
Свобода — как дыра в заборе:
пожалуй, смелый человек!

Действительность без оговорки
минувшего замыла след.
Прогнили сваи и подпорки,
перильца и ступени лет.
Лишь вездесущая крапива,
в мазутных метинах трава
да блёстки банок из-под пива
напомнят мне, что жизнь жива.

5

Где эта лестница, которой
никак не мог я обойти
ни в юности, на страсти скорой,
ни в старости, где все пути
задумчивы — от прожитого,
неторопливы — оттого,
что груз не сказанного слова
на совести лежит мертво?

Власть неподвластна просвещенью,
её неизменяем лад
ни при народном возмущенье,
ни при движении на спад.
Власть властности не изменяет,
лишь делает порою вид,
что бдит, внедряет, охраняет
и обновляться норовит.

Привыкший ниже падших падать
кого вознёс, кого простил?
А здесь — достоинство и память,
и почитание светил, —
вот почему Ерусалимке
был пантеон вменён, как зло.
И начался разор великий,
а с ним и власть саму снесло.

Но как усердно корчевали
зорители — загробный мир
тех, кто Иркутск мой начинали,
тех, кто кормили всю Сибирь!

Тех, кто себя вручая Богу,
прошли едва ль не полземли
и русской доброты дорогу
по-за Аляску провели.

В двадцатых, пламенем объятых,
рабочие — всех прочих жгли,
а дети их — в шестидесятых
на битвы с прошлым перешли:
живые с мёртвыми схватились,
но так же классовой борьбой
и злобной удалью светились
глаза творящих тот разбой.

За то, поди, что честно жили,
что обустроили Сибирь,
посмертной казни заслужили
прах и кладбищенская пыль,
где мирно спали Сукачёвы,
Трапезниковы, Баснины,
Сибиряковы, Мясниковы —
отцы Иркутска и страны?

Там пращуры мои лежали,
чьи жизни изошли в трудах.
Их, как всегда, изничтожали:
казачество внушало страх,
дворянство вызывало зависть, —
вот снова спохватилась власть,
что до войны, как оказалось,
всласть кровушки не напилась.

Там плач живых стоял до неба,
с немым укором мёртвых слит:
вскрывалась заповедность склепа,
вывёртывался мрамор плит.
Того же, кто не шёл наружу
иль много требовал труда,
обматерив и в гроб, и в душу,
вбивали в вечность навсегда.

Зачем приспичило обкому
свой танец на костях сплясать? —
неясно никому другому,
и нынче всё не описать.
Но тем и нас ведь власть крушила,
в нас память изводила, жгла,
и, обездушив, оглушила,
да расшибить-то не смогла.

Учитель, призабытый ныне,
мне сетовал на Падуне:
«Должны быть все-таки святыни
в любой значительной стране».
А я, хоть слушал Смелякова,
но сам-то полагал, что мне
важнее честно и толково
служить народу и стране.

Но ни страна, ни население,
ни сам великий мой народ
не осудили разоренье
дворов и кладбищ в этот год.
И замахнулись стройплощадки
на святость областных столиц,
как кукурузные початки —
на вековечный край пшениц.

И взвыл динамик стоголосо,
софиты принялись гореть,
и стали чёртovy колёса
детей и мамочек вертеть.
И закрутилось, задымилось
натужное веселье там,
где падших ожидали милость
и благо — припадать к крестам.

И никого не расстреляли,
как до войны да и в войну,
бывало, миром всем карали
за смятую скотом копну.
А на Ерусалимском взгорье
за этот срам уж сколько лет

Загоскин с болью в медном взоре
один стоит, держа ответ.

6

И вот я снова поднимаюсь
по следу страсти молодой,
и вновь тревожить принимаюсь
слой памяти под лебедой.
Стыда как будто не изведав,
сменявши горе на беду,
по косточкам отцов и дедов,
скрипя суставами, иду.

Я сам — как все, мне раньше было
важней отеческих могил,
главней: чтоб жизнь меня любила
сильней, чем я её любил.
В сиротской жажде соучастья
я сам тогда не понимал,
с какою однобокой страстью
я мир людей воспринимал.

Где ж лестница, что прямо в небо
звала, вела, — скажите, где?
Прелестница, что пуще хлеба
в войну, притягивала, — где?
Где сам я, потерявший брата?
Где мир, что потерял меня?
Всё обветшало безвозвратно,
куда ни глянь — зола, стерня...

Но что за чудо! — мне навстречу
опять, опять спешит она,
желтоволосо, белоплече,
томлением напоена.
Кто ж ты, туманец из тумана?
С тобой ввергаюсь вновь в беду,
где, встретясь и расставшись странно,
я переповторенья жду.

Какая сила неземная,
то распиная на кресте,
то словно черновик сминая,
держала нас на высоте?
Нас, маленьких ещё, зелёных
как лист кладбищенский в руке,
в себя сильнее, чем в жизнь,
влюблённых, от гибели невядалеке?

Несуществующих ступеней
вновь чувствую добрейший скрип,
и девственность прикосновений,
и расставанья первый всхлип.
Как будто юность вострепенулась,
и жизнь не надо ворошить,
а то, что призраком вернулось,
умом и сердцем допрожить.

Когда прохладного колена
коснётся жаркая рука,
когда от вкуса губ мгновенно
пах опалит до холода,
когда поднимет страсть до неба
и оглушит на высоте,
то станет мысль сама нелепа
о смерти и земной тщете.

Лежит бесчестье на Иркутске,
и я вины с себя не свёл
за раскардаш великорусский,
за большевистский произвол,
за то, что, лирикой объятый,
я не упас от воровья
ни церковку, ни дом Горбатый,
ни мир лепнины и литья.

Теперь всё то невозвратно.
Но, кроме памяти могил,
я из всего, что мной любимо,
один лишь отсвет сохранил —
и можно жизни пыль и пену,
как лист от влаги, отряхнуть,

чтоб к незабвенному колену
всей памятью души прильнуть...

Но, боже мой, она взлетает,
летит, спешит, но не ко мне:
в молочно-белом небе тает —
и только отблеск в вышине,
лишь слабый отблеск остаётся
земных ночей, небесных дней...
Не благо ль, если свет даётся
взамен печалей и скорбей?

* * *

Я жизнь любил, и, верно, буду
из смертной мглы любить её,
но вот всё меньше верю чуду,
что вспашем старое жнивье,
что мир не превратим в пустыню,
что свяжем временную нить,
и что погосты, как святыню,
от нас самих начнем хранить.

Не по душе мне сырость склепа,
в живом огне сгореть хочу
и пеплом вознестись на небо —
из облачности по лучу
в жизнь, что всегда благословенна,
спускаться капелькой дождя,
в сибирский край любви и тлена
поненадолгу приходя.

Пётр Реутский

Мелочь

Пришёл служивый человек
Из дальнего похода.
Он дома не был целый век,
Четыре долгих года.
Прошёл с боями Крым и Рим,
Потом ещё полсвета,
Своим детишкам четверым
Принёс он власть Советов.
Уселись дети на диван,
Как на пенёк опята:
Наташка, Галька, Глеб, Иван, —
А это кто же, пятый?
Сидит двухлетний мужичок
Как равный среди равных.
Сползла слеза с небритых щёк,
Горячая, как раны.
Не верь, солдат, своим глазам.
И рад не рад служивый,
Что цел их дом, что цел он сам,
И все детишки живы.
Что так же злится пёс цепной
У справного соседа.
Молчит солдат. Большой ценой
Далась ему победа.
Солдат с соседом водку пьёт —
Ну что молва людская?

Реутский Петр Иванович, поэт (1927, с. Михайловское Павловского р-на Воронежской обл. — 2004, Иркутск). Автор многих книг, в т.ч.: *Следы на камне* (Иркутск, 1957); *О тех, кому нет ещё двадцати* (Иркутск, 1960); *Потомки Корчагина* (Иркутск, 1962); *Горячий ключ* (Иркутск, 1971); *Настоящее* (Иркутск, 1974: *Сибирская лира*); *Свойство жизни* (Иркутск, 1977); *Тропа золотоискателя* (М., 1983); *Мотивы осени моей* (Иркутск, 1985); *Первозданность* (Ярославль, 1989); *Второе крещение* (1997) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Попьёт, попьёт, жену побьёт,
Детишек приласкает.
Расти, малыш, твоя ль вина,
Что год без урожая?
Так повелось, кому война,
Кому жена чужая.
Когда бы не было беды,
И счастья б не имелось.
Хватало б только всем еды,
А остальное — мелочь.

Несбывшееся

*Посвящается
Александру Вампилову*

И нет конца, и нет начала
Моим несбывшимся мечтам.
Вновь прохожу по тем местам,
Где ты, счастливая, скучала.
Как пароход ищу причала.
Гореть, гореть моим мостам.

Пух с тополей летит порошей,
Его движенья так легки.
Не подаю друзьям руки,
Сегодня просто я прохожий.
Упал, во всем с тобою схожий,
Луч света поперёк реки.

Я никогда не перестану
Ждать, восторгаясь и скорбя,
Мне не достанет лишь тебя,
Когда однажды жить устану.
Чуть слышно лось проходит к стану,
Тревогу тайную трубя.

Хотел бы жить начать сначала,
Чтоб всё не так и всё не там,
Но гордость ходит по пятам.

Ты не ждала и не скучала.
А я опять ищу причала
Моим несбывшимся мечтам.

Настоящее

Галине Алексеевне

Мне кажется, что я родился взрослым,
И памяти не веря, как врагу,
Пытаюсь тщетно разобраться в прошлом,
А ведь и в настоящем не могу.
Но что считают люди настоящим?
Мне трудно разобраться — я ленив.
Пред настоящим, выше нас стоящим,
Стоим, колени робко преклонив.
Пред ним нельзя быть сильным, или рослым,
И на него не глянешь с высоты.
Пока ты жив, ты вечный царь над прошлым,
Но кто, скажи, пред настоящим ты?
Мы к прошлому по всякому вопросу
Торопимся, чтоб истину черпнуть.
Но может настоящее без спросу
Всё прошлое твоё перечеркнуть.
Всё, что берег, выращивал и нежил,
Что в трудный час, как Бога призовёшь.
А кажется, что ты и в прошлом не жил,
И в настоящем тоже не живёшь.
Ты как бы остановишься на точке,
Которая начало всех начал.
Нет ни друзей, нет ни жены, ни дочки
И нет того, что сам ты означал.
Как нет ни отправлений, ни причала,
А ты стоишь, о лучших днях скорбя,
И мига ждёшь, чтоб всё начать сначала...
Но прошлое не признает тебя.

9 Мая

Женщина погибшего на фронте
Спит у железнодорожных касс.
Вы её, пожалуйста, не троньте,
Пусть она не беспокоит вас.
Слышите, гремит салют в столице,
Как гремел он много лет назад.
Москвичей улыбчивые лица
Смотрят на торжественный парад.
Женщина сидит в тени от флага,
Завернувшись в шалевый платок,
На коленях фронтовая фляга,
В ней, должно, спасительный глоток.
И лежит у ног её послушно
Старый пёс, не видевший войны.
На людей он смотрит равнодушно,
Со своей, собачьей, стороны.
Что бы там такое ни сказали,
Разве только высунет язык.
Он привык к ночёвкам на вокзале
И к причудам женщины привык.
Всё как есть на свете понимает,
Одного лишь старый пёс не знал:
Ну зачем она с приходом мая
Каждый год приходит на вокзал.

Наедине

А жизнь становится трудней,
Не унимаюсь, протестую,
Всё потому, что много дней
Бесценных прожито впустую.
Ну неужели я один
свои ошибки понимаю?
Дожив до старческих седин,
Болезнью юношеской маюсь?
Я снова что-то упустил,
Наедине оставшись ночью,

Брожу по улицам пустым
И молча сам себя порочу.
А знаешь, ты меня не жди,
Решай судьбу свою скорее.
Идут снега, идут дожди,
Не унимаюсь и старею.
И дело тут не в седине,
Я это очень понимаю.
Когда в ночи, наедине
С самим собой,
Как болью, маюсь.

Не загадывай

Не загадывай, не разгадывай
И не спрашивай, почему?
Не люби меня, чаще взглядывай,
Мне любовь теперь ни к чему.
Сколько люблено-перелюблено —
Не желаю я и врагу.
То, что крадено или куплено,
Я ценить того не могу.
Молодцом-купцом сроду не был я —
Не по мне сие ремесло.
Верю до сих пор в быль и небыль я,
Только всё быльём поросло.
Может, жил-тужил слишком попросту
И не знаю сам, почему,
Я любил тебя не по возрасту,
Разлюбил зато по уму.
Нет, не куплено и не крадено —
Не попутает бес меня.
Но всегда со мной то, что найдено, —
А утеряно без меня.

Россия

Не надо, не кричите о России.
Всеславием её не обошли.
Мужчины землю кровью оросили,
А женщины слезами обожгли.
Россия! Люди в ней сильны и кротки,
И славит их история сама.
Россия! Это слово не для глотки,
Оно, как мать, для сердца и ума.
Когда лежали мы в кровавых росах,
Когда казнили нас в концлагерях
И вешали на наших же берёзах —
Кричали разве мы о матерях?
Мы молча повторяли это слово,
Когда пришлось тонуть или гореть.
Не зная долга более святого,
Как за тебя, Россия, умереть!

Осень

Умереть не страшно,
Страшно не родиться.
Под рябиной рясной
Белый пар клубится.
Зеленеет оземь,
И, как налитые,
Шлёпаются оземь
Яблоки тугие.
С проводов, с деревьев
Шлёпаются капли,
Плачут за деревней
Вымокшие цапли.
Пастухи отару гонят
По-над Доном.
Я живу на пару
С одиноким домом.
Дом не дом — избушка,
Где будильник тикал...

Здесь вот мать-старушка
Отходила тихо.
Так же шли туманы
Пеленою белой,
Опустел без мамы
Дом осиротелый.
Зябко и безвёздно,
Страшно выйти в сени.
Поздно, слишком поздно
Матерей мы ценим.
Что же мне не спится?
Печь трещит под боком,
Страшно мне напиться
В доме одиноком.
Надо мне, чтоб в двери
Тихо постучали.
Пусть никто не верит,
Будто я печален.
Просто иногда мне
Хочется поплакать.
На дороге дальней
Слякоть, слякоть, слякоть.
Тихо над рекою
Крячет уток стая.
Жизнь люблю такою,
Есть она какая.
Доброй, бесшабашной,
Что кому годится.
Жизнь прожить не страшно,
Страшно не родиться.

Шрамы

Второй инфаркт! Он легче чуть, чем первый,
И всё равно остался в сердце шрам.
А о последнем, крепче стиснув нервы,
Почти не думаю по вечерам.
Всё чаще вспоминаю батьку с мамой,
Я перед ними в том и виноват,
Что, зачерствевши в жизни этой самой,

С мальчишества на ласки скуповат,
 Что, приезжая в дом пустой и светлый,
 Сойдя с экспресса или корабля,
 Я, кроме песен, истовых, как ветры,
 Не привозил и рваного рубля.
 Я не родился хитрым или ловким,
 А жизнь моя — гори она огнём!
 Последний шрам... он будет самым лёгким,
 Поскольку я не буду знать о нём.

Мама

Я помню, был едва повыше стула
 И не умел обуться даже в боты,
 А мать уже тогда была сутулой
 От непосильной жизни и работы.
 Она носила выцветшие платья
 И кофточку со старомодной складкой.
 По вечерам, когда ложился спать я,
 Она вздыхала от меня украдкой.
 А я не знал, что кто-то третий нужен,
 Что горя не бывает без причины...
 Я как-то зимней ночью был разбужен
 Томительным присутствием мужчины.
 Он у стола сидел в тулупе старом
 И на меня поглядывал несмело,
 Тянуло густо винным перегаром
 От бороды его заиндевелой.
 Он подойти хотел к моей кровати,
 Нашарив что-то в глубине кармана,
 Но гневно мать ему сказала: «Хватит!» —
 И поднялась со старого дивана.
 И он ушёл, оставив горький запах
 Я, как щенок, вдыхая воздух носом,
 Насторожился: «Мама, это папа?» —
 Но был испуган собственным вопросом.
 И снова мать вздыхала втихомолку,
 Ходила по избе, ломая руки,
 Наутро, взяв с собою хлеба корку,
 Ушла в разрез, надев мужские брюки.

Сырой забой, нагруженная тачка —
И надо привыкать к мозолям, поту.
Соседи говорили ей: «Чудачка,
Ну кто ж меняет мужа на работу?»
О, мама, мама! Я забыть не в силах,
Как седина в твои вплеталась пряди,
Как ты зимой под ватником носила
Зачитанные книги и тетради.
Как по посёлку расходились слухи,
Что для тебя позор — моё рождение,
Как мне вослед судачили старухи,
А девушки смотрели с сожаленьем.
И ты терпела. Ты была упрямой —
Какие б ни сводили люди счёты,
Ты и тогда была всё той же мамой,
Когда сдавала первые зачёты.
И не одна в тайге сменилась осень,
Пока я стал в отряде пионером.
И ты не в 23 — лишь в 38
Была в посёлке первым инженером.
И вот тогда, когда для слёз и боли,
Казалось, больше не было причины,
Я был разбужен ночью против воли
Простуженным дыханием мужчины.
Он, головы своей не поднимая,
Сидел, облокотясь на спинку стула,
А мать стояла, гордая, прямая,
Как будто сроду не была сутулой.
Он говорил: «Опомнитесь, простите...
У нас ребёнок. Посудите сами...»
Но мать проговорила: «Уходите» —
И указала на порог глазами.
Он шёл к дверям, надвинув ниже шляпу,
А я смотрел в его сухую спину.
Мне было жаль, что он похож на папу,
И не похож на сильного мужчину.

Гармонь

Стоит гармонь, забытая солдатом,
Саратовская истинно гармонь.
Солдат не расставался с ней когда-то,
И как она вздыхала — только тронь.
О чём она, болезная, скучала?
В ней было что-то тайное, своё,
Солдат был ранен в руку у причала,
Осколком поцарапало её.
Солдат пришёл с войны в сорок четвертом,
Слезой и лаской встретила жена.
Он в жизнь вступил уверенно и твёрдо,
Да жаль, гармонь солдату не нужна.
Но он её не продаёт, не дарит.
Солдат гармонь поставил на покой.
Лишь иногда слегка по ней ударит
Единственной левою рукой.

В деревне

Пойду пешком к родному дому,
Там больше года ждут меня.
Нырну, как маленький, в солому,
И буду спать два первых дня.
Неслышно мать подсядет с крынкой,
Поплачет: «Горюшко моё,
А молоко у нас не с рынка,
Как говорят, у нас своё».
«А кто же, мама, сено косит?
Я нынче снова опоздал».
Мать помолчит и тихо спросит:
«Ну, что там нового создал?»
Я щей поем, пойду с литовкой,
Ещё обкосы есть пока.
Мальцом ходил когда-то ловко,
Но вот уже не та рука.
И кочек нет, а мне всё кочки,
Тумана нет, а мне туман.
Напьюсь воды из ржавой бочки,

И закачаюсь, как бурьян.
В родной деревне нет мне места,
Не потому, что дрянь дела,
Что моя бывшая невеста
Недавно двойню родила.
Нет! Кто-то там сказал так метко,
И это точно про меня:
Ты, как отрубленная ветка,
Ты, как уздечка без коня.
Мать соберёт меня в дорогу,
Спечёт любимый мой омлет.
«Что, отошёл? Ну, слава Богу».
И даст мне денег на билет.

Последний сон

Спит приговорённый к смертной казни,
Пережив бессонные недели.
А в Москве сегодня стольный праздник,
Бабы юбки новые надели!
Воздух спёрт от запаха хмельного,
Пьяный гуд по городу рассеян,
Будто сроду ничего иного
Не видала старая Расея.
А казак, закованный в вериги,
Сладко спит впервой за многолетья.
Что ж ты спишь? Вставай, бунтарь великий!
Люди! Меду Разину налейте!
На коня! Ведь ты, как чёрт, бесстрашен,
Ждут тебя друзья на Красном яре,
Кремль горит, стрельцы бегут из башен,
В подворотни прячутся бояре.
Встань, казаче! Ночь ещё в запасе!
Сколько можно добрых дел наделать.
Ты пойдёшь к боярине Настасье,
Пока траур баба не надела.
Отвори неслышно красны сени,
Разорви на ней ночну рубашу,
Положи ей кудри на колени,
Перед тем, как положить на плаху.

Атамане! Ночь-то, глянь какая —
Воровская. Всё вернёшь с лихвою.
Али поостыла кровь донская?
...Но, зарывшись в сено с головою,
Спит казак. Наверно, это к счастью.
И в последнем сне, назло боярам,
Видит он красавицу Настасью
И Москву, спалённую пожаром.

Волкодав

Его глаза на угольки похожи,
В которых еле теплится огонь.
Всю жизнь свою он лаял на прохожих,
Всю жизнь лизал хозяину ладонь,
Валялся по-собачьи у порога
По целым дням, не требуя еды.
Бежал на зов охотничьего рога,
Вынюхивал звериные следы.
А годы шли...

Менял хозяин шляпы,
Сменил немало курток и сапог...
И вот у пса отяжелели лапы,
Недавний след он взять уже не мог.
И стали вдруг глаза его похожи
На угольки, потухшие давно,
Он по ночам не лает на прохожих —
Ему теперь, должно быть, всё равно.
И старый пёс февральской тёмной ночью
Ушёл в тайгу знакомую тропой.
За дальним логом встретил стаю волчью
И яростно вступил в последний бой.
Три пасти враз вцепились в шкуру псовью,
Сплелись в клубок и лапы, и хвосты.
Сыпучий снег покрылся волчьей кровью,
Собачья шерсть осела на кусты.
Пёс слышал зов охотничьего рога,
Но не за жизнь терял он кровь свою,
Он не хотел подохнуть у порога,
Хотел, как верный пёс, упасть в бою.

Когда хозяин, взяв свою двустволку,
В мороз без шапки пробежал в тайгу,
Упрямый пёс,
вцепившись в горло волку,
Лежал, окоченевший, на снегу.

Безумие

Нет, не с тобой, мы с той, другой,
Безумны и ревнивы.
Я к ней бегу большой рекой,
К тебе — ручьём ленивым.
На перекатах с той, другой,
С тобой — на тихом плёсе.
Мне до тебя подать рукой,
А до неё — сто вёсен.
Я гибну, друг мой дорогой,
И с сердцем нету слада.
Не доплыву до той, другой, —
Но плыть безумно надо!

Андрей Румянцев

* * *

Горит вечерний окоём.
Цветёт полынь на косогоре.
И словно женщина — платком,
Шипучим шёлком машет море.

Я не забуду этот мир.
Я сохраню в иных пределах
Тот запах, что меня томил,
Тот гул, что плыл на гребнях белых.

Цените родину, друзья!
Пусть наши плачущие души
Возьмут с собой, о ней грустя,
Луч на воде и тень на суше!

* * *

Ты забралась в такие дали, Русь!
Тайга, тайга — темнее всякой тучи.
И, глядя в небо, я не разберусь,
С каких широт несётся ветер летучий.

Он овевал изнеженный Париж?
Трепал халат на Азии раскосой?

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, переводчик, критик (род. в 1938 г. в с. Шерашово Кабанского р-на, Бурятия). Автор многих книг стихов, в т. ч.: *Горсть отчей земли* (Улан-Удэ, 1970); *Признание* (Улан-Удэ, 1983); *Тайжная колыбель* (М., 1984); *Дыхание Байкала* (М., 1986); *Кедровая ветвь* (М., 1989); *Колодец планеты* (Иркутск, 1993); *Сибирская лира*; *Русская звезда* (Иркутск, 1996); *Лицом к свету*: переводы; стихи; над страницами классики (Иркутск, 2003); *Глаголы неба на земле*: книга о великих русских поэтах (Иркутск, 2006) и др. Народный поэт Бурятии. Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

А ты его встречаешь и паришь
В цветастом платье клевера и проса!

Крестьянские заботы не новы,
Судьба полынным запахом прогоркла.
Но небо! — от библейской синевы
Слезами перехватывает горло!

Над этой одичавшею рекой
Твой говор мягче шёпота и плеска.
Твоею материнскою рукой
Даль разнята, как в доме занавеска!

Темь волчьих троп
И лунный свет гольца
Равно в твоём замешены стаканы.
Ты первой с полусонного лица
Зарю смываешь в Тихом океане!

* * *

Какие кони на лугу!
Таких я в детстве пас ночами.
Я не могу избыть печали,
Умерить радость не могу!

Какие звёзды до утра
И небо — дивное колодце!
Оттуда свет лимонный льётся,
Там спят вихрастые ветра.

А мой осёдланный скакун
Уздой потряхивает тонкой.
Он — под рукою,
Если только
В распадке скроется табун...

Какая жаркая луна!
Какая нежная остуда!

И каплет синий звон оттуда,
Напитывая стремена.

Печаль? Кому она нужна!
А радость? Кто её прогонит,
Когда в ночи пасутся кони,
И чутко дремлет тишина...

* * *

Неужель это звёздочка-кроха
Всё звенит надо мной и звенит
Посреди золотого гороха,
Свою музыку слушать велит?

Знает, знает, что дума не гложет,
И минуты текут, не спеша.
Значит, тонкую музыку может
Благодарная слушать душа.

Кто послал твои дивные звуки,
Кто воздал, за какие труды?
Это плата за прежние муки,
За убийственный ветер беды?

Я опять, просидев до потёмок
Над золою остывшего дня,
Постигаю твой зов, что негромок,
Что, как тайна, волнует меня.

* * *

Ведь это дар чудесный просто:
Дом у Байкала, на юру,
И плёс, и поле за погостом,
Где плач и песня на миру,

И самолёт, летящий следом
За лёгкой тучей
Над селом,
И сосны, словно за обедом,
Над летним солнечным столом.

Я их люблю, старинных вестниц,
Они умеют с давних пор
Соединять без всяких лестниц
Небесный свет и вольный двор.

И это дивное соседство,
Как дар, вручённый без причин, —
Быть может, главное наследство,
Что я от жизни получил!

* * *

Задыхаясь от нежности,
 вновь прошепчу я: «Россия!»
И услышу вдали, за тайгой,
 соловьиную трель.
И увижу, как сосны в полях
 сорванцами босыми
На зелёном ветру
 проводят со свистом апрель.

И припомню,
 как блещут созревшие майские росы,
Мечет солнце из туч
 оперённую синюю стрелу...
Вам не смять бирюзового шелка
 небес наших,
 грозы,
Не порвать вам
 серебряной русской дороги
 струну!

Вот опять облака
по-весеннему запарусили,
Распрямилась трава,
задымилась таёжная прель...
Задыхаясь от нежности,
вновь прошепчу я: «Россия!»
И услышу вдали, за тайгой,
соловьиную трель.

* * *

Не постиг я чужую науку,
Как за морем удачу ловить,
Но приемлю сердечную муку —
Эту родину горько любить.

Грозное шершавое небо,
Как большая родная ладонь...
Мне достаточно скудного хлеба
И печурки, что теплит огонь.

Плотных елей живая ограда
И реки не тускнеющий луч —
Это всё, что душе моей надо,
Чтоб не чувствовать тяжести туч!

* * *

I. C.

Прикажи этой чёрной метели: «Замри!»
Пусть она от больничной постели отчалит.
Моё горе — последняя туча земли,
Что, пока я живу, твоё сердце печалит.

Неужели последняя ночь потекла?
Что-то светлое, звёздное в темени реет.

Моя нежность — последняя горстка тепла,
Что, пока я живу, твоё сердце согреет.

Золотая моя! Я тебе не воздал
За последнюю ласку в немыслимых болях.
Пусть любовь, незакатная наша звезда,
Нас по млечному полю проводит обоих...

* * *

Когда придёт последний день,
Я окуну лицо бесслёзно
В траву степную — одолень,
Всегда дымящуюся росно.

Она поможет одолеть
Дурной наплыв душевной смуты.
Она не даст мне пожалеть
Себя в последние минуты.

О розовеющая высь
И звёзды, вспыхнувшие ярко!
Неугасающая жизнь,
Дороже нет тебя подарка!

Я буду знать:
Сквозь дым стекла,
За эти стены, эти ставни
Моя любовь туда стекла,
Где пролегал мой путь недавний.

Пушай порадуют других
Простор
И высь над головою
Среди полей, где я затих,
Укрыт волшебною травой...

* * *

*Памяти
Николая Рубцова*

В пустой трубе эстрады гул затих,
И трубачам пришлось посторониться.
Застенчивый и смелый русских стих
На звёздной отпечатался странице.

И поколения с русской душой
Читают сокровенного Рубцова.
В сыром углу избёнки небольшой
Так согревает солнечное слово!

Родные не тускнеют письма...
Над чуждой книгой пыль забвенья вьётся...
Как всё же справедливы времена:
Гул умирает,
Небо остаётся.

Марк Сергеев

* * *

На душе — печаль и смута,
боль — острее, резче — пыл,
всё мне слышится — (откуда?):
— Чижик-пыжик, где ты был?

Где я был? А где я не был!
— потом землю окропил,
падал в море, плавал в небе,
на Фонтанке водку пил.

Был в конце и был в начале,
всё изведаль — фронт и тыл.
А друзья меня встречали:
— Чижик-пыжик, где ты был?

Где я был? Сыскать несложно:
усмирял свою я прыть
там, где стать героем можно,
или выговор схватить,
или голову сложить.

Всё мне слышится сквозь годы:
— Чижик-пыжик, где ты был?

Сергеев (Гантваргер) Марк Давидович, поэт, переводчик, прозаик, драматург (1926, г. Енакиеве, Украина — 1997, Иркутск). Автор многих книг, в т. ч. сб. стихов: *Спасибо вам, люди* (Иркутск, 1958); *Первооткрыватели* (Иркутск, 1961); *Подарю тебе город* (Иркутск, 1964); *Шналы* (М., 1964); *Вступление в осень*: новые стихи; переводы (Иркутск, 1967); *Коммунисты* (Иркутск, 1971); *Баллада о тополях* (Иркутск, 1972); *Сибирская лира*; *Стихотворения* (Новосибирск, 1976); *Вечерние птицы* (М., 1987) и др.; книг для детей: *В чудесном доме* (Иркутск, 1950); *Глоток океана* (М., 1964); *Море синее — Байкал* (М., 1983) и др.; сб. очерков: *Души прекрасные порывы* (М., 1968); *Перо поэта* (Иркутск, 1975); *Несчастью верная сестра* (Иркутск, 1978) и др. Почётный гражданин г. Иркутска. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Не пробился в скороходы,
дрался, вкалывал, любил...
Ничего не позабыл.

Позёмка

Тысячи белых змей
пересекают тракт.
Какая невзгода гонит
тысячи белых змей?
Бросаются под колёса
наперерез машине,
являясь из темноты,
тысячи белых змей.

Тысячи белых волн
вспыхнули над асфальтом,
а шины — на гребни, на пену,
на тысячи новых волн.
Куда-то поплыл асфальт,
став зыбким и ненадёжным,
и нет Сибирского тракта,
есть — тысячи белых волн.

Тысячи белых бабочек
стучатся в окно ветровое,
и разбиваются насмерть
тысячи белых бабочек.
Но на приманку фар,
на смену погибшим тысячам
летят из пустого мрака
тысячи белых бабочек.

О этот ночлег в конце!
Едва прикасаюсь к подушке —
шатаются белые волны,
гибнут белые бабочки,
белые змеи ползут.

И в тысячный раз во сне,
как оборотень меняясь,
заносит меня позёмка.

Весенняя графика

Чёрно-белые гравюры,
преапрельские листы
после длинной, после хмурой,
после зимней маеты.
Каждый день — свои отметки,
каждый час — свои штрихи...
Вот на фоне снега — ветки
мартом тронутой ольхи.
Серебристый наст протаян,
тропка — робкая черта,
снег и пятнышки проталин —
вся земля как береста.
Ёлок стройные фигуры,
теней лёгкие цветы...
Вот на белый лист гравюры
молча вышли я и ты.
Мы друг к другу потянулись,
и сквозь лес, и снег, и льды
на гравюре протянулись
наши точки-следы.
Между нами — горы круты,
города и пустыри...

Помолчи ещё минуту.
Ничего не говори.

Стихи об усталости

Бывают разные усталости,
неповторимые, как дни.
Спроси у юности, у старости,
потом ответы их сравни.

Усталость после гонки бешеной,
от разговора сгоряча,
усталость тайная, что взвешена
лишь глазом опытным врача.
Усталостью большой и малой
за радость платим, за беду...

Но есть усталость у металла —
она приходит на лету.
Всего минута до стоянки,
рывок — и выпускай шасси...
И — взрыв. И смятые останки
у смятой лесополосы.

О время, ты не знаешь жалости,
взял старт — не отставай, гони!..
Бывают разные усталости,
неповторимые, как дни.
Усталость споров бесполезных,
скольженья по крутому льду.
Мне говорят, что я — железный.
А вдруг я тоже упаду?

Когда нас предают ученики...

Когда нас предают ученики
и на добро добром не отвечают,
и мелкие просчёты обличают
и в степени возводят пустяки;

когда мы погибаем на лету,
пред этим вероломством безоружны,
о как они пытаются натужно
свалить на нас свою неправоту!

Леса! Как ваши руки зелены!..

Леса. Иду к вам,
как слепой — на шум.
Всё чаще в вашей чаще причащаюсь,
и в шёлковой травинке умечаюсь,
и птичий гомон на плечах ношу.

Леса! Как ваши руки зелены,
какая теплота в них и прохлада,
и ничего вам объяснять не надо,
и вам слова и клятвы не нужны.

Сосновые заслышу голоса,
берёзовые песенки услышу —
и стану очарованней и выше,
и вдруг удач начнётся полоса!

А что нам даётся без платы?

А что нам даётся без платы?
Немного: зарницы вдали,
рассветы, дожди и закаты,
два метра могильной земли...
А впрочем, и это — не даром:
рубцами невольных отмет
на сердце — удар за ударом —
ложится рассвет на рассвет.
И счёт неожидан и властен,
за счастье — возмездия жди! —
мы платим суровым ненастьем
за наши грибные дожди.
А годы ветшают, как платье,
как снег прошлогодних статей...
За наши могилы мы платим
отчаяньем наших детей,
за каждый закат — по крупице
всего, что в дороге нашли,
и жизнью своей за зарницы,
за те, что сверкают вдали!

Главная линия

Меня порою поносили,
сплеча рубили на скаку:
мол, слово чистое «Россия»
не часто ставлю я в строку.
В статьях, пустых и благонравных,
писали о моей вине
что, мол, от линии от главной
иду немного в стороне.
А я, с другими не тасуя,
то слово в сердце берегу
и поминать Россию всеу,
как имя Бога, не могу.
Но коль пишу я о великой
реке — кормилице огней,
о лёгкой травке повиликe —
так разве это не о ней?
Но если я пишу о доме,
своим построенном горбом,
о чёрном хлебе на изломе
таком духмяном и рябом,
о дереве, налитом соком
от шумной кроны до корней,
о чувстве, чистом и высоком, —
так разве это не о ней?
Бывает ловкое искусство —
слова погромче — и в печать.
Любовь — совсем другое чувство,
о нём не следует кричать.
По пустякам произноси я
великой ценности слова —
ты мне б не верила, Россия.
О как бы ты была права!

Валентина Сигоренко

* * *

С прощальной тоской обернусь я назад
На медленно меркнувший белый закат,
На белый закат над водою.
Багряной лампадой рябины горят,
Последний свой танец вершит листопад
Под первую белой звездой...

Протяжною песней исполнив полёт,
Кричат журавли над студёной землёй,
Вонзаясь в глубокую просинь.
Своей нищетою нагой искусив,
Изгнанницей рыжей прошла по Руси
Моя распоследняя осень.

И мне не забыть этот белый закат,
В который усталые птицы летят —
Любимые птицы России!
Я памятку эту с собою возьму,
Когда им вослед отойду к Самому
За их косяками косыми, —

Предстану, увижу в очах у Творца,
Как птицы к закату летят без конца...
В очах, благодатных от жизни!
И души, и птицы на белый пожар
В глубинный, закатный, неистовый жар
Летят и летят над Отчиной!

Сигоренко Валентина Васильевна, прозаик, поэтесса (род. в 1950 г. в г. Иркутске). Автор книг прозы: *Сок подорожника* (Иркутск, 1981); *Завтра праздник* (М., 1984); *Поле небороненным* (Иркутск, 1991: *Совр. сиб. повесть*); *Дело житейское* (Иркутск, 2006); сб. стихов: *Осенние тетради* (Иркутск, 2009); *Димитрова суббота* (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

* * *

Когда грянут колокола
К завершенью печалей и бед,
Я скажу Тебе: «Это была
Твоя лучшая из планет.

Я на ней пробыла целый век,
Не опишет мой слабый язык
Красоту Твоих весей и рек
И народов таинственный лик...

Я пришла Тебя благодарить,
Что позволил узреть ненароком
Тайну сути Твоей изнутри,
Жизни горестный смысл,
но упрёком

Не нарушу свой тихий исход
На мытарствах протяжных и узких...
Но скажу Тебе: — Лучший народ
Был Твоим на земле. Был он русским...»

* * *

Боже светлый, конец сентября,
В звёздных куцах полощут зарницы.
Ночь длинна, холодна, а заря
В тон рябине рябит багрянницей.

Боже Силы, я жизнь прожила,
Скоро встану, как лист, пред Тобою,
Молча ангел раскинет крыла.
Шум небес — словно волны прибоя.

Спросишь грозно — ты жизнь прожила?
И зачем эту жизнь ты жила?!
И была ли мне верной рабою?

И вздохну, и разверзну уста,
И последней бессильною силой —
Моя правда, как воздух, проста:
Боже крепкий, Тебя я просила,
Боже близкий, спаси нам Россию!
Боже русский, верни мне Россию!

Так любила я! Так я молила,
И для этого жизнь я жила,
Чтоб из бедствия, горя и зла,
Из глубин, напоённых отравой,
Вынул Русь нам, о Боже наш правый.
Лишь для этого, Господи Славы,
По земле без дорог я прошла.

* * *

Что мне до ваших исступлений,
Проклятий, злобы на года,
Возни нечистой! Мелкий гений
Над вами властвует. Когда...

Когда я Богу в очи синие —
Глаза ужасные гляжу.
Когда встречаюсь я с Россией —
И ничего родней, красивее

Я на земле не нахожу,
И вижу, как в пределы вышние
Уходит ясный мой народ,
И ничего в нём нету лишнего —

Ступень в ступень. Из рода в род.
Туда — в пределы несказанные
Из слёз и грязи бытия
До пяди Господу желанная —
Россия русская моя!

* * *

Мне говорили — я любила Вас
В двадцатом веке в неурочный час,
В безмолвной сени городских окраин...
Болото помню, ветры на заре,
По утреннику травы в серебре
И одинокий ворон врёт, как Каин,
На старом, проржавевшем фонаре.
Там были братья. Мать в земной поре.
Отец — хранитель сильный
и прекрасный.
Трава зелёной. Солнце было красным.
Спокойной ночь, а утро было ясным.
По-доброму и только о добре
Мы пели песни. И в урочный час
Мне кажется: да, я любила Вас.
Спокойно, отдалённо — ровно ровню...
Я помню это. Только Вас не помню!

Прощание

Уж какая нам теперь любовь!
Встанем тихо у приветной ивы.
Я была тревожной и красивой,
Взор светился и сурмилась бровь.

Не любил ты и не гнул хребет.
Холодней был, вспыльчивей зарниц.
Слёзы из притупленных ресниц
Растекались по моей судьбе.

Ныне же свой нежный пыл умерь,
Укроти бунтующие нравы!
За закатом буйным и кровавым —
Ветреная ночь и день потерь.

Не жалею, милый, ни о чём,
И возвратного пути не знаю.

Опереться на твоё плечо
Не дано, да я и не желаю...

Как туманно, зыбко впереди
Крона ивы с дрожью воссияла,
Лист осенний над пустым вокзалом,
Падая, как колокол гудит...

Баллада о русских матерях

Я встречала их в храмах.
Они кротко вставали,
С четырёх окружая сторон,
Их иконные лики в куполах отражались
И на стёклах пречистых икон.
Я видала их сжатые, белые губы
После страшной войны, той второй,
Как они сбережённый и смятый свой рубль
Отдавали «на упокой».
— Запиши, — они тихо просили, —
Убиенного воина Сила,
Молодого Сергея, Ивана,
Саньку рыжего, их атамана,
Конопатого брата Филиппа,
Да соседа, седого Антипа,
Что жестокою смертью ранены
В ненавистой нам всем Германии.

А потом в эту горькую очередь
Встали их развесёлые дочери,
Их любимые Насти, Татьяны
Из далёкого Афганистана,
Из чадающего ныне Кавказа,
Где их счастье кончалося разом,
Ждали-ждали сынов без конца...
Получали гробы из свинца!

О, я видала их, что из света и стали.
Поседевшие в сорок, они грудью вставали,

Что трава под ветрами, и гнулись, и гнулись,
Но они не пропали, но они не прогнулись,

Те, которые в муках рожали,
Чтобы кровные их наркоманами стали,
Чтобы преданы были родною страной,
Обескровленной ныне, больной...

С неземною, неистовой силой
Они нашего Бога просили
О своём погибающем сыне,
О безвременно падшей России,
О себе, о тебе, обо мне
На последней, на страшной войне.
Перекроечной, третьей и злой
Растреклятой войне потайной.
О, как слышала я
Уст безгласых пронзительный вой
В беспощадных боях
Материнской войны мировой!
Во незримую сечь
Необъявленной битвы, —
Всё оружие — речь,
Да любовь и молитва.

И их лики в молитвах сливались с Той,
Что написана Духом на плахе простой.
Той, что первая вынесла первенца миру,
Из страданий нетленную выткав порфиру.

О, какою исполнено силою,
В обезумевшей ныне России
Уходящие в ночь, как заря,
Это воинство — Матеря!

* * *

Что, мой друг, запечалился вдруг,
Серебристой склонившись главою?

Слышишь наших сердец перестук,
И курантов бои над Москвою.

А над Родиной чёрным рваньём
Над Кремлём и туманом берёзовым
Раскричалось, кружа, вороньё,
Раскуражилось, грая угрозами.

Мы с тобою затянем ремни,
Молча зубы в котомки положим.
Наши вёрсты, утраты и дни
И без нас на земле подытожат.

А пока над родимой страной,
Над пожаром рябин и смородины
Драгоценной своей сединой
Кинем клич о спасении родины.

И прощальную песню споём,
И заветную чару подыдем...
Не с тобой мы прожили вдвоём,
Но с тобою шагнём мы в полымя.

И полынь прорастёт надо мной,
Над тобой взвевет ветер полынный,
Старый друг мой, тряхнём стариной,
Старой болью и песней старинной!

Поминальное

Расстелю-ка я белую скатерть,
Помяну-ка отца я и мать.
Брата милого, злого соседа,
И того, с кем была мне беседа
Слаще мёда и сна на рассвете.
Царство Божие им на том свете!

Пухом ложе и путь им парчою!
Мать родная сгорела свечою,

Пал подрубленным дубом отец,
И настиг мила брата свинец.

Водка гордого съела соседа.
Ну, а тот, с кем любима беседа,
Он ушёл. Просто так. Не со зла.
Он ушёл, чтобы я умерла.

Вот допью я вино золотое
И к последнему тронусь покою.
Лист падёт на помятую скатерть,
За которой отец мой и мать
Хлеб ломали и пили вино,

За которой давненько-давно
Разливалась-сладила беседа,
Невзирая на злого соседа,
И звенел вдалеке бубенец,
Предвещая печальный конец.

Владимир Скиф

Родина

*Моей маме
Смирновой Надежде Прокопьевне*

Милая, милая Родина.
В сениях — уютный закут.
Зорь раскалённые противни
Солнечных зайцев пекут.

Поле овсяное, тихое
Прячет улыбку в усы.
Каплет роса или тикают
В маминой спальне часы.

С облака падают голуби,
Рдяное утро свежо.
Ткань поднебесного полога
Первым кроится стрижом.

Дверь наша в сениях захлыбала,
В подпол ушла тишина.
Встала деревня, одыбала
От упоённого сна.

Переливаются голуби
Радужным, ярким пером.

Скиф Владимир (Смирнов Владимир Петрович), поэт (род. в 1945 г. в пос. Куйтун Иркутской обл.). Автор многих книг, в т. ч.: *Зимняя мозаика* (Иркутск, 1970: *Бригада*); *Журавлиная азбука* (Иркутск, 1979); *Бой на рапирах*: литер. пародии (Иркутск, 1982); *Грибной дождь* (М., 1983); *Живу печалью и надеждой* (Иркутск, 1989); *К сопернику имею интерес*: литер. пародии (Иркутск, 1993); *Над русским перепутьем* (Иркутск, 1996: *Сибирская лира*); *Золотая пора листопада* (Иркутск, 2005); *Письма современникам* (Иркутск, 2005); *На срезе времени зелёном* (2006); *Новые стихи* (М., 2007); *Русский крест* (М., 2008); книг детских стихов: *Зайчик* (М., 2007); *Шла по улице корова* (Иркутск, 2007) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Будто бы звёзды расколоты —
Светят дрова серебром.

День — обновленьем и гомоном
Утренний двор приобнял,
И золочёную голову
В небо подсолнух поднял.

Пряная наша смородина
Перешагнула забор...
Милая, милая Родина —
Божьего промысла двор.

Вижу твоё назначение,
Вижу в тебе испокон
Божьего света течение,
Словно течение времён.

Струна

Я ночью, пробудившись ото сна,
Лежу один во тьме несокрушимой.
В ночи звучит негромкая струна...
Откуда этот звук непостижимый?

Быть может, это ангелы во тьме,
Создателем отпущенные к миру,
В предутренней осенней кутерьме
Несут мою истерзанную лиру.

А может, это у меня — Господь
С души покровы тёмные срывает.
Наверно, он, обретший кровь и плоть,
Струну небес негромко задевает.

А может, сон — царапает сосна?
Поводит ворон крыльями из жести?
Наверно, эта странная струна —
Забытых предков тайное известье.

Их слово заповедное — во мне,
Их вера мне передалась в наследство.
Вновь наяву, а может быть, во сне
Под звук струны я проживаю детство.

И кажется — расходится стена.
И светлячками бездна расцветает.
Звучит над бездной вещая струна,
И над струною ангелы летают.

* * *

Ещё шиповника кусты
И зелены, и кучерявы,
Но еле теплятся цветы
И зори тёмные кровавы.

Еще качает колыбель
Из паутинок
 ветер-странник,
Но стелет снежную постель
Октябрь на
 Хамар-Дабане.

Ещё является трава
И птица крылышком трепещет,
Но баргузина булава
По золотистым скалам хлещет.

Ещё черёмуховый лист
На сизой ветке багровеет,
А небосвод Господний чист
И с высоты предзимьем веет.

* * *

Евгении Молчановой

Твоя любовь остра, как звёзды,
Твоя любовь — любовь жены,

Необходимой мне, как воздух,
Которым мы окружены.

Жизнь — бесконечное свиданье,
Она — и воля, и тюрьма.
В ней всё — страдания, испытанья,
И чувств несметных закрома.

В самом себе мне трудно, тесно,
Я сам себе — острейший нож.
А творчество — обрыв отвесный,
Где ты меня, как Сольвейг, ждёшь.

Ты чувствуешь надмирье тонко,
Хотя живёшь с собой в борьбе.
Я каждый день с тобою только
Могу являть себя в себе.

И обретенья, и страдания
Вновь будоражат нашу кровь.
И продолжается — свиданье!
И обновляется — любовь!

Осень

Пожелтели поля и пожухли,
В небе гуси построились в ряд,
Но берёзы еще не потухли:
Словно белые свечи горят.

Стало сыро и голо, и пусто
Посреди обнажённых ветвей.
Осыпаются листья и чувства,
Запер лето на ключ муравей.

Грусть осенняя непостижима!
Скоро выстелет землю Покров.
Полетит белый веер снежинок
Из высоких Господних миров.

Улетают последние птицы,
Ты глядишь в опустевшую даль,
И в глазах у тебя золотится
Отгоревшего лета печаль.

* * *

Незримо времени течение,
Но осень точит край небес.
И ночи чёрное свечение
Хоронит под собою лес.

Не движется застылый воздух,
И лишь Байкал, забыв про сны,
Всю ночь процеживает звёзды
Ковшом безмерной глубины.

Засветят слабые капли
Зари — на ветках ледяных.
Тайга отряхивает лапы
От тяжких сумерек ночных.

И лишь Всевышнему угодный,
В веках, во времени сквозной,
Байкал, холодный и свободный,
Сияет звёздной глубиной.

* * *

Стихи в старинную тетрадь
Записывать,
 как струйки мёда
Вкушать. Не тщиться и не лгать,
И у скрипучего комода
Стоять и со стекла стирать
Пыльцу от бабочки умершей,
Твоё сознание сумевшей
К себе, умершей, приковать.

И самого себя позвать
Уйти в поля,
 уединиться,
Текучих мыслей не сбивать,
Летучих листьев не срывать
И горькой осенью упиться.
Поля пусты.

 Кусты черемух
В небесных видятся проёмах,
Их из пространства не убрать,
Не отпустить из глаз навеки,
И, как стихи, сырые ветки
Вписать в старинную тетрадь.

Женщина в автобусе

Женщина в автобусе дремала,
Всхлипывала горестно во сне,
Будто бы спала и понимала,
Что себя оставила во мне.

Вот она приедет и проснётся,
Вспомнит всё, что было не во сне,
И уже вовеки не вернётся
К той себе, которая — во мне.

Край света

У Ивана пустела изба
И душа, и Россия пустела.
И свистела печная труба,
По ночам то и дело свистела.

Было дело — мечтал наш Иван
Увидать свою землю большую
И край света,
 и множество стран,
Хоть не жаловал землю чужую.

Шёл Иван или ехал куда,
Чуял сердцем — плохая примета:
Ужимались земля и вода,
Подвигались до крайнего света.

Кто-то баял, что будет в раю
Жить Иван среди вечного лета...
А труба-то свистит на краю,
Вот и прибыл Иван
на край света.

Варька

В холодном, пустынном углу,
неприглядная, корчится,
Судьбу проклиная за кружкой палёной бурды,
Бомжиха бездомная — бывшая Варька-уборщица,
Упавшая в злую воронку российской беды.

Ей сытой не быть,
ей волчицей не быть, но утробю
Она ощущает несчастья в родимом краю.
Бомжиха напьётся и в жизнь улетает загробную,
А утром опять прилетает на свалку свою.

С ней дружат вороны и псы, тёмным небом прижатые,
Им Варька бросает — замёрзшими комьями — хлеб,
Почти в преисподней,
в огромном российском бомжатнике,
Ей — Варьке — не сладко. Теплее — подвал или хлев.

Но Варька сидит
на картонных коробках расплющенных,
Палёную водку по кружкам разлив на троих.
И с нею бомжи, эту водку зальделую пьющие,
Собак и ворон принимают за братьев своих.

И Варька поёт им про дуб и рябину-заснобушку,
И пёс подзаборный, отдав ей частицу души,
Как волк подвывает,
и тянут с ней вместе «Коробушку» —
На смятых коробках — зарытые в свалку бомжи.

Кумач

Иннокентию Чулкину

Пал человек с изодранным плечом
На дно земли или в земной провал,
Но оказалось — это был подвал,
Заваленный забытым кумачом.

И человек во времени — пропал,
Он бинтовал плечо своё, крича,
А после долго — без просыпу — спал
На круглых, красных волнах кумача,

Во сне ему привиделась война,
Заныла болью в раненом плече.
А в это время лопнула страна,
И проступила кровь на кумаче.

В углу зажглась премудрая свеча
И подвернулась острая игла,
Сел человек в подвале у стола,
И стал знамёна шить из кумача.

Он шил почти во тьме, но темноты
Как не было: был свет свечи таков.
Его кормили мыши и кроты,
И нить свивала пара пауков.

А время длилось. Изошла свеча.
И притупилась острая игла.
И кончились запасы кумача.
И подкосились ножки у стола.

Знамёна вынес человек на свет,
А наверху ему сказали: — Сэр!
Вы опоздали, здесь России нет,
Тем более страны — СССР...

Сибирский дивизион

«Укрепрайон, укрепрайон» —
Откуда-то звучит ночами.
Восходит из войны печальной
Погибший в ней дивизион.

Он под Москвой
 как твердь стоял,
Дивизион сибирской дали.
Он был из нервов и из стали,
Железу противостоял.

Он помнил Жукова слова
И слушал собственную душу,
Он бился насмерть
в злую стужу,
Когда за ним была Москва.

И к сердцу не пустил того,
Кто над Москвою
 смерчем вился,
Дивизион с землёю слился
И весь погиб, до одного.

...Гудит Москва —
со всех сторон
Сегодня взятая врагами.
И у врагов под сапогами
Лежит родной дивизион.

Журавли

В колыбели моей хризантемы цвели,
А осенние листья достались в наследство.
И летят журавли, и летят журавли
Сквозь меня, сквозь моё позабытое детство.

Вспомню нашу деревню, и станет теплей
В непроглядном, как ночь,
и расхристанном мире.

Никогда не смогу позабыть журавлей,
Что летели по небу, играя на лире.

Дорогие мои, леденеет земля,
И о первый мороз спотыкается осень.
Превращался и я в эти дни в журавля,
И кричал, и летел в светоносную просинь.

Горизонты мостили в глазах пелену,
На виске у земли бились тёмные реки,
Там тугие сомы прилипали ко дну,
И в тоску журавли улетали навеки.

Кто-то лунный свинцом заливал тишину,
Грызла лошадь ночная — пеньковые путы...
...Снова в детство,
 как в небо,
 с утра загляну,
Там летят журавли без меня почему-то.

* * *

Чёрно-белое стадо вдоль неба бредёт,
Собирая осеннего поля отдарки.
Чует сердце: предзимье вот-вот упадёт
Без багряной листвы
за околицей жаркой.

В ночь вопьются иголки зелёной сосны,
И кнутом, как пастух,
первый холод ударит.
Чёрно-белое стадо уйдёт до весны
Пережёвывать
сложенный в копна
гербарий.

* * *

Какое царство осени могучей,
Где золотые россыпи листвы,
Как царь, в награду от неё получишь,
И станешь пировать среди травы,

Среди пространства голого, немого,
Где призрачна, прозрачна пустота,
Неизречённым остаётся слово,
И равнозначна слову — немота.

Где свет берёз сияет удлинённо,
Синеет небо, пламенеет кровь.
Сосна на нас взирает удивлённо,
И льётся во все стороны любовь.

Осенний сон

Я разорвал свой сон, как чёрную бумагу,
И начал жечь его на пламени души.
Но вдруг заплакал сон и проявил отвагу:
Он не хотел гореть и взвился: — Потуши!

В том сне витала ты, как раненая птица,
В забытом сентябре, в прозрачном тальнике.
Там расставались мы.

В моих глазах двоится
Видение твоё, как парус вдалеке.

Там, будто бы цветок, твой раскрывался голос
И что-то мне шептал и что-то говорил...
С течением быстрых дней ты там —
во сне — боролась,
Душою трепеща и выбившись из сил.

И вдруг пропала ты, из осени исчезла,
Лишь в тонком тальнике остался света звон.
...В глухую темноту я отодвинул кресло,
И вышел из себя, и разорвал свой сон.

Взятие Кремля

Я чуял, знал, что варвары нагрянут,
Для них Москва была,
 как тульский пряник,
С её дворцами и её Кремлём.
Они не только душу ей изранят,
Не просто древний город испоганят,
А будут рвать и жечь Москву огнём.

И варвары пробили крепь оплота,
Они вошли в Кремлёвские ворота,
Где раздавался колокольный звон.
Они громили отчие красоты,
Они кромсали вечные высоты,
Был даже воздух ими взят в полон.

И вид Кремля вдруг оказался страшен:
Горело небо.

С раскалённых башен
Рубиновые звёзды вниз текли.
Иван Великий был обезображен,
Он, как кострище, покрывался сажей,
И варвары царь-пушку волокли.

Был даже полк заса́дный уничтожен,
 А на Москве правитель
 с пьяной рожей
 Звонил в Нью-Йорк о взятии Кремля.
 И посреди глухих многоэтажек
 Дымился кровью даже Сивцев Вражек,
 И Сталина — почуяла земля.

Он шёл легко вдоль Старого Арбата
Незыблемою поступью солдата,
Минуя Храм Спасителя Христа.
Великий призрак, для врагов расплата,
И на груди его горела свято
Ещё никем не взятая звезда!

Мужество

Неужели истлела порода?
Кто нам, русичам, дал укорот?
Ходит мужество мимо народа,
И никак не воспрянет народ.

Выйдет мужество в поле, как витязь,
Крикнет в темень,
 где прах и разброд:
«Кто на битву пойдёт, отзовитесь!»
Промолчит, не ответит народ...

Скакун

Мчал скакун по тернистой дороге,
Звёзды неба из скал высекал.
Синей тьмой покрывались отроги,
И в долину закат протекал.

Мчал скакун сумасшедший как ветер,
В его взоре клубилась тоска,
Звал скакун из далёких столетий,
Из небесных полей — седока.

Но молчали селенья в долине,
В небесах леденела луна...
И сошлись на последней вершине
Свет заката и путь скакуна.

Таллин и Сталин

Таким бы дерзким не был Таллин,
Когда б ему, сказав: «К ноге!»,
Своё внушение сделал Сталин
На крепком русском языке.

Солдатской бронзы этот Таллин
Не стал бы трогать никогда,
Когда б сказал товарищ Сталин:
— Подать Эстонию сюда!

Наверняка сказал бы грозно:
— Побаловались и шабаш!
Победа наша, наша бронза,
И древний Таллин тоже наш.

Гнездо

После Третьей войны Мировой
Всё исчезло на грешной земле,
Будто язвой смело моровой
Всех, кто в городе жил и в селе.

Сколько минуло лет? Может, сто
После Третьей войны Мировой.
...И кружилось на небе гнездо,
Может, в нём кто остался
живой?

Пустомеля

Пустомелей прозвали его,
Потому что болтал без умолку.
Заболтал и себя самого,
И деревню.
И зубы — на полку.

Пустомеля по жизни идёт,
С ним пустоты замкнули полсвета,
В поднебесье летит пустолёт,
И до неба растут пустоцветы.

Пустомеля дошёл до Кремля,
Сел в Кремле,
будто лёг на постели.

Что там пустоши, что там поля!
Вот бы щуку ему, как Емеле.

* * *

Как хорошо идти по свету,
По краю звёздного пути
И славу русского поэта
Державной поступью нести.

Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать.
Как горестно своё бессилье
В служеньи этом понимать...

Юрий Скоп

Дарья

Я назову дочурку — Дарья —
российским именем простым.
Пурга размашисто ударит
по окнам выстрелом пустым.
Я назову дочурку — Дарья.
Соседка бровью поведёт.
А друг, прикинув, скажет:
— Да, брат,
старинкой больно отдаёт
А я за далями из стари,
из синей залежи времён,
к себе приблизив имя Дарья,
им, как покосом, опьянён —
рассветным, с выцветшими грозами,
с росой на каждом стебельке
и белой проседью берёзовой
обочь дороги вдалеке.
И песней, что с костра срывается
в пахучем ужинном дымке
про то, как месяц льдинкой мается
в парной июлевой реке.
Мне эта песня имя дарит.
Звезда над песнею дрожит.
Её поёт девчонка Дарья
в туманном поле рыжей ржи.
Поёт разымчиво, по-русски,
Ладонью щёку подперев.
И — тишина.

Скоп Юрий Сергеевич, прозаик, поэт (род. в 1936 г. в с. Манзурка Качутского р-на Иркутской обл.) Автор многих книг, в т. ч.: *Азарт*: стихи (Иркутск, 1968: *Бригада*); книг прозы: *Алмаз Мария* (М., 1972); *Техника безопасности* (М., 1977); *Факты минувшего дня* (М., 1984); *Со стороны* (Иркутск, 1985: *Совр. сиб. повесть*); *Роман со стрельбой* (М., 1986); *Избранное* (М., 1989) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР. Член Иркутской организации Союза писателей СССР в 1960-е гг.

И — очень хрустко
от этой песни на земле.
И окоём зарёй пожарит,
проснулся ветер-сеногон...
Дашутка,
 Даша, Дашка, Дарья!
Ведь это имя из имён!
Моя дочурка — это Дар мой.
Отцово — Я.
Что ж, друг, прости!
Я назову дочурку
Дарья —
Российским именем простым.

Замёрзшая песня

Е. В. Жилкиной

У мотора четыре такта —
девяносто измотанных сил.
Так ни разу не встретив тракта
и шоссе, сам себя износил.
Поохрип на крутых поворотах,
баритон растерял до конца.
Стал похож, если это возможно,
на состарившегося певца.
Хоть бы в песне ему излиться,
взять, как в молодости, верха!
И мотор начинает злиться,
на подъёмах даёт «петуха»,
задыхается в топких марях:
астма горная давит грудь...
Бесконечнейшую из арий
до ночлега бы дотянуть.
Знает старый — оваций не будет,
заведут, будто вызвав на «бис»,
злой соляжкой опять разбудят
и погонят по кручам вниз.
А потом что-то где-то треснет
и замолкнут на миг ветра...

Вот тогда над замёрзшей песней
скупо всхлипывают шофера.

* * *

Луга ещё не кошены,
снега в гольцах не ста́яли,
и сапоги не сношены,
и ноги не устали.
В долинах только к полудню
туман уходит с зелени.
Патроны не наполнены
бездымным, жгучим зелием.
О всём ещё мечтается,
о всём ещё лишь грезится.
...Навстречу поднимается
косматая медведица.
Затвор упруго лязгает,
Топя азарт в канале.
В чащобах эхо вязнет,
раскачивая дали.
Да разве дело в выстреле,
пускай отменно метком?
...Постель в зимовье выстлана
из парфюмерных веток.
В цыганистой рубахе
костёр плечами водит.
Луна ухом пахнет
и звёзды хороводят.
Похрапывают лошади
За тёмными кустами...
Как жаль — луга не кошены,
снега в гольцах не стояли.
Вот так всегда торопится
душа.

А время — мешкает.
Как жаль, что не воротится
сегодня отгремевшее.

Мосты

Я ощутил себя в неведение пустом
пролётом — над годами и минутами.
Я вдруг почувствовал себя
мостом,
который не разводят почему-то.
Мосты, мосты...
Идут трамваи
по хордам бетонированных мук.
Смотрю на них.
И вдруг я понимаю,
что мост — не просто мост,
а сложный лук,
поставленный судьбой на воду,
на тетиву — речную глубину.
Не разводите мост! —
его свободу —
натянутую вещь струну.
Нужны лишь очень трепетные руки,
прозрачная бездонная душа,
чтобы мосты,
по пустоте,
как луки,
ударили — свергая и круша!

Мы — веруем!

В горах не надо разводить чернила,
откинул форточку — мажай!
«Спидола», изловив Манилу,
всем грешным обещает рай.
Мы пьём чай. Дрожит печура,
жуя промерзшие дрова.
Мой старый друг — помбура Юра —
хулит библейские слова.
Он грешен, Юра.
Страшно грешен
во всех семи земных грехах

и знает, что ему, конечно,
нет места в райских небесах.
Он вслух мечтает о водчонке:
— Вот погоди, напьёмся в дым!
О городских грустит девчонках,
зачем-то рвётся в тёплый Крым.
А через час в ночные блики,
в пурге по пояс, к буровой
идёт искать тот «чёртов никель,
что чёртом спрятан в шар земной...»
Метель звенит дверною ручкой.
Забить бы гвоздь, да недосуг...
Мы веруем:
к весне улучшит
характер свой Полярный круг.
Мы — веруем!
Живём.
Ждём писем.
Рвём землю.
Мёрзнем у костров.
Чтобы когда-нибудь повисли
в горах созвездья городов.
Мне наплевать, что друг — безбожник!
Нас, «грешников», куда ни кинь...
Мы — веруем
в свою Возможность,
в свою Полезность.
И — аминь!

На взлётной полосе

Упадёт на крыло роса.
у пилота озябнут руки.
Ну, зачем ты опять в глаза?
Не целуй.
Ведь это — к разлуке.
Видишь, травы набухли росами.
сентябрёвскими стали, жёлтыми.
Мы сомнём их сейчас колёсами,
от любви по-земному тяжёлыми.

К облакам, от берёз пятнистым,
мы уйдём через пять минут
и турбинным тоскующим свистом
обозначим сквозь синь маршрут.
Небо — строгий, задумчивый глобус:
не раскрутишь наоборот...
Подари мне такое, чтобы
лёгким стал наш сквозной полёт.
Упадёт на крыло роса,
у пилота озябнут руки...
Ну, зачем ты опять в глаза?
Не целуй...
Ведь это — к разлуке.

Виктор Соколов

* * *

Твердь неба севером объята.
Он гонит в путь существ крылатых
На юг, что теплится вдали.

Вот и опять отверзся воздух
И, раздвигая клином звёзды,
Плывут по небу журавли.

Они летят над всей Россией,
Пространства и ветра осилив.
Летят... Скрываются во мгле.

Кричат... У нас прощенья просят.
И боль в своих глазах уносят
По русской праведной земле.

* * *

Песнь отзвучала... и не повторится.
Звезда потухла. Впредь не загорит.
Мой мир печален. Как печальна птица,
Что над гнездом разрушенным парит.

Мой мир природе горестно внимает,
Где в предосеннем утреннем лесу

Соколов Виктор Павлович, поэт (род. в 1936 г. на ст. Могоча Читинской обл.). Автор книг: *Солнечные чащобы* (Иркутск, 1962: *Бригада*); *Предрассветное* (Иркутск, 1966); *Верность* (Иркутск, 1971); *Вера. Надежда. Любовь* (Иркутск, 1976); *Горислава* (Иркутск, 1982); *Верба белая* (Иркутск, 1986); *Мастерская Бога* (1997); *Русское лето* (Иркутск, 2000); *Пока дышу* (Иркутск, 2010) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Из жухлых трав прохлада выжимает
Слезой ребёнка светлую росу.

И травы жёстче. И к земле всё ближе.
Как будто чуют свой последний срок.
Их стебли скудный свет устало лижет,
Спеша вкусить сок горьковатый впрок.

Но краток день. Всё гуще... гуще тени.
Всё призрачнее контуры гнезда.
Над миром умирающих растений
Качается остывшая звезда.

* * *

В душе с рожденья два начала.
Добра начало. Зла начало.
Кто в этой победит борьбе?

Душа, ты мучилась. Молчала.
На мир взирала одичало.
И без конца тебя качало.
И было страшно здесь тебе.

...О, эта двойственность
 всемногих —
Два ожиданья... Две дороги.
Два направления в пути.

Ты перед дьяволом и... Богом
Как перед дверью на пороге.
Так будь решительным и строгим.
Решай — куда тебе идти!..

* * *

Август на исходе.
Тонкий запах трав.

Вызревшей природы
сладкое томленье.
И на всём печать
невидимого тленья.
Словно утвержденье
смерти вечных прав,
Что вручает нам
её прямой гонец...

Жизнь — есть поиск тайны,
мысли созревание.
Где мы познаем вдруг
разочарование —
Понимаем — путь наш лишь
в один конец.

Верблюд

В Иркутске на базарной тесной площади,
Где целый день толчётся шалый люд,
Стоят и тихо дремлют пони с лошадьёю.
А между ними бодрствует верблюд.

Вдыхая жар полдневный лета здешнего —
Улёгся на асфальте, не встаёт.
И жвачку корма скудного сердешную
Однообразно без конца жуёт.

В его глазах тоска тысячелетия.
Он слышал гул старинных городов,
Затерянных в песках. Он помнит плети... и
Узды натяги прожитых годов.

И, внемля продавцам и покупателям,
Он знает, как ему и надлежит:
Нам жизни крохи, а гробокопателям
Мирская вечность вся принадлежит.

* * *

Мы уходим и вкупе, и розно,
Кем-то тайным в назначенный срок.
Кто он — Добрый...
Иль Мощный и Грозный —
Наш Создатель... И Бог наш...
И Рок?..

За спиною нелёгкие годы
Мелкой подлости, пакости, лжи.
Словом, то, чем хвалились мы гордо.
Что охаяно, как миражи.

Человек — вечный пахарь и ратник
Всяк своей ныне жизнью живёт.
Всё прошло... Всё пройдёт
безвозвратно —
И на Суд строгий нас позовёт.

Всё покроется пеплом-золою.
Опалится всемирной пургой.
Жизнь — возмездие нам за былое,
За грехи в жизни давней — другой...

* * *

Приемлю жизнь, ликуя и трубя!
Приемлю смерть, душой смиряясь с этим,
Неся в себе рубцы былых отметин,
Жалея, ненавидя и любя.

Я всё прошёл. Был долог трудный путь —
И воду... И огонь... И даже трубы —
Те — медные, что опалили губы.
И всё ж судьба мне говорила: «Будь!..»

Я был. И есть. И буду здесь всегда
В далёких предках, в детях и в потомках.

...И хоть, идя на свет, кружил в потёмках,
На мелочь не разменивал года...

Я буду в слове — с ним я к вам приду.
Ко всем, кто будет жить в моей России,
Чтоб ваши лень с невежеством осилить
В двухтысячном каком-то там году...

Жалея, ненавидя и любя,
Неся в себе рубцы былых отметин,
Приемлю смерть, душой смиряясь с этим.
Приемлю жизнь, ликуя и трубя!

Над Прохоровским полем

Над Прохоровским полем тишина.
Качается рассвет в дыму багровом.
И вновь покой взрывают танки громом.
Тем громом жизнь моя оглушена.
И вновь под грохот взрывов, лязг и вой,
Под жарких пуль следы — зигзаги молний,
Разбуженною памятью наполняясь,
Беснуется гроза над головой.

Но вдруг — оглох обвал «Катюш» в ночи.
Но, чу! — безмолвен пушек рёв кинжальный.
Лишь тихий звон в ушах, как поминальный,
Как будто просит кто: «Молчи... Молчи...»
Горит земля, и даль светла, как днём.
Уже ничем пожара не потушишь.
И в неба высь летят погибших души,
Крещённые железом и огнём.

Они идее праведной верны,
Великие бойцы Великой битвы,
Сгорая, шепчут имя, как молитву,
Вождя своей недрогнувшей страны.
Последний миг... Последние круги...
Они познали цель грядущей жизни.
И эта цель — служение Отчизне.

Прими, Христос, их всех и сбереги.
Под вдовий плач со всех земных концов
Они спешат, они к Тебе стучатся.
И в небо я гляжу всё чаще. Чаще,
Куда уйду дорогою отцов.
Над Прохоровским полем вихрь кружит.
Пугливо исчезают в травах тени.
Я полем прохожу без опасений —
Ещё земля здесь русская лежит.
Над Прохоровским полем ночь без сна.
Качается рассвет в дыму багровом.
Всю жизнь покой мой рушат танки громом.
Тем громом жизнь моя потрясена.

* * *

Утром сентябрьским,
Ветреным,
Мглистым,
Падают с дуба мёртвые листья.

Так из цепи в атаке когда-то
Падали выбитые солдаты.

Падали.
Приближали Победу...
Грустный иду за ними по следу.

В Подмоскowie листья сминаю.
Павших сибиряков поминаю.

Полярная звезда

Напоминают вещи мне о воле:
И лук. И меч, и скифская узда.
А в чистом небе,
Словно в чистом поле,

Торчит-горит над крышей
Кол-звезда.

Как лошади
Вокруг кола всё ходят
На привязи в своей степи родной,
Так все созвездья хороводы водят
Вокруг звезды единственной, одной...

Она опять встаёт на небосклоне —
Не в памяти, не в снах,
А наяву.
И у неё я, нынешний, в полоне.
И я её Полярною зову.

Звезда судьбы.
Звезда извечно русских.
Она по сердцу нам.
Она к лицу.
Я к ней свои протягиваю руки,
Как к матери.
И к Вечному отцу.

Противник звёзд чужих, я их не жажду.
Сын Севера — извечно и везде
Под русским небом,
Как в России каждый,
Я верен ей,
Полярной сей звезде.

Когда погаснет свет
Вечерний, синий,
Она опять взойдёт над головой,
Как неусыпный,
Вечный страж России,
Её бессменный верный часовой!

Ирине

Когда душа, мир бренный покидая,
Взлетит печальной птицей
В небеса.
Она окинет
Долгим взглядом дали,
Прощальные услышит голоса.

Она возьмёт в дорогу, тяжелея,
Распадки,
Реки,
Неба окоём —
Всё, что любила, нежа и лелея,
Всё, что встречала
На пути своём.

И под родные вздохи и рыдания,
Как память о мучительном
Конце,
С собою унесёт
Печать страдания,
Что отразится на твоём лице.

* * *

Итак,
Окончен жизни праздник.
Уже в полях сентябрь пуржит.
Как давних дней однообразье,
Он листья пёстрые кружит.

Они летят над нами всеми,
Чтоб знак судьбы читали мы
И в просветлённости осенней,
И в мутной стылости зимы.

Они наш мир привычный рушат,
Сжигая времени огнём.

И очерствели наши души,
Перегорели день за днём.

Но на пожарище бывшего,
Себя от глаз чужих тая,
Уже идёт за мыслью слово
И ткёт основу бытия.

Художник

Г. Шихалеву

Когда картину живописец пишет,
Когда он замирает и не дышит,
Лик времени пытаюсь ухватить,
Дабы поймать природы выражение —
И ощущений лёгкое скольжение
В застывший, зримый образ воплотить.

Когда в ночах — грызут его сомнения,
Когда он зрит летящие каменья
Толпы,
И всё в него,
И всё в него,
Он не спешит с толпой орущей сладить.
Намерен он,
Осилив свою слабость,
Добиться всё же в деле — своего!

И отступают невезенья, страхи.
Он, как прощённый...
Как поднялся с плахи...
Как человек, что снова на посту.
Его мазки точны и колоритны,
Полны и силы внутренней,
И ритма...
И руку водит Ангел по холсту.

Татьяна Суровцева

Матушка-Русь

Памяти мамы моей

«От многих знаний многия печали...»
Который век шумит над головой
крыло судьбы,
и долгими ночами
не дремлет Время мудрою совой.
И смотрит солнце свежими лучами,
как зарастают кладбища травой.

...По всей Руси, по крохотным погостам,
быльём мои могилы поросли,
и облака торжественно и просто,
как дух земли, восходят от земли.
Росой студёной сыплют в изголовье,
проводят в гости выводки груздей.
Там жеребёнок празднует раздолье
и стелют травы сонную постель...

А я — жива, и так же простодушна,
как в дальний век русалий и огнищ.
Любви и веры сею хлеб насущный,
жалею тех, кто одинок и нищ.
Звонка в веселье, в горе — я немею.
Не вижу звёзд сквозь обморок зениц,
прощая всех, прощённой быть не смею,
мужской рукою брошенная ниц.

Суровцева Татьяна Николаевна, поэтесса, переводчица (род. в 1946 г. на руднике Хапчеранга, Забайкалье). Автор книг: *Остров веры* (Иркутск, 1982); *Северная песня* (М., 1985); *Крыло судьбы* (Иркутск, 1988); *Снежные птицы* (Иркутск, 1999); *Стихи* (Иркутск, 2007); *Чудесные сказки*: пер. с фр. сказок М.-Л. Вэр (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Ручонкой детской поднята из праха —
я снова есть! Из века в новый век
живу теперь без смерти и без страха,
перед судьбой не опуская век.

И нет предела моему терпенью.
Я всё пережила: и глад, и стыд,
и вражий плен, и долгое забвенье...
А всё душа для слов любви не спит.

Душа жива, и снова, как в начале,
мой смех звенит!
И только у виска
седая прядь осталась на века:
от многих знаний — многия печали.

Рождество — рождение

В эти ночи декабрьские
 городу
Берендеевы грезятся сны...
Едешь утром — по синему холоду
В облаках снеговой белизны!
Свежей скатертью путь расстилается,
Воздух нежно искрит за окном.
Ели — словно на царство венчаются —
В серебристом и голубом!
Над рекою — текучее золото
Растворённых в тумане огней...
В этот час необычно и молодо
Ожидание серебряных дней
Рождества — вечной тайны и Таинства
(В правоте безупречной своей)
Человеческо-Божьего равенства —
То, что вечных страданий сильнее.

И берёзы спелёнуты инеем,
И заря на пречистом столе...
Вот и утро — морозное, синее —
Утро встречи с Тобой на земле!

Что же, дитяtko,
тайное, сладкое —
Ты сквозь плач улыбаешься мне?
Вытру слёзы блаженной заплаткою,
Помолюсь о Твоей белизне.

Соловей в Александровском саду

Заблудиться в зелёной Москве —
Как в зелёной тайге заблудиться!
Полпланеты вращает столица,
Посредине — поёт соловей.

Клетка сада певцу не тесна,
Воздух яркою дробью прострочен,
Так звони же, звонарь полуночи:
Полпланеты вскружила весна!

Где Державин строку тяжелил
Славной тяжестью русского смысла,
Где Есенин так горько кутил
С вечным чувством смертельного риска,

Где сверкали во все времена
Все созвездья Российской державы —
Ты звенел неподкупную славу,
Пробуждая ленивых от сна.

Я из дальних Твоих прихожан,
Не приметна ни ростом, ни ликом,
Здесь стою потрясённо и тихо,
Краснокаменный чувствуя жар.

Протяни мне надежды питьё,
Одари меня речью певучей!
Мне как солнышко светит сквозь тучи
Незакатное имя Твоё.

...Как изгнаннице прежних времён,
Будет сладко и памятно это:
На излёте сибирского лета
Услыхать пересвет-перезвон...

* * *

Разлетелись, как птицы, дороги,
Еле слышно рокочат вдали.
Вот опять я стою на пороге
Золотой прибайкальской земли.

Возле ног распростёрлась долина —
Вольным махом уходит к реке.
На ветру разгорелась рябина —
Сердце Данко в сентябрьской руке.

А моё — отгорело, остыло.
Пустота тяжело ноет в груди.
Потому что о прошлом забыла
И не знаю, что ждёт впереди.

Я не знаю, зачем я и кто я.
Как мне жить в этой «новой» стране,
На пороге у прошлого стоя,
На колючей и горькой стерне.

Разлетелись, как птицы, дороги.
Не настичь мне теперь ни одной.
Только издали, полный тревоги,
Всё зовёт меня голос родной.

* * *

Та деревня, как мамина сказка,
Как смолёная лодка, плыла.
Древней ивы случайная ласка
Так бесплотна, как тень от крыла.

Где-то здесь, у прудов просветлённых,
Смолокуры курили смолу.
Дух таёжный, весенний, калёный
Благодатно бродил по селу.

И скользили весёлые лодки
По весенней, по звонкой воде,
И летели в леса отголоски
Добрых песен о добром труде.

О, работа — на радость и славу!
Но иссякло сие ремесло,
И колеблет подводную траву
Из пластической массы весло.

Я устала в себе сомневаться,
Мне рассыпанной ясности жаль.
Мне бы в этой деревне остаться,
И, закутавшись в тёплую шаль,

Приходить с коромыслом упругим
К голубой полынье на пруду,
И, дыша на озябшие руки,
Рвать рябину в промёрзшем саду.

Не к тому ль и спешим, чтоб однажды,
При сиянье звезды горевой,
К старой иве, к груди её влажной,
Поседевшей припасть головой?

Журавли

Над горькою окалиной земли
На благовест летели журавли.
Над мокрыми развалинами снега,
Над кладбищем истерзанной тайги —
Им дал Господь шестое чувство неба
На долгий путь средь ночи и пурги.
Летели длиннокрылые, летели,
В фарфоровые дудочки дудели,

Прозрачно, переливчато звеня,
И на балкон вдруг вызвали меня!
Их вёл вожак, родному небу рад,
Стремительно снижаясь на закат:
В Сибири нам не до весенних нег,
Но на болотах стаю ждал ночлег.

И рассиялось солнце на закате,
И на сугробах вербы расцвели —
Как будто мир преодолел заклятье,
Когда в Сибирь вернулись журавли.
Вам встретить грудью холода и вьюги,
Но вы забыли о беспечном юге,
Родные птицы — вы примчались к нам,
К растерянным в ненастье городам.
И к деревням, заброшенным и жалким —
Обитатели калек и стариков,
Вернувшихся опять к сохе и прялке...
Не греет нищих обветшалый кров.

Но слышались вдали колокола,
Пока шумели сильные крыла!
Я нежной песни слушала мотив —
Как все, как все, кто в этом мире жив.
Кто молится на ясный образ неба,
Взгляд отрывая от земли и хлеба...
Мне слышался России чудный зов
Под благовест живых колоколов.

Баллада о старом руднике

Там бессмертники солнц
расцветают над сопкою голой.
Там картофель круглится
в суглинке, в колючей земле.
Там дорожная пыль
засыпает притихший посёлок,
чьё безвестное имя —
словно искра в остывшей золе.

Днем и ночью ветра
всё шумят над моей головою,
дикий персик шипами царапает руки мои...
Вот и снова пичуга нехитрую песню выводит —
это в сердце моём, словно в детстве,
поют соловьи!

И пыльна там трава,
и деревья низки и корявы, —
но одиннадцать лет,
но влюбленности робкий апрель,
но летящий на кожу
шиповника отсвет кровавый
на опасной моей,
на стремительно узкой тропе!

Но бесснежные зимы
со злобно-карающим ветром!
На недалежном отвале
динамитом взрывают руду.
Я и нынче не знаю, что значит:
погонные метры,
но я знаю, как люди
ночами из шахты идут.

...Там теперь благодать:
всю руду из карьера свозили.
Всё, на круги своя воротясь,
поросло тишиной...
Всё — на круги своя,
лишь над маминой ранней могилой —
то дожди, то снега,
точно кадры немого кино.

Изработав себя
до последней живительной жилы,
мой старинный рудник
наконец-то спокойно уснул...
Что могу я теперь?
Вот, нескладную песню сложила.
Кто услышит меня?
Эти сопки да буйный багул.

* * *

Мне славно жилось той зимою:
Два светло-холодных окна,
Метель голосит за стеною,
Колышется снега стена,
Прносятся снежные птицы
И снежную песню поют,
Летят ледяные зарницы
И дымные тени снуют.

И в этом метельном мельканье,
С любимой книгой в руке,
Я, как в штормовом океане,
Жила на своем островке.

И в этом мельканье метельном
Под мягко светящийся снег
Душою моей безраздельно
Владел девятнадцатый век.
И, словно педаль клавикордов,
Скрипела замёрзшая дверь...
Я воду носила, и в вёдрах
Плескалась живая форель!

При солнце, что ярче малины,
При ветре, студёном, как лёд,
Мне снилось: княгиня Мария
Навстречу метели идёт.
Идёт, предвещая денницу,
Навстречу судьбе и молве,
И пушкинский стих, словно птицу,
Под шубкой несёт в рукаве!

* * *

Открылась бездна, звезд полна...

М. Ломоносов

Небо над Байкалом открывает
густо населённое пространство:
ангелы,
и спутники,
и звёзды
движутся, и блещут, и поют.
Кто сей ночью звёздный бал затеял,
все созвездья разом перепутав?
Кто, незримый, спички зажигает,
чиркая о чёрный небосвод?
Что, как звёзды к утру позабудут,
где их гнёзда в этом вертограде?
Что, как от летящей звёздной спички
вспыхнет прибайкальская тайга?
А ведь там зверьё лесное бродит.
Там геолог дикий обитает,
и строитель, намахавшись за день,
спит коротким, но блаженным сном.
...Дремлют травы в росах влажной ночи.
Лось поник тяжёлой головою.
Лишь Байкал огромным влажным оком
смотрит в небо миллионы лет.
Только мы, земные человеки,
одарённые душой бессмертной,
в узком лепестке рыбацкой лодки,
как песчинки меж больших ладоней,
между двух стихий заключены...

Стихи к друзьям

Изнывшая от всяческих щедрот,
Тем сентябрём я прилетела с юга...
Высокий день у городских ворот
Переплетала солнечная вьюга.

Прощальным зноем,
Острой синевой,
Сибирскою неистовостью красок
Пылал тот день!
Деревьев строй вихрастый
Искрился и звенел над головой.

Мы шли пешком, а листья из-под ног,
Живые, разлетались без нажима...
Ну кто из нас хоть объяснить бы мог,
Чему смеялись мы неудержимо?
Тому, что живы, молоды, что вновь
В родных пенатах — искренняя осень,
Что день листву взвивает и уносит,
Слепит глаза и проникает в кровь!

...Все те же мы. Но соль прошедших дней
Уже горчит в твоих стихотвореньях.
Ступенька вверх — отсюда нам видней.
Зато больней даются откровенья.
Мой давний друг, собрат по кораблю!
Не забывай, что я тебя люблю.

* * *

Возле печки так легко
сочинить стихотворенье!
...Жарко плаваются поленья,
словно солнце над рекой.

Возле печки — благодать!
Да не гаснет Божье пламя!
Зимней стужи заклинанье,
Дома тёплая печать.

Пламя плещет, не слепя...
Гляну в прошлое, как в щёлку.
Вижу: ночь и дом в посёлке,
в доме — маму и себя.

Тёмный блеск её волос,
светлый лак её гитары,
смутный образ песни старой,
песни долгой — на сто вёрст.

А земля лежит вокруг,
от мороза чуть живая,
несъедобным караваем,
выпавшим из жадных рук.
Злыми блёстками горит
в той земле касситерит...

Но трещит в печи огонь,
и поёт негромко мама,
маленькой рукой упрямо
отгоняя страшный сон.

Будит первую мечту,
первой ранкой сердце метит:
«Мой костёр в тумане светит,
искры гаснут на лету...»

* * *

Деревья стоят, словно кубки
Со снежным сыпучим вином,
И воздух, искристый и хрупкий,
Синицей звенит за окном.

Не здесь ли, в продрогших кварталах,
Моя потерялась душа?
Не здесь ли я счастье искала,
Метелью и мглою дыша?

И только тревожно светилось
Чужое окно на углу,
И только шоссе уносилось
Бессонным пульсаром во мглу.

И — мимо немых светофоров,
И — мимо взлетевшей руки —
Слепящих огней метеоры
И красных огней полавки.

Пока я неспешно спешила
За счастьем — и мимо него,
Я, кажется, просто забыла
Значение слова сего.

Михаил Трофимов

Лапти

Шёл старик, да так устал —
Ни вздохнуть, ни охнуть.
Лапти мокрые он снял —
Пусть они просохнут.

Греть весною норовит
Солнце все росточки,
Он проснулся и глядит:
На лаптях — листочки.

Взял их, в землю закопал:
Картузом водицы
Черпал в лыве, поливал —
Может, что родится.

Мокрый натянул картуз:
Может, что получится,
Лапти тоже лишний груз,
Лишнее имущество.

И босой ушёл, крестясь,
Сгорбленный и тощий,
Из лаптей поразрослась
Липовая роща.

Трофимов Михаил Ефимович, поэт (род. в 1936 г. в д. Снегирёвка Рыбинского р-на Красноярского края). Автор книг: *Первотроп* (Иркутск, 1964; *Бригада*); *Иван-чай* (Иркутск, 1972); *Белый соболь* (М., 1976); *Изморозь* (Иркутск, 1980); *Парасковья* (Иркутск, 1987); *Есть край...* (Иркутск, 1989; *Сибирская лира*); *Снегирёвка* (Иркутск, 2010); сб. стихов для детей *Звонышко* (1979); *Жили в озере чупыри* (1983); *Лесная азбука* (Иркутск, 1994); *Свиристели* (Иркутск, 2007). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

* * *

Я давно с деревнею расстался
На брусничной зорьке ясна дня.
По родной округе стосковался,
Сердце испалилось у меня.

Городскую прокляну удачу,
На родном крыльце картуз сниму,
А увижу маму — и заплачу,
Старую, седую обниму.

Только, мама, не умри от счастья...
Стыдно мне, я землю не пашу.
И бываю у тебя не часто —
Горечью асфальтовой дышу.

Я вернусь, притихший и влюблённый:
Жаль дождя, что мочит лопухи,
Жаль щенят слепых и несмышлёных, —
Оттого в слезах мои стихи.

Журавлёнком сердце встрепенётся,
Так берёзы светятся вдали...
Детство, моё детство не вернётся, —
Мама, не вернутся журавли.

* * *

Захару Заволокину

Я байкальску воду пил
Леденистую,
Я байкалку полюбил
Лебедистую.

А байкалка полюбила
Море-озеро,
Сердце парня признавила —
Заморозила.

Во кедровом во бору
Мы встречались,
Во берёзовом лесу
Мы влюблялись.

Как в байкалочку влюбиться
Посмел я тогда,
Знает девка да брусница —
Крепка ягода.

Много ягодок опало —
Много вынесли,
Там, где ножками ступала,
Маки выросли.

А потом следочки скрылись
Под порошею —
Словно мне во сне приснилась
Расхорошая.

Я байкальску воду пил
Леденистую,
Я байкалку полюбил
Лебедистую.

* * *

Под заветною сосной
Скоро снег растает...
Повстречались весной —
Осенью расстались.

Отпустили птиц моих
На четыре стороны:
Улетели — соловьи,
Налетели — вороны.

Мне немного, право, жаль
Песен тех из клеток...

Я тебя не провожал
В карканье и клекот.

Торопливый первый снег
Позамёл следы...
Приходи ко мне во сне
В час ночной звезды.

Наследство

Там, где кедры стоят исполинами,
Красит ночь зарей утро хмурое,
Там тайга моя соболиная,
Соболиная, чёрно-бурая.

Получил в наследство от деда я
Зимовьё, ружьё и тайгу...
Как случилось, сам не ведаю,
А прожить без них не могу.

Побреду я тропой лосиной,
На берлогу тайком погляжу:
Разговор поведу с осиною
И все тайны ей расскажу...

Не решай ты задачу сложную —
Всё равно меня не поймёшь.
Ведь душа моя — дебри таёжные,
Коль заблудишься в ней — пропадёшь.

Соболёнок

По-над речкой на песочке
Соболёнка след:
От кусточка до кусточка
Он прошёл, его уж нет.

За рыбешками гонялся —
Поуплыли где-то,
Он купался, отряхался,
Жмурился от света.

Над ручьём по ветке шаткой,
Не боясь, скакал —
Молодую куропатку
В тальниках поймал.

И у старой тёмной ели
В птичьем пенье, при лужке,
На зубах его хрустели
Серенькие крылышки.

Заквохтала мама часто,
Бьётся рядом — вот как,
И подкова, что на счастье,
Во всю грудь подлетка.

Но куда-то счастье делось,
Под зелёным кровом
По пушинке разлетелась
Чёрная подкова.

По-над речкой на песочке
Соболёнка след:
От кусточка до кусточка
Он прошёл, его уж нет.

* * *

Нет, не вышел я к реке:
Вместе со снежочком
Понатаю в котелке
Беличьих следочков.

Чай горячий — хорошо,
Нет счастливей доли:

На снегу костёр большой
Будет греть до боли...

Росомаха — зверь ночной —
След мой станет нюхать...
Сон опустится такой,
Что нежнее пуха.

Кедры встанут вокруг огня,
Будет грусть уменьшена...
Но приснилось — у меня
В доме плачет женщина.

Может, и была беда,
Вспоминать-то поздно...
Это плакала вода —
Да в ночи замёрзла.

Тайга

Тайга таит звериное тепло
И лютые извечные законы,

Их радости и беды мне знакомы —
Я греюсь у огня, мне повезло.

Здесь собственной шкурой всяк согрет,
Тайга, она людьми не так богата,

А зимовьё убого и щербато.
Но крепкое. На двести хватит лет.

Звериного лица не различить
За синевой окна, за сенью хвои,

Но снег скрипит, и, стало быть, нас двое.
Беру ружьё — уходит, не убить...

И птицы чёрные летели на ночлег,
Их тени по земле вослед бежали —

Поймать и растерзать им угрожали,
Как будто всех не породнил ковчег.

Как будто места нет и на земле тесней,
Лесами рыскают, на небесах летают —

Пугливую добычу настигают:
Клюют, грызут, рыча, играют с ней.

Я сам бедой звериною брожу,
Припоминаются лесные встречи.

Зверь раненый кричит по-человечьи,
А я в звериной радости гляжу.

Жених

Гуси-лебеди проплыли,
Пролетели стороной.
Было, крепко парни били,
Девки хвастались мной,
Девки хвастались мной —
Не достался ни одной.

А достался я вдове
Молодой, забавистой.
От веселья в голове
Любови не убавится.
Лишь минутку улучу,
В подоконье постучу.

По окраешку села
Шёл и колобродил я:
Уманила, завлекла
И прихороводила —
Ярко веял сарафан,
Пел малиновый баян.

Набирали девки хмелю
Брагу пенить к выданью,

И любовь мою под елью
Называли выдрою:
«Он прибасами манит,
Да украсами дарит.

Из огня её не спас,
Из реки не выхватил,
Перестал глядеть на нас,
Что там, девки, выходил?
Мы ли не напевные,
Мы ли не сугревные?»

Взволновалось село,
Свадебку прослышало...
Всё село пьяно зело.
Всех-навсех превышел я —
водкой-мёдом напоил,
табаками накурил.

Бают: «Парень был озор, —
Старики всем обществом. —
Взял с ребёнком, не позор,
Баская хорошеством».
Я в застолье, в женихах —
Младень плачет на руках.

Остров

Остров был весною белый —
От берёзок в дым седой.
Он горел под осень спелый —
Весь червонно-золотой.

Плыли мы к нему, играя,
И по солнечной мели,
Как изгнанники из рая,
Взявшись за руки, брели.

Княженику брала милая
У берега речного:

Из горсти меня кормила,
Будто лебедя ручного.

Губы мазала мне соком,
А потом их целовала...
И над нами так высоко
Ночь ромашки колыхала.

Не взглянул, не догадался —
Захмелела голова, —
А над нами наклонялся
Белокрыльник — змей-трава.

Светлый остров — ярмом глина,
Струй лучистых благодать...
Ой, дивчина Катерина,
Где теперь тебя искать?

Шатун

Не нюхай, пёс, следы босые,
Мы не пойдём по ним с тобою —
Бредёт один в лесах России
Медведь, обиженный судьбою.

Голодный, злой, облезлый, тощий
Идёт в снегах, куда — не знает,
Он перепутал дни и ночи,
Горящим ртом метель хватает.

Чтоб уловить чуть слышный запах,
Он, снег с себя не отряхая,
Привстал к сосне на задних лапах,
По-человечески вздыхая.

Ему и хочется заплакать,
Вот только плакать не умеет.
Не рвись к нему, моя собака, —
Он всех зверей в тайге умнее.

Холода, а он кочует —
Всё бредёт незванным гостем,
Под валежиной ночует
Да грызёт сухие кости.

Позатает снег под брюхом,
Заметёт погода злая...
Что-то ищет, ловит ухом,
А чего — и сам не знает.

На снегу следы босые...
И такое ведь бывает:
В морду бьют ветра косые,
Снег с деревьев обдувают.

О тепле, о пище бредит...
Пусть идёт своей дорогой —
Зажиревшие медведи
Спят спокойно по берлогам.

* * *

Затаилась Русь в лесах дремучих,
Тихие, родимые места.
Родину люблю, смеясь и мучась,
Синь в её глазах и доброта.

Будущее вижу дивным, светлым.
Тыщу лет святой Руси прожить...
Пусть исчезну я скорее ветра,
Только б ей одной мне послужить.

Ростислав Филиппов

* * *

О, ты всегда красива и добра.
Не может быть, чтоб ты забыть сумела,
Как мы с тобой сидели у костра,
А голубое небо вечерело.

Горел костёр, он не пускал назад
Из светлого того святого круга,
Когда друг другу слов не говорят,
Но понимают всё-таки друг друга.

Воспоминанья сердца и ума
На грустные предчувствия наводят...
Пускай вернёмся мы в свои дома,
Как реки в русла после половодья, —

Уже я знаю: жизнь мне удалась.
И счастлив тем, что у её предела
С печалью вспомню этот нежный час,
Когда ты у костра со мной сидела...

* * *

Я пригляделся. Я подвёл черту.
Крутым шестом вразгон опёрся оземь.
И полетел разбойно в высоту —

Филиппов Ростислав Владимирович, поэт (1937, д. Семёновка — ныне г. Арсеньев, Дальний Восток — 2006, Иркутск). Автор книг: *Завязь* (Иркутск, 1964: *Бригада*); *Стихи* (Чита, 1967); *Солнечная пурга* (М., 1969); *Сосновая провинция* (Иркутск, 1969); *Я к вам с друзьями* (Иркутск, 1972); *Выбор* (М., 1974); *Сибирские ямбы* (Иркутск, 1976: *Сибирская лира*); *Круг повседневный* (Иркутск, 1983); *Пятьдесят превосходных стихотворений* (Иркутск, 1994); *Красная сотня* (Иркутск, 2005). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

На восемь метров. Ахнул мир. «На восемь!»
 Давно я знал, что всех перешибу,
 Что будет выше всех моя зарубка.
 Увидел я, как нервно сплюнул Бубка
 На стадион и на свою судьбу.

Меня мой город встретил и обнял.
 Моей страны администратор главный
 Успешную попытку предпринял
 Попастъ со мною на плакат рекламный.
 Стал торговать я славою своей,
 И сам не ожидал, что так искусно.
 Я денег дал на храм и на искусство,
 И на приют для брошенных детей.

Всё вовремя сошлось: и мой прыжок,
 И возвращенье к Ветхому Завету
 Моей страны. Я подгадал. Я смог.
 Всё — под рукой. А вот бессмертья нету.
 Моей душе покоя не дано.
 Жизнь не сводима к одному поступку.
 Выходит, зря я перепрыгнул Бубку.
 До неба не допрыгнул всё равно.

* * *

Когда в печи твоей румяной,
 смеясь, сжигал за годом год,
 о Юность! — верил я упрямо:
 меня поэзия спасёт.

Когда лирических колосьев
 в душе случался недород,
 я верить всё равно не бросил:
 меня поэзия спасёт.

Когда терял жену и друга,
 когда горел мой алый флот,
 я всё равно упрямо думал:
 меня поэзия спасёт.

Но не спасла и не спасала.
Другие у неё дела.
Спасибо, что не оставляла,
поддерживала, как могла.

* * *

По узбекскому небу ярко солнце бежит.
А в узбекской земле моя мама лежит.

У могилы её — два цветка полевые.
Рядом — Шёлковый путь протянулся в Россию.

Он невидим и видим, он простёрт по утрам
мимо древней мечети за подкрашенный храм.

Часто вижу во сне: под луной, молодая,
ходит мама по шёлку, невесомо ступая.

Подожди меня, мама. Я покину свой дом,
я приеду, я скоро, мы все вместе пойдём.

И пойдём мы с тобою в простор бесконечный,
в свет, где Шёлковый путь переходит во Млечный.

* * *

Вот я, Господи! Прости меня, я грешен,
Потому что был с любимой нежен,
Но оставил где-то по пути
Одинокой... Господи, прости!

Вот я, Господи! Прости меня, я грешен,
Что вином был зеленым утешен
На своём оставшемся пути.
Был утешен... Господи, прости!

Вот я, Господи! Прости меня, я грешен,
На слезах отчаянья замешен
Трудный хлеб мой при конце пути,
Трудный хлеб мой... Господи, прости!

* * *

Утка металась в распадке.
Сразу видать, неспроста:
то ли дела не в порядке,
то ли согнали с гнезда.

Вот и пришлось при народе
так выбиваться из сил.
Сядь, отдохни в огороде —
еле её упротил.

Села. Подальше от взгляда.
Но, видно, душу спекло —
не отдохнула, с надсадой
вновь поднялась на крыло.

Что-то кричала, летая,
Падала, как под откос.
Крик её медленно стоял
между осин и берёз.

Господи, дай испытанье
в суетных наших делах
помнить про это летанье
на неподъёмных крылах.

* * *

Я живу ожиданьем большого кочевья.
Незнакомые слышу песни. Неизвестные чую
реченья.

Снова вижу дружину свою. И знамёна
 колышутся плавно.
За высокими стенами плачет
 моя Ярославна.
Солнце, словно платком, занавесилось
 длинною тенью.
И седые колдуны вещают дурное знаменье.

Александр Блок

Как давно на дороги мои совершают набеги
Ненавистные мне, современные мне
печенег!

То любовь разобьют, то сердца
равнодушьем начинают,
То поверженных идолов снова подкрасят,
починят,
То друзей уведут молодыми ещё,
симпатичными
И в высоких шатрах покупают их совесть
наличными.

Собирайся, дружина! Не за песней пойдём,
не за славой, —
Возле каждого сердца давайте поставим
заставы!
Чтоб об эти сердца обожглись,
совершая набеги,
Ненавистные мне, современные мне
печенег.
Если ж в плен заберут, соблазнят меня
грошами,
И разучат любви, уведя в своё прошлое,
И заставят богов своих песнями славить
исправно —
Ты меня прокляни! Ты не плачь обо мне,
Ярославна!

* * *

Господи, взгляда с меня не своди —
Мало добра остаётся в груди.

Был человеком и я до сих пор,
 Но приближается холод и мор.
 Грабить и бить кирпичами в висок
 Будем друг друга за хлеба кусок.
 Низкое время у нас впереди —
 Господи, взора с меня не своди!
 Чтоб не посмел я ни душу, ни имя,
 Боже, сгубить пред очами Твоими!

* * *

Излупили б, что ли,
 изругали,
 устыдили б так,
 хоть провались...
 Нет же —
 сердце трогают руками,
 а потом кричат,
 что обожглись.
 Вы же не слепые.
 Вы же зрячие.
 Как вы не поймёте ничего?
 Моё сердце
 все-таки горячее.
 Осторожней трогайте его.

* * *

Я ждал темна. Таился в переулках.
 В подъездах хоронясь, я опасался вновь,
 Что бьётся сердце далеко и гулко —
 По древним правилам я воровал любовь.

И, унося добычу на рассвете,
 Тревожно озираючись кругом,
 Уже держал я снова на примете
 Другой наполненный любовью дом.

Не помогли засады и угрозы —
Я уходил, как ястреб от земли.
Тогда был по сердцам объявлен розыск.
И там, в одном из них, меня нашли.

И ради сердца этого простили.
Не посчитали прошлое виной.
Но долго пострадавшие грустили,
Что я забросил промысел ночной.

* * *

Вот мои шестнадцать строк:
Я не сделал всё, что мог.
Если Бог окажет честь,
Всё исполню. Силы есть.

Я в любви имел успех.
Может быть, любил не тех.
Тех, не тех — любил я всех.
Отказаться — это грех.

Ради красного словца
Я всегда жалел отца.
В дружбе не выгадывал,
В службе не закладывал.

На том свете господь Бог
Подведёт и мне итог.
Если в рай не попаду,
И в аду не пропаду.

Триптих

1
Все теперь заткнулись,
все теперь молчат.

На просторы улиц
вывели волчат.

2

И что мне старый дом резной
и что мне чистота Байкала,
когда разбоем и резнёй
природа жить не перестала.

3

А что народ? А то народ —
он против власти не пойдёт.
Я не надеюсь на народ —
он не предаст и не спасёт...

* * *

Скучные сибирские вокзалы
С цыганьём с семи и до семи.
Скучные сибирские базары
С тёмными кавказскими людьми.

А живут в Сибири только дуры.
И, конечно, только дураки.
Ведь везде — низки температуры,
Ведь повсюду — цены высоки.

Про себя я тоже точно знаю,
Что сибирский валенок, дурак.
Но Сибирь — страна моя родная.
И уж не расстаться нам никак.

* * *

«Я люблю вас, я люблю вас, Вера!
Я даю вам слово офицера:

Если вы останетесь со мной —
Будете за каменной стеной!»

Усмехнулась, отвечая, Вера:
«Я не верю слову офицера!»

Что ответил офицер на это?
Он ответил: «Честь моя задета!»
И раздался выстрел пистолета.

Слава, братцы, честному мужчине!
Но это был — единственный пример,
Что по такой ничтожнейшей причине
Застрелился русский офицер.

* * *

Открывается Байкал из окна вагона —
Синий, красный, золотой — древняя икона.
В этот миг
и в этот век, в этот мир просторный
Он являет строгий лик —
Спас нерукотворный.
И тревожит и томит, словно весть
о чуде,
Всё, что было, всё, что есть,
всё, что дальше будет.

* * *

Проявлю сноровку,
и не будет пусто.
Посажу Морковку.
Посажу Капусту!

Я на грядку дальнюю
посажу нормальную.
А около сарая
пусть растёт цветная.

Я теперь вперёд гляжу.
Раньше жил без толку.
Огурцов понасажу
так — и на засолку.

Я семян надоставал!
Огород румяный —
мой Интернационал!
С ним всегда воспряну.

Посажу я утром рано
армянина Укропьяна.
А потом сади, рука,
да на всю катушку,
украинца Буряка,
русского Петрушку.
Не обижу и еврея —
удалого Сельдеря.

Не бывает чахохбили
без грузина Кинзашвили.
Стол, случается, калека
без узбека Шафран-бека.

Не скажу: такой-сякой! —
никакому овощу,
хоть он нации какой,
я не знаю всё ещё.

Я от Редьки — без ума.
Репа — грация сама.
Я в тебя влюблённый,
лук ты мой зелёный!

Уж по мне совсем не плох
разговорчивый Горох.
Я во связи прочной
с долюшкой чесночной.
Поднимусь и я с колен
со своей страной,
если только будет Хрен,
как всегда, со мною!

Словом, никаких проблем
и в ажуре смета —
у меня хватает всем
и земли, и света!

Всех полью и прополю,
чтобы солнце видели,
потому что я люблю
огородных жителей.

Никого не обижал...
А наступит осень —
с мокрой грядки
всех в подвал
зимовать попросим.

В банках, вёдрах и горшках
сохраню искусно...
Вы ко мне придёте: «Ах! —
скажете. — Как вкусно!»

Магазинским продавцам
и базарным мырмам
говорю: «Теперь я — сам!
И без вас не выйрем!»

* * *

Райская птица сказала мне так:
«В рай, дорогой, не прорвёшься за так,
Там ведь и слева, и справа
Грозные ангелы, Слава».

Рдели зарницы на тонких крылах...
Райская птица сказала мне: «Ах,
Жил ты, не думал о добрых делах.
Вот бы одно бы хотя бы,
Мы бы прорвались туда бы!»

Надо же! Райская птица! В неё
Злачно глядело жульё и пьяньё
В цирке, в пещерном отсеке,
Крепко заплёванном всеми.

Пахло тут выгулом, как ото пса,
Грязно хрипела с экрана попса...
«Ладно, — сказал я несмело, —
Сходим на доброе дело!
Может быть, женщину ту полюбить,
Что обещала единственной быть?»
Птица ответила: «Шлюхи
Все они, вплоть до старухи!»

«Вот что! Я с миром природы солюсь.
С полем, с тайгой — ну, разве не плюс?»
Райская птица сказала:
«Ты не Дерсу. Не Узáла».

Да уж... Я водки стакан заказал,
Выпил его. Завязал. И сказал:
«Выйду из мира. За дверью
В Бога возьму и поверю!»

«Ты-то поверишь ему, как судьбе,
А вот поверит ли он, как тебе?»
И райская птица вздохнула
На спинке железного стула.

Значит, для рая не вышла пора.
Снова — привычно жилая нора,
Скука рабочего дома,
Штучный отдел гастронома...

Райская птица поёт иногда.
Жаль мне, что в скучные эти года
Все, кто пока ещё дышат,
Не видят её и не слышат...

* * *

Дым — вонюч. Дорога — грязь.
А люди —
свалка жадных глаз и нечистот.
Что же, доченька, с тобою будет?
Кто тебя укроет и спасёт?

Вот сидит, уныло взгляд ломая
об углы немытого жилья,
женщина. Ты говоришь ей: «Мама!»
То, скорее, мачеха твоя.

Вот мужчина. Не болезный вроде,
да понутив голову сидит.
Это я сижу. В отцы не годен.
Тот отец, кто дочку защитит.

Но душе подняться невозможно.
Вся — рваньё. И тяжко бросить прочь.
Девочка в окно глядит тревожно.
«Папа, ночь!». Да. Ночь. Конечно, ночь.

Спи, малыш. Я плачу от бессилья.
Ты во сне не вздрагивай. Хотя
снова будет тёмная Россия
за окном пугать моё дитя.

Наглая, торгашная, блатная.
Жадная до денег и питья.
О другой России — мало знаю.
Вижу только — это вот моя.

И молчу я. И мечтать не смею,
что иное время настанёт.
Что с румяной девочкой моею
новая Россия подрастёт.

Ночь пройдёт. И утро нас разбудит.
И попросит дочка погулять.
Девочка, ну что с тобою будет?
На кого тебя мне оставлять?

* * *

Как-то раз весенним добрым часом
Ты сказала, что придёшь ко мне.
Я пошёл за хлебом и за мясом
По своей красавице стране.

Я ходил по рынкам и по лавкам,
Я искал баранину и рожь.
Из пшеницы хлеб не очень лаком,
И овцу не очень-то найдёшь.

Вдруг в степи у славного бурята
Я нашёл искомое одно:
Молода, упитанна, опрятна,
Грубое, надёжное руно.

Вёл овцу я по лугам зелёным.
На дорогах были грабежи.
Обошлось. В селенье отдалённом
Прикупил попутно тёплой ржи.

Встретились. Поговорили. Сели.
Ты сказала: «Вот ведь молодец!
Но давай-ка лучше рожь посеем,
Да возьмём и разведём овец».

«Ну, конечно, милая, конечно».
И пахал, и пас я на века.
Так мы жили. Мирно и неспешно.
Хлеб был тёпл. Баранина сладка.

Вот уже скопилось перегною...
Но я знал, что он придёт в мой дом,
Тот, кто скажет: «Отпусти со мною!
Как-нибудь мы с нею проживём...»

Всё она оставила, что было.
Прямо в ночь, светясь, они ушли.
Вскоре громом рожь мою побило,
Волки всех овец перевели.

Стало пусто мне в моём поместье.
Я шагнул за двор и был таков.
Поднялась тайга зелёной шерстью.
Дрогнули колосья облаков.

Что хочу, скитаясь в мирозданье?
Чтобы промелькнул или возник
В зарослях листвы или тумане
Твой восточный, твой усталый лик.

Мне бы только подойти, коснуться
Медленной рукой твоих волос.
Только бы с тобой не разминуться —
С полными глазами снов и слёз.

Леонид Хрилёв

Сибиряк

Дядя Гоша — фронтовик,
сух и жилист — будь здоров!
Говорить он не привык
даже пару лишних слов.
Ну, а скажет — грянет гром
и присядет дом в углу,
словно ахнет топором
дядя Гоша по стволу.

Он в фуражке до бровей.
Смоль-глаза глядят остро.
Вот раздвинул мглу ветвей,
в речку бухает ведро
и по камушкам бредёт,
по горбатым спинам шпал.
А вода — растаял лёд —
с горных круч летит в Байкал.
Сапожища стук да стук,
а глазища зыр да зыр.

Деньги не кладёт в сундук —
у детей немало «дыр».
Дом его не на замке,
заходи и гостем будь.
Но не лей слезу в тоске,
не кляни свой долгий путь —
он не любит. Жизнь как жизнь.

Хрилёв Леонид Сазонтович, поэт (род. в 1932 г. в д. Горки Меховского р-на Витебской обл., Белоруссия). Автор книг: *Костры на дне моря* (Л., 1961); *Весенняя жажда* (Иркутск, 1963); *Следы, омытые росой* (Иркутск, 1973); *Родниковые голоса* (Иркутск, 1976: *Сибирская лира*); *Жимолость* (М., 1980); *Вольницы ветка зелёная* (М., 1981); *Доверюсь дороге* (Иркутск, 1985); *Оглянуться в пути* (М., 1993); *Летающие мгновения* (М., 2006) и др. Член Иркутской организации Союза писателей СССР в 1960–1970-е гг.

Всё изведай до конца.
Только уткой не кружись
даже в посвистах свинца.

В сорок первом под Москвой
это он встал как тайга,
в круговерти снеговой
зверя бил — громил врага.
Поле страшное войны
день за днём пахал, как мог.
Потому ль глаза черны,
что в них дым тех лет залёг?

Печь затопит, стукнет в дверь:
— Спишь? А солнце, глянь — в ковше.
Ну, попробуй-ка измерь
доброту в его душе?!
И за хмурой тенью глаз
разглядеть её сумей!
Что в душе — не напоказ,
но для жизни, для людей.

* * *

Как проклинали мы приход весны,
когда в болоте рыли котлованы!
В тайге клубились по утрам туманы,
но не были, как прежде, холодны.

Будило солнце первые ручьи,
в снега вонзая золотые пики.
И раздавались на дороге крики —
там шоферня шумела, как грачи.

И я кружил по трассе, злой, худой
и простирали в мольбе к деревьям руки:
«Постой! — просил весну. — В овраге рухни,
упрячь ручьи за каменной грядой!»

В ответ с укором зашумела ель.
Я мрачно думал: «Планы под угрозой», —
не жаворонков — ночи ждал морозной,
а мне в ладони падала капель...

Рождение Братского моря

По-сто-ро-о-о-нись! Затоплена берлога.
Смолкает гул Падунского порога,
он кулаком грозит, подняв бревно, —
на дно!

Глухое недоверье старых дебрей,
в молчании угрюмых скал и стеблей
кандалный стон, что здесь затих давно, —
на дно!

Палаток наших обветшалых души,
где примерзали волосы к подушке,
валила с ног усталость — не вино, —
на дно!

Увозят башню Братского острога.
— Сдаю в музей, — смеётся паренёк.
А тётка крестится: — Побойся бога! —
к глазам подносит старенький платок.

У ног её ручей хвоинку кружит,
ныряет торопливо под забор
и, кромку неба размывая в луже,
рассветным звоном наполняет двор.

Бараки ветхие, где передохли крысы,
сносим.
Тропу, где выстрел за кустом укрылся,
бросим
в летящую ангарскую волну,
И только жаль мне солнцевровых сосен,
что навсегда уходят в глубину.

И, кажется, они плывут к рассвету,
где заблудился месяц молодой,
и, грудь подставив утреннему ветру,
вершинами качают над водой.

Медведь-монтажник

В палатке нашей, как мышонок,
он лез с испуга в сапоги,
как в бурелом густой тайги,
глаза таращил медвежонок.
Мы, беспокоясь о здоровье,
ему носили молоко,
хоть до деревни далеко.
— Топтыгин, пей! Оно коровье...

Он рос, кочуя вместе с нами,
на трассу ездил по утрам,
привык к гудящим тракторам
и подружился с шоферами.
Сидел в кабине важным чином,
столбы глазами провожал.
Ему как будто подражал
тот чин, что в шубе был овчинной.
Он часто мордочкой невинной
в кастрюли лазил: где еда?
Тащил с бригадой провода,
цветы мешая с жёлтой глиной.
Потом, услышав звук сигнала,
садился с нами у костра.
— Тебе разряд иметь пора,
хотя бы третий для начала!..

Вот между нами стихнут споры.
И заведёт кукушка счёт.
Тропой звериной ночь придёт.
И под сосной уснут моторы.
А он прислушается к ветру,
ушами чутко поводя.

Как отдалённый шум дождя,
шум шишек, падающих с веток.
Учуяв что-то за палаткой,
грохочет цепью и ревёт.
Его тайга к себе зовёт
и машет веткой, словной лапой.

* * *

Во мне живёт раздвоенность души,
Два разных полюса — мои желанья.
Один зовёт: — Иди сюда...

Спеши!

Другой меня корит за невниманье.
И что поделать, если мне близки
И чётких формул выпуклые грани,
И звон дождя, и нежный цвет герани,
Что в стих заходят

по тропе

строки.

Я жить хочу, лицо подставив ветру,
И целовать любимую в глаза,
Чтоб молнии их заливали светом,
Стихала б в них весенняя гроза,
И капли с губ, с её ресниц стекали,
Вбирая всё и отражая суть,
И радуги огромное лекало
Чертило солнцу

во вселенной

путь.

Юрий Черных

Кто пасётся на лугу?

Далеко, далеко
На лугу пасутся ко...
— Кони?
— Нет, не кони!

Далеко, далеко
На лугу пасутся ко...
— Козы?
— Нет, не козы!

Далеко, далеко
На лугу пасутся ко...
— Правильно — коровы.
Пейте, дети, молоко —
Будете здоровы!

Встреча на косе

Шёл по берегу Косой
Травянистою косой,
Видит: девица с косой
Машет острою косой.

— Слушай, серенький Косой,
Молвит девица с косой, —
Я траву кошу косой,
Ты ходи другой косой!

Черных Юрий Егорович, поэт (1936, Усть-Кут Иркутской обл. — 1994, Иркутск). Автор книг стихов для детей: *На лугу пасутся ко...* (Иркутск, 1979); *Весёлый разговор* (Иркутск, 1982); *На Кудыкиной горе* (Иркутск, 1986); *Егоркины скороговорки* (М., 1992); *Далеко, далеко* (М., 2011). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

— Слушай, девица с косой, —
Заупрямился Косой, —
Не пугай меня косой,
Не пойду другой косой!

Но попятился Косой
Перед острою косой,
Покосился на лесок...
И помчал наискосок!

Две луны

Мы гуляли у реки,
В ней мерцали огоньки.

Над рекой плыла луна,
А под ней ещё одна!

Плыли рядышком они
И дразнили: догони!

Я за ними на мысок,
А двойняшки наутёк!

Я назад — они назад,
Я стою — они стоят!

Перед сном одна луна
Мне сияла из окна,

А в мои цветные сны
Заплывали две луны!

Егоркины скороговорки

Я сегодня был в восторге
От затейника Егорки,

За его скороговорки
Я поставил бы пятёрки!

Повторяйте, детвора:
— Посреди двора дрова.

— Жук, над лужею жужжа,
Ждал до ужина ужа.

— В перелеске перепел
Перепёлку перепел!

— Мышь шуршит у шалаша,
Векше шишку шелуша.

— Лилии полили ли
Иль увяли лилии?

— Аня ныне нянина,
Нина — няня Анина.

— Мамами любимы мы
Самыми любимыми!

То-то буду я в восторге,
Если вы, как я Егорке,

За его скороговорки
Мне поставите пятёрки!

Жили-были

Жили-были
Дед да баба
С маленькою внучкой,
Кошку рыжую свою
Называли Жучкой.

А Хохлаткою они
Звали жеребёнка,

А ещё была у них
Курица Бурёнка.

А ещё у них была
Собачонка Мурка,
А ещё — два козла:
Сивка да Бурка!

Игры

Вчера барбос для лайки
Играл на балалайке,
А лайкины ребятки
С утра играли в прятки.

Сегодня кот для кошки
Играет на гармошке,
А кошкины детишки
Играют в кошки-мышки.

Познакомились

Три задиры муравья
Повстречали воробья.
— Чьи вы, чьи вы, муравьи?
— Мы ничьи, ничьи, ничьи!
— Вы куда, куда, куда?
— Мы туда, туда, туда!
— Вы зачем, зачем, зачем?
— Мы затем, затем, затем!
Мы за тем, за тем кустом
Познакомились с котом!
— Он какой, какой, какой?
— Он такой, такой, такой:
В полосатой шубке,
Остренькие зубки
И на каждой лапке
Когти цап-царапки!

— Я давно уже знаком
С каждым этим коготком.

На уроки

По зимнему лесу спросонок
Бежит длинноногий лосёнок,
Он резвым галопом
Несётся по тропам
Среди невысоких сосёнок.

Торопится увалень-мишка,
Под мышкой тяжёлая книжка.
Устроить бы гонку,
Догнать бы лосёнка,
Да только мешает одышка!

Бегут озорницы-лисицы,
Сегодня они ученицы.
Спешит, как на праздник,
Бельчонок-проказник,
Сегодня и он первоклассник.

Зайчишка купил за копейку
Тетрадку в косую линейку,
И мчится вприпрыжку
Весёлый зайчишка,
Ныряя в любую лазейку.

Стрекочут на ветках сороки,
Торопят они, белобоки.
Несут меня ноги
По белой дороге —
Я тоже спешу на уроки!

СТО ПОТОВ

Тесно летом на дворе
И зимою тесно —
Покататься детворе
Не хватает места!

Нам поведал дед Егор
Истину простую:
— Оттого и тесен двор,
Что пустырь пустует!

Тут Алёшка-богатырь
Закричал:
— Даёшь пустырь!
Всем явиться чуть заря
На расчистку пустыря!

Рано утром сто ребят
Разобрали сто лопат —
Снег белее молока
Полетел под облака!

К ночи срыли все бугры,
Заровняли ямы.
Пот катился с детворы
Градом и ручьями!

Мы пролили сто потов —
По ведру на брата,
Но зато каток готов —
Заливать не надо!

И сегодня на дворе
Никому не тесно,
И на бывшем пустыре
Всем хватает места!

Хотите — проверьте!

Хотите — поверьте,
Хотите — проверьте,
Но белки, однако, умеют летать.
Обычные белки летать не умеют,
Но белки-летяги умеют летать!

Хотите — поверьте,
Хотите — проверьте,
Но рыбы, однако, умеют летать.
Обычные рыбы летать не умеют —
Летучие рыбы умеют летать!

Хотите — поверьте,
Хотите — проверьте,
Но змеи, однако, умеют летать.
Обычные змеи летать не умеют —
Бумажные змеи умеют летать!

Хотите — поверьте,
Хотите — проверьте:
Я тоже, однако, умею летать.
Летать наяву я пока не умею,
Однако во сне я умею летать!

Часы с кукушкой

Сколько времени сейчас,
Если ровно через час
На часах моих кукушка
Прокукует восемь раз?

1990–2000

Марина Акимова

* * *

Этот город — кому он нужен? —
полурухнувших чёрных кружев,
вечно испоротых тротуаров.
Он острожным ещё простужен —
весь во льду да в бреду пожаров,
да в поту воробьиных лужиц.
То терпимо ему, то хуже —
от нахлынувшего трамвая
дрожь всей улицей переживая.

* * *

Если между ладоней —
 словно в рамку зажать:
и фасад, и фонтан, и ещё полусад —
мы почти европейцы, уезжать никуда
нам не надо, не надо.

Акимова Марина Николаевна, поэтесса (род. в 1981 г. в г. Иркутске). Автор книги *Вырастая на разлуку* (Иркутск, 2005); многочисленных публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Здесь под бровью бетонной
 есть навывкат вода
азиатского моря. Здесь можно держать
вместе: злобу и горе, бездарность и радость...
Я люблю голубей остановок твоих,
ковыляют на красных, разбухших,
стоп-горящие лампочки — ух ты!
как спикировал он с небес!

.....

Это самый живой испуг —
ухватить за рукав движение
и в стихах стоять, в хризантемье
(«нет не эту, нет, лучше ту»)
и очнуться и потянуть
из ведра, из тугого братства,
из цветочных рядов у Труда.
Да, из города. Но куда?
...и встречаться, и расставаться,
и уже собираться в путь.

* * *

1

Наверно, это январю
фонарь кивает онемело:
да-да, нет-нет. Снег, к фонарю
вдруг подлётев, офонарело
несётся дальше. Говорю,
как после комы, неумело.

2

Фонарь — дрожащий огонёк.
России бросовый сценарий.
Да разве кто-то что-то смог
здесь сделать? Вот пассионарий
поджёт коммерческий ларёк,
чтоб рядом выстроить солярий.

3

Наверно, вслушиваясь в Русь,
в её тяжёлые качели,
фонарный скрип и снежный хруст,
на самом деле, на самом деле,
я в чём-то главном разберусь,
чего мы слышать не хотели.

4

Русь. Родина. Россия. Ру.
Ни веры, ни родных, ни друга.
Бреду, как дура, по двору.
Хвостом захлёстывает вьюга.
Гадаю до утра: умру
иль выведу себя из круга?

* * *

В полуполёте от земли —
 чуть ниже крыш —
уже — стихия!
И что ни ветер — лист идёт на лист.
Уже — такие сдвиги начались!
 Уже — такие —
не просчитать! — маршруты воробьёв.
И накапливает запах тополиный,
и что-то здесь то замирает длинно,
то переходит
 в рёв.

Какая нас подстерегает жизнь?
«Пока, — кричу, — за веточку держись!»
Всё хорошо. И веточка нагрета
меж пальцев...
 Настоящее общо
без прошлого. Вернёмся. Что ещё нам остаётся?
 Стёртое крылыцо
на улицу
 да чьё-нибудь лицо
в летящих пятнах солнечного света.

* * *

В переулке не съели меня заборы,
вот и радость моя вся — к цепям собачьим.
Много надо ли? Вырос бы только город,
чтоб оставить не страшно... Пока же плачем
мы ещё друг в дружку, в одёжку, в доску,
мы ещё свои

не сносили камни.

Вот и дом родительский. Как занозку,
извлекла я гвоздик, вздохнули ставни,
заплясали груша и тополиха,
и взлетела радостная собака,
вскрикнул папа, ударился в стенку бака
битый ковш. И я выросла

тихо-тихо.

* * *

Виталию Науменко

Ну как по Карла Маркса не пройти —
не перебрать все эти «цоки», стуки
(спасибо женщинам за каблуки),
в которых соль спасения от скуки?
От Ушаковки и до Ангары —
бензинные дуращие пары.
А если концентрация строки
слабее, чем московская, прости.

Ну как не завернуть куда-нибудь
и встретиться там с той-то или с тем-то?
(«Два «Жигулёвского», — сказать, — налейте».)
Смотреть, как пальцы прилипают к флейте
и микрофон желает заглянуть
в воронку духового инструмента
(там — мутное... — муз-зыка — что такое? —
он шею гнёт, он — конь у звукопопя).

Ну как не постоять в среде колонн
инязовских, средь воробьёв и пыли?
Вот этот сквер, допустим, мы — любили?
(Что любим, то собой не оскорбим.)
А с кем мы жили — тех всегда жалели.
Как правильно, что мы... А здесь в апреле —
Венеция! Но странно сладок дым,
и беден дом, в котором мы плывём...

* * *

...и не спасёт ни ремесло словесное,
и ни добро, творимое без умысла,
поскольку неизвестен божий промысел.

а в небе боль индиговая выросла,
и дико как-то движутся прохожие,
и город беспокойно новогодится.

пройти, проплыть по этой людной улице,
которая в историю торопится,
всё остальное — сущая безделица.

Геннадий Аксаментов

ПИСЬМО

Ноябрь. Воскресенье. Пополудни.
Гостит в кварталах русская зима,
а на моей окраине безлюдной
лежит листок для нежного письма.

Ещё вчера готовилось затишье,
снег повалил, тая его приход,
ссутились дома, осели крыши,
и стал похож посёлок на сугроб.

А нынче всё бело и неподвижно,
лишь кое-где поскрипывает снег,
да нежное перо скользит чуть слышно,
то остановится, то вновь ускорит бег.

* * *

Небо над Россиею, небо надо мной,
на осине трепетной остывает зной.

А по небу с песнею о весне моей
улетает медленно стая журавлей.

Уплывает отблеском в роковой заре
и курлычет-кликает о былой поре,

Аксаментов Геннадий Васильевич, поэт (род. в 1945 г. в г. Иркутске). Автор книг стихов: *Поэтические акварели* (Иркутск, 1997); *Прохожий* (Иркутск, 2001); *В ритме шага* (Иркутск, 2005); *Одна жизнь* (Иркутск, 2009) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

о лесах желтеющих, о полях пустых,
о друзьях, мне верящих, о словах простых.

И в луне измученной эхо отдалось,
разноцветной радугой лето пронеслось,

ароматом скошенных заливных лугов,
голубыми дымками дальних берегов.

Песня тает в воздухе, память всё сильней,
навсегда останется счастье летних дней.

Гаснет лето жаркое, не вернуть весны,
журавли прощаются, остаются сны.

Январский полдень

День, как снегирь, качается на ветке
и снегом редким тянется к земле,
и вдруг оставит страшные заметки
тетрадке терпеливой на столе.

Я верю, что кудесника-халдея
пометили в листке календаря,
чтоб мне явились ямбы и хореи
четвертым воскресеньем января.

И всё вокруг свои меняет лики,
и обретают зрение и слух
в пространстве неизбежные улики
лирических свиданий и разлук.

И будет жить в стихах иная сказка,
иной окраски, музыки иной,
а подлинник, а полдень сей январский
не сохранится вязью снеговой.

Портрет женщины с детьми

Так совершенно, нежно и спокойно
она глядит сквозь времени поток,
в котором ждут её миры и войны,
который беспощаден и жесток.

Три детских лика глазками вспорхнули
чуть-чуть напуганно, как бабочки с цветка,
и в этом взмахе весело сверкнули
те силы центробежного витка,

что увлекут их в будущем полёте,
на трёх путях разъединясь.
Она ж осуществляется, напротив,
как триединства явленная связь.

Одиночество

Когда-то встарь на поиск одиночества
вело людей высокое пророчество
в пустыню, в скит.

Безлюдием и тишиной дыша,
росла и наполняла плоть душа.
Так было встарь.

Прошли века, со светом электричества
явилось миру новое язычество,
и умер Бог.

Сказал философ так, и фраза грозная
простёрта над землёй, как ночь морозная,
белёсый мрак.

И стало пустотою одиночество.
Как самое высокое высочество
оно царит.

Не скит, и не пески — себя изгнание,
не просветление, но боль страдания
и гнёт тоски.

Не даль открытая, а заточение,
темно и сумрачно его значение
и голос нем.

Живое и живых спаси, моё отечество,
от одиночества меня и человечество
и в храм верни.

О весне

1. И мне когда-то радостью была
в дождях протяжных гибнущая осень,
но юность кончилась — и стала мне мила
в февральском небе мартовская просинь.

2. Нетленный Феникс, мудрости венец,
трепещущее в сердце пламя,
пока весна чарующая с нами
и юный бог — расчетливый стрелец.

3. Глядим вперёд, а зрим лишь прошлый путь.
И всё ж не зря весна судьбой играет,
из-под снегов холодных возникает
её непререкаемое: будь!

4. По дорогам жизни, по её ухабам
так и спотыкаться мужикам и бабам.
И была бы участь, словно клеть, тесна,
если б не весна!

Август

Расцветают астры, лето на исходе,
потемнела зелень, огрузила сад.

Август у Байкала при любой погоде —
месяц расставаний, боли и утрат.

Делаются зримы имена и лики,
всякая неточность выявляет строй,
в редких средоточьях тишины великой
обретает сердце силу и покой.

То ли изобильно, то ли просто больно.
Крут подъём, и впору дух перевести,
и закончить август лёгкой рифмой «вольно»,
пожеланьем добрым долгого пути.

Зимний вечер

Собака играет на белом снегу,
как птица в полёте — живёт на бегу,
и вечер январский со скукой моей
завидуют ей.

Тепло и заснежено нынче зимой.
Зову я собаку, не хочет домой,
и я не спешу, пусть продлится минута
земного уюта.

Затеplился свет в глубине снегопада,
простой и приветливый, словно лампада,
и кажется, можно потрогать рукой
любовь и покой.

Факел

Когда-то написал я, что терпенье —
благая весть, причастие души.
И всё же: это дар или уменье,
что колим мы в мыслительной тиши?

Затем и проживаем долголетия,
бредём в пургу и мокнем под дождём,
возводим вежи, ставим междометья,
мечтаем и всю жизнь чего-то ждём.

О, если б знать! Молчит стихотворенье,
ответа нет, и нужен ли ответ?
А в нежном свете факела терпенья
видна любовь и скрыты шрамы бед.

Татьяна Андрейко

Восхождение к мельнице *Отрывки из поэмы*

3

Ты не тронь, батяня,
 кнут с уздечкою,
Отпусти на волю дочь
 поперечную;
Видеть горлицей
 ты её бы рад,
Да слишком гордым был
 твой орлиный взгляд.
Как ломали тебе крылья —
 только хруст стоял, —
С той поры дано мне боль
 сердцем чувствовать...

Не сердись на дочку, мама, —
 ей милее похвала,
Я последнюю монетку
 нищей бабке отдала;
Деньги — дело неживое,
 а душа жива стыдом.
Ты мечтала, чтоб под крышу
 был из золота мой дом, —

Только помню я из детства
 твою присказку-совет:
Не жалея голодным хлеба,
 коли денег в доме нет...

Андрейко Татьяна Петровна, поэтесса, прозаик (род. в 1954 г. в г. Слюдянка Иркутской обл.). Автор книг стихов *Восхождение к Мельнице* (Иркутск, 1998); детской повести *Зелёная горошина* (Иркутск, 1998); очерковых книг о Сибири: *Все дороги ведут к людям* (Иркутск, 1998); *Усть-Илим...* (Иркутск, 1999); *Самое народное хозяйство* (Иркутск, 2000). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Яму ковшиком копали —
отвалилось донце,
Говорили, что не пара —
про луну и солнце;
Мне купил дружок платочек,
а на сдачу — вишенку.
Я за ночьку голубочков
на платочке вышила;
Мил со мною — до полудня,
от полудня — я при нём.
Солнце — греет, вечер — лунный,
остальное — наживём!

В тёплой колыбелечке
спите, мои солнышки,
За рекою мельничка
мелет, мелет зёрнышки;
Спите, мои лапушки,
сладок сон под дождичек...
Ставит тесто бабушка
вам на подорожнички;
Чтоб быстрее в горушку
шли дорожкой длинною,
Дед сулил по пёрышку
из крыла орлиного;
От рассвета до ночи
заработал батюшка
Сыну — на котомочку,
дочери — на платишко;
То ли где-то спели мне,
то ли как-то слышала —
Есть страна за меленкой,
где живётся-дышится...

«Все пути — на Мельничку!» —
прокричали вороны.

Ну а если — ельничком,
да тропюю горною?

4

Та тропа шла сверху вниз, словно дождь, —
Ни один бы умник здесь не пошёл,
Лошадей трясла бы нервная дрожь,
И пробрало бы осла до кишок.
Я срывалась — раз, наверное... шесть,
Но вставала, к сожаленью — жива.
Я вернулась бы — как холодно здесь!
Но чем ниже — тем слышней жернова.
А чем выше — тем больнее дышать:
Словно битое глотаешь стекло,
И чем дальше — тем трудней каждый шаг,
И всё хуже гнётся шея в поклон.
На закате... а, быть может, и днём
Вдруг закончилась вершиной тропа. —
Из желаний оставалось одно:
Умереть... или до смерти проспять.
В забытии, не в силах смежить глаза,
Я сидела то ли час, то ли год.
Только вниз — вела дорога назад,
И лишь под гору — дорога вперёд...

6

За рекою — Мельничка,
Рядом — садик с вишнями.
В гости к деду-Мельнику
Сходим с ребятишками;

Гости — птицы редкие,
Деду — всё отдушина,
Детям по конфетке даст,
Чтобы мамку слушались;

Вынет скатерть белую,
Чинно пообедаем,
И под вишней спелой
Мирно побеседуем;

Выпьем с ним по маленькой,
Вспомню гору-горочку —

Усмехнётся старенький
В жиденькую бороду.

Я не стану спрашивать,
Сколько мне отпущено...
Вишни
 мерно
 падают
В садике запущенном.

* * *

Поэт — он либо поёт, либо нет,
а всё остальное: сраженья с драконами,
хождение с лупой в общественный туалет,
рифмирование аксиом и законов —
для любителей этой работы.
«Йедем дас зайне»^{*} — немцы сказали,
а, может, из Библии —
этого не было в букваре;
Фрейд — он, конечно умён, но Вазари
видел большее в бороде Олоферна,
чем вторичные признаки пола;
Школы, в которых учат петь хором,
наверное, необходимы — не уродившимся соло;
Голо ветке без птиц. Без герани
пусто на подоконнике, как на пляже зимой;
Песня, рассчитанная на чётный-нечётный заранее —
то же, что с нелюбимым идти в майский вечер домой.

^{*} «Каждому своё» — нем.

Из цикла «Песни и песенки»

Песня старого казака

Поверх персидского ковра
Пылится сабля —
Какой я воин был вчера!
Рука ослабла...

Враги расскажут: «Стоил двух!»,
Ну, это вряд ли —
Я четверых рубил с двух рук
На поле ратном.

Друзья? — не сыщешь и концов,
А что остались,
Пополнили ряды бойцов
Пивных баталий.

О чём мне Господа просить? —
Я жил по чести,
Вот разве... чтобы сын носил
Нательный крестик.

Русская, бабья, хоровая

Я устала перехватывать деньги
И годами жить в обносках подружек,
Не завидую сестрёнкиным серьгам,
Повезло и мне — на пьющего мужа...

Что в подушку выть — никто не неволил:
Поглядел, и сердце — яблоком с ветки...
И сейчас ещё...

Наверное, больно
Оземь! — яблоку... и даже ранетке...

Сын погладит, дочка сказку расскажет,
Забежишь к друзьям на рюмочку чаю,
Фильм индийский в воскресенье покажут —
Хоть чуток, а всё душе полегчает...

Рок-н-ролл в лапах

Я не люблю гулять
ни до, ни после дождя:
До — дышать тяжело,
а после — всюду сидят
Слишком много любителей
бензиновой ухи —
Возле каждой лужи
два десятка таких,
Изображающих рыбалку у реки;
Когда начнётся дождь,
то, не сказав никому,
Сними ласты с гвоздя.
свои я тоже возьму,
Мы будем плавать в дожде,
и знаю наверняка —
Мы не устанем с тобой,
пока в руке рука,
И будем в лужах танцевать на пузырьках;
Я танцевать с тобой
хочу весь дождь напролёт,
Пусть даже он идёт
и никого не ждёт,
Он мимо не пройдёт,
и мы станцуем втроем —
Ведь самый классный — это в ластах рок-н-ролл!

Надежда Анучина

* * *

И самые кроны стремительных многоэтажек
Огладило солнце, уверенно двинув бока
Ночных облаков, коих тень ты не чувствуешь даже,
Ты спишь, а они догоняют вчерашний закат.

Экранное небо очищено утренним светом.
И стылая пропасть угасла до сумерек дня.
Сказать так, как я — никогда не сумеешь об этом.
А те облака за собой забирают меня...

* * *

Ни вождей своих, ни пророков —
До чего мой безволен люд!
Не помянут былых уроков
И на царство опять зовут
То варягов, то осетинов,
То евреев — ну что с них взять? —
Русь иль не-Русь — им все едино,
Ведь не здесь их рожала мать.
И играют они в проекты,
Прожигая чужой народ.
Мы баранами входим в секты
И глядим в забугорный рот.
Русь иль не-Русь? Эх, ветер резкий,
Крест на шее да гнев людской.

Анучина Надежда Леонидовна, поэтесса (род. в 1976 г. в с. Непа Катангского р-на Иркутской обл.). Автор книги *Небесные дети* (Иркутск, 2006); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Народился ли, новый Невский?
Подрастает ли, князь Донской?

* * *

Не умираем мы, а отстаём порой
От времени. Оно нас оставляет
В одном из дней, который и бывает
На памятнике датой второй.

Памятник

Истории слиток и памяти верный наместник,
Стоит монумент, словно памятка ныне живым —
Я ваша зарубка на сердце, идущие вместе,
Кто память хранит, тот и Богом на свете храним.

Кто помнит ошибки, кто чтит и героев, и предков,
Кто не оскверняет могилы друзей и врагов,
Тот веру свою не отдаст за чужие объедки
И землю свою защитить от напастей готов!

* * *

Знаки, значения, звуки.
Рубище, жадные руки.
Жизни скрипит колесо.
Тайное в мире не ново,
Стелется время сурово —
Прахом становится всё.
Вера, приди на подмогу!
Долгое время в дороге.
Битва — ему, мне — тревога.
Горе доводит до Бога
В храм, в синагогу, в костёл...

* * *

Потери, утраты.
Как трудно, ребята,
Осмыслить себя — сиротой.
Все было когда-то:
У мамы зарплата,
И папа с игрушкой домой.
Душа присмирела.
Нетрудное дело —
Дочурке зайчонка купить.
Семь лет пролетело,
Как мама успела,
А завтра — отца хоронить...

* * *

Как просто иногда ложится строчка,
Как сложно к ней бывает подобрать
Такую, чтоб легла как точка в точку,
Такую, чтоб иначе не сказать.

Такую, чтоб отточенным кинжалом
Вонзила точно в душу острière,
Такую, чтоб меня не подкачала
И мне не стыдно стало за неё.

* * *

Опять не спишь, и на ладошках
Следы от впившихся ногтей.
Боль на груди свернулась кошкой,
Но тесно ей.

А там, на кухне — ночь за шторой,
Бессонных глаз — окошек свет.
Наступит утро очень скоро,
А счастье — нет.

* * *

Тонким лезвием нитку красную
Обведу по живому воздуху.
Ветер западный осень празднует,
Бледных листьев гоняет всполохи.

А на небе у туч авария:
Сбились в кучу, сигналият громами,
В этот вечер худые парии
В мир привозят тоску паромами.

Наше время — в злорадстве сумерек
Пить вино, словно воду мутную,
Сотни строк перебрать на имярек,
Чтобы выбрать одну — попутную.

На кончину патриарха

И смерть его была тиха, прекрасна.
Она, казалось, страшной не была.
И Русь молилась, свечи млели ясно,
И пели хор — церковью колокола.

Всё было чинно, снежно и небесно,
Летели ввысь прощальные слова.
И свита Божьих ангелов чудесных
Готовила ко встрече торжества...

* * *

Ваньке сядь на шею — Ванька повезёт.
Жалостный в Расее, добренький народ.
Ванька пьёт неделю, надо — месяц пьёт.
А ковыль не сеют — сам ковыль растёт...

* * *

Промозглая пропасть в ночных небесах,
Закрытые наглухо клетки-квартиры.
Догнать, докричаться, письмо написать?! —
Но нет никого в этом вымершем мире.

Лишь впадины окон на серой стене,
В фонарных ловушках снежинок иголки.
И нет настроения в этой стране
Родиться счастливым и жить слишком долго...

Кочевнице

Протяни гребешок,
Покажу тебе, как я играю
О свирельных лугах
И о войлочных степях твоих.
Поднеси посошок —
За ордою твоей пошагаю
Там, где лука дуга
Выбирает судьбу на троих.

Через косы твои
Протекает блаженство вселенной,
Не смотри на меня,
Как на варвара стен городских.
Я из глины творил
Не таких своевольных наверно.
И большее огня
Нож очей азиатских твоих.

Кто он — твой господин?
Я из чаши его выпиваю.
Знает имя твоё
И поэтому глуп и жесток.
Поднеси гребешок,
За ордою твоей пошагаю
Через правильный запад
На Богом хранимый восток.

* * *

Тук-тук, тук-тук. Идёт война.
Стучит копытом сатана.
И пляшут тени над землёй,
И бьёт о берег в ночь прибой.
И снова страшно и темно,
И злой чужак глядит в окно,
И мама плачет у икон,
И бьёт поклон, ещё поклон.
И света нет. Ещё снаряд.
Свои, чужие ли летят...
Слёз тоже нет. В углу сидим
И в мир глазницами глядим...

* * *

Так сильно никогда сентябрь не плакал.
Угнетены погодой наши души.
Полны ладони у капустных лапок,
И сердца стук придавленной и глуше.

Повисли ветки сочных георгинов,
Хоть выжимай соцветия руками.
И непонятный морок лёг на спины
И горбит, как вины тяжёлый камень.

Хоть лучик солнца! Хоть кусочек сини!
Тоскливый крик погоде или Богу...
Скупое обещание подкинет
К весне звенящей дальняя дорога.

* * *

Много у меня предстоятелей
Перед Богом в Царстве заоблачном.
И отец мой там, да и матушка,
Брат с сестрой — младенцы невинные.

А теперь и бабушка милая
В лучший мир — шестого отправилась
Попросить за внучку сердечную.

Много у меня предстоятелей...
В мире том, неведомом, будущем...
Только здесь, под солнцем и грозами,
Не к кому мне, бедной, приластиться,
Попросить защиты, поплакаться,
Прислониться бедной рябинушке,
Сироте, без роду без племени.

* * *

Идёшь, Трехмесячная смерть,
Застекленившая природу.
Идёшь — отнять и умереть,
Убить и волю, и свободу.

Несокруσιμο-холодна,
Ледово-снежно-аккуратна.
Зачем знобишь меня до дна
Так равнодушно-неотвратно?

Высокомерен был ответ:
«Не дружишь, видно, с головою?
Откуда жизнь? Откуда свет?
Из тени, мрака и покоя...»

Борис Архипкин

* * *

Вижу белое белым,
Вижу чёрное чёрным.
Ничего не поделаю
С параллелью зачёркнутой.

Разориться рискую
На покупке тетрадей.
Ты на чистом рисуешь,
Ты резинкой стираешь.

Ты сегодня одета
В ярко-белое платье.
Ты сегодня — Одета —
Машешь крыльями пальцев.

Улетели последние...
Ты от стаи отстала,
Ты осталась посредницей.
Кто-то должен остаться.

Дом под номером чётным,
А в тетради пробелы.
Вижу чёрное — черным,
Вижу белое — белым.

Архипкин Борис Михайлович, поэт (1952, Иркутск — 2003, Иркутск). Автор книг: *Стихотворения на льду* (Иркутск, 1984: *Бригада*); *Тон* (Иркутск, 1993); *Яблоко из двух* (Иркутск, 2001). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

* * *

Слёзы полные глаз притаил в очках.
Деревянные пальцы пожара.
Пикассо. Невесомая девочка
На сиреневом облаке шара.

Зубы. Скатерть. Стакан. Алкоголики.
Я хочу, чтобы рядом мой дом был.
Шизофреник, рисующий голубя
На обугленном фантике бомбы.

* * *

Молчат незаведённые часы,
А время всё же движется упрямо.
Сегодня — день рождения весны.
Сегодня — день рождения Сарьяна.

И воробьи разучивают смех
На перевёрнутой ладони крыши...
Сегодня — день рождения у всех!
И только снег не празднует.
Он лишний.

Стихотворения на льду

Писала девочка стихи
На хрупком блюдце стадиона.
Я не читал стихов таких,
Остановился,
Удивлённый.

Пришла поэзия на лёд,
Звения точёными коньками...

Мой переполненный блокнот
Несовершенными стихами,

Правописание забудь,
И алфавит,
И авторучку,
Немым, безадресным побудь!

К строке приписывая строчку,
Напишет девочка на льду,
И кристаллическом, и гладком.

Я ночью на каток приду
И соберу стихи в тетрадку.

* * *

Разбит и разграблен
Родительский дом.
Кривые, как сабли,
Сидим за столом.

Сейчас бы всем вместе
В атаку пойти...
Но ходим на месте,
И нам по пути.

* * *

Всевышний! Спаси нас!
Мы, собственно, смертники.
Меня попросили:
«Живи без истерики!»

Дух, явленный в Сыне,
В Отцовской конкретике,
Плывут расписные
В волнах, как в косметике.

Скользите по сини,
Не помня о трении.

В подъезд не впустили —
Так к звёздам сквозь тернии!

А если о силе,
Забудь о сопернике...
Как было России —
Так будет Америке.

* * *

Страхи пытаются людей
Денно и ночью.
Зная безделие дней,
Страшно, художник?

Страха мутнейший поток,
Острые камни,
Горем намокший платок
Выжму руками.

Руки, разбившие страх,
Руки протеста.
На акварельных листах
Чёрным не место.

Чёрные краски — застой,
Действие — синим.
Мой карандаш не простой —
Видит Россию.

Видит её города.
Видит деревни.
Яркие краски раздам
Серым деревьям.

Долго деревьям расти,
Значит, не страшно
Новые строки нести
Многоэтажным

Многokвартирным домам,
Грубым машинам.
Страх — испражнение ума,
Люди ошиблись.

В липком всесилье его
Денно и ночью
Только услышать легко —
Вымолвить сложно

Тёплые звуки молитв,
Символы, буквы:
«Пусть население земли
Счастливо будет!

Пусть зеленеют поля
К жёлтому хлебу!
Будь благодарна, Земля,
Вечному Небу!

Будь благодарен, поэт,
Многообразью
Созданных образных лет,
Их безобразью!»

* * *

Зинаиде Береговой

Вся паутинка в паучке,
Свет в лампочке.
Остался я на пяточке,
На пяточке.

А девочки все на крючке.
Девчачки!
Совсем один на пяточке,
На пяточке.

Знак закодирован в значке,
В тетрадочке.
Нелепый тип на пяточке,
На пяточке.

Мир сфокусирован в зрачке —
Порядочный.
Листок трепещет на сучке
Припадочный.

Он и Она

Он Ей:
— Я твой покорнейший слуга.
Дай руку. Вот моя рука!

Она Ему:
— Тебя впускаю в жизнь свою.
В твоей я гнёздышко совью.

* * *

Славьте Бахуса, поэты!
Славьте Бахуса!
Волны воли, волны Леты,
Лира паруса.

Лиру-парус небосвода
Руки подняли.
Время весело проводим
В дни свободные.

Наши новенькие песни
Да во здравие!
В чистоте своей воскресни,
Стародавнее!

Прозвучи во мне, музы́ка
Незабвенная.
Путь осколками усыпан
Незаметными.

Попытка автопортрета *Диптих*

I

У меня два уха, две руки,
Я такой же, как и все, двуногий,
И глаза мои как у других,
Как у всех, у большинства, у многих.

Окружает внешняя среда
Образ жизни индивидуальный.
Хорошо прохожие следят —
Оставляю след свой ненормальный.

II

Странно украшены руки на вид —
Чтобы от ног отличаться —
Золото, медь и янтарь, и нефрит —
Кольца, браслет и печатка.

Прочно уселись на левой часы,
Правая в плане браслета,
Только бы помыслы были чисты —
Дело в источнике света.

Тепло-зелёный надену жилет
С чёрным и красным значками.
Этот попыточный автопортрет
Этими писан руками.

* * *

Туманы Августа — холодное бесцветье,
Туманы Августа — холодная вода
Сокрыла небо от очей тончайшей сетью.
Туманы Августа — на девочке фата.

Туманы Августа — и холодно и грустно.
Случайно встретились — руками развели.
Туманы Августа по граммам, словно грузы,
Неосторожные машины развезли.

* * *

Льву Гимову

Живопись — горная жизнь!
На вертикальной дороге
Слово цветное скажи,
Плоскости слушатель строгий.

Пальцы свои приготовь,
Нерв,
Озарение,
Мускул.
Будь постоянна, Любовь!
Не прекращайся, искусство!

Медлить, художник, нельзя!
Ждут выраженья красоты.
Слово увидит Земля.
Зрячи её горизонты.

Двери от шума закрой,
К каждому шороху чуток.
Стены своей мастерской
Выставь в свидетели чуда.

Красками слово сказал,
Слово движенью послужит.

Только б узрели глаза,
Только б слышали уши.

* * *

Грязные губы женщины — мальчику
Чистые губы девочки — демону
Море до дна чёрное — лебедю
Небо до звёзд синее — Господу.

* * *

*Актрисе
Галине Чернышовой*

Пустая рюмка ожила от наполнения.
О что мне делать с непутёвой головой?
На разных уровнях, на разных направлениях
Теперь, Галина, мы находимся с тобой.

Мой потолок. Твоё искание пространства,
Насквозь пронизанного пеньем певчих птиц.
В Москву на биржу уезжаешь продаваться,
Тебя закупают театральные купцы.

Ну что ж, будь счастлива!
Расстанемся при свете.
Ночь одиночеством за это будет мстить.
С тобой попутный разговаривает ветер —
Со мною встречный не желает говорить.

* * *

Несоответствие отпразднуйте:
Борис с Галиной не сошлись.

Спасибо Господу, мы разные!
Спасибо небу до земли!

На струны смолкнувшие скрипкины
Я, не играющий, смотрю.
Вы — Чернышovy.
Мы — Архипкины.
— *Cuique suum!* * — говорю.

* * *

Поэзия мудра, мучительна и вечна.
Способный обличить ошибки и грехи
Напишет для людей,
Для станции конечной,
Обидные свои, забавные стихи.

Счастливого пути, поэзия, по рельсам —
К филологу на стол,
К читателю в подвал!
Ах, как он был любим,
Как в зеркало смотрелся,
Какой *величины!* — надежды подавал!

Мой путь

Надежда начинается с нуля.
Итоговые сумрачные суммы.
Дороги изменения сулят:
Идущие заплатят за посулы!

О, нервы! О, издёрганность моя!
Порою сам собой пренебрегаю.
Иркутская ангарская земля
Прославлена своими берегами.

* Каждому своё.

Даю характеристику: Сибирь —
Надёжность, напряжение
и нежность.

Созвучье характерное — любви,
Люби свою дорогу за надежду.

Я верю в то, что правильно иду,
Что б люди обо мне ни говорили,
Готовый к обороне и труду
Архипкин — сочинитель из Сибири.

Родительский день

Помянем усопших родителей,
Вспомянем погибших друзей.
Печальны картины для зрителей —
Кладбищенский скорбный музей.
Могилка к могилке.

Молитвенно

Живые приходим сюда.
Над каждой оградкой, над плитами
Главенствуют крест и звезда.
Поймём, господа и товарищи,
Что может постигнуть людей
Война — всенародное кладбище,
Всемирный Родительский день.
Земля приняла соплеменников,
Отныне на ней — неживых.
Так будем беречь современников!
Так будем поддерживать их!

Пастернаку

Март оглушительно светлый
В синих ожогах проталин.
Вы вспоминаете ветер,
Вы вспоминаете танец.
Танец трубы водосточной,

Функционерки строенья.
Он проливается в почву,
Он выливает растенья.
Улицы полные ветра,
Комнаты полные стужи.
Небо созвездьями вертит
И низвергается в лужи...
Думы о жизни и смерти,
Первый подснежник в гербарий.

Март не кончается, верьте!
Где-то Шопена играют...

* * *

Полтинники расходятся и сотенки,
Карман, прости!
Голодные, холодные, и всё-таки
Покормим птиц!

И крошки со стола, и что не съедено,
Собрав в горсти,
За то, что стали нашими соседями,
Покормим птиц!

Тем паче, если молимся и веруем
Не напоказ,
Покормим птиц — и Небо
Накормит нас.

Юрий Баранов

ИЮНЬСКИЙ СНЕГ

Июньский снег к Байкалу рвался.
Цветы губил и лес валил.
Мохнатым мокрым покрывалом
Он лето жаркое тушил.

Косым стремительным крылом
Накрыл дорогу, лес и скалы.
Он наступал, рубил плеча,
Ему той силы было мало.

Июньский снег, — он позабыл
Сибирский наш характер.
Корнями мы вцепились в жизнь.

Снег умер на закате.

Песня старых пилотов

На дальних маршрутах стоит тишина.
Не спят командиры в полёте.
И тихо, как другу, мы шепчем: — Не спать! —
Усталому автопилоту.

Нам век бы не знать городской толчеи,
Нам тесно в квартирах, конторах.

Баранов Юрий Иванович, прозаик, поэт (род. в 1946 г. в г. Замостье, Польша). Автор книг: *Медвежий след*: рассказы (Иркутск, 2005); цикла детских сказочных историй об Иркутске, сб. стихов для детей *На улице Рябиновой* (Иркутск, 2011); *Гимна Дальней авиации России* (был принят официально в 2004 г.). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Наш быт — гарнизоны и песни турбин,
И дружба, рождённая в спорах.

Мы за облаками в ночной тишине
Не раз в океан уходили.
Мы солнечный ветер, туман и дожди
Винтами своими рубили.

Мы песни иные не стали бы петь.
К себе мы относимся строго.
Пока в наших баках горючее есть,
Мы ближе, чем прочие, к Богу.

Мы верим в судьбу и небесную жизнь.
Мы верим, что старым пилотам
В награду в раю по два белых крыла
Вручают для новых полётов.

* * *

Скончалось лето.
В поле плач
Рассыпали кузнечики.
Зеленый, старый, рваный плащ
Упрятан в шкаф на плечики.

Сегодня в моде желтизна.
И капли крови лета,
Как украшеньё на пиру,
В хрустальной вазе света.

И я когда-нибудь уйду.
О Боже! Дай мне возродиться
Прохладой летнего дождя,
Улыбкой легкой на страницах.

Осеннее

Я умираю каждой осенью,
Я, как и осень, ранен проседью.
Уж такова моя судьба —
Всю жизнь за истину борьба.

Пройдут тревоги и печали,
Я всё опять начну сначала.
Страницы листьями летят,
О пышной тризне говорят.

Слова, страницы, буквы, знаки
Весною превратятся в злаки.
Я в чьих-то душах прорасту
И тем себя опять спасу.

Лиственницы

Они убегали от ветра,
В зелёное платье одеты.
Цеплялись корнями за скалы.
Им влаги не доставало.
Снятся теперь поэтам —
Застывшие в пируэтах.
Гнулись они, не ломались.
Байкальскою сказкой остались.

Брызнуло охрой

Брызнуло охрой
По снегу, по воле.
Полынь разметало
По снежному полю.
Жёлтое с красным
На белом, на сером.
Алая кровь от любви
И от веры.

Сердце изранено
Горем полынным.
Крест православный
Украшу рябиной.
Кистью словесной
Рисую Россию.
Знаю — вернётся
Надежда и сила.

Татьяна Безридная

* * *

Здесь победитель получает всё.
Здесь побеждённый сдохнет под забором.
А я — бродяга. Я ни то ни сё,
за призрачным гоняюсь невермором.

Здесь выставка «изысканных» пород;
в чести банальность,
пошлость,
скука,
хамство!

А я — дворняжка, я и на порог
не сунусь — лишь из чистого упрямства.

Здесь — только так. А я люблю смотреть,
как солнце выбирается на крыши...
Как жизнь ликует, попирая смерть,
ещё на шаг подкравшуюся ближе...

* * *

М. Акимовой

1

Дым Отечества горек, горек,
что ты мне там ни говори.

Безридная Татьяна (Астафьева Татьяна Николаевна), поэтесса (род. в 1976 г. в г. Братске). Автор книг: *Люблю...* (Санкт-Петербург, 1996); *Капризный воздух* (Иркутск, 2003), публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Исцеленья душевных колик
нет как нет у такой любви,
что калечит, смеясь и плача,
дуром, походя, низачем,
мама-родина, кукарача,
домик пряничный, чёрный челн...

2

Мы не рабы. Рабы — немые,
А мы всё треплемся, придурки,
О преимуществах суммы
Перед тюрьмой, давя окурки
В горшке с геранью, мутный чай
Глотая нервно по привычке...
Мы разучились помолчать
и воспарить.
Увы, не птички.

3

Уж слёзы высохли давно
по той России...
Нам черпать только из кино
былую силу
своих, родных, непривозных
и незаёмных —
Высоцких, Далея, Шукшиных
живые зёрна,
что пали — в сорную траву?..
А, может, в пашню? —
Чтоб каждый верил: доживу
до славы нашей!
Чтоб понимал, гася экран
телекоробки,
что век для врачеванья ран
нам дан короткий.

* * *

Мимо спесь столичная проходит.
Возвращаюсь в мир благополучный.
Пусть других она растит и холит:
Нет, не мой Москва счастливый случай.

Я в мехах сибирских и в морозах,
Без имперской ласковой удавки,
Перейду с поэзии на прозу,
В снегопад шагну, как будто в дамки.

И взгляну с заснеженного трона,
Как вдали шумит и суетится,
Притворяясь строгой и суровой,
Бедная безумная столица...

Из цикла «Барьер»

1

Косте Булатову

Смерть заставляет жить.
Это её итог.
Толика вещей лжи —
правды моей исток.

Небытие — исход,
Бегство. Но, взявши в плен,
пересечение хорд
не оживляет тлен.

Воля зависит от
Сонма чужих неволь.
Всякий болящий — горд,
одолевая боль.

2

Скажи спасибо недугу,
ибо врачует душу:
ночами душит,
на грудь ложится.
Спасенье снится.
Но кто избавит? —
источник баек —
хирург — волшебник.
А дух — отшельник
не спит, но бредит
о Том, кто встретит,
где будешь скоро...
Из коридора —
полоска света
(внутри который).
Снаружи — лето.

3

Памяти Астафьевой Л. А.

Нас сплотил неумолимый канцер
В суеде приёмного покоя.
Бродит смерть со списками вакансий.
Жмёт халат тюремного покроя.

Чашка, ложка и зубная щётка.
Пузырёк с надежнейшим снотворным.
Так хотелось просочиться в щёлку
Между неизбежным и притворным!

А хирург улыбчив и приветлив.
А наркоз, как жизнь, неотвратим.
Райских тополей тугие ветви
Беспечальным взглядом облетим.

И уйдём прохладным коридором
В операционные врата,
Медицинским ангелом ведомы...

Может, не вернёмся никогда.

5

Вкус магических зелий.
Мир сквозь патоку сна.
Рай наивен и зелен,
И душист, как весна.

Ад нелеп, как возможность
Полюбить не того.
И конкретен до дрожи.
В этом ужас всего.

В довершение бреда:
Бог суров, как хирург,
Начинающий в среду
С омовения рук.

Сквозь тесёмки-завязки
Неулыбчивый, сквозь
Хирургической маски
Ненадёжный авось.

* * *

Я больше никогда не лгу.
Я больше плакать не могу,
я стала жить не на бегу,
не как придётся.
Я больше не боюсь, что вот
мой стих к кому-нибудь уйдёт:
достанет слов любому от
Его колодца...

Люгмила Бендер

Талисман

Изогнутый магический квадрат,
мерцающие камни по краям
и чётко отчеканенный орнамент.
Когда нам талисманное дарят,
стремимся к неизведанным краям,
из почвы выдираемся с корнями.
Орнамент прост — на стеблях и листьях
и в окружении незрелых точек-ягод,
и о шести блестящих лепестках,
не зная грёз и мук, забот и тягот,
сияет то ли солнце, то ль цветок.

И — сквозь — мерещится загадочный Восток,
Мерещится загадочный Восток:
индийские факиры и йоги,
арабские бурнусы и кинжал,
еврейские холмы, псалмы и клан есеев.
Где корень наш? Где истинный исток?
Где Бог един? Иль множественны боги?
Библейский попусту гремит кимвал?
Народ единый по миру рассеян.

Народ единый по миру рассеян.
Но собирается — гремит кимвал.
Он богу никогда согласно не кивал
И пожинает то, что сеял.

Бендер Люгмила Мироновна, поэтесса (род. в 1938 г. в Москве). Автор книг: *Камертон* (Иркутск, 1965: *Бригада*); *Барьер высоты* (Иркутск, 1973); *Под знаком часов* (Иркутск, 1990: *Стихи по кругу. Вып. 1.*); *Свободное падение* (Тель-Авив, Израиль, 1999); *Весы* (Иркутск, 2008) и др. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Опять суббота. Заполночь
И тишь. Лишь
стрекотанье нежное в окно
открытое доносится
Оно
журчанию ручья нездешнего
подобно:
дробно
прищёлкиванье, шелест,
трепыханье.
Свежо и не сбивается дыхание.
Ветвь бугенвиллии подносит
мне букет.
Цветы — листы на бабочек
похожи
Но что же так мучительно
тревожит?
Ненайденный ответ?
И подступающие сроки
возвращения?
Ещё на поворот Земли
вращенье.

А. Вампилову

Случилось так:
в один и тот же день
я встретила и недруга и друга.
(И недруг давний, и старинный друг.)

Я, видимо, ступала тяжело,
утратив лёгкость юную походки.
И недруг так участливо спросил,
не горе ли меня отяжелило.
Он ласково заглядывал в глаза,
ища тоски невыплаканной явно,
отчаянья невысказанного.

Но я ответила, что возраст мой не тот,
чтобы летать по-прежнему.
К тому же я плотно пообедала,
и вот иду неспешно, сыто на работу.
И это БЫЛО ПРАВДОЙ ДЛЯ НЕГО.

Пройдя квартал
(Как тесен этот город!)
я друга повстречала. Он спросил,
не обратив вниманья на походку,
как я живу.
Обычен был вопрос.
И, собственно, не требовал ответа,
Мой давний друг спешил,
он улета́л на́завтра
в далёкий город, близкий для меня,
где десять лет я не была.
И мне
беспечность разыграть не захотелось.
— Как я живу?
Да плохо, друг мой, плохо,
Безденежье гнетёт и служба не по сердцу,
и ограниченность передвижений.
Он не кивнул сочувственно.
Он был собою занят, слушал отрешённо.
Он ехал,
выезжал в широкий мир,
в иную жизнь,
в другое измеренье.
И я спросила то,
чего он ждал: «Как ты?»
Он мне подробно рассказал,
какие испытанья ожидают
его на поприще известности и славы.
И искренне сказав ему: счастливо, —
я снова лёгкость шага обрела.
И вновь услышала весеннюю капель,
и мягкий нежный воздух
лился в горло.
Теперь я вас спрошу:
что есть добро?

Код

Как марсианка — на связи лишь голос.
Телом — в пространстве ином.
Здесь истончаются кожа и волос —
не обновить ни «Ахавой», ни сном
Здесь ласка моря — волною
солёной,
солнца — горячей волной.
Мне сюда вольно пере-селённой,
сын отвечает. Больной.

Там, на планете суровой и дикой,
он пребывает с семьёй.
Но поражён отторжением великим
мальчик единственный мой.

Голосом дальним молю-умоляю:
мне — не тебе — эту боль!
Нет, я вину свою не умаляю,
не умаляю любовь.
В этом пространстве пере-населённом
стран нескончаем исход.
Мне сюда вольно пере-селённой,
внятен ли голос и код?
Код языка — это голос народа,
Бога — он свят и един.
Что меня держит?
Наверно, свобода.
Слышишь, единственный сын?

Сибирская осень

1
Пал иней ночью, замерзает сад.
Опали сливы.
Гроздья облепили
оранжево блестят.
Ранетки
В траве краснеют, на ветвях висят.

Яснеет небо. Птичьи крики стихли.
Багряные и золотые метки
опавших листьев редкостны и редки.
Всё впереди: обильный листопад,
осенние безжалостные вихри,
и мокрый снег, и солнце —
невпопад.

2

Тёмная зелень хвои.
Белый ствол берёзы.
Красный тальник.

Горяхватило с лихвою.
Не отлились мои слёзы.
Но... осветился тайник
солнечным светом летящим,
этим лучом разящим
в душу проник.

Посещение

Когда взойдёт предполнолунный месяц
Во мгле тринадцатого дня,
И белые цветы лимона засияют,
Как звёзды осветив и города и веси,
Подруга-Муза, навести меня:
Пустоты мглы провалами зияют.

Змея кусает хвост.
Потеряно кольцо
(из Грузии восьмидесятых).
Сестра, подруга, обрати лицо
Своё от-ту-да... Месяцы висят, и
Перезвон стоит, магнолия цветёт,
Вплетаются израильские виды —
Земли обетованной и святой
Лимона звезды — и летят болиды.

Прочерчено всё небо, звездопад.
Рас-сы-па-лись на метеоры.
До сферы голубой какие долетят?
Какой не распылится, не сгорит?
Спасибо, Муза. Поднимаю взоры.
И — брызнуло окно: метеорит!

Идол

Недвижный древний идол
Глаза полузакрыл.
Извечных тайн не выдал.
Скалу не отворил.

Природою изваян
под сенью облаков,
он, всё на свете зная,
безмолвие веков
хранит.

Когда отчаюсь,
тогда обет приму:
за мудростью молчанья
приду к нему.

Вагим Богатырёв

Луна

Я пил, как мёд, густой, смолёвый запах.
Тайга свои рассказывала сны.
Я подглядел, как кедр мохнатой лапой
подкинул в небо жёлтый шар луны.
Луна садилась утром за гольцами.
Она б в куски разбилась об утёс:
её изюбр тихонько взял рогами
и за вершины белые унёс.

Саян и небо

Гранитный лоб сначала Он нахмурил,
в Его речах с утра звенела медь,
а к вечеру Он разразился бурей
и заревел, как бешеный медведь!..
Саян давно таким ужасным не был:
Он в Небо пики чёрные метал!
Встав на дыбы, Саян рычал на Небо
и рвал его зубами острых скал!
 Был снова день...
 Саян пришёл в смирение:
 заворковали горные ручьи,
 шептали долго небу извиненья
 саянские густые кедрачи...
А Небо плакало от огорчения,
накинув тучи серенькую шаль,

Богатырёв Вагим Николаевич, поэт (род. в 1921 г. в г. Казани). Автор книг: *Далекое созвездье* (Иркутск, 1995); *Саги старого леса* (Ангарск, 2006); многочисленных публикаций в коллект. сб. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

полно великой силы всепрощения,
гася в себе обиду и печаль.
Потом, решительно стряхнув туманы,
дарило снова ясную лазурь,
дарило нежность гордому Саяну,
не помня зла,
не помня прежних бурь.

А вдруг опять?

Я к счастью шёл через осенний морок,
по ледяным ущелиям тоски,
уже метель устала от раздоров
и тихо села на мои виски,
и только ты мне подарила лето —
какие сокровенные цветы!

Но страшно мне:

а вдруг опять всё это —
недолгий свет от умершей звезды.

Далёкое созвездье

Я измену-боль переживу
и, как заболоченную реку,
перейду жестокую молву,
чтобы снова верить человеку.
Стану тихо звать тебя в ночи
и разгадывать шарады века —
промолчат угрюмо кедрачи,
рассмеётся каменное эхо...
Но прости —
пойду в тепло людей,
о тебе всё реже буду грезить,
станешь жить ты в памяти моей
тихо, как далёкое созвездье.

Землекопы

У них ладони были как железо,
душа —
 весёлой,
а работа —
 злой.
Я помню:
это были Геркулесы,
пропахшие махоркой и землёй.
И, сняв косоворотки угловато,
они крестились на весенний гром
и поднимали полные лопаты
легко, как будто ложку над столом.
Кряхтели тачки.
А в короткий роздых
насупит бровь артельщик Федосей,
и «козьи ножки» гаснут, словно звёзды,
в голубоватом сумраке траншей.
Над мужиками —
 пар солёно-пряный
и тяжкий голос:
 — Робя! Навали-и-сь!!!
В их котлованы прятались туманы,
траншеи были длинные, как жизнь.

Рождество в Замоскворечье

*Моему деду Россову Л. И. —
протоиерею села Туголес*

Благословенный звон
 и снег — во все концы!
Уходят в роздымь тройки вихревые...
Ах, как безудержно хохочут бубенцы
и пляшут сосны, улочки кривые!
Смолкает благовест.
На паперти — народ.

Горбун у Спаса зажигает свечи,
а протопоп уже из ризницы идёт —
кудель седая улеглась на плечи.
Опять святой отец глаголет о душе.
Да, всё о ней в тревоге и печали,
но как светло горит огонь на витраже,
горят оклады, будто при венчанье.
Запели певчие иль ангелы поют?
От юных лиц на клиросе — свеченье...
И, словно рожь, склонился сельский люд,
в мольбе,
 в надежде,
 в самоотречение.
А протопоп гудит и славит Рождество,
лампады зажигая в человеке.
Я светел:
 я иду из детства своего,
согретый и обласканный навеки.

Могила №...

Отцу Александру, священнику,
мужу тёти Нины

Погиб на Соловках
Оболган — стёрт!
Безвестья сон и небыль...
Лишь только холмик горький и немой,
лишь только злое северное небо
портянкою ГУЛАГа над тобой.
А было всё:
мечты и день весенний
и сердца мощный и весёлый бег,
но вышек хищные, стальные тени
перечеркнули твой короткий век.

Моя Джоконда

К Её глазам,
цветам
и зорям вешним,
к Её прекрасным, медленным рукам
я шёл по зыбким мостикам надежды
через развалины, через века.
Наш дом —
 как облако над горизонтом,
с балкона слышу звёзды и ручьи,
загадочная, нежная Джоконда
мне варит ароматные борщи.
Моя жена —
 моё цветное зрение,
моё дитя —
 и мой жестокий Рим,
моё кино,
 аптека,
 душегрейка
и музыка — какой бездонный мир!
Опять лечу за песней, за весною
в леса,
 на площади,
 в бурлящий зал,
и всюду, всюду следуют за мною
моей Джоконды тихие глаза.

Шатурские торфушки

Однажды из голодных деревень,
из грустных песен и седых туманов
они пришли в мой ласковый апрель
в смешных лаптях
 и юбках домотканых.

И я, мальчишка, на окне затих,
в волшебный мир навеки принимая

рязанских баб отчаянно-ржанных,
ухватистых тамбовских молодаяк.

Я понял: это дочери Земли,
они из торфа делали брикеты.
Среди болот платочки их цвели
малиновым и васильковым цветом.

Жгли комары, душил жестокий зной —
кофтёнки вечно мокрые от пота...
И даже самой нежною весной
девчата пахли тинной и болотом.

А над болотами — весёлый гром!
Крушило время судьбы и понятия...
Торфушки шили ситцевые платья,
цветной рекой текли в Народный дом.

И лозунги читая по складам,
они в кино, как в церковь, заходили,
они глазели на шатурских дам
и все! — киномеханика любили.

Опять смущённо ландыши цвели,
из кочек настораживая ушки...
.....

Опять воспоминанья донесли
смешной свисток игрушечной «Кукушки».

Я снова мальчик.
Папа мой — прораб.
Он строит ГРЭС
и ходит с нивелиром,
он озабочен, деловит и храбр,
я тоже храбр — я маленький задира.

Прекрасен мир!
Глаза озёр — вдали,
в бору кукуют щедрые кукушки,

и в сарафанах —
 прямо из зари —
идут ко мне весёлые торфушки.

Теперь они идут ко мне всегда
через мои зелёные апрели,
через мои жестокие года,
тревоги и душевные метели.

Андрей В. Богданов

* * *

Давай полюбим этот миг,
давай поверим,
давай забудем хоть на миг,
давай проверим
судьбу на прочность, как струну, —
рвани и слушай:
звук обрывается внутри,
звук разбивается, смотри,
кому ты нужен,
смотри
и взгляд не отводи,
а так ли важен
твой мир, побудки до зари
и ранний ужин,
твоя готовность на два-три,
а на четыре
твоя способность быть и слыть
и в этом мире,
и слыть, и плыть, и быть, и быть,
не понимая,
зачем ему, зачем тебе судьба такая.

* * *

И в старое лицо уткнёшься
и, забывая о приличье,

Богданов Андрей Викторович, поэт, драматург (род. в 1959 г. в г. Иркутске). Автор книг стихов: *Я открыл глаза...* (Иркутск, 2000); *...алё-алё* (Иркутск, 2004); пьес: *...пьеса для двух антигероев, соседа и приезжего* (Иркутск, 2001); *Добрый милый мистер Бич* (2005); *Сереза, Сергей, Сергей Львович* (М., 2006); *Они, Старик или Понтий Пилат, который...* (Иркутск, 2007). Член Союза российских писателей.

затравленным кавказским горцем
прямую речь на клёкот птичий
менять пытаюсь безуспешно,
всё получая, веря: свыше
всё предначертано, начертан
прочерчен путь твой, видишь, слышишь
*(чуть далее, чуть-чуть левее,
над облаком, нет выше, выше)* —
прекрасный воинским обличем
твой ангел плачет безутешный,
нет, безразличный.

* * *

Всё пройдёт: на капитанском мостике,
понимая, в общем, что не прав,
я напьюсь, и вверенный мне боцманом
юнга обслюнявит мой рукав,
обслюнявит радостно и горестно.
Вот и всё — уходим в океан,
над страницами печальной повести
девушка заплачет и в обман
вдруг поверит,
тихая, как родина,
строгая, как к родине любовь.
Господи, какая к чёрту родина!
Жизнь прошла — не видно берегов!

* * *

не сердись
я тебя полюбил
сгоряча
это море виной
это чайки крича
закружились над морем
показалось
не выдержит старый причал

погружаясь как в море
в эти крики и стоны
старых чаек
вам возраст к лицу
я влюбился в твой голос
в его хрипотцу
погружаясь в усталые губы
потому восхитительно грубо
прозвучали
слова
всё к лицу подлецу
вот и лето к лицу
вот и осень к лицу
вот и жизнь повернулась
на убыль

* * *

Всё простим?..
Ночь возвращения —
замечательная ночь.
Ночь — подарок.
Ночь — прощенье,
обещанье,
восхищенье,
обещанье
восхищенья,
воскресенья.
Воскресенье.
Отвратительная ночь —
выходные выходили
на не выходные дни.
Как ребёнка, простудили:
счастье
мимо пронесли.
К счастью, проносили мимо —
знаешь, как невыносимо...
Выносимо
выно́сил.
Выносил, взрастил, взлелеял.

Сам наутро пригубил:
с лёгким привкусом еля,
с горьким запахом чернил.

«Ты никогда так не любил...»
Из цикла «Скомканный мир»

*...стоит подняться
и вот ты у бога
слава тебе
безымянный пилот
странно
но кажется это дорога
в вечность
зачем
ему
столько
дорог
странно и даже немного обидно
вдруг осознать себя
вечность спустя
словно в насмешку
им и возвышенным
до капли дождя*

1
Вмазываешь старое лицо
в зеркало анкеты: *сколько лет,*
а в ответ прощенно и светло —
столько лет, дружнице, столько лет,
сколько зим, помилуй, столько зим —
дым
развеян осени твоей...
Погоди,
а помнишь — *молодым...*
...молодыми были...
(пожалей
зеркало, *хоть зеркало...*) —

оно
виновато
разве только в том —
в нужнике прочитан ветхий том,
схованный на ребрах батарей.

Не ховайте меня,
не ховайте
(я и сам кого схавать бы рад),
отмотайте мой срок,
отстрадайте
(я и сам не рад,
ты и сам не рад).

Бог любил тебя,
но не сильно,
и его ты не сильно
любил —
по взаимности,
аддитивно —
бог сложения не выносил:

слишком малая часть арифметики,
страшно вязки законы числа...

оскорбленные дети генетики:
нет числа вам,
и несть *нам* числа...

2

...пробегут и десять лет —
жизнь вот так же пробежала —
вязкий сумеречный свет
(свет как свет —
ну, солнца нет...)
Нет, как будто не бывало,
снег, как будто навсегда...
(говорила: *не бывает...*)
Снег — остывшая вода
прибывает,

прибывает...
Десять лет — не десять зим:
спой грузин —
(цицина-та,
цицина-та,
я сама, когда не пью —
виноват-та,
виноват-та)...
я сама, и ты сама,
только ты — *самее*
Десять лет — ты всё одна,
Соломея...

3

...это было «время смешных мурашек»,
ты боролся с ними что было сил,
я ещё не носила твоих рубашек,
ты моих передников не носил...
ты со мной пол-ночи — *(тебе всё мало),*
я с тобой пол-ночи — *(износу нет),*
и большое маленькое одеяло
всё терялось, как скомканный кем-то билет,
где три цифры — счастье,
ещё три — счастье...
управдом кричал — *мы отключим свет,*
свет и воду, —
кричал —
мы засудим вас...

а потом — *(как в марте тебя не стало)* —
нам действительно отключили газ...

4

...знаешь, так выйдешь в апрель, а угодишь в снег...
(стыдно, когда ты гол, страшно, когда ты наг...)
...день — это просто ночь, если ты счастлив *(нет?)*
день — это просто день, если ты счастлива *(да?)*

...это ведь ты вышла в ночь, а угодила в день...
 снег — это просто боль, боль — это чей-то сон —
 тёмный, как этот апрель, влажный, как этот снег...
 что?.. *(он истечёт в ночь?..)*
не измарав щёк?..

6

...подошла,
(ну, как всегда незаметно)
 оглянулась, тихо знак подала —
 то ли мне, то ли соседке по клетке
(лестничной!..)
 — ты что подумала, а?..
 ты подумала — *он, глянь, ещё шутит,*
 ты подумала — *как жизнь коротка,*
 и цена ей — фартовый случай.
(— не фартовый?..)
 значит, и — не цена,
 значит, подмигнула
 соседке,
 значит, *напиши* —
 рикошет,
 а что в клетке, так ведь —
 в лестничной клетке:
 нет соседки — ну, и клетки нет...

7

Выкуришь, нет от сигарки прикуришь,
 втянешь с дымком, в завтра выдохнешь
 жизнь не навсегда,
 шепот призрачных улиц,
 ветер втолкнёт в твои лёгкие — *да.*
 Ну, а ты думал — за счастье игрушку выдал,
 как выдохнул,
 скомканный мир в лёгкие пал,
 сон оплакал подушку,
 ты не заплакал, ты просто курил,
 думал, дышал, в никотиновом рае

ты же искал не ответ, а привет,
мальчик, курящий в последнем трамвае,
продал тебе как чужому билет,
(глупый кондуктор как мальчик испуган),
ты притушил у стекла огонёк,
он проскользнул по стеклу,
а оттуда
к сердцу упал неживой уголёк.
Ну-ка, раздуй...
ты всё можешь, всё знаешь:
я не раздул,
но и ты не мастак,
словно дымок под ладонью сникаешь,
сник, нет, затеплился — ты никогда
так не любил,
ты цеплялся за слово —
девушка...
нет у неё папирос,
ты проводил, провожал её снова,
стал на колени извечный вопрос —
вам прикурить?
— нет, спасибо, не буду...
что нам спасибо?
беспечный матрос,
дай папироску — мы братья в полоску,
ты целовал её, знаю, взасос,
что?.. я не видел, морская причуда?..
вот огонёк, вот он слепит глаза...
что ты сказала ему — нет, не буду?..
будешь, обманешь, простишь *за глаза*.

Екатерина Боярских

Преображение

Малина убежала на дорогу.
Она свою условную тюрьму
переросла и вот стоит, волнуясь,
как лес-подросток, на пути у ветра.
И жёлтая игрушечная лейка
со всех сторон малиной заросла.
Никто своей потери не коснётся,
никто свою утрату не найдёт,
пока к ней не придёт преображение.

А земляника убежала в лес.
Молчала. Измельчала, одичала.
Таиться ей, аукаться с травой,
пока к ней не придёт преображение.

Бежит ручей по глиняной дороге —
смешалась дождевая с ключевой
и прорезает фьорды. Всё туман.
Сквозь дождь запахло дымом, а сквозь дом
цветёт ромашка, пробегает мышь.
Легла на землю старая ограда —
смотреть ей вниз, на глубину земли,
пока к ней не придёт преображение.

И весь состав чудесного раствора,
все компоненты спелись и сплелись,
срослись, переоделись, помешались,
и друг от друга нас не оторвать,
пока к нам не придёт преображение.

Боярских Екатерина Геннадьевна, поэтесса, прозаик (род. в 1975 г. в г. Иркутске). Автор книг: *Dagaz* (М., 2005); *Женщина из Кимея* (М., 2009); детской повести-сказки *Эй становится взрослым* (М., 2011). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

* * *

Его отправили домой, как всех других детей.
«Его зарыли в шар земной» среди его костей.
Простых историй вырос лес над ними и над ним,
и в шуме леса он исчез, как исчезает дым.
Попробуй выгляни во двор, где ты со свету сжит, —
простых историй дикий хор стрекочет и жужжит:
«Теперь мы будем за тебя терпеть, скрипеть и петь!»
Сто лет дудят, сто лет трубят, ни жить, ни умереть.
...Простых историй вышел срок.
Через проломы лет
солдат выходит сквозь порог
на свет, на свет, на свет.
И в невесомом молоке
рассветных лунных льдин
домой уходит налегке
один, один, один.
Простых историй кончен век,
распалось вещество,
наверх выходит человек
и больше ничего,
ещё не знает, как там быть
и где там верх и дно,
но пусть молчать и говорить
окажутся одно.

Мост

В дантовский ад взбирается адский дант,
видит — это не сон, это он сам.
Даль стоит жемчужная с серебром,
иордань глазам.
В даль вдет мост. На мосту звенят
ёлочные игрушки — надеть и снять —
всё такие отроки, батраки,
шваль, моль.
Соседи, леди, плотники, рыбаки
в сумраке над рекой

звонят друг другу в тысячи разных мест,
все такая голь, шантрапа, прыть.
Они пустые. Они хотят есть.
Нет. Они хотят быть.

В реку падает «я иду», «я жду»,
дрожит, дребезжит о лёд.
Руки им протягивают еду
не сверху — издалека.
Это она, река дары для тебя несёт.
Скажешь слово — хлеб тебе положу.
Открой рот.
Смотрит на хлеб. Думает: не скажу,
слишком хочу жить.
Даль протыкает мост. Мост — здесь.
Мы не едим хлеб, но мы есть.
Мы ещё можем быть.

Баллада о чёрном сердце

Чёрное сердце, простое чёрствое сердце
ломано вместо хлеба.
Птицы клевали, рвали.
От крыльев ветер поднялся в небо.

Чёрное сердце, смешное драное сердце
было в собаке, ныло в собаке, выло,
съело отраву, цепь оборвало,
хвостом вильнуло.
Чёрное сердце легло в канаву — а не пропало,
легло в могилу — не отдохнуло.

Чёрное сердце, родное чёртово сердце —
Чёрное море: волны, пивные банки.
Было неволей, было пиратской бандой,
было добычей, данью. Весёлой далью.

Чёрное сердце, простое чёрное сердце —
молнией, бегом, громом, пустыней, стаей...

Чёрным осталось. Не стало белым.
Но, кажется, стало сердцем.
Тут его и не стало.

Детское море

Сели в троллейбус, все вместе едут в библиотеку.
Ясно видно каждого малого человека —
каплю детского моря,
былинку детского поля,
осинку нового леса в тёплой осенней шапке.
Они смеются. У них есть уши, глаза и лапки.
«Переживёшь», говоришь? Да я не переживаю.
Капля по капле детское море переплываю
и дна не знаю. Свет нерождённый, вечность!
Видишь ли свет рождённый — сияние человечков?
Они всё сходят и сходят в злобу, в чуму, в заразу.
Дай им сразиться, не искажай их сразу.
Голодом не мори, не привязывай к батарее,
хочешь убить — не мучай, пусть умрут поскорее.
Не начинай, говоришь? Да я и не начинаю.
Еду в троллейбусе до конечной,
детское море запоминаю.
Ты его помни тоже.
Ты же их видишь — куда ж ты смотришь?
Ты же их видишь, боже?
Не превращай детёныша в чёртов гóлем.
Не разрушай их горем и алкоголем.
Не отпускай в западню за цветными снами.
Не делай с ними то, что ты сделал с нами.

Простая песня

Сквозь сияние цветенья,
раскрываясь, как растение,
появляясь, распадаясь,
я течение ловлю.

Ни за что не оправдаюсь,
ни за что не отступлю.

Разрываясь, как растение —
будь что будет — разлетаясь,
помолчи, из слёз и страха
механизм, угомонись:
это ясное свечение
золотое, просыпаясь,
говорит над горстью праха:
«Вот и я. Коснись. Проснись».

Сквозь сверкание сирени,
сквозь смеркание свирели,
сквозь сплошную оболочку
открывается гроза:
я иду не в одиночку,
если б ты не ставил точку,
я б ни слова не сказал
на чудовищном, невнятном
незабвенном, безвозвратном
партизанском языке,
убегающе понятном,
как рисунок на песке.

Моего тут — лишь пометка
на полях пустого парка,
там, где яблони застыли
под ладонями дождя:
я не более чем ты, не ты ли более чем я?

Сквозь цветение сиянья,
сквозь обман непониманья
пробивается ответ —
так неслышно, так неявно:
мир не более чем яд, но яд — не более чем свет.

Виктор Бронштейн

* * *

Как не завидовать сосне,
Байкалом выбранной в подруги.
Ведь для неё, как в чудном сне,
На пенно-синем полотне
Играют краски, веют вьюги.

Взметнувшись в небо из воды,
Сосну зарницы развлекают.
А снежно-льдистые сады
В сиянье зимней чистоты
Огнём алмазов соблазняют.

А мы куда-то всё спешим,
Теченья времени пугаясь.
Смеёмся, плачем и грешим,
Мир Божий и себя крушим,
Своим незнанием восторгаясь.

Иерусалимское чудо

Я к Богу Сыну и Отцу,
Скорбя душою, прикасаюсь
С тех пор, как в детстве ел мацу,
К еврейской бабушке ласкаясь.
Другая бабушка тайком
Христа икону целовала.

Бронштейн Виктор Владимирович, поэт (род. в 1951 г. в г. Иркутске). Автор книг: *Солёный привкус детства* (Иркутск, 2008); *Соль жизни всей* (Иркутск, 2009); *Два белых облака любви* (Иркутск, 2010); *Назло разлукам и штормам* (Иркутск, 2011). Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

Отец шутил с ней про партком —
Она там раньше состояла.

Загадкой был пасхальный день
Без громких песен и парадов.
На всём лежала счастья тень,
А стол был красочен и сладок.
И колокольный лился звон,
Старухи в церковь торопились.
Для нас же прочный был заслон —
Мы дружно Ленину молились.

Нам октябрятскую звезду
Как символ веры прикрепляли.
Мы вдаль тянули борозду —
Стать комсомольцами мечтали.
И красногалстучный свой строй
С кострами, с песнями любили,
Был боевой у нас настрой —
Мы все державой дорожили.

Те в Лету канули года,
Родные бабки в них остались,
Но я запомнил навсегда:
Еврейка с русской обнимались.
Я часто слышал: Бог один,
Грех людям попусту ругаться.
И вот дожил я до седин —
Пора, пора определяться.

Свой подоспевший юбилей
Решил я, сердцу повинуюсь,
Справлять не там, где веселей,
А на Святой земле, волнуясь.
И в шестьдесят немало сил,
Не лыщусь на моды и на яхты.
Своих друзей я пригласил
В края, где заповеди внятны.

Стеною Плача дорожа,
В слезах евреи там молились.

Записки, памяти служа,
В щелях до кладбища ютились.
В них чувств живых негромкий вскрик
В пещеру прячется на годы.
Уйдёт ребёнок и старик,
Но письма их не смоют воды.

В пяти минутах отстоит
Святыня чуда Воскресенья.
Пусть иноверец нас простит —
Нет в мире благодней явления!
Смерть смертью собственной поправ,
Христос воскрес в Нетленном Теле
И, путь к бессмертью указав,
Людей от страха спас на деле.

Не каждый в Божью благодать
Навек уверовать умеет.
Моей душой — рискну сказать —
Порою Торы свет владеет.
Но чудом встречи навсегда
Господь пресёк мои сомненья —
Во мгле предутренней звезда
Вела меня, как Провиденье.

Не ведал каменных я троп,
Но на Голгофе очутился.
Увидел я Господний Гроб —
И ангел радостью светился.
А возле Гроба, споря с тьмой,
Друзья и батюшки молились.
Свет дивный вспыхнул предо мной,
Мы чудом встречи восхитились,
И в этот миг, для нас святой,
Навек сомненья разрешились.

* * *

Над бренностью Рима плывут облака,
Как наша далёкая зыбкая юность.

Там стены уходят в глухие века,
Где Бруно сжигала всевластная глупость.

В развалинах форума время кипит,
Секунды летят, обжигая прохожих,
И купол Петра многотрудно гудит,
И в небо уходит угрюм и тревожен.

Цветком на скале поцелуй твой дрожит
С такой беззащитною детской надеждой,
Что время теперь никуда не сбежит —
Любовь нас удержит
над каменной бездной.

* * *

Волной сезонного прилива.
А может, бурей штормовой
Туристов толпы пенят пиво,
Шлифуя камни мостовой.

И смотрят предки удивлённо
Глазами храмов и скульптур,
Как мы спешим самовлюблённо
Столетия втиснуть в беглый тур.

* * *

Борису Ламберту

Мы внукам охотней, чем детям, читаем,
Старая, всё больше души в них не чаем,
И землю обжитую наспех вручаем,
Пригладить их души напрасно мечтаем.
Вот так же и листья, когда увядают,
Весь свет, что узрели, навек возвращают.

Немодная

Е. П.

Замечательный дар у тебя,
Я не раз с ним встречался в Писанье:
Ты прощаешь, смиренно любя,
Коль, из бури житейской придя,
Разорву слишком резко молчанье.

В моём голосе боль ты найдёшь,
Нежным взором её поврачуешь,
Как сестра фронтовая, возьмёшь
И от взрыва, обняв, отведёшь,
И голубкой печаль разворкуешь.

Счастье

Нас манит в детстве ранний старт.
Но счастлив тот, кто, бег замедлив,
За пятьдесят ещё не стар,
В друзьях и песнях привередлив.

Кому в ненастье повезло
К любимой сердцем достучаться
И бегу времени назло
В воскресшем храме обвенчаться.

Выбор

К. Жукову

На шкуре чувствует народ,
Какой у трона нынче сброд,
Боясь возмездия, теснится.
Попали мы в водоворот,
Нам судорога сводит рот,
И прежний мир нам только снится.

Кругом охрана у ворот.
Чиновник в край чужой стремится,
А кто-то входит в поворот,
Но, не найдя в реке свой брод,
Решает — лучше утопиться...

Россия выбором гордится!

Признание

Славил рыцарь честь и шпагу...
Г. Гайда

Как рыцарь славил честь и шпагу,
Он слово русское берёт,
Как будто в детстве дал присягу
И словоблудию бумагу
Не сдал в пожизненный оброк.

Он громкой славы не стяжал,
Не в моде ныне честь и лира.
Но словом острым, как кинжал,
Пронзал он пошлость, и дрожал
Слуга сбесившегося мира.

Я поначалу сам гонцом
Врывался в царские палаты.
Был легковерным я юнцом,
Но он духовным стал отцом,
Мне отковав кинжал и латы.

Солёный привкус детства

Деду Андрею

«Ох, зябко домовому!» —
и с гимном в шесть утра
Дед заворчал, мол, печку
растапливать пора.

Крещенский жмёт морозец.
Бог даст, так разожжём,

А сам щепал лучины охотничьим ножом.
И вскоре треском жарким
наш оживлялся дом,
Раскрытая духовка стреляла в нас теплом,
Она с хозяйкой праздничный
пирог и хлеб пекла,
А на ночь груды валенок
к скамеечке влекла.

А рядом с ними спали
коньки сродни саням,
Снегурки круткой к валенкам
прилаживали нам.
А на стекле подтаивал
хрустальный городок,
Бутылки руслом тряпчным
влекли к себе поток.

На гвоздиках бутылки
менял я в нужный срок,
Сливать водицу талую —
то первый был урок.
И ватный снег рябиной дед так
принарядил,
Что без улыбки к окнам никто не
подходил.

Румяные молочницы кричали у ворот,
И нас манила улица в весёлый хоровод.
Бросали мы поленья под кров
дровяников,
А круг точила рыжего жёг щёки топоров.

И только трёхолёсник
сквозь дрёму вспоминал,
Как тротуар дощатый нам скрипом
отвечал,
Как куры разбегались, потешно голося.
Как будто бы соседей о помощи прося.

В горячий полдень тополь
 заманивал шатром,
И жар земли гасила трава живым ковром.
Стихи и сказки деда с любовью слушал двор.
Но смолк однажды утром
 наш с дедом разговор.

И в лёгном синем ките, в наградах, без погон,
Казалось, дед всё слушает далёкий перезвон.
И, меж родными спрятавшись, я плакал не один...
Солёный привкус детства пронёс я до седин.
В крещенские морозы мне слышится с утра,
Как дед ворчит, мол, печку кормить твоя пора...

Школьная история

Они были лихими и ранними,
Напоказ окружающих ранили,
Вундеркинды, но не в математике,
А в питейно-табачной грамматике.

Близнецы по ухарским привычкам
Различали друг друга по кличкам,
Для семей не хватило им трезвости,
Не в Христе повзрослели, а в мерзости,
Сбившись в стаи, сивухой дышащие,
Они первыми заняли... кладбище.

* * *

Памяти Г. М. Гайды

По реке, как по жизни,
взор упрямо блуждал,
Плыли в кронах прибрежных
любимые лица,
Тайну времени в быстром течение искал,
Но срывалась мысль,
словно камень со скал...
Голос друга неожиданно вблизи прозвучал:
«Вся река лишь с небес
может взору открыться».

Евгений Варламов

Трали-вали

Иркуцку-юбиляру

Как по улочке Грязнова,
грозного начальника,
так во двор, а там — резного
лепота наличника,

там — оседлый и крещёный,
Стёпа-цыган сирий
буде жив неукрощённый,
раскрасивый-сивый... —

Как во славу бога в праздник
церкви колоколиться —
Стёпа (он не безобразник) —
пусть похорохорится,

и плеча расправит Стёпка:
— Й-ех, волчина-отчи-на!..
Христиане, кто за стопку
отчебучит «Отче наш»?..

То-то, нехристи-чавелы!
То-то морды скучные:
или спать — не ночевали,
или есть — не кушали?

Или вера ошалела,
или воля — каторга...

Варламов Евгений Петрович, поэт (род. в 1946 г. в г. Иркутске). Автор книг: *Спасенье* (Иркутск, 1968: *Бригада*); *Осенние игры* (Иркутск, 1978); *...И до... и после...* (Иркутск, 2010); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Если б водка дешевела —
не брала бы катанка...

.....

Глянь на жизнь на даровую
с кровяными ранами —
зарастала трын-травой,
заросла бурьянами.

Зла-обиды не попомню...
А я — правильный цыган:
всем по чарочке по полной
и в без донышка стакан...

А цыган не запивает —
заедает коркою.
Сладка водка — не бывает,
сколько пили — горькую.

Трави душу... Трали-вали
с вашими и нашими.
А чего прогулевали, —
а того не нажили.

Я растопочку раздую,
расшурую топку.
Расшнурую да разую...
Да босою топну...

Топну эдак, топну так...
— А куда ты денешься!?
Что червонец — что пятак,
а пятак — не денежка...

.....

А была ты цацей, девка... —
чего стала кроткая?
Под надёвкой — поддёвка,
а любовь — короткая.

А ты во́ даль поди-выйди,
белая да спелая...

А я волком буду выти,
если песня спетая.

А хошь режь меня на части,
если нету радости... —
ну, не выпало мне счастья,
вороного крадучи...

Макни палец, макни локоть —
маковку обмакивать.
Горе — мыкать. Слезу — плакать.
А грехи — отмаливать...

Паси, Боже, паси стадо,
упасай овечек...
Если небо выше стало —
ниже человечек.

Трави душу... Трали-вали...
Мила-и, сердешны-е...
Жили-были-гулевали,
пока были здешние.

Чужое небо

Небо надо мною — не моё,
не по этим звёздам — путь домой,
в небеса чужие, ё-моё,
эва, накидал их, бог-ты-мой,

бешеных... — Глаза поберегу,
поутру протру: пора, пора...
Видно, и на этом берегу
нету мне ни худа, ни добра...

Похлебал несолоно — и в путь,
на отмашку — глупое «пока»,
и на посошок, и как-нибудь —
через море, небо, облака...

Был бы верноподданства лишён, —
так ведь не лишён. — Но повторял:
— Ничего нимало не нашёл.
— Ничего нимало не терял...

Слава богу, странствия недуг
Излечим... — И звёзды на местах,
где оставил, там их и найду
(или я по звёздам не мастак!).

Или со стыдом припоминать —
где она, моя, и где мой дом,
или не под небом помирать
не под этим пробовать потом!?.

В. П. М.

— В путях праведных сетей,
правильный ты мой,
потягались без затей
с несусветной тьмой...

Долгожитель — в долг жилец,
все долги — долой...
Отпусти меня, отец,
с кладбища домой.

С нажитою простотой
(«помнить-поминать»)
ты оставил сиротой
старого меня

в сумерках — мол, сир и сед,
смог бы... — Не могу
славить этот божий свет —
т. е. полумглу...

Не ответчик, не истец,
как и ты... — ага,

и прости-прощай, отец,
прощевай пока.

Потяну неровный след
старость обживать
и стыдобой сирых лет
бога обижать...

Или слушать тишину,
слушаться жену... —
Ни лишка не наживу,
не переживу...

А бессилья не снесу —
ну и — исполать! —
тоже, может, на снегу
будет полыхать

чёрной лентою венки,
хвоею темнеть...

.....
— И ступай себе, сынок...
И не засти мне...

* * *

Ты чай по старинке заваришь —
нечаянной встречи питьё.
Несладкого выпьем, товарищ,
за наше житьё и бытьё.

Мы знаем хитрее напитки
и редкостных, может, с пяток —
зато проверяли в избытке
заварку, крутой кипяток.

И запросто, и без вопросов:
беда? полбеда? или что? —
подвинешь ко мне папиросы
и кружки поставишь на стол.

И сядем, и мудро подаришь
молчание... начеку...
...И всё обойдётся, товарищ.
Покрепче бы только чайку...

Осень-в-зиму

Это осень в зиму переходит —
пристальнее взгляды и трезвей...
На реке усталый пароходик
к барже примеряется своей.

Свою ношу тоже примеряю,
проверяю сроки и дела,
и, само собою, привираю:
так ли моя ноша тяжела...

До поры спокойной ледостава
гололёд поманит на вираж:
чтобы душу — вон, или достало
до нутра... Но ведь не в первый раз!

Что вестимо, то и выносимо —
так что не мудри и не крути...
Но пора такая, осень-в-зиму,
вытянет всю душу из груди...

А буксир натуженно и сипло
прохрипел бурлацкое «эх, раз!».
Нету всей, но есть ещё полсилы,
и вполсилы он ещё горазд.

И не наше дело — поддаваться.
Мало что ли на зиму забот!
В самый раз бы к другу подаваться —
что-то не зовёт и не зовёт...

* * *

И жив, и — что ты! — даже припеваю,
и припиваю что-то... — Прибываю...
На лавочке какой-то пребываю.

Сижу себе, сушу свои портянки,
а эти спозранок — прямо танки —
угрюмые... — А то не поспевают...

А надо мной рябина поспевает.
Горька до холодов, а после — что ты!..

...И чтобы перечесть свои просчёты
и чтоб перелатать свои заплаты,
не надо ни работы, ни зарплаты.

Не надо ни зарплаты, ни работы
на эти холостые обороты...

Сижу, свои коленки обнимаю.
Чему внимаю, то и понимаю
(вот по́ небу полоска зарева!..),
и вот подозреваю: дозреваю...

Небось не опоздаю — что ты, что ты!.. —
с небесными свести земные счёты.

Григорий Вихров

Песня о дёгте

На заре звенит комарик.
Сиротинушкой поёт.
Фёдор дёготь курит, варит...
Под завязочку забот.

Чтоб колёса не скрипели,
Не будили земляков,
Чтобы девки поскромнели,
Не дурили женихов.

В лихолетье гонят дёготь,
Дёготь едкий и густой.
Чёрный, точно чёртов ноготь,
Растолчённый с берестой.

С чужаком голубка пляшет,
Клятвы в камешки дробит,
Дармовым платочком машет,
Перстеньком глаза слепит.

— Не кручинься, сокол! Сварим
Дёготь, прежнего темней.
— А не жалко мазать, парень,
Двери юности своей?

Ишь, подружки взяли моду:
Часом ссора, бабий грай.

Вихров Григорий Иванович, поэт, переводчик (род. в 1961 г. в г. Коломна Московской обл.). Автор книг: *Мои дорогие* (Иркутск, 1988: *Бригада*); *Страстная неделя прошла* (М., 1993); *Близость*: пер. с фр. (Тула, 1996); *Два платья* (Тула, 1998); *Два лепестка сакуры*: пер. с японск. (Тула, 1998); *Трилистник* (Тула, 2001) и др. Член Иркутской организации Союза писателей СССР в конце 1980-х гг.

Ложка дёгтя — в кадку мёду!
Знай, товарка, не моргай.

Мужики не привереды.
Завладеет бес ребром...
Помни, славен дёготь дедов
Всё не злобою — добром.

Чтоб колёса пели складно
На дорогах там и сям,
Чтоб ворота пели славу
Приезжающим гостям.

Пыль взметнётся в стане вражьем —
Дёготь дедовский храним.

Да своих ворот не мажем
И соседских не черним.

* * *

Пахнет воском у церквушки.
Брызжет вербою весна.
Воскресенье. У старушки
До полудня жизнь ясна.

Марширует век военный.
Взгляд свинцов. Язык остёр.
Сын мой, ангел убиенный,
Крылья скорбно распростёр.

На стене, в одеждах белых,
Ночью блазнился во сне
Младший, павший смертью смелых,
Смертью русских на войне.

Воскресенье. Над Россией
Облакам холодным плыть.
Тяжело старушке сирой
Крестную щепоть сложить,

Троеперстье вдовьей доли...
Обжигают всё сильнее
Сердце три щепотки соли —
Муж и двое сыновей.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ШАМПАНСКОМ

Храню, храню воспоминанье детское.
Шепчу девчонке славной, непростой:
— А всё-таки шампанское — «Советское»,
И виноград на чёрном — золотой.
Как все, не все мы ананасы лопали
И у кисельной маялись реки.
И всё-таки бутылки чаще хлопали,
И пробками сшибало потолки.
Не плачь, не плачь: теперь пора жиганская.
В чужих краях и на чужих складах —
Искристое шампанское, «Цимлянское»,
Весёлый «Брют», любимый в городах.
Шипят снега, сияют знаменитые
Под звёздами и фарами авто.
Целуемся, друг другом не забытые,
Целуемся, целуемся... не то.
Уйдёт со страстью воспитанье светское.
Бокал пустей, когда карман пустой.
А всё-таки шампанское — «Советское»,
И виноград на чёрном — золотой.

* * *

Мама! Ты только не смей
Зря горевать над летами.
Стаи твоих голубей
В долгое небо взлетали.

Плавно кружили они.
Ты узнавала с волнением:

Ясные разные дни —
Радужное оперенье.

Мама! Ты только не смей,
Шаль закусив ненароком,
Пересчитать голубей,
Не прилетевших до срока.

Пусть навсегда, до зари,
Встречу с разлукой мешая,
Кружат твои почтари —
Белая стая большая.

* * *

Не брезгуй рябиной:
остатные ягоды рви.
Озябшей любимой
последнею гроздью живи.
Рябиной пожертвуй,
в нависшее небо спеша.
Позёмкою шаткой
блукает чужая душа.
Над скудною горстью
скажу беспощадно: «Прости!»
Продрогшую гостью
и ночью сумею спасти.
Ругают невежу:
в углах — ни светца, ни кола.
Мужаюсь и грежу,
гармошку сжигаю дотла.
К утру ли поближе
дорожку светлей размету.
Рябину увижу, увижу
рябину в цвету.

* * *

NN

Весёлые травы и ветер степной...
И сон опустился на грудь.
Ты шепчешь ревниво: «Останься со мной.
И ночку, и зорьку побудь».

Костёр принимает обличье коня.
Скакун обернётся судьбой.
Признайся огню, что не любишь меня —
И просишь остаться с тобой.

Безумное время по жилам течёт
И души сжигает дотла.
Не чёрт я, не ангел. И ангел! И чёрт!
Ты счастье лихое нашла.

Умчится огонь, похищая коня,
Вольготно искать водопой.
Признайся луне, как не любишь меня —
И просишь остаться с тобой.

Забудь мои губы, и речи забудь.
За радость усталую, за...
Тобой повторяю: «Поближе побудь,
Пока не открылись глаза».

Донские стихи

Женé

Не заламывай рук на пороге!
Не стыдись, при родне обними.
Уступая военной дороге,
Белый хлеб пред конём разломи.
Не смогла удержать каравая —
Покатился в горячую пыль.
Говоришь, голова горевая,

Разведёт серебристый ковыль.
 Разведи костерок за спиною,
 Задержи бесприютное зло.
 Не печалуйся передо мною:
 Наше солнце лучи развело
 От туретчины полуродимой,
 До китайской Великой стены,
 От России пшеничной, единой —
 Соловьи соловецкой волны.
 Обретения нету жесточе.
 Птахи лёгкие к сердцу летят.
 Я гляжу в твои карие очи,
 Так в глаза увлекаемой ночи
 И победы, и смерти глядят.

* * *

Карине Чугреевой

Из ночных оснеженных ветвей,
 Заклиная мать или сестру,
 Запоёт последний соловей:
 — Если ты заплачешь, я умру!
 Ласки утешающий огонь
 Дымом застелился поутру,
 И записка — звёздочкой в ладонь:
 — Если ты заплачешь, я умру.
 Небо — или просьбы — широки.
 Ветер оживает на юру.
 Уходя, горюют старики:
 — Если ты заплачешь, я умру.
 Улыбаюсь и не пощажу,
 Слёзы безнадёжные утру.
 Там, откуда нынче я гляжу:
 — Если ты заплачешь, я умру.
 И любви, и тайне исчезать.
 Вольно цвести весеннему костру.
 И опять я вынужден сказать:
 — Если ты заплачешь, я умру.

* * *

Последний кузнечик великого лета
Бессменно чудит на груди у поэта.
На сердце возляжет, под локоть прыгнёт...
Последний кузнечик о счастье поёт.
Пусть некому счастья отдать, отрешиться
От жизни безумной!

Лишь можно лишиться
Великого лета, просторной груди...
— Кузнечик, под утро меня разбуди!
Сыграй, бедолага, проснись, дорогой!
И с дивною скрипкой пляши под рукой.
Открыта ладонь. И пять пальцев — рабы
Завещанной и бескорыстной судьбы.
И звёздочка к солнцу проложит дорожки,
И Пушкин устало попросит морошки.
Великое лето любви и вины.
Кому мы нужны? Никому не нужны!
Зачем же собрата тревожит поэт?
Зачатие песни — рождение на свет!

Николай Вяткин

* * *

Я солнце синее за тучей
Поймаю неводом ресниц.
Я поднимусь по горной круче
На высоту полёта птиц,
Где вечный снег не знает страха
Стать пищей для болотных трав;
За мной охотничья собака
Карабкается, хвост поджав.
Я знать хочу, чего я сто́ю.
Мне жизнь — скалистая гора;
Уже остались за спиною
Цветы, деревья, мошкара;
Косматый стланик лёг в погоне:
Верхушки в камни ткнулись ниц.
А я стою на снежном склоне,
И солнце — в неводе ресниц...
О, это счастье или мука —
Испепеляющий огонь?!
Я думаю, — и лижет сука
Мою солёную ладонь.

* * *

Мы больше не будем вместе
Вечернюю ждать зарю.
Я скорбные слышу песни
В осеннем лесном краю.

Вяткин Николай Юрьевич, поэт (род. в 1968 г. в г. Алзамае Иркутской обл.). Автор книг: *Река, впадающая в небо* (Иркутск, 1994); *Рябиновый дождь* (Иркутск, 2000); *Голосом ветра* (Иркутск, 2007). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Кружа среди мхов оленьих,
Хрусталь родников грызя,
Я — осени кроткий пленник,
Лишь камни — мои друзья.

Но к полночи, как в распадке
Ломают туман крыло,
В небесной большой палатке
От выпавших звёзд светло.

Встаю я на камень чёрный,
Мне чудится дальний зов,
Где месяц, как кот учёный,
Посажен на цепь гольцов.

* * *

Борису Архипкину

Будет песня моя — не мёд,
А заоблачный грай вороний:
Новый город тебя убьёт,
Люди старенькие схоронят.
Даже дух твой меж двух зеркал
Время выставит и расплющит,
Видишь, весел, смертельно-ал,
За окном сел в репейной гуще.
Видишь, в небе стоит звезда,
Как свеча, и в тени забора
То ли деревце, то ли та,
Что коварней врага и вора!
Но пока этот дом не пуст
И не скинул на запад крышу,
Возле печки и пальцев хруст
Я, как музыку сердца, слышу.
И почти в вековой глуши
Открываю холсты, как двери
В неухоженный сад души;
Значит, стоит и жить, и верить.

Что любовь — колыбель зари,
Да изъеденное клопами
В стыке брёвен лицо... Бери
Куст огня из груди — на память.

Осенний триптих

1

Тёмным облаком в небо память
Поднимается, наконец.
Больше нечего нам прибавить
К странной повести двух сердец:
Церковь белая на холме —
Да увязла тропа во тьме...

Помнишь жизнь нашу: коврики старые,
Сумрак над лепестками свеч,
Карт гадание, дрожь гитары,
Жарко топится русская печь...
Словно бывший хозяин, потом
В полночь месяц ломился в дом...

Стылой хвоей звенел в морозы
Там, за речкой, сосновый бор,
Когда, в снег полушубок сбросив,
Я рубил на дрова забор.
И забыть ли мне, как ликовало
Это дивное солнце алое?
Всё теперь изменилось круто.
Пальцы только лишь — без колец.
О, божественная минута
Губ слияния, и сердец!..
Дым ли в небо тебя унёс?..
Дом над речкой пошёл под снос.

2

Жизнь вразнос — не простое дело.
Я надменно прищурюсь, чтоб
Не мерещилось платье белое,
Где всего только листьев столб.

Соберусь я, пойду до леса.
За туманной рекой поутру
Опадает листвы завеса,
Солнце стелется, как по ковру.
Я люблю с незапамятных лет
Омертвевшего золота свет.

Пусть с осин голоса трясогузки
Всё про тайну заветных дверей, —
Как иголки ушко, они узкие, —
Но разбитому сердцу верней
За сосновой доской удивленье —
Сад, не знающий осени тленья.

3

Я ли, милая, тебя бросил,
Может, ты от меня ушла.
Как в лесу, в наших чувствах осень
Выжгла пламенем всё дотла.
Лишь деревья чернеют углём
В небе сумеречном, голубом.

Эх, какую я даль протопал!
Эх, какие мечты не сбылись!
Возле дома смотрю на тополь:
Ветер треплет последний лист.
Оборвётся ли так в судьбе
Боль ненастная о тебе?

Я один просыпаюсь утром,
Снежной степью пуста постель.
Может, стану когда-нибудь мудрым,
У ночного окна в метель

Книгу вечную сяду читать
И заветное слово шептать.

Пушкину

О, Александр! Как не обнять
В прощальный час родные дали?
Да, как сургучную печать,
Великороссию сломали.

Да, вскрыт лазоревый пакет
Небес — прочитано посланье
О том, что тьмой охвачен свет,
Как чертовщиной покаянье...

Мы шли сквозь гулкий звёздный мрак
На голос Бога. Каждый шаг
Последним был — пришли живыми.

Чертог. Сгоревшая свеча,
И на обломке сургуча
Твоё сияющее имя!

* * *

Я выпил любви золотое вино
И рюмку, пьянея, разбил.
Ночные деревья входили в окно,
Душою я к ним выходил.

И знал, что от звёзд
до байкальских глубин
Пulsирует вечный покой.
Луною, как женщиной, был я любим
За то, что бессмертный такой!

А утром архангела слышал трубу —
Да я на призыв не пошёл:

Лежал на диване с примочкой на лбу
И пил огуречный рассол.

* * *

Падает снег. Обеляется местность:
Чёрные избы, поля и кусты.
Вот и вернулась ко мне неизменность,
Вот и вернулась, любимая, ты.

Серые улочки, синие тени.
Дай же мне руки, мы снова вдвоём!
Ясных снежинок волшба и круженье.
Господи! Правда, что мы не умрём?!

Падает снег — о мой мир белоснежный! —
Падает, под каблуками скрипя.
Лоб запрокинь — и снежинками нежно
Небо коснётся тебя.

Как мы мучительно верно любили!
Как друг без друга мы жить не могли!
Так обретают незримые крылья —
В глубь снегопада лететь от земли.

ТОПОЛЬ

Однажды ребёнком, очнувшись от сна,
Стоял и смотрел я на тополь могучий.
И ветер касался ночного окна.
И звёзды метались, как искорки, в сучьях
Высокого тополя — в чёрном костре
Как будто бы. Сердце моё обнимало
И мёртвый посёлок, и лес на горе,
И шпиль с красным флагом на крыше вокзала.
Шёл поезд, гремя на железном пути.
Тревожно звенела в серванте посуда.
И не было сил от окна отойти,

Всё ждал, замерев, я — какого-то чуда,
Какой-нибудь невидали на земле.
Стих ветер. Дворы оживали. Светало.
И тополь ночной угасал. А во мне
Прекрасная память о нём запылала.

Геннадий Гайда

* * *

...И с молитвой бессловесной
я к тебе, Отец Небесный,
на рассвете устремлюсь:
«Обрати свой взор на Русь...

Никому не потакая,
оберни незримый лик —
есть ещё Земля такая,
не избыт ещё Язык.

Для униженных, радетель,
створы Света раствори —
грех на нас, но мы же дети,
а не пасынки твои».

Архистратиг

Не каждый, имеющий крылья, крылат,
не каждый и доблестный равен тому,
кто с неба сошёл и сиянием лат
отринул кромешную тьму.

Луч света дрожит в его чутких перстах,
и время не в силах его притупить.
Ползучее зло и языческий страх
воспрянут из праха, чтоб вновь отступить.

Гайда Геннадий Михайлович, поэт (1947, Иркутск — 2008, Иркутск). Автор книг: *На склоне сентября* (1997); *Свет предвечерний* (2001); *Посмертное* (2009). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Над прорвою всех преисподних глубин,
увенчанный славою горних вершин,
стоит сей воитель
непоколебим
и, что совершил, —
навсегда совершил.

* * *

Все устои, как сваи, прогнулись.
Мимохожие враз оглянулись.
И беззвучно раскрылись уста,
и во сне содрогнулись умы...

Но простор и стремнина креста
нестерпимо, предвечно прямы.

* * *

Мы ищем ответа... Мы милости просим...
А истинный смысл и прозрачен, и прост.
Из бабьего лета в промозглую осень
лежала дорога в три тысячи вёрст.

И слева, и справа, навстречу и мимо
в осеннем сиянье Россия неслась.
На то, что для сердца сыновьего мило,
Сквозь блеск и сквозь мглу нагляделись мы всласть.

Мы званные гости на пиршестве плоти,
и свитки пространств развернулись для нас.
Для встречи созрев, мы, как листья в полёте,
друг друга узнали.
И жизнь удалась.

* * *

Дорога земных упований разбита,
а список судеб и коллизий избит.
И столько высоких порывов забыто,
но привкус трагизма никем не избыт.

И я, в колею по колена вступивши
и большую часть своей жизни пройдя,
ищу не духовной, изысканной пищи,
а родственных чувств у таких же бродяг.

И не озарений у Бога прошу я,
а тихого крова, тепла, очага,
чтоб разделить свою дружбу большую
с тобою, сверчок, и с тобой, кочерга.

* * *

Безмятежностью дышим в начале,
чтоб в конце и понять, и простить...
Всей печали не перепечалить
и всей грусти не перегрустить.

Будь, что будет... Лишь только б открылось,
что в страданье открыться должно.
Прибран храм,
славит Господа клирос,
сердце чистым огнём зажжено.

* * *

Как долго нас беспечность нянчит, долго
щадят прозренья первозданность лбов.
Как поздно к нам приходит чувство долга,
и благодарность к ближним,
и любовь.

Здесь имена родных
на плитах каменных,
здесь ржавые ограды и осот...
Сюда ведь тоже позднее раскаянье
хлебнувший горя
сын мой принесёт.

* * *

Словно хлопья сажи над пожарищем,
вороньё клубится над жнивьём.
Всей тоской стремлюсь к друзьям-товарищам:
как ни горько, всё же мы живём
нашей горней верою поруганной,
нашей дольней верой в россиян.

Миром взыщем, чтобы над хоругвями
лик Пречистой Девы воссиял,
чтобы Богоматерь распростёрла
над страной спасительный покров,
чтоб с лица сирот своих отёрла
слёзы, грязь, озлобленность и кровь.

Над разрухой рея, взгляд утешен —
снег пошёл на праздник Покрова.
Ходит совесть странницею пешей,
честь — чиста,
и праведность — права.

* * *

Отчего поздний вечер таинственно-светел?
Отчего сам собой исходит свет?
Всем, кто как-то меня приютил и приветил,
напослед бью челом за приют и привет.

Хоть и был мой почин в кои веки успешен,
я-то знаю: права на успех не за мной.
Всем, кем был обогрет и хоть как-то утешен,
на пороге земном я поклон сотворяю земной.

Узел памяти нашей затянем потуже...
Всем, кто выслушать смог, попытавшись понять,
убаюканный нежно вселенскою стужей,
на прощанье беззвучно шепчу: «Исполать...»

Завещание

Денису Гайде

Вникни в ропот деревьев
и рокот морей,
в грохот горных лавин
и безгласность гробов...
Пусть не мучит тебя
после смерти моей
ни печаль, ни вина,
ни земная любовь.

Мы уходим, но мир
не скудеет ничуть.
Я здесь был: я внимал...
сострадал... изрекал...
Свет угасшей звезды —
я над бездной лечу
и теряюсь в глубинах
зрачков и зеркал.

Не скорби понапрасну
по смерти моей.
Я ей вверился сам:
я смертельно устал.

...Свет, искрясь, преломляется
в брызгах морей,

свет, играя, дробится
о горний хрусталь.

* * *

Н. И. Омельченко

Чтоб во сне меня смерть не сманила,
чтоб отстал искушающих рой,
напой меня чаем с малиной,
полушубком овчинным укрой.

Позабуду о брате и друге,
и, двух мыслей не в силах связать,
я в бреду, я в жару, я в недуге
буду мать, как в младенчестве, звать.

Разделяя полночную муку,
разгребая больничный сугроб,
ты рабочую умную руку
возложи на горячий лоб.

Беспризорность, промозглость осенняя,
гонит беженцев, нищих... А мне
ниспослал тебя Бог во спасение.
И во благо — недужной стране.

Я, беспамятства приступ осилив,
должен выжить и столько прожить,
чтобы верой и правдой России
и тебе все долги отслужить.

* * *

Музыка бьётся в железных тисках,
созданных суетным веком.
Истина светится в тихих стихах,
явленных не человеком.

Выключу звук. И строку запишу:
«Истине смерть не страшна».
Слева стоит нескончаемый шум,
справа стоит тишина.

Слово нарушить и злу не посметь —
крепче за слово держись.
Слева стоит одинокая смерть,
справа всеобщая жизнь.

Время сквозь пальцы, сквозь мысли течёт,
рвутся нежнейшие нити...
Слева на страже — недремлющий чёрт,
справа — мой Ангел-Хранитель.

* * *

Имена иных в иные дали
теплоходы носят на борту...
За отвагу есть медали,
только нет за доброту.

Возведи ей пьедесталы,
врежь в гранит живой бутон —
доброта бы перестала
быть самою добротой.

Вы свои не чтите даты,
вам чинов не подобрать,
беззаветные солдаты
ополчения добра.

Всей своей вины не зная,
но постыдно виноват,
я склонюсь, чтобы как зная
руку вам поцеловать.

Тихо подле вас присяду,
слов никак не подберу...

И нутром приму присягу
на приверженность добру.

Наши Марфы милосердия,
вы в себе таили Русь.
У мощей святого Сергия,
как за Русь, за вас молюсь.

Алексей Гегзевич

Из цикла «К Лао-Цзы»

2

В пионы императорского сада
Снег падает.
Молчанья вертикаль
Пронизывает белую печаль
Пруда, кустарников и строгой колоннады.

Вчера был праздник.
А сегодня там,
Где в фейерверках фыркали драконы,
В мохнатые лиловые пионы
Снег оседает церемонно —
Империя вползает в холода.

Империя в снегу.
На дальних башнях
Горят костры продрогших часовых.
Буранный вой чудовищ снеговых
Вгрызается в её предзимний кашель.

3

В забавах царственен маньчжурский тигр —
Жрец сочных ритуалов, сытой неги,
Мудрец, резвящийся в эклектике —
От рыка ярости до этикета игр.

Гегзевич Алексей Николаевич, поэт (род. в 1962 г. в г. Орске Оренбургской обл.). Автор книги *Псевдогеометрия* (Иркутск, 2009); публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Когда б не пиршества в костях и черепах,
Он мог бы своим почерком уродливым
Чертить стихов звериных иероглифы
На панцирях придворных черепах.

Ночь — жизнь архива.
В ней дрожит фитиль,
Раскрыта книга формулой бессонной,
Шуршат по шкуре чучела гекконы
И запах зверя — пыль.
<...>

5
Трепещущий, прогретый солнцем мир.
В сухой осоке пух его мелодий.
Цветных стрекоз осенних мелководий
По сонной глади старицы пунктир.

Пора устать.
Лес, лист — всё желтизна.
Всё — воздух, пустотою наполняемый.
Прост путь.
И нет на свете тайны,
Ответ которой ты б уже не знал.
<...>

8
Сентябрь холодными туманами струится.
И каждый вечер в дымных деревнях
Мне подают похлёбку у огня —
Куда бредёшь, старик?
К границе?

Мой вол ползёт вдоль рисовых долин,
Свои бока вминая в чьи-то судьбы.
Я пью беседы глиняных сосудов,
Храня молчанья хрупкий каолин.

Гонцы в погоне.
Во дворцах огонь.

Мчит в факелах за мной молва исхода.
Но звёздами ночного небосвода
Свобода жжёт уже мою ладонь.

К границе!
Там, где в пыль уходит степь,
Единственный во всей вселенной,
Не знающий про мой исход из плена,
Свирепый стражник мне обрубит цепь.

Здесь слов ясак на стол.
К утру уйти.
Когда ж в край мира врежется погоня,
Пять тысяч иероглифов агонии
Останутся в конце пути.

Вина!
Граничный столб поцеловать,
Растаять в мифе,
В долгой синей дали,
Оставив в мире радости-печали
Свои простые мёртвые слова...

Уже понятные ненужные слова...

Из цикла «Последний в арьергарде»

1
В грязи по брюхо, скользкая в дождях,
Вползла и сгинула железная пехота
В болотах бесконечного похода,
В стране, где путь назад пройти нельзя.

Туман покрое чешую брони
Последних ветеранов арьергарда,
Сомкнётся жижа илистого ада —
Ничто их след не сохранит.

Пустые сентябри пережуют
Разъединенные в ржавчину доспехи
И нищие военные успехи,
Трофеи Осени, кладбищенский салют.

Бесшумно распрямится мятый мох,
Качнутся ветки жухлых перелесков
И усмехнутся испугнутые бесы,
Вздохнёт во сне осенний Бог.

Сквозь морось сумеречной мглы,
Сквозь тусклые пространства равнодушья,
Путь бесполезного оружия —
Вонзаемой в туман иглы.

Упившийся отравленной мечтой,
Утерянный в материке забвенья,
Бессмысленный поход за тенью —
Движение — ничто
И цель — ничто.
<...>

4

Страх спит в ловушках ям и тупиков.
На ощупь лабиринт и по наитью.
На стенах нацарапаны молитвы —
Следы рассыпавшихся языков.

Давно распавшихся абракадабр
Иероглифы мертвы под паутиной,
Их смысл пуст, их зов напрасно сгинул —
Из тьмы на них не вышел Минотавр.

Зверь погребён в дремучем, вязком сне.
Герои и погибнуть не сумели —
Их уничтожило угрюмое бесцелье,
Их разжевали ветры, дождь и снег.

Владимир Горчаков

* * *

...от жизни смертельно устал...

О. Мандельштам

Ни к чему гражданину дебош.
Бич? Блатяга? Кочующий бомж?
Или то, и второе, и третье...
Близ перрона понуро сидит,
Бытие философски следит,
Провожая тысячелетье.

Он от жизни смертельно устал.
Тяжкий опыт — его капитал.
Горней мудростью не обделённый,
На людей смотрит он как бы вкось,
Но провидит их души насквозь
Полувзор его тинно-зелёный.

Серебро нажитое седин.
В толчее безнадёжно один.
Мимо прогромыхала дрезина.
Под весёлые возгласы, смех
Мнится только ему изо всех —
Завывающая трясина.

Горчаков Владимир Олегович, поэт (род. в 1947 г. в г. Усолье-Сибирском).
Автор книг: *Пострел* (Иркутск, 1994); *Мгновения* (Иркутск, 2002); *Ради красного словца* (Иркутск, 2008). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

* * *

Надо мной пролетел самолёт.
Просквозил мимо бешеный поезд.
Поспешает привычно народ —
Вслед смотрю я и не успокоюсь.

И не то что завидки берут...
Ощущается, будто теряю
Промелькнувших обыденно тут —
В прибайкальском завьюженном крае.

Замираю на рубеже.
Остаётся надежда со мною.
А они далеконоько уже,
Наши судьбы прошли стороною.

* * *

Корчуют яростно леса,
Зверьё уничтожая.
Нажива застит им глаза —
Наживы жажда злая.

Неужто недалёко дни:
Оглянешься в испуге —
Вокруг ни кустика — одни
Махровые хапуги.

* * *

Умирал Потёмкин. Князь Таврический.
И, уже земных не чуя сил,
Хронике согласно исторической,
Волюшки Светлейший запросил.

Под холопов горестные вопли
Из коляски вынесли его.
Буйная душа вихрилась во поле,
Не опровергая ничего.

* * *

Ростислава Филиппова «ропись»:
А вернее — автограф его:
Сердце или же облако... После
Расставания — торжество

Повседневного дива...
(Остывают дела и тела)
Желтоватая книга правдива —
Оттого и поныне тепла.

* * *

Желательно, чтоб вечно оставалась
На милой обустроенной земле
Любая полюбившаяся «малость»:
Капель весною, выюга в феврале...

И ежели меня уже не будет —
Осознавать отрадно, что и впредь —
Черёмухи цветенье не убудет,
Рябины гроздьям — празднично гореть.

Марш

Гремит медноголосие «Славянки»...
А в памяти фронтовика встают
Российские вокзалы, полустанки —
Пронзительный военный неуют

И женщины рыдающие или
Слезинку обронившие тайком...
(Оркестра духового звуки плыли
И с паровозным таяли дымком).

О, этот марш «Прощание славянки»,
Забравший мужа, сына и отца...
Сжимающий тревогою сердца,
Поныне отрезвляющий гулянки.

Пустырь

Заросшие травой пустыри
Захватывает город постепенно.
И тут, примерно года через три,
Поднимутся многоэтажек стены.

Услужливо расстелется асфальт,
Оберегая горожан от грязи.
А мне пустырь определённо жаль
За скромное его своеобразие.

Здесь весело кузнечики куют,
С утра наперебой щебечут птицы
И как-то наособинку поют...
Нет, расставаться с ними не годится.

О благе общем что ни говори —
Святое убеждение не скрою:
Потребны и такие пустыри,
Заросшие метровой травой.

Весна

Ветки клёна, как антенны,
Струнно слушают весну.
Прорастают светом стены...

Солнце бросило блесну
В ослепительные лужи...
Ждёт азартно, как рыбак, —
Что-то выловит на ужин?
Воздух свежестью пропах.
Скачут по земле прогретой
Воробьи, приободрясь.
Как на новую планету,
Пешеход ступает в грязь.

Токарь Ганцев

Мастерам зело ругаться:
Перепаханный в земле,
Классный токарь Виктор Ганцев
Явственно навеселе.
Вот, сутулясь, от подходит,
Говорит наедине
Доверительно: «Володя!
Сочинил бы обо мне...
Мол, такой я и сякой я —
И работаю, и пью...»
Трёт корявою рукою
Личность подзаросшую.
Утром голову повинну
В цех привычно принесёт,
Где обосновался длинный,
Как и Ганцев — «ДИП-500».
Будет жать на всю катушку —
Целен, целеустремлён:
То с него «снимали стружку»,
А теперь с детали — он.
Станет лоб от пота глянец —
Не тускнеть челу вовек,
Потому что Виктор Ганцев —
Работающий человек.

* * *

Какими неуклюжими
Казались мы себе
В усердно отутюженном
И новеньком «хабэ».
Полы продавив содой —
Таков порядок наш, —
Без радости особой
Спешили на тренаж,
Где шаг был первый с левой...
И заменял нам класс
От снега ярко-белый
Прямоугольный плац.

* * *

Уже далёк тот год,
Что в памяти возник:
Пришёл я на завод —
Станочник-ученик...

Сказать без лишних слов
Судьбою мне дано:
«В завод я врос давно,
Как сварки прочный шов».

* * *

Салют. Гулянье. День Победы.
Орденосный старичок,
Заметив, как мы оба седы,
Сказал: «Держись, фронтовичок».

Он был подслеповат, конечно,
К тому ж его в обман ввела
Моя внушительная внешность,
Но сколько подарил тепла

Исполненной приязни фразе,
И рубануть бы напрямик,
Мол, нет, не я — ни в коем разе,
Отец покойный — фронтовик.

Отныне сердцу отзываться
Всю мне отпущенную жизнь
На тот пароль святого братства:
«Держись, фронтовичок! Держись!»

Валерий Дмитриевский

* * *

Тонким серым дождём заштопано
леса праздничное убранство,
и дорога блестящим штопором
откупоривает пространство.

По асфальту прошикав шинами,
буду встречен, залётный странник,
протуманенными низинами
и дымком из субботних банек.

Заблудились деревни в осени,
залегли за холмом, за логом
с той надеждой, что вот авось они
как-то выбредут на дорогу.

Но пройдут вслед за лугом скошенным
позабывшие точный адрес
избы брошенные с окошками,
перевязанными крест-накрест.

И разъезженными просёлками
под неистовый лай собачий
вдруг на лошади неосёдланной
девятнадцатый век проскачет.

Дмитриевский Валерий Викторович, поэт (род. в 1952 г. в г. Горьком, в наст. вр. — Нижний Новгород). Автор книг: *Вечерний этюд* (Иркутск, 2003); *Воспоминание о настоящем* (Иркутск, 2006); *Слепой дождь* (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

Баллада весенняя

Набитый вагон электрички
пил пиво, дремал и потел,
курил в тамбурах по привычке,
ватрушки и пончики ел.

На час отодвинув заботы
к лежащим вдали городам,
травил с матерком анекдоты,
азартно тузов бил и дам.

Смакуя приятную немочь,
убавив до тленья огонь,
он нехотя мелкую мелочь
совал попрошайкам в ладонь.

С мороза вошедшую пару
вагон, как и прочих, повёз,
и парень с собой нёс гитару,
а девушка — ливень волос.

И как-то совсем неуместно
(как шляпы надеть матросне),
вспорхнула негромкая песня,
и песня была — о весне.

За окнами вьюги метались,
сплетая колючую сеть,
а в песне скворцы заливались
и солнце слепило, как медь,

и двигались талые воды,
и тёплый гулял ветерок...
Но так же трещала колода,
и так же летал матерок.

И кто-то прикинулся сонным,
когда между спаренных нар
шла девушка длинным вагоном
за песню собрать гонорар.

Но высохла щедрость до днища,
родник благодушья иссяк,
лишь кто-то подал ей, как нищей,
с усмешкой железный пятак.

Она улыбнулась: ну что нам,
зато будет ноша легка.
И чем-то остался смущённым
податель того пятака.

И что-то в вагоне витало —
не звук, и не дух, и не дым,
но этот сундук из металла
уже был немножко другим.

Так первая тает снежинка —
предвестница вздыбленных льдин,
так клоун не корчит ужимки,
оставшись с собою один,

так рвутся по ниточке узы,
о чём и не знает тюрьма.
Но кормит художника муза
скудней, чем бродягу сума.

Вы стойте, ребята, вы стойте —
назло, вопреки — на своём
и пойте, и пойте, и пойте,
и может быть, мы запоём.

Себе равнодушьем наскучим,
оттаем от вечных обид
и новые песни разучим,
и старые вспомним навзрыд.

Всё выплачется, всё прорвётся
на зов вдохновенной струны,
пока в небе ласточка вьётся,
не делающая весны.

* * *

Туманный полдень птиц к земле прижал,
на паутинах всё не сохнут росы,
и солнца затупившийся кинжал
повис бессильно в кисее белёсой.

Посаженный на цепь, наш катерок
с утра угрюмо топчется у пирса.
И сталь тоски так холодит висок,
что было б где — пошёл бы да напился.

Куда ж идти в такой туман, куда?
Ни капитан не знает, ни мы сами.
По берегу, держась за провода,
бредут столбы, помеченные псами.

Богородское кладбище^{*}

Не у гроба Господня
долгих мук рвётся нить —
наконец-то сегодня
будут нас хоронить.

Даже там, где безлюдно,
не укрыться от глаз.
Нам таким неуютно
на земле среди вас.

Мы играли в «Зарницу»,
отдавали салют.
Не могло и присниться,
что по правде убьют,

что не в меру серьёзно
завершится игра...

^{*} На Богородском кладбище под Ногинском похоронены неопознанные российские солдаты, погибшие на чеченской войне в 1994–1996 гг.

Нас отправили в Грозный —
братъ его на «ура!»

Не рождён для отваги,
я свой страх убивал
и был верен присяге,
и, как мог, воевал —

не штабным, не обозным.
Потому я никем
до сих пор не опознан,
и надежд нет совсем.

Тело — рана сплошная,
не дай бог и врагу,
«Кто такой?..» Я-то знаю,
да сказать не могу.

Нет ни детского шрама,
ни родимых примет.
Не узнала и мама —
не смогла за пять лет.

Ах, война! — пожиратель
наших душ, наших тел...
Вот и рефрижератор
наконец опустел.

Зачернели косынки,
заблестели штыки.
Мне лежать бы не в цинке,
а в гробу по-людски.

Когда снег оросила
наша кровь, что вода,
ты молчала, Россия,
как молчала всегда.

Умиляешься маршу
похоронных бригад...
Проще чествовать павших,
чем живых сберегать.

Встанут в ряд обелиски
без фамилий и дат,
и на них, как отписки:
«Неизвестный солдат».

Мол, достаточно чести...
Но забыли учесть:
я известен, известен
уже тем, что я — здесь!

Полководцы с Арбата,
где же ваши сынки? —
не хромы, не горбаты,
удалы и ловки.

Одного бы на роту —
и всю роту не тронь!
Это ж сколько народу
зря не гнать под огонь...

Оттремело над нами,
перестало стучать.
Ничего, с пацанами
я не буду скучать.

Где-то есть фотоплёнка,
на которой я цел.
Ты прости мне, Алёнка, —
написать не успел...

Алексей Ершов

Изюбрь на Ольхоне

Осин промёрзлых горестные почки
Берёт изюбрь шершавою губой,
Давным-давно он бродит в одиночку,
Беду и радость делит сам с собой.

У ельника в затишье греет тело
На предвесеннем солнышке скупом,
Но изморозь, что по хребту осела,
Не растопить и мартовским теплом.

Стоит, жуёт, и всё же сила сока,
Что бродит тайно в почках молодых,
Ударит вдруг по жилам жарким током
И заискрится на боках крутых.

В деревне

У каждого дома
 в сибирской деревне
Раскинули ветви
 большие деревья.
Их деды сажали
 своими руками
Себе на утеху
 и внукам на память.

Ершов Алексей Лукич, поэт (род. в 1933 г. в с. Бархотово Черемховского р-на Иркутской обл.). Автор книг: *Сибирь, Сибирь, моя любовь* (Иркутск, 1987); *Друзьям и гениям* (Иркутск, 1990); *Поэма о Байкале* (Иркутск, 2009); *Судьбы узоры* (Иркутск, 2010); *Моё отечество* (Иркутск, 2011) и др. Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

Сажали, растили
 в сибирском краю,
Характеры дёдов
 по ним узнаю.
Один из них ласковым
 лириком был,
С великой любовью
 берёзки сажил.
Другой под окошком,
 у светлого тына,
Зарёю зажжёт
 сибирячку-рябину.
Хоть я горожанин, —
 деревню люблю,
И выжить
 сибирские сёла молю!
Чтоб жизнь наша стала
 светлее, напевней,
Не умирайте,
 родные деревни!

* * *

По всей Сибири чудный свет,
Сияет снежный иней,
Нигде на свете больше нет
Такой прозрачной сини.
Взгляните, что за ночь идёт,
Торжественность какая,
Звенит холодный небосвод,
Весь трепеща, сверкая.
Лесам в уборах пуховых
Навеян сон морозный,
И чистым серебром на них
Струится пламень звёздный.

Живое отражение

Над ангарской ледяной
Водой — холодной, колкою,
Качаю грустно сединой,
Смотрю с улыбкой долгою.

На берегу траву примну
И, как бывало смолоду,
Губами я к воде прильну —
К живительному холоду...

Сказал воде я: — Не беги!
Вдруг лист сорвался с дерева,
И по воде пошли круги,
Волнистой воду делая.

Листок уплыл — и был таков,
И замерло движение:
В воде — берёз и облаков
Живое отражение.
Вода прозрачна, как слеза,
К ней ветки наклоняются.
Я вижу в ней — мои глаза —
По-детски улыбаются.

Нежное солнце

Я, полный восторга и удивленья,
Гляжу, счастливый, по сторонам,
Завидую столетним деревьям
И пятилетним пацанам.

Ветры шумят, деревья качая,
Волны по травам бегут на лугу,
Люблю, безусловно, природу в молчании,
Но и такие порывы люблю.

Бьёт не в глаза, в мою душу сонную,
В створ изъезженной колеи,

Нежное солнце, милое солнце
Греет усталые кости мои.

Утомясь от полдневного солнца,
Люблю наклоняться к ручью,
Чтоб ладошкою с самого донца
Зачерпнуть ледяную струю.

В осеннем доме

Принёс цветы и в комнате оставил,
Сквозь дождь они алели на окне,
И лунный свет коснулся створок ставен,
И осень загрустила о весне.

А за окном кружился листопад,
И мир цветам казался чужестранным,
Хотелось в лето жаркое назад,
На те же васильковые поляны.

Но холодом уж окна налиты,
Вскружила ночь сентябрьская истома,
И мы с тобой остались, как цветы,
Как летние цветы в осеннем доме.

Я помню

А. И.

Я помню твой напрасный страх,
К губам прижатый палец,
Когда впервые мы в кустах
Наедине остались.

Попробуй сердце усьмири,
С ним справишься едва ли...
И мы с тобой уста свои
Дыханьем срифмовали.

Я к твоему сиянию глаз
Тянусь влюблённым взглядом,
Счастливо прожил и сейчас —
С тобой полвека рядом.

Кормилицы

*Великой труженице Ирине Григорьевне,
пос. Мельничная Падь*

Слюну с лохматых морд коровьих отерев,
Убрав навоз и освежив подстилку,
В рассветном сумраке дверь хлева отперев,
Подобрала платок, сползающий к затылку.

Взяла подойник, подоткнув подол,
Доильных дел святая мастерица,
Садится на скамью, скрипит дощатый пол,
А на реке туман ещё дымится.

Проливной дождь

Наверно, прохутился небосвод —
Густой поток без передышки льётся,
И наш в посёлке садик-огород
Внезапно оказался дном колодца.

Сегодня солнце вскрыло небосвод
И стало печь и жечь оно сильнее.
Но орошенный ливнем огород
Теперь уже беспечно зеленеет.

Александр Журавский

* * *

Мне кажется: я слышал голоса,
А это снег скрипит под сапогами,
И припорошенной дорожки полоса —
Как нотный стан — усыпана следами.

Ты не со мной, но с музыкой во мне
Сливаются движенья и фигуры.
И я иду к тебе наедине
Со знаками случайной партитуры.

* * *

Пока рука
сжимает безотчётно податливые листья
и, как солнце сквозь дождь, пробивается смех,
и о новой невиданной жизни вещают
звуки и краски,
нет счастья большего, чем быть
вместе с тобою,
ступать
по доверчивой земле, приминая травы,
смотреть
первым взглядом на всё, что доступно взгляду,
с переполненным сердцем,
способным вместить
ещё так много.

Журавский Александр Валерьевич, поэт, переводчик (род. в 1976 г. в г. Наро-Фоминске Московской области). Автор книги *Глина. 45 стихотворений* (Иркутск, 2009); публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

* * *

Ни радость выдоха, когда преодолеешь склон,
Ни дым костра на берегу отвесном,
Ни даже чувство, будто я в тебя влюблён,
В тот миг мне не казались интересны.

Ты любовалась, стоя на краю,
Как с неба на утёсы сходит осень,
И упустила, как я жизнь мою
В огонь, как ветку сломанную, бросил.

* * *

Я много книг прочёл чужих,
Своих не написал нимало,
Ни правды не узнав, ни лжи
О том, как жить начать сначала,

Иль, если всё принять как есть,
Как жить во что бы то ни стало?
Как душу мне твою прочесть
На языке оригинала?

* * *

Вздохнуть и жизнь начать с конца
отматывать от первого лица,

но что поведать о своей судьбе
лицу второму — стало быть — тебе,

когда для всех, кого бы я ни встретил,
лицом всегда оказываюсь третьим,

когда со множеством созданий на земле
я — всё равно — в единственном числе.

* * *

Разорена Ниневия! Кто теперь пожалеет о ней?
Кто оплачет поля и дома, как пчелиные соты?
Ни сиппарский пастух, ни пророк допотопных кровей,
Ни божок безымянный из выщербленной терракоты.

Не осталось и тех, кто, молясь клинописной звезде,
Отвоёвывал шаг, и ещё, у болот и пустыни,
Как аккадский тростник, прорастая в тлетворной воде,
Пробегая стилем по сырой человеческой глине.

Кто он был, как он жил, тот твой давний и точный двойник,
Не предмет любопытства, не праздный объект интереса,
А тот самый подчас проступающий глиняный лик
Одного и того же с тобою замеса?

* * *

Пройдёт немного времени, в итоге
Иссякнет пыл, исчезнет идеал
И новые взойдут на пьедестал
Герои, идолы и боги;

Но и они не вечно будут править.
Когда бы знать: сумеет ли моя
Судьба хоть малый клинышек оставить
На глиняной табличке бытия.

Василий Забелло

Под небом Байкала

Под небом Байкала у горной гряды
Раскинулся город Слюдянка.
Есть в имени этом и блеск от слюды,
И рынды тревожные склянки.

На рельсы истории память легла,
Пыхтя паровозною тягой.
Пред ней расступается вечности мгла,
Возносятся стяги «Варяга».

Чугунным прокатом катилась война
На спинах сибирских дивизий.
Пыхтела Слюдянка, а с нею страна,
И пар кучерявился сизый.

Сначала на запад, потом на восток
Катилось военное эхо...
А нынче туристов лавинный поток
По Кругобайкалке поехал.

И едет в Слюдянку и прёт молодёжь
В штанах с голопупым фасоном...
Европа ли, Азия... крики, галдёж
Да пошлые песни шансона.

Забелло Василий Константинович, поэт, прозаик (род. в 1947 г. в пос. Утулик Иркутской обл.). Автор книг: *Ледостав*: стихи (Иркутск, 1984); *Семи Грехи*: стихи (М., 1988; Приложение к журн. *Молодая гвардия*); *Возвращение*: стихи (Иркутск, 1990: *Стихи по кругу. Вып. 1*); *И пройдут высоким строем птичьи стаи надо мной*: стихи (Иркутск, 1993); *Осенний пал*: стихи, рассказы (Иркутск, 2001); *Избранное*: стихи, рассказы (Иркутск, 2007); *Где родился — там сгодился*: стихи, рассказы (Иркутск, 2011) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

* * *

*Е.В. Смольяниновой,
русской певице*

Быть может, где-то есть розарий
Красы невиданной и силы.
Но там, во всей цветущей зале,
Вы были самая красивая.

Держались Вы изящно, просто,
Не кроясь в сумраке вуали.
Звучала музыка, и тосты
Серьёзность делу придавали.

И были жесты, были взоры...
За мать-Россию снова, снова
В осиротевшие просторы
Лилось божественное слово.

Объединяла всех идея
Исконным пламенным зарядом...
И забывалось — что я? где я?..
Как хорошо, Вы были рядом.

С неотразимой нежной силой
Вы песней Русской всё сказали...
Вы были самая красивая
Во всей цветущей пышной зале.

* * *

Уходи в дорогу с лёгким сердцем,
Оглянись на прожитую жизнь.
Поклонись друзьям единоверцам,
Дорогим могилам поклонись.

Там, в овражке за избою крайней,
Золотится густо лебеда.

Закрадётся думка не случайно:
Может, оставляешь навсегда.

Щебетуны ласточки не свили
Гнёзд своих, не вывели птенцов...
Две жены со мной несчастны были,
Взрачивая резвых сорванцов.

Знать от Бога волюшка поэта.
Не загнать к порогу под каблук.
Вон опять несёт тебя по свету
За леса, за индевелый луг.

Ледяные ветры дуют в спину,
Вновь один встречаю холода.
Выплакаю грусть свою осинам
И пойду неведомо куда.

* * *

Торчат стволы, объединенные палом,
Но путника не трогает печаль.
На месте пепелища в блеске алом
Цветёт, благоухает иван-чай.

И вновь стогами разродилось поле.
И вновь зовёт дорожная верста.
Диктует жизнь свои закон и волю.
Я покидаю вас, мои места.

Пойду куда? За чем? И сам не знаю.
Русь велика, не считано дорог.
И всё же возвращенье загадаю, —
Монетку закопаю под порог.

И где земля отыщется такая,
Не страшно на которой умирать,
И перед смертью, руки простирая,
Захочешь вдруг её поцеловать...

Простите все, кого в пути обидел...
Забросит ветер семя невзначай,
Я к вам вернусь черёмухой в обитель
Иль обернусь, как пепел, в иван-чай.

Пока живу

Пока живу... Господь зачем-то держит
Меня на грешной песенной земле.
Бездомник я, и странствиями брежу,
Копаясь в исторической золе.

Всё повторится и со мной, и с теми,
Которые лишь Богу и нужны.
Иду себе, почёсывая темя,
И думаю: дожить бы до весны.

Улыбки женщин больше не тревожат,
Хотя красавиц много на Руси.
Я не монах, но вздрагиваю кожей,
От искушений, Боже, упаси.

Покаемся, помолимся, и снова
Я обращаюсь к Всевышнему с мольбой.
И, ко всему безжалостно готовый,
Продолжу путь, начертанный судьбой!

* * *

Набродился по́ миру, по ми́ру,
Забывая свет родных небес...
Освяти мне, батюшка, квартиру,
За порогом чтоб остался бес.

Прокади мне ладаном жилище:
Все углы и стены, потолок.
Чтобы дух стяжал я, словно нищий,
Чтоб сиял на кухне образок.

Я седу главу к нему приложу,
Покаянно, слёзно помолюсь.
Расскажу, как шёл по бездорожью,
Как обрёл потерянную Русь.

Освяти мне, батюшка, квартиру,
Я лампаду на ночь засвечу...
Набродился п'о миру, по м'иру,
Жить во мраке больше не хочу.

Осенние стихи

Снова в окошке рябиновых кистей,
Зёрен рубиновых вспыхнул огонь.
С шумом и шелестом падают листья,
С веток срываются, только затронь.

Скоро прольётся печаль поднебесья,
Окриком птичьим заполнив простор.
Что-то родное живёт в этих песнях,
Памятью слёзной туманит мой взор.

С каждым прощанием, с осенью каждой
Всё ощутимее близится срок...
Не оттого ли так мучает жажда,
Жажда вернуться на отчий порог.

Кто нас ведёт и какими путями
В мир незабудок и горних вершин?..
Что перед Богом останется с нами?
Что припасём для спасенья души?

Мечта

*Отцу Назарию — монаху Свято-
Духовского монастыря в Почаеве*

Впереди лишь бездна вечности,
Позади — небытия...

Доброхотом человечности
Стань же ты, душа моя.

От мирских сует до пагубы
Только руку протяни.
Мне о Боге думать надо бы
Все оставшиеся дни.

Мне бы к храму да к причастию
Свят-дорожку проложить.
Чтобы в Боге тихо, счастливо
На земле ещё пожить.

Вы простите, люди милые —
Други, недруги, родня,
По воде пусть пишут вилами
Всё, что знали про меня.

Там, в скиту, под сенью липовой
Я лампаду засвечу,
И, молясь, о прошлом всхлипывать
Ни за что не захочу.

Притча

Эту притчу я слышал однажды.
Сенокосили как-то с отцом,
Я томился от зноя и жажды,
И от пота горело лицо.

Вдруг от ветра задвигались ели,
Загремел угрожающе гром.
— Эх, опять закопнить не успели,
Вся работа насмарку, на слом.

И, вилки на телегу забросив,
— Всё, — добавил батяня, — шабаш!
Ливанёт счас небесная пропасть,
Поспешим-ка скорее в шалаш.

И стеною обрушился ливень,
Зашумел, окатил и исчез.
В небеса голубого разлива
Задышал освежающе лес.

— Ну скажи ты на милость, зараза...
Ну Илюха, ну Божий глухарь!..
Без дождя отпокосить ни разу
Не сподобил небесный звонарь.

И, уже усмехаясь, без «перца»:
— Оно, видишь ли, вышло-то как.
Сам Господь наказал громовержцу
Строго-настрого — делай вот так:

«Лей туда лишь, где ждут и где просят».
А Илья — староват, глуховат,
Понял так, что где жнут и где косят,
И сюда наворачивать рад.

И с тех пор повелось по России
Делать всё и не то и не так.
Оттого наши судьбы косые,
И по жизни сплошной кавардак.

* * *

Не слышать ни шороха, ни стука,
Лишь в томящем свадебном бреду
На цепи повизгивает сука,
Задирая морду на звезду.

К ней вчера в полночный час морозный
На зады в облуненную бель
Прибегал с проезжего обоза
Молодой прогонистый кобель.

Как они играли и резвились!
Как стелились по полю, резвясь!

Как у леса повязались, свились, —
Звонким эхом связь отозвалась.

Но сегодня выпало другое:
Чаркою здоровье подкрепив,
Сам хозяин грубою рукою
Пристегнул страдальцу к цепи.

И когда, взойдя на небосклоне,
Месяц силуэты осветил,
Донеслось с горы: всхрапели кони,
И кобель прощально заскулил.

* * *

Неужто метели пропели, звеня,
Тщету заглушая сомнений.
И ты издалёка глядишь на меня
С журнальных высот откровенья.

Кривою верстою средь ночи в лесу
Тропу пробиваю к зимовью.
По силам ли груз я в котомке несу,
И что теперь делать с любовью?

Забыв и отринут... Вновь посох в друзьях.
Да ветер упругий и жгучий.
Качаются звёзды на тонких ветвях,
Да снег под ногами зыбучий.

На что я надеялся, глядя в окно,
Обвитый метелью морозной.
Как сердце щемило, не всё ли равно,
Как билось к тебе оно грозно.

Я выну поклажу, и пламя огня
Поглотит страницы журнала.
И ты перестанешь глядеть на меня,
И будто любви не бывало.

* * *

Подойдут и отступят морозы...
Сколько дней уже кануло в Лету!
Расплескался закат ярко-розов,
А тебя до сих пор рядом нету.

В проводах воеет ветер упруго,
Облаков завивая охвостья.
Ты пиши мне почаще, подруга,
Дорогая и редкая гостья.

Между нами тоскливые вёрсты
И чугунных колёс перестуки.
Только снова зовёт перекрёсток
Нашей встречи с тобой и разлуки.

Я вернусь на него утром светлым,
Загадаю, чтоб выпала встреча.
Будут петь нам апрельские ветры,
Будет долгим и радостным вечер.

А покамест закат ярко-розов
Над грядкою горит самоцветом,
И надрывно кричат грузовозы
Всё о том, что тебя рядом нету.

* * *

Затянулось прощанье моё
На земле.
Скоро осень закончит балы.
А любовь, как цветок
На гранитной скале, —
Лепестки от мороза
Белы.

Удивителен мир,
Удивительна жизнь
В побеждающей силе любви.

Ты сильнее закрепишь,
До весны продержишь,
Доживи, мой цветок,
Доживи!

Всё, что было с тобой,
То случилось со мной
На бугристых дорогах судьбы.
То ли птицы поют,
Нарушая покой,
То ли голос
Прощальной трубы.

Но чем больше потерь,
Тем настойчивей жизнь
Манит нас отголоском любви...
Ты сильнее закрепишь,
До весны продержишь,
Доживи, мой цветок,
Доживи!

Берёзовка

Памяти деревни

Не шумит Берёзовка, не ропщет
При покосных, пашенных делёжках.
Там один старик — живые мощи,
Улыбаясь, трогает серёжки.

По седому морю иван-чая
Он плывёт к погосту за деревней,
Издали берёзу примечает
Над его оплаканной царевной.

Холмик дорогой в траве отыщет
Да о гробе Господа помолит.
Словно кошка, верный пепелищу,
Городской не выдержал неволи.

Постоит, потрогает серёжки
И назад — по морю иван-чая
До своей горюнушки-сторожки,
Каждую букашку привечая.

В полотняной выцветшей одежке
Вдоль глухих, забитых насмерть ставен
Он идёт начертанной дорожкой,
А пройдёт — Берёзовки не станет.

Русь

...И дух её побед, и поля грусть,
И журавли над замершим привольем...
Коль русский ты, в тебе былая Русь
Живёт и отражается невольно.

Течёт на всенародное гумно
Её зерно янтарным урожаем...
Так небо, ничего не отражая,
В озёрах отражается само.

* * *

Что-то с нами сегодня случилось,
Счастье тихое вдруг изручилось,
Укатило за синие горы,
Словно поезд свистящий и скорый.

Незавидная грустная доля —
Одичавшее русское поле.
Трактора на металл запродали,
Ветер высвистел межи и дали.

Что-то сделали с нами нечисто
Господа мудрецы-глобалисты.
С хрустом падают сосны и кедры,
За кордоны вывозятся недра.

Сколько крови пролито за землю,
Распродажу её не приемлю!
Она искони русская наша,
Дайте волю, — очистим, распашем!

Под звездой Богородицы

Жить по вере, как исстари водится,
Князь Владимир оставил завет.
Воссияла звезда Богородицы,
Разливая спасительный свет.

Открывает страницу заглавную
Воскрешённый великий народ.
Монастырская Русь православная
Из руин обомшелых встанёт.

От восточных морей и до западных
Колокольная песня звенит.
И сердца ей навстречу распахнуты,
В небо чистое рвутся, в зенит.

Ты помилуй детей своих, Господи!
В град небесный врата отвори.
По церквям, по полям, над погостами
Бьём поклоны с утра до зари.

Крестным ходом в лучах Богородицы
От восьми челобитных сторон
Мы сойдёмся в Престольной,
как водится,
В окруженье Державных икон.

Георгий Замаратский

Молитва

С утра на отчий край молюсь,
Который не успел воспеть,
И умолкаю, и боюсь,
Что память может ослабеть.

Молюсь в обед на отчий дом,
Что на картине у меня
На фоне неба голубом
Изображён в сиянье дня.

Молился к вечеру на бор,
Который был моей душой,
Но бор пустили под топор,
И утопили... Боже мой!

Молюсь на тихие луга,
На поле с робким колоском,
И на полынь, и на стога,
Что сгнули на дне «морском».

Молюсь затопленным углом,
Где Родина была жива,
И со слезами пополам
Шепчу горячие слова...

Замаратский Георгий Иннокентьевич, прозаик, поэт (1928, д. Погодаева Нижнеилимского р-на Иркутской обл. — 2010, Иркутск). Автор книг: *Твой ход, Яверя!*: роман (Иркутск, 1998); *Пыхуны*: роман (Иркутск, 1999); *Пою Илим*: стихи (Иркутск, 2001); *Приглашение в память*: повесть (Иркутск, 2005); *Этот мечтатель и фантазёр Егорка*: повесть для детей (Иркутск, 2008) и др. Почётный гражданин г. Железногорска-Илимского. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Рву душу чуть не в клочья я,
Любовью к родине томим,
Молю и днём и ночью я:
«Верни, о Господи, Илим!»

Правда жизни

Нет, я ничуть не удивился,
О боль мятущейся души!
Опять всю ночь Распутин снился
И говорил мне: «Что ж, пиши,
Но только правду! Правду жизни,
А не подобие её...»

Илиму — маленькой отчизне —
Я верен. Творчество моё
О нём. И сила мудрой мысли,
Распутинская точность строк
Мне помогли бы. В этом смысле
Распутин — лучший педагог.

Но подражать я не умею,
Вторичности, как зла, боюсь...
Нужна мне правда, значит, с нею
Я как писатель состоюсь.

Найти бы правду, что со мною
Шагнула б в ногу, как солдат,
Готовая к любому бою,
Не ради славы и наград.

Понять бы правду, но легко ли
Узнать её средь многих правд?
Я лишь в душе за луг и поле
И здесь, наверное, неправ.

Не жну, не сею торопливо,
Доволен тем, что есть, вполне,
А всё же всем кричу хвастливо,
Что кровь крестьянская во мне.

По доброй воле, между прочим,
Ищу свой хлеб по городам,
А есть ли где на свете отчем,
Чем эта — большая беда?

Быть может, правда чьей-то жизни
В неровном ритме сельских дней?
Быть просто преданным отчизне
Легко. Вот стать бы нужным ей!

Глухариный этюд

А утро было глухариное,
Такое светлое и длинное,
Когда, презрев во мху кровать,
Летит глухарь дресву клевать.

И утро, на рассвете синее,
Накрыло землю щедрым инеем,
Осины, холодом сражённые,
В мох прячут ножки обнажённые.

Вот «Жигули» бегут дорогою
За глухарём и за сорогою.
В салоне новенькой машины
Сидят, как филины, мужчины.

А меж колен у них двустволочки,
А за кюветами всё ёлочки,
И речи бесконечно-длинные
Про токовища глухариные.

Охотнички на трассу пелятся:
Где там глухарь или глухарица?
Глухарь на кедре то зацокает,
То вдруг замрёт... А сердце ёкает

Моё отечество

Моё отечество — Илим,
Которому бежать бы вечно,
И хоть он был людьми любим,
Загублен был бесчеловечно.

Моё отечество — Илим,
Ты был суров и благодатен,
Не твой ли предвечерний дым
Был илимчанам так приятен.

Пейзажи скромные твои
В любое время глаз ласкали...
Теперь на якорях буи —
«Морские» означают дали.

Моё отечество — Илим,
Река, ушедшая в глубины,
И мы растерянно глядим
На непривычные картины.

Не узнаём родной Илим —
Предмет для мрачных разговоров, —
Он стал немислимо иным
Среди затопленных просторов.

А был он светел, как весна,
По берегам — поля, деревни...
Моя родная сторона
Звучать хотела всё напевней.

Моё отечество — Илим —
Остался в памяти навечно
Спокойным, древним, молодым,
Погубленным бесчеловечно...

Я не могу!

Я не могу без вешних пашен
И без ромашковых снегов,
Без ручейка в Кулиге нашей,
Бегущего среди лугов.

Я не могу без этих сосен,
Без этих ёлок и берёз,
Без них мне белый свет несносен,
Без них тоска меня берёт.

Я не могу без конской прыти,
Без мыка медленных коров...
Эх, мне бы в луг с литовкой выйти,
Пройтись прокосом — будь здоров!

И тракторов я слышу рокот,
Комбайна неумолчный шум,
Осин осенних чую ропот —
Всё повод для тягучих дум.

Нет, не могу без сельских буден,
Забот, которых — целый пруд...
День хлебороба очень труден,
Но как он нужен, этот труд!

Другу детства

Посвящается И.Д. Жданову

Топтал тропинки торные
В лесу между деревьями,
Ходил в поля просторные,
Что сразу за деревнею.

Бежал в луга душистые,
Любуясь незабудками,
Глядел в болота мшистые
С непугаными утками.

Спешил Илим шивёрами,
В глубинах млея в застылости,
Сияла над которыми
Луна по чьей-то милости.

Тростинку — Тоньку тонкую,
Не девушку — картиночку,
Под балалайку звонкую
Манил на вечериночку.

Прощались вы с закатами,
Здоровались с рассветами,
Цветистыми, богатыми,
Поэтами воспетыми.

И вас счастливей не было
В туманы те рассветные,
Над вами дивной небылью
Сияли зори светлые.

Вечёрки

Стояла деревня над сонной рекой,
Как будто из песни, как будто из сказки.
Земля под ногой и гармонь под рукой,
Частушки и игры, и танцы, и пляски.

Егор-гармонист то печалит меха,
То рвёт их нещадно в азарте весёлом,
Гармошка его бесшабашно-лиха,
И звуки несутся над дремлющим долом.

Ребята, девчата, поляна, костёр
И майский таинственный вечер на диво,
И рядом с поляной задумчивый бор,
И первая встреча с ней — самой красивой!

Подмётки шуршат по короткой траве,
От света костра стали рыжими сосны;
Станцуешь с любимой — и хмель в голове...
О, как их забыть — эти юные вёсны!

Побывал бы я

Побывал бы я на родине,
На желанной стороне,
Побродил бы по поскотине,
По щетинистой стерне.

Посмотрел бы в дали ясные
В конопатинках-стогах,
Где пасутся разномастные
Коровы на лугах.

Где поляны земляничные
Купаются в росе,
Где волнуются пшеничные
Колоски на полосе...

Я горжусь своею родиной,
Где и вскормлен, и возвращён,
Где полынью и смородиной
Воздух терпко напоён.

За полями-огородами
Прогулялся бы леском...
Побывал бы я на родине,
Да она...
на дне
«морском».

Воспоминание о Родине

Поникли берёзы листьями,
Дожди омывают стволы.
Знакомыми еду местами,
О Родине думы светлы.

За той неглубокою речкой
Деревня лет триста стоит.
Я чувствую трепет сердечный —
Там пращуры жили мои.

Там бабушки, дедушки, дяди
Давно под крестами лежат.
На вечный покой этот глядя,
Берёзы ветвями дрожат.

Родные, я памятью с вами,
От корня от вашего куст.
А осень дождливыми днями
Разносит щемящую грусть.

Душа

У ветра спросила осина:
«Скажи, что такое душа?»
«Душа — это выть что есть силы,
На полную силу дыша».

Вопрос переслала с оказией
Дождю, и читает ответ:
«Душа — это ворохи грязи,
Увяз чтобы в ней белый свет».

Спросила осина и холод:
«Душа что такое, скажи?»
«Душа — когда весел и молод,
И всякую тварь холодишь».

В раздумье стояла осина,
Ветвями своими дрожа.
Внутри её беспричинно
Скулила и ныла душа.

Меж тем, ни о чём не заботясь,
Трудились на полную мощь
Над бедной осиновой плотью
И холод, и ветер, и дождь.

Свет русских деревень

Когда закон порушен
И правда набекрень,
Мне согревает душу
Свет русских деревень.

Когда у нищих тащат,
Когда казна пуста.
Лошадке работающей
Стараюсь быть подстать.

Когда чертям раздолье,
Разлад уел семью —
Молюсь усердно полю,
Покошу и жнивью.

Когда друг хлопнул дверью
И льётся братьев кровь —
В корову твёрдо верю,
В картошку и морковь.

Когда здесь правит бизнес,
Торгаший гнусный вой,
Любимая Отчизна,
Я данник вечный твой.

Любимая, не тщися
Понравиться хамью:

На страже твоих высей
Я воином стою.

Мы — народ геройский

По команде «Стройся!»
Встанем как один.
Мы — народ геройский
С детства до седин.

Мы — народ отважный
В зной и холода.
И за подвиг важный —
На груди Звезда.

В поле и на море
Выстроим редут.
С нами не поспоришь —
Русские идут.

В строй встаёт Суворов
И Матросов здесь.
Не до разговоров.
Только слышно: «Есть!»

Тёмным вражьим силам
Не видать добра.
Подымай Россию,
Русское «Ура!»

Мы бивали всяких,
На любой войне.
Духом не иссякли,
Приросли вдвойне.

Ничего не бойся —
Пусть себе грозят.
Наш народ геройский
Победить нельзя.

Анатолий Змиевский

* * *

Выдыхает берёзовый хор
чье-то тайной покрытое имя.
Вены чувств листопада минор
Режет лезвиями золотыми.

Отсмеялись, погасли цветы,
и над этим не стыдно поплакать,
но бессмертной живой красоты
не осилить смертельному мраку.

Птичий клин сквозь горячий висок
пролетает, спасаясь от хлада,
но замёрзший бесплодный песок
жгут улыбки грядущего сада.

Слёзы блёклое облако льёт,
да и я от осеннего перца,
что просыпался в лиственный мёд,
заслезился очами, но сердцу

лишь на пользу наплыв этих слёз,
всё плохое смывается ими...
С губ о ком-то поющих берёз
не моё ли срывается имя?

Змиевский Анатолий Борисович, поэт (род. в 1959 г. в г. Иркутске). Автор книг: *Среди божественного хлама* (Иркутск, 1996); *Лагерная Русь* (Иркутск, 1998); *Звезда Вифлеема* (Иркутск, 2001); *Я пришёл из осени* (Иркутск, 2005); *Любовные письма* (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России.

* * *

Сияет невеста в берёзе,
помолвленной с январём!
Щёки луна обморозила,
задумавшись о своём!

Как яркий румянец сквозь пудру,
сквозь иней пробился рассвет,
ризы алмазного утра
окрасив в клюквенный цвет!

Любуются дивной картиной
голуби и снегири:
кладут богомолки рябины
поклоны иконе зари!

Как больно, как сладко взгляду!
В сугробах увязла даль.
Бежит босиком из сада
яблоня, скинув шаль!

Сбудется что-то такое,
лишь бы ей в снег не упасть...
Губами о голубое
черёмуха обожглась!

Поставлю звезду, как свечку,
за это вот всё вокруг!
Кажется: я — извечный,
и никогда не умру!

.....

Пусть травят лютыми псами,
пусть палками насмерть забьют,
но тело, забросив в сани,
пусть родине отдадут.

* * *

Мороз о щёки разбивался в кровь,
цвела румянцем в рощице сосновой
моя в пушистых варежках любовь,
моя отрада в шапочке пуховой!

Как ароматом ладана, объят
я был благоухающей девчонкой,
и ангелом, ласкающим котёнка,
её блаженно гладил снегопад.

В сугробе накупавшись голубом,
до стонов напотешившись снежками,
переплетающимися шажками
мы возвращались в золотистый дом.

Из счастья в счастье тропка нас вела
и выводила к счастью неземному,
и до утра петляла в нём по дому,
и освещённой до утра была.

Сгорал мороз от зависти мужской,
метель от женской зависти сгорала,
когда в гардинах спальни или зала
просвет вдруг открывался небольшой...

От нежности изнемогали мы,
и ни часов, ни дат не наблюдали;
нам грезились не розовые дали,
а способы продления зимы.

Мороженой брусникой снежный край
нас угощал невыносимо сладко...
Тропического рая с лихорадкой
светлей с простудой приполярный рай.

Окрашенный в жемчужные тона
в созвездье Лиры царствующей Вегой,
лобзаниям дарил он привкус снега,
а взорам — розу в наледи окна.

Все святки перламутровый туман
луну держал над нами восковую
в саду неповторимых поцелуев,
переполнявших зимний наш роман.

И изморозь мерцала по углам
его обложки — изумрудной масти,
скрывавшей под собой такие страсти,
что и не снились греческим богам.

Созвездье Лиры от щедрот своих
сводя на нет издержки недосыпа,
алмазами не уставало сыпать,
как и должно быть в случаях таких.

Играло небо радужным огнём,
но и земля в долгу не оставалась:
серебряной парчой переливалась,
позванивая горным хрусталём...

Любимая, мне не хватало глаз,
чтоб на тебя досыта наглядеться,
и рук — тебя натрогаться, и сердца —
вместить любовь, сошедшую на нас.

Со всех сторон в те сказочные дни
к нам голуби, как ангелы, слетались;
на санках ласк по сказке мы катались,
пока в разрыв не врезались они...

Настигла нас разлучная беда,
бенгальской свечкой ссоры вспыхнул порох,
и красоты твоей прощальный сполох
в лиловых далях сгинул без следа.

Но волшебство не кануло во мрак,
а за тобой и мною ходит свитой.
Ты никогда не будешь мной забыта,
мне будет часто вспоминаться, как

слетались к нам во двор, влетали в дом
и голуби, и запахи из рая,

как мы, от нежности изнемогая,
спекались в пекле страсти, как потом

мороз о нас обламывал клыки,
и ледяная роза оживала,
когда тебя я вписывал в стихи,
которые зима мне диктовала.

* * *

В белой юбке и такой же белой блузке
сногшибательною ты была в Иркутске.
Не царица, не ходячая икона,
но достойная и нимба, и короны.
Я в тебя влюбился по уши и сразу,
подхватив любовь, как острую заразу.
И негаданно симпатией ответной
оказался обогрет, как тёплым ветром.
Мои волосы, на клён взглянув с прищуром,
ты с кленовою сравнила шевелюрой.
Дальше — таинство природы обнажённой,
поцелуями взаимно обожжённой.
Листопад сменился пышным снегопадом,
и пахнуло с неба свадебным обрядом.
Только всё, увы, закончилось не этим,
а тоскою губ по отнятой конфете.
Стала лужей сказка зимняя весною:
над небесным одержало верх земное.
Где начало есть, там есть и окончанье,
независимо от нашего желанья.
И за это ни с кого не спросишь в мире,
как не спросишь за чугунок с чугунной гири.
Я, Снегурочка, в тебе души не чаял,
но, души не чая, всё ж тебя оставил.
Не прощаясь, мы с тобою разлучились,
и с разлукой той навеки обручились.
Всё случилось как случилось. Что тут скажешь?
Рассечённый узел сызнова не свяжешь.
А какой бы бесподобный получился
мальчик, если б таковой у нас родился...

Разделяет нас теперь почти полмира:
под крыло взята ты Северной Пальмирой.
Ну, а я истлел в Сибири до окурка.
Как тебе архитектура Петербурга?

* * *

Жив человек надеждами на свете:
надеждой вырваться — в любом плену,
надеждой исцелиться — в лазарете,
и только смерть не дарит их ему.

С того чем старше я, тем мне тоскливей,
исход страданий ясен наперёд.
Судьба, что обещала осчастливить,
всё сделала совсем наоборот.

Украсил я стихами, как цветами,
моей душе доставшийся подвал,
где, утопая в них, фиалке-даме
я ландышем лодыжки целовал.

Но никому стихов не надо было...
Жизнь, жеребёнком ласковым резвясь,
вдруг обернулась бешеной кобылой
и зло по мне копытами прошла.

Скорей обижен этим, чем напуган,
я незаметно сбился на нытьё.
Другим пришлось куда как больше туго,
но каждому всегда больней своё.

Мне давит плечи пресс незримой штанги...
Чьей битвою мой горб до мяса стёрт?
Ведь никогда мне не являлся ангел,
не приходил ко мне ни разу чёрт.

Иссохло дно сердечной слёзной флаги,
и я смотрю, слезой не серебрясь,

как топчет осень собственные стяги,
сны золотые втаптывая в грязь.

Легли в ту глину все мои цветочки,
смеются надо мной и друг, и враг.
Мне больше ставить нечего на бочку,
и я взметаю в небо белый флаг.

Мне исправлять непоправимо поздно
ошибки давних и недавних лет.
Причёску треплет ветерок с погоста,
иного ветра не было и нет.

Черны кресты в кладбищенских сугробах,
один из них подмигивает мне.
Хоть я ещё вне савана и гроба,
мой крест уже чернеет на холме.

Но, как ромашки пятнышко в кювете,
во мне надежда теплится на то,
что вспыхну я, на этом смеркнув свете,
новорождённой звёздочкой на том.

* * *

Не говорите так: смотрите, — это он,
стрелой любви к себе он поражён навывлет.
Я так иду к себе, как шёл на Вавилон
кипящий Божий гнев — стереть его до пыли.

Хочу всем нищим дать, но где такой калач,
и как всех напоить из одного стакана?
Дитя чужого смерть есть личный мой палач,
на мне уж места нет для чьей-то новой раны!

Мне падших женщин жаль и брошенных старух,
и я калечусь сам, когда калек встречаю...
Неслышимо вопит во мне мой скорбный дух,
чужую боль своей острее ощущая.

Я не сумел спасти ни этих и ни тех,
мне вспять не повернуть потоки слёз и крови.
Здесь только злу и лжи сопутствует успех,
носящийся с добром здесь просто смехотворен.

Оставим в стороне глухой саровский лес
и старца, в том лесу общавшегося с Девой.
Я так и не постиг суть замысла Небес,
хоть не жалею щёк, в особенности, — левой.

Я б жил себе как крот, но нечто, что меня
мною делает, так жить не может и не смеет.
Не выпрячь из себя, как из саней коня,
души, что жнёт шипы, которых я не сеял.

Разбив воскресный звон о пятницу крестный стон,
нож на себя точил один поэт в Сибири,
и вы скажите так: смотрите, — это он
и две его руки — они его убили.

* * *

Привет, завьюженный декабрь,
ну не друзья ль мы, в самом деле!
Весь не нажитый мною скарб
вдаль унесли твои метели.

Ты мне подсказывал стихи
и, может быть, ещё подскажешь,
и бубенцом из-под дуги
моих врагов обескуражишь.

Как хорошо бывало мне
входить в заснеженные храмы,
какие в снежной пелене
со мной разыгрывались драмы...

Ах, как он колок, твой снежок,
а нежен как, и мил, и дорог!

Уже за сорок мне, дружок...
Не скажешь ведь — ещё за сорок.

Увы, я многого не смог.
От мира подлого, от хамства,
как страус — голову в песок,
себя всего я прятал в пьянство.

Как чётки, дам перебирал,
но больше, чем от них и спирта,
от Лиры я одуревал,
от чар рифмованного флирта.

Открыв заветную тетрадь,
тому, что жгло, искал я слово,
и всю себя обцеловать
мне Муза позволяла снова...

Привет, завьюженный декабрь!
Ну разве плохо, в самом деле,
что весь не нажитый мной скарб
вдаль унесли твои метели!

Сколь тяжек груз моих грехов,
не мне в итоге разбираться.
Мне кроме искренних стихов
пред Небом нечем оправдаться.

* * *

Преображает свет окна
рябины ветку в ветвь мимозы,
и распускается луна,
как лотос, в воздухе морозном.

Как пред иконою, стою
перед родным оконным светом.
Угробив молодость свою,
я больше слёз не лью об этом.

О, что ты делала со мной,
душа, подобная нарыву...
Но вышел прочь кровавый гной,
и отошёл я от обрыва.

Выздоровленье мне суля,
мигают звёздочек подковки.
Стыдят вороны в тополях
меня за мысли о верёвке.

Как хорошо идти зимой
в тепле домашнем на поправку,
не ждать награды никакой
и ни на что не делать ставку.

Покой безоблачного дня
ко мне в объятия свалился:
бес, видно, юркнул из меня,
а ангел, видимо, вселился.

Не молод я, но и не стар,
и дурь проходит понемногу.
Я ощущать по-детски стал
себя родной кровинкой Бога.

Дмитрий Иващенко

* * *

Я из тех, кто от жизни
не ждёт и не требует много.
Да волна накатила — и хочется поговорить.
Не песок золотой —
я лишь супесь в ладони у Бога,
и мои осыпаются лунные календари.

Я из тех, кто родительский кров
очень скоро покинул
и судьбу не хватал
за её материнский подол.
А дороги мои — серпантином —
вели на чужбину.
Хорошо, где нас нет.
Я подковы своей не нашёл.

Я сходил с людьми —
ими же был предаваем.
Это стало мне знаком
и добрым уроком, увы.
Одиночество наше
скользит по кольцу на трамвае.
Да с ветвей наших ветром
сдувается пена листвы.

Наши дни-близнецы
наступают друг другу на пятки.
То ли снег, то ли пух тополиный —
не всё ли равно.

Иващенко Дмитрий Анатольевич, поэт (род. в 1967 г. в г. Железногорске-Илимском Иркутской обл.). Автор книг: *На ветру* (Иркутск, 2006); *Встречи и разлуки* (Иркутск, 2010); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

Здесь нервишки ни к чёрту
и камень за пазухой спрятан.
Здесь угрюмо глядит
в паутине решёток окно.

Что почём — я вчера
для себя на вопросы ответил.
С наших крыш проливной
по трубе водосточной стекал.
Я глаза окунал
в иорданские воды Завета
да лужёною глоткой
садился на горький стакан.

Надо просто пахать
до седьмого, до горького пота —
не за мяса кусок,
чтобы время хоть как-то убить.
Я из тех, кто сегодня
с презрением зовётся пехота.
Я из тех, кто сегодня
подох от вселенской любви.

* * *

Тишина.
И пульс часов настенных.
Стрелки зачеркнули цифру пять.
За окном — гигантские антенны
с облаками медными стоят.
Тает синева пустынных улиц
и белеют гольфы тополей.
В проводах провисших навернулись
утренние слёзы фонарей.
Дно двора.
У мусорного бака
шарится старушка с рюкзаком,
серая пугливая собака,
выжидая, бегаёт кругом.

А на перекрёстке, где моргает
светофора выпученный глаз,
мерный грохот первого трамвая
короба стеклянные растряс.

* * *

Здесь все, молодой и старый,
пашут — за милый мой.
Вручную — кряхтячим паром —
взяли бетон большой.
Отхаркиваем мокроту
иотираем пот.
Под краном, где грязь да грохот,
вдатый стропаль орёт.
Гружёный «зилок» стаккато
выдал и вновь застрял...
Работа у нас такая, —
каждый квартал — аврал.
Но как бы ни было трудно,
знаем наверняка,
что хлеб наших чёрных будней —
стимул для мужика.
Бетон и монтаж консолей
переведём в рубли.
Земеля, покурим, что ли?..
Мозоли ладонь прожгли.

* * *

Ночной грозы промчала колесница —
сверкая саблей, в уши хохоча...
Земля побагровевшая лоснится,
как свежая печать из сургуча.
Рассвет скользнул по крышам
и по лужам.

Гляди же — расплывается восток
под солнцем бледно-розовым,
припухшим,
похожим на девический сосок.
Крик петуха погнал фургоны с хлебом.
На тротуарах брызнули, звеня,
в пронзительно синеющее небо
зелёные фонтаны — тополя.
И вот уже занялся птичий клирос,
черёмухи вскипает молоко...
И кажется — душа твоя омылась:
и дышится, и мыслится легко.

* * *

Уж над лесом закат буравит
терракотовую штробу...
Самосвалы ссыпают гравий,
и бульдозеры грунт гребут.
Здесь прокладываем дорогу.
Торсы голые.
Пыль да пот.
В перекур бывший зек Серёга
байку лагерную загнёт.
За спиной — километры трассы.
Сколько их ещё впереди!
А сосняк, от заката красный,
сердце грубое бередит.
Мы в асфальт закатаем дали —
будет память о них легка...
Да в стихах моих оседают
пылью пепельные облака.

* * *

Где бульвар стекленеет глазами
поседелых в ночи фонарей,
чёрный клён на обочине замер

и безлистой душой постарел.
Для него этот сумрак свинцов
и воздушная хлябь беспросветна, —
хлопья мокрого снега в лицо
да порывы холодного ветра.
А в больнице,
 чьи стены напротив,
кто-то в жёлтой палате не спит:
то в окне зарешённом бродит,
то на чёрные ветки глядит.

* * *

Сгорели на кострах бадана
твои сомнения и хандра...
По склонам —

стелются ветра

и снег искритсЯ первозданный.
Где в расстоянии на выстрел
пестрят альпийские луга,
по горловине каменистой
стекает каплей кабарга.

До Селенги от Култука,
над хлябью скалами ощерясь,
хамардабанские ущелья
засыпают облака.

Поток воздушный перламутров.
Мир на ладони распростёрт:
в лиловых чащах лесотундры
застыло золото озёр.

* * *

Ты яблоками пахнешь и травой.
А мне — как дар —
оберегать досталось
лебяжий пух дыханья твоего
и наших встреч нечаянную радость.

Ты говоришь:

— Дойти бы так до края,
держа друг друга, чтоб не расплескать,
а то, что мы когда-то умираем,
всего лишь быть из ветра и песка...

Наталья Камышова

* * *

Я была далеко впереди
Самых смелых твоих ожиданий.
Кто-то белый шептал мне: «Иди,
Восприми чашу слёз и страданий!..
Затаившись в светёлке одна,
Не гадай, он владыка ли, раб ли,
Осуши чашу скорби до дна,
Чтоб ему не досталось ни капли».

Проводы

Падет от страны твоя тысяща,
и тьма одесную тебе, к тебе же
не приблизится...

Псалом 90

«Сбереги себя для меня!» —
Я тебя провожаю в бой
И целую стремя коня,
Чтоб не слышать истошный вой
Голосящих по-вдовьи жён,
Хоронящих живых мужей;
Вижу только глаза икон
И детей, зачатых уже...

Расточатся твои враги!
Я тебя под сердцем ношу.

Камышова Наталья Александровна, поэтесса (род. в 1975 г в г. Иркутске).
Автор книг: *Шаги за дверью* (Иркутск, 2006); *На светлой половине* (Иркутск, 2009);
публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

На погосте живых могил
Ни за что не заголошу!

* * *

Берегу негасимое пламя,
Поясные поклоны творю, —
На древке заполощется знамя,
Жаркий горн заиграет зарю.

Заторопятся пчёлы за взятком,
Алым светом забрезжит весна;
Моя память-бобылка, солдатка
Не уснёт до последнего сна.

* * *

Мой мир расколот пополам —
На до и после смерти,
И лист не падает к ногам,
А тонет в круговерти.

Во всём живом я вижу тлен —
Изъян больного зренья.
Я душу дам, а что взамен?
Неужто Воскресенье?

Живая плоть оденет кость,
И дух в сосуд вселится?
И снова — боль, и смерть, и злость...
О чём тут веселиться?

Не лучше ль встать и в ночь уйти,
И не искать рассвета?
Помилуй, Спасе, и прости,
И дай хотя бы это!

* * *

Выживания задрана планка,
Высоту эту многим не взять.
Нынче даже малейшая ранка
Может язвой гноящейся стать!

Кто нам меряет меру такую?
Воля неба? Людской произвол?
Я о Боге теперь не толкую,
А впрягаюсь в телегу, как вол.

Поначалу дурю и брыкаюсь,
Тяготясь сыромятной вожжой,
А потом, как Россия, смиряюсь
Над дымящейся чёрной межой...

* * *

Полетай, ручной мой сокол!
Что тебе сидеть в тени?
Солнца пламенное око
Освещает наши дни.

Посмотри, на чёрной пашне
Дружно всходят зелены!
Мне с тобой не будет страшно,
Позови с собой меня!

И, как воин перед битвой,
Прах — ко праху наклонясь,
Я молюсь такой молитвой,
Что сильнее — сильных — нас.

* * *

Солнце моё незакатное,
Месяц ты мой с поволокою!
Поле пройти перекатное —
Песню пропеть одинокую.

Жито из спелого колоса
Полною мерой отмерялось,
Будем мы петь на два голоса —
Вдруг безоглядно поверилось.

* * *

Нет никакой золотой середины:
Чёрное — белое, круг и квадрат,
Древо, прогнившее до сердцевины,
И на бесплодной лозе — виноград.

Всё относительно, всё эфемерно,
Жизнь — это только улыбка во сне;
Я сомневаюсь во всём и, наверно,
Даже Творец не уверен во мне!

Снова подобие лепит из глины
Очередной хамоватый кумир...
Нет никакой золотой середины!
Если отыщется — кончится мир!

* * *

Простор, свобода! Я взлетаю птицей.
Куда лететь? Не всё ли мне равно!
Румяная и смелая зарница
В высоком небе встала на крыло.

Здесь весело уснуть и не проснуться;
Здесь вольный ветер первобытно дик,
И облака ленивые пасутся
На тучных пастбищах совсем иных владык.

В торжественное небо окунуться!
Лететь в ночи сверкающей звездой!..
Но знаю: мне захочется вернуться
В растрёпанное бурями гнездо.

Игорь Клошар

Полнолуние

Голос музыки тихой и дикой,
Белый танец при полной Луне.
Окровавился столик гвоздикой,
Догорает свеча на окне.

Пьяным сердцем мы чувствуем точно
Отражение небесной земли.
Ядовитые кактусы сочно
На тяжёлом шкафу зацвели.

В эту ночь мир не может быть грубым,
Боль молчит за окном золотым.
Из убитых зверей наши шубы,
Тлен и ложь — со стихами листы.

За влюблённостью — тягостны страсти.
Несломимое это кольцо
Да не стиснет желанием счастья,
Чтобы сердце не рвалось на части,
Видя утром — чужое лицо.

Кай

«Оставь меня, глупая Герда,
Над Вечности битым стеклом» —
Язык говорит.
В горле — ком.

Клошар Игорь (Зубарев Олег Николаевич), поэт (род. в 1973 г. в пос. Половина Иркутской обл.) Автор книг: *Отражение в осколках* (Иркутск, 2003); *Долгие зимние вечера внутри собаки* (Иркутск, 2006); *Сон разума* (Санкт-Петербург, 2008). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Равно господином и смердом
Я стал для своей же мечты:
Мечты о покое и маске —
Такой,
Чтобы, спрятавшись в сказке,
Не чують своей пустоты.

Змеиное сердце

Змеиное сердце холодное
Синеет в ночных фонарях.
Морскою травой инородною
Гнию на чужих якорях.

Проснувшийся ночью от холода,
Я чувствую призрачный свет —
Сон мира проклятья и голода
Умом претворяется в бред.

Нанёс только мути и дичи я
На жизни узорчик кривой.
Храни от неё, безразличие —
Змеиного сердца покой.

* * *

Желтоватый, как старческий ноготь,
Месяц горбится в небе чужом.
Я от жизни хочу слишком много.
Оттого — не прошу ни о чём.

По обилию мух на плафонах
Я узнал о приходе весны.
Что столица, трамвай, телефоны?
Это глупости, мифы и сны.

Мир кончается за поворотом,
Повернёшь — за другим поворотом
Намечается вновь поворот...

То же самое там, оттого-то
Ни к чему выходить за порог.

* * *

Не носи любовь на блюде
И проклятым не зови —
Сердце вольное не будет
Жертвой злобы и любви.

Я стою на перекрёстке
И в глазах лелею грусть,
А на вечные вопросы
Отвечаю — «Ну и пусть».

Пусть ложится снег на крыши,
Улыбаются цветы...
Моё сердце не услышит,
Как его оставишь ты.

Я вздохну и позабуду
Всю тебя, какая есть.
На ладони, ясном чуде,
Линий жизненных не счесть.

* * *

Чужие окна обнажённые
Изгоям кажутся теплом.
Шепните, губы напряжённые,
Что губ иных мы не найдём.

Лишь отраженья суетливые
Пьют чай за стёклами зимы.

Вера Козарь

Ветла

В деревне этой спит луна
В оставленном дворе.
И поселилась тишина
В собачьей конуре.
Коты ночами не орут.
И стен у дома нет.
Остался лишь один маршрут
На карте старых лет.
От сокращения сельских школ
И пустоты земель
Калитка вжалась в частокол
И сорвалась с петель.

И в землю все ушли за ней —
И люди, и дела.
Остались — дверь среди дождей
Да голая ветла.

Россия

От императорского жезла
До небольшого лапотка
Ты вся теперь во мне воскресла
Светла, возвышенна, легка.

Козарь Вера (Дядькина Вера Николаевна), поэтесса (род. в 1960 г. в г. Махачкале, Дагестан). Автор книг: *Пробуждение* (Усть-Кут, 2004); *Дом* (Усть-Кут, 2005); *Сила внешней воды* (Иркутск, 2004); *Дорога* (Усть-Кут, 2006). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Но нет тебе на свете места —
Куда ступить твоей ноге?
Вокруг чужие королевства,
Как будто камни в пироге.
И дух и плоть развращены.
И лишь восходят единицы
Искать пристанище столицы
Среди московской тишины.

Не помнит прежнего названья
Своей разрушенной страны
Народ, растерзанный незнанием
Своей великой глубины.

А я ищу простое место —
Куда сойти тебе, Невеста?

Анна Ахматова

Когда она вошла, живая,
Вот в эту комнату мою,
На стенах тень качнулась, зная,
Что я за шторой стою.

Во все глаза ей вслед глядела.
Дышать — предательство. Замри.
Она рукою свет задела
И завернулась в шаль зари.

Потом шагнула к книжной полке.
Вся уподобившись лучу,
Среди страниц исчезла... Только
Забыла погасить свечу.

* * *

Покорилась сухая горячая степь
Проливным небесам, светлой влаге земной.

Мой цветок у окна распрямился, окреп.
Скука вечной тоски миновала его.

Миновала меня неземная тропа,
Уносящая к ветру сухую листву.
Покорила земля. Приняла звездопад.
Заблудилась луна на пустынном мосту.

По седым волосам прошлогодней звезды
Заскользили жучки. Опрокинулась синь.
На протянутой ветке рассвет новизны
Распахнул лепестки первозданной Руси.

* * *

Золотые таёжные розы
Разбросал по опушкам июнь...
Сквозь тревожные тёплые грозы
Пробивалась с тоской Гамаюн.

Пригибала мифическим ветром,
Задевала бутоны крылом.
И за тучи ушла без ответа,
Одарив на прощанье теплом...

Увядают от знойного духа
И теряют свои лепестки
Золотые молчуны округи —
Огнерыжие розы — жарки.

* * *

И всё живей, стремительней и строже
Взлетают в небо храмов купола.
И отступает бледное безбожье
За горизонт, где затаилась мгла.

Как не понять великого значенья
Господней изначальной чистоты!
Среди икон и благостного чтенья
Хранит Господь бессмертия цветы.

* * *

Прошедший день был прост и пуст,
В нём слышался бумаги хруст.

А на бумаге — свет, слова
И тонких веток тетива.

И сонмом листьев и цветов
Летел в лицо сплошной поток.

И от зари — вдоль всей земли —
Луга малиново цвели.

И в той заре, в прошедшем дне,
Мелькали коршуны в окне.

И тек весёлый разговор
В пространство речек и озёр.

Вплетал мой поезд ленты встреч
В косу, спадающую с плеч

Девчонки, пьющей свежий чай,
Которую придут встречать.

И эту длинную косу
Они с собою унесут.

А поезд дальше будет течь,
Сплетать потоки новых встреч.

Он всем покоя не даёт,
Бесплатно встречи раздаёт.

* * *

Зашнурованы ботинки.
В петли втянуты ремни.
Петухи поют «Калинку»,
Пригибаясь до земли.

Бьёт поклон козёл бодатый.
У плетня верблюды горбатый
Упоительно жуёт.
А мальчишки самокаты
Выгоняют из ворот!

Вот была пора какая.
Босонога и хитра.
А теперь грачи листают
Голубые вечера.

Подросли другие дети.
Ничего прекрасней нет:
Вспоминать о новом лете
Среди сотен новых лет.

* * *

Дожди нужны, и засухи, и лёд.
Всему черёд, всему свой слух и зренье.
А счастье в тарелке не растёт,
А славится — добытое из кремня.

Мои луга свежи и зелены,
Круты стога и радостны покосы.
Как много сил у матушки-зимы —
Копить снега, чтоб в вёснах были росы.

В лесах — грибов невидимый патруль.
В полях рыжеют пашни для озимых.
Сын тракториста крепко держит руль.
И скот бредёт в полях необозримых.

Крепка ты, Русь. Щедро, как никогда.
Уводишь прочь жестоких и ленивых.
Твои поля прекрасны, как всегда.
И радостны проснувшиеся нивы.

* * *

Писали мне письма осенние листья,
И шли телеграммы от первых скворцов.
А я всё бродила по темени мгlistой
И в строчках искала своё же лицо.

Забыла о тех, кто доверил мне кисти
И краски рассветов, и силу цветов.
И горы нетронутых выгнутых листьев
Сменила на пачки тетрадных листов.

Зачем же пытаться сложить из обрывков
Всё то, что даётся всегда целиком:
Холодная осень. Простая улыбка.
Гусиная стая. Кувшин с молоком.

* * *

Сплетались колечки, круги и сердечки.
Вода шевелилась, притихли сомы.
Прозрачные блики сиреневой речки
Летели в объятья распаханной тьмы.

Мне снились домов серебристые крыши.
И звёзд разноцветных сиянье и блеск,
И вкус незрелых и вяжущих вишен,
И дальний колющий таинственный лес.

Кавказ мой, дымящийся в памяти сердца.
И дом мой, давно уж не мой и не наш.
И детство, оставив калитку и сенцы,
Ведёт меня вновь на знакомый этаж.

Дитя темноты и сияний волшебных,
Жила я в преддверии чуда всегда.
Хотела добра и любви совершенной,
Какая б вокруг ни стояла беда.

Мой стол у окна. И кровать с мелкой сеткой.
Провалы болезней со вкусом хурмы.
И вечная дружба с тетрадкой в клетку,
И речка, бегущая к сердцу из тьмы.

Сергей Корбут

* * *

Все дороги, которые я выбирал,
Непреренно вливались в одну.
И какую бы карту я в руки ни брал,
Находил только эту страну.

Я в мечтах возносился в высокую высь,
Но опять, как по мёртвой петле,
Все подъёмы кончались обрывами вниз,
И встречали меня на земле
Тот же путь, тот же дом, тот же мир, тот же лад,
От которых я рвался уйти.
И тогда я решил, что дорогой назад
Можно далее достичь впереди...

Я теперь без конца возвращаюсь домой,
В паутине путей заплутав.
И встречают меня: дом — как будто не мой,
И отчизна — как будто не та.

Заколдованный круг, колдовское кольцо,
Колокольцев магический звон...
Ветер с дальних гольцов пахнет снежной пылью
Даже в летний полуденный зной.
Я и дома тоскую по дому теперь
(Кто там ходит, по снегу скрипя?)
Не увидеть бы только в открытую дверь
Потерявшего время — себя...

Корбут Сергей Владимирович, поэт (род. в 1956 г. в г. Камень-Каширский, Украина). Автор книг: *На грани возможного* (Иркутск, 1993: *Стихи по кругу. Вып. 2*); *Все стихи* (Иркутск, 2005); публикаций в коллект. сб., периодике. Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

* * *

Вот мы так долго, так долго, так долго жили...
 Мы совершили так много, так много, так много зла,
 Что накопилось его на земле, как пыли —
 По дорогам, по крышам, по плитусам, по углам.

Да, сейчас за пазухой подлости не несём мы.
 Просто идём да идём себе по планете с тобой, пыля,
 Но в песок превращаются чернозёмы
 Под шагами, и, как от подземных взрывов, гудит земля.

Долго жили, да долго ли жить нам ещё осталось?
 Почему-то нас это с тобой не давит, не тяготит.
 Растворяет тревогу в себе усталость:
 Будь что будет — земля не выдаст, Господь простит.

Кажется, что мы просто идём, но ведь мы уходим,
 Чтобы в том убедиться, закрой глаза, досчитай до ста.
 Каждой твари по паре на пароходе,
 Но на этот раз ему просто некуда будет пристать.

* * *

Золу костра смело порывом ветра,
 И угольки зажглись мерцаньем звёзд.
 Но ветер стих — мерцание померкло...
 Уймись, восторг. Не возвращайся, злость.

Порыв души воспламеняет угли
 Угасших чувств, невозвратимых встреч.
 И памяти заботливые слуги
 Ненужный хлам стараются сберечь.

Уймись, душа, химерами не потчуй,
 Реальных звёзд достаточно вполне,
 Когда на воду ляжешь навзничь ночью,
 И смотришь ввысь, качаясь на волне,

Уже не чуешь, где вода, где воздух,
Где верх, где низ — плывёшь или летишь,
Со всех сторон поблёскивают звёзды,
Со всех сторон объемлет душу тишь...

Но здесь, во тьме таёжной, всё иначе.
Помедлив у погасшего костра,
Легко понять, что ничего не значит
Желание продолжить путь с утра.

* * *

Мир открыт для любви
и пронизан любовью, как светом.
Обнажи свою душу (снимая, как с тела, покровы
Недоверия, страха и гнева) любовью ответной,
Невзирая на то, что условия жизни суровы.
Обнажи свою душу любовью ответной, и вскоре
Ощутишь, что едины и чувства, и мысли, и тело,
Что в тебе, словно в капле, несущей сознание моря,
Всё его существо изначально светилось и пело.

* * *

После пыток сердечных и паток,
расточаемых внешней гульбой,
тихо-тихо, как осень в распадок,
пробирается в душу любовь.

Лишь пронзительней ясная просинь
там, где пламень листвы горячей...
Ветер пригоршню золота бросил
дозвенеть в родниковом ключе

и затих. Никому не известно,
что за дни наперёд суждены.
Примеряет мониста невеста
перед зеркалом полной луны.

Плод запретный всё менее сладок.
Всё прозрачней заветная даль.
Тихо-тихо, как осень в распадок,
пробирается в сердце печаль.

Так любовью просвечены души,
так печалью сердца смущены,
что уже ничего не разрушит
половодье минувшей весны.

* * *

Выцветает ковёр разнотравья,
Столь разительно яркий вчера.
Но зато золотыми кострами
Разгораются вечера.
И холодные звёздные ночи
Всё отчётливей пахнут ледком,
Всё настойчивей зиму пророчат...
Но пока до неё далеко,
И в полуденной тёплой отраде
Забывается холод ночей.
Выцветает ковёр разнотравья.
Но грустить-то об этом зачем?!
Пусть сердца не расстанутся с летом
И напомнят нам даже в пургу,
Как в обнимку под яростным светом
Мы лежали на этом лугу.

* * *

Хочу продлить рассвет или закат —
Велосипед беру и мчу на запад,
Вплетает ветерок в полынный запах
Тончайшей дымки света аромат.

Как зрима пыль в невидимом луче,
Так время ощутимо в дымке этой.

Закатной — ближе аромат свечей,
Дымок костра таёжного — рассветной.

И там, и тут живая плоть огня —
Насыщенное временем дыханье.
Рожденье дня и угасанье дня —
О Творчестве Творца напоминанье.

Пока хватает сил, на запад мчусь,
Как будто нахожусь внутри мгновенья,
Скользящего по первому лучу
Недостижимым даром вдохновенья.

Потом качу тихонечко назад,
Украденное время возвращаю.
Лицом усмешку солнца ощущаю,
Или спиной — надменной ночи взгляд.

Владимир Корнилов

* * *

Веками слыл превыше ценностей
На поте выращенный хлеб.
...И всё же вирус праздной лености
Закрался в души и окреп...
И там, где сеяли озимые,
Цвела гречиха, зрела рожь, —
Теперь поля необозримые
Позаросли бурьяном сплошь.
...Ужель крестьянское радение,
Что к нам от прадедов дошло, —
Настигло общее затмение,
Порушив русское село?..
...Но память злой недуг тот вызывает —
Вернёт из обмороков нас.
На пашнях снова колос вызреет.
И слышим станет божий глас.

В августе

Какое согласие в Природе —
Умиротворения дух?!
Недаром у нас в огороде
Расцвёл в эту пору лопух.

Корнилов Владимир Васильевич, поэт (род. в 1947 г. в с. Октябрьском Челябинской обл.) Автор книг: *Я всегда удивляться буду* (Иркутск, 1984); *Лирический полдень* (Иркутск, 1990); *Наедине с сердцем* (Иркутск, 1993); *Я в Сибирь навек командирован* (Братск, 1997); *Верю, боль моя в храмы войдёт* (Иркутск, 2004); *Родниковый мёд* (М., 2003: *Истоки*); *Отпусти на волю музыку души* (М., 2009) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

...Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плуг...
Но в августе гордое семя —
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растением, —
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист.
...И пасынок жизни суровой —
Земли горемычная соль —
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

Барышня осень

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река.
...Барышня, нам не до осени:
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечите, —
Если ещё зелены
Сопки на всём междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей.
...Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных вьюг.
Ими ещё не налётаны
Первые стёжки на юг.
Это приснился Вам давнишний
В золоте весь окоём?
...Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своём?

В сентябре

Не встречал я осенью нигде
 Красочней и трепетней картин:
 Лучезарен каждый божий день
 С серебристой дрожью паутин.
 Золотые свечи сентября
 Придают торжественность лесам.
 Всякий миг такой боготворя, —
 Свой восторг дарил я небесам.
 ...Храм осенний светел и велик —
 Благодатью Вышней сотворён.
 Как прекрасен он и огнелик,
 Солнцем осиян со всех сторон!..
 Чуть поодаль купола церквей
 С ярко-жёлтым пламенем берёз —
 Это образ Родины моей —
 Дорог мне и памятен до слёз.

* * *

Остывает душа у поэта —
 Всё мрачней и безрадостней сны.
 Не пьянят её запахи лета,
 Ни цветущие зори весны.
 ...Вот и женщина мнится иначе —
 Не сгорающей в страстном огне:
 Тот напиток хмельной и горячий —
 Он всё реже вскипает во мне...
 Видно сердце сполна отлюбило
 И, сгорев, превратилось в труху.
 Но ведь помню, как душу знобило!
 Как безумства дарил я стиху!
 ...Может, это всему передышка —
 Осмысленье судьбы и грехов —
 И в душе оказалось не слишком
 Новых сил для бессмертных стихов?

* * *

Жизнь моя, не заблудись в дороге...

Владимир Добин

Жизнь моя, не заблудись в дороге...
А случится — духом не робей!
Чтоб в часы нахлынувшей тревоги
Ты прошла с достоинством по ней!..
Путь к душе постигнешь ты не сразу:
Сколь дорог судьба с тобой сроднит?!
...Радуйся весне зеленоглазой,
Жаворонку, взмывшему в зенит!..
У судьбы не клянчи снисхожденья,
Лёгких троп у Бога не проси!
...Все познай невзгоды и сомненья
На дорогах матушки-Руси!

Русский говорок

Зимним утром — снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком,
И, вливаясь в зарево проспектов,
Потекут безудержной рекой,
Тут порою — не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской...
Кто-то обожжётся грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

Зимняя элегия

Восхищаться перестали мы:
Словно плёнкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых

Нынче ёлочки стоят...
Русь зимой щедра подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...
Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор! —
И берёзок шали белые
Озарят твой мрачный взор.
Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия, —
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

Пасхальные стихи

Молясь светозарным иконам,
Воскресшего славя Христа,
С пасхальным малиновым звоном
Слились православных уста.
...Бессмертную жизнь воспевая
В соборах святыми людьми,
Ликуй, моя Русь горевая! —
Обретшего в муках прими!

* * *

Вся жизнь наша в поисках смысла,
Чтоб стать и мудрей, и сильней.
А возраст — абстрактные числа —
Цифири в сумятице дней...
И как бы нас бури ни гнули,
И кто бы ни правил страной, —
Мы солнышку рады в июле
И звонким капелям весной.
...Прямой иль тернистой дорогой
Очерчены дни бытия —

Зависит, пожалуй, от Бога,
Но каждому — доля своя...
Пусть рай мы в глаза не видали,
Не всякий был сыт и одет, —
Но русской души не п р о д а л и
Ни я, ни отец мой, ни дед...
И мы не искали бессмертья:
Нам ближе земные дела.
Но в вечной людской круговерти —
Нам компасом совесть была.
...И как бы нас бури ни гнули,
Ни грабил страну олигарх, —
Весёлые песни июля
Звучат на родных берегах.

Василий Костромин

* * *

Здесь нету убитых, здесь без вести нету пропавших,
Здесь красная глина с зелёной травой как нижний этаж.
Предав свои корни, потом по дешёвке продашь их...
Бесстрастен, как скальпель, гранённый судьбой карандаш.

Движение вспять начинается чёрным обрывом.
Движение в обход — новогодней от звёзд полыньёй.
Ветра, как и прежде, владеют сосною по гривам,
И снег под ногами скрипит, словно перед войной.

* * *

Давнишней непогоды лёд
Земного брошенного утра.
Среди речного перламутра
Берцовой дудочки полёт.

Опять забытые столы.
Под инеем — клеёнка листьев.
Свет одевает в шубы лисьи
Леса — на краешке скалы.

* * *

Обычная цена: и зрячий, и слепой
Нащупывают дно в невиданном просторе.

Костромин Василий Юрьевич, поэт (род. в 1956 г. в г. Вихоревка Иркутской обл.). Автор книги стихов *Произносила золото оса* (Иркутск, 2002); многих публикаций в коллект. сб., периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Какая тишина отпущена судьбой —
Земным веретеном — узнает каждый вскоре.
У мёртвых и живых в откованном ноже,
В молитвах колесу — не достигаешь истин.
От капель дождевых светлее на душе,
И ветрено в лесу не облетевшим листьям.

* * *

Для чего здесь была дорога
От реки до скалистых гряд?
Нынче — в ветках трещит сорока,
Рядом — рысьи глаза горят.

Где дожди размывали в глине
Отпечатки людских шагов —
Серебристые волны полыни,
Облепиховый свет жарков.

Жили дружно, хоть небогато —
На дороге один стою.
Так глуха тишины громада,
Что я слышу лишь кровь свою.

* * *

У ночного костра среди леса
Меж лопаток заныла спина —
Освещённых деревьев стена
Вдруг лишилась привычного веса.

Ни еды, ни питья — только воздух
И возможность дышать и глядеть.
Слишком рано, чтоб птицей лететь,
Чтобы зверем ползти — слишком поздно.

* * *

Всё дальше быстрая река
И тени рыб на дне,
И грозовые облака
В распахнутом окне.

А здесь — есть снег, и есть костры,
И русские, и Русь...
Но нравы здешние быстры
И навевают грусть.
Волною отраженье звёзд
Вдоль берега гоня,
Здесь тысячи безлюдных вёрст
До ближнего огня...

Письмо отправил на восток
Встречь солнцу человек.
Жизнь уложив в один листок,
В безмолвных строчек бег.

* * *

Разлетелись листья, словно дети.
В завтрашнем дожде не счесть каратов.
По стволам ружья гуляет ветер.
Годы — волчьи шкуры на оградах.

Дни — забытый запах каравая.
Жизнь — тоска осенняя по вёснам.
Ночь — уход со службы в звон трамвая.
Словно край земли под небом звёздным.

* * *

Как зверь, теряющий берлогу,
Встречаю солнце каждый день.
В созвездьях — пепел деревень.

В подъезде — крошево порога.
Над толщей каменной воды
Шумят реликтовые рощи...
О времени, где люди проще,
Расскажут листья лебеды.

* * *

От гальки рек, бегущих вдаль,
До искр, летящих к звёздам,
Тропинку превращает в сталь
Мир, что когда-то создан.

За осенью зима пришла,
Весна вернула лето.
Берёста душу обожгла,
А пальцы — сигарета.

* * *

Ночью тепло у случайной печи.
Пламя гудит и клокочет,
Словно печник уложил кирпичи
На заполярные ночи.
Кануло в Лету моё бытие.
В косточках выросли травы.
Воздух — колючее наше питьё
У ледяной переправы.

Юрий Кочура

Венчанье

Осень рождает слякоть —
Время сердцу болеть.
Хочется тихо плакать
И о былом жалеть.

Женщина смотрит робко —
Прежней любви укор.
От поцелуя — знобко.
Слышен церковный хор.

Ладана дух печальный,
Строгость немых икон,
Трепет души венчальный —
Божий царит закон.

Рябина

Прохлада веет ночью длинной,
И росы на заре.
Одна печальная рябина
Цветёт на пустыре.
И никого под небом рядом,
И в мире ни души,
Кто обласкал бы нежным взглядом,
Взгрустнул в тиши.
Совсем одна на целом свете —
Под солнцем и в дожди.

Кочура Юрий Семёнович, поэт (род. в 1950 г. в Туркмении). Автор книг: *Листопад* (Иркутск, 1996); *Эхо любви* (Иркутск, 1998); *Странник* (Иркутск, 1999); *О любимой* (Иркутск, 2001); *Исповедь* (Иркутск, 2003); *Луговина* (Иркутск, 2005). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

И только лишь бродяга-ветер
Ей шепчет «жди».
Я повстречался с той рябиной
Однажды по весне...
И память долгою кручиной
Живёт во мне.

Блужданье

Поезда ровный бег.
Скрою печаль свою.
Там, за окошком, снег
Чуть серебрит хвою.

Мчусь от своей судьбы
Или навстречу к ней —
В сумраке долгих дней
Страсти, потерь мольбы.

Где же он — верный путь?
Тяжко от частых бед.
В тёмном туннеле пусть
Искрой забрезжит свет.

Моё село

Далеко, за зеленью лесов,
За седой вершиною отрога,
Средь полей и малых деревень
К милой хате пролегла дорога.

Там, в тени рассохшихся плетней,
Млеет тишь в полуденной истоме.
Вспоминая славные деньки,
Я грущу о старом добром доме.

В полутьме заголосит петух,
Разбудив предутреннюю дрему.

Пробежит весёлый ветерок,
Разбросает по двору солому.

Затрепещет солнца луч в росе,
Заиграет пухом тополиным.
Разольётся эхо над селом,
Поднятое криком журавлиным.

Я помню

Д. Ч.

Я помню розовую даль —
Туда река любви катилась,
Когда внезапная беда,
Вдруг появившись, воплотилась.

И нет любви, померкла даль.
Лишь осень с мокрыми ветрами.
И жёлтый лист в оконной раме.
И в сердце долгая печаль.

Октябрь

Н. К.

Наверно, Бог мне подарил тебя,
Молитвы страстные в ночи внимая.
И ты живёшь, так искренне любя,
Какой уж есть, такого принимая.

Придёт зима, поделим на двоих
И этот смех, и этот синий вечер.
Молитва улетает с губ моих
Как благодарность Господу за вечность.

Ты шепчешь мне желанные слова,
Целуешь жаром пышущие губы.

Твоя любовь, как этот снег, нова,
Ты воскресишь меня или погубишь.

Любви слова

Любви слова, любви слова!
Какая сладкая истома...
Кружится счастьем голова,
Сирени цвет манит из дома...

Люблю тебя, люблю тебя!
И одурев от поцелуя,
Весь мир восторженно любя,
В святую даль молитву шлю я.

О Боже мой! О Боже мой!
Ты много дал и дашь, я верю.
И навсегда я только твой,
Молю: открой мне в вечность двери!

* * *

Славлю Господа за муки
И за радости меж них!
За восторг, что дарят звуки,
За рождённый в муках стих.

Воздаю хвалу в тенетах
И на воле, в свете дня,
Воспою в словах и нотах —
Не оставь, молю, меня.

Надежда Кудашкина

* * *

Как хорошо из родника напиться;
Испачкаться ромашковой пыльцой,
Медовым ароматом насладиться
И каждому цветку взглянуть в лицо.
Увидеть, как проклюнется подснежник,
Взорвутся почки клёнов поутру,
И от жарков затеплится валежник,
И цапли, глядя в озеро, замрут...
Какое счастье на Земле родиться!
Мы — мудрецы, но хватит ли ума
у «Красных книг» не добавлять страницы.
И не печатать новые тома?

* * *

Гнёзд стрижиных считаю горошины,
А на берегу этом крутом
Всё грустит, сединой припорошенный,
Мной предательски брошенный дом.
Здесь о хлебе забота извечная,
Здесь весной от черёмух бело.
И красивое имя — Заречное —
Носит исстари это село...
Город мой — суета бесконечная.
Убежать бы в заветную тишь,

Кудашкина Надежда Николаевна, поэтесса (род. в 1934 г. в г. Сталинске, ныне Новокузнецк, Кемеровской обл.). Автор книг: *На судьбу я не в обиде* (Иркутск, 1993; *Стихи по кругу. Вып. 2*); *Предзимье* (Иркутск, 1994); *Я — мишень* (Иркутск, 2005); *Мир — это сказка* (Иркутск, 2010) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Но боюсь: ты, степное Заречное,
Мне измены былой не простишь.

* * *

Ну, вот и снова осень началась.
В окошко мама смотрит на дорогу
И ждёт, когда, оставив все дела,
Я вновь приеду к отчему порогу.
Здесь всё моё. Отсюда даль светла,
Здесь всё в душе переплелось и спелось:
Поникшая над омутом ветла,
И ягоды живительная спелость,
И лиственницы факел золотой,
И речка, опечаленная рябью,
И тракторный надсадный бас густой
Над свежевспаханною зябью.

* * *

А вдруг поглотит солнце липкий смог,
И день погаснет, не успев родиться?
Вдруг всё живое взрывом свалит с ног,
И шар земной в обломки превратится?
Загаданные сны не досмотреть
И не дослушать песен недопетых,
Не смочь ни долюбить, ни догореть,
Ни воскресить закаты и рассветы.
Берёзового сока не испить.
И виноватых — некому винить.

* * *

Бьют в окошко слезинки дождя,
И летят телеграммы навстречу.

Я, с ума потихоньку сходя,
 На прощальный твой взгляд не отвечу.
 Метят путь верстовые столбы.
 Неужели тебе непонятно:
 У моей своенравной судьбы
 Нет билетов — туда и обратно.

* * *

Думала, прошло и отболело,
 Что в костре — лишь серая зола,
 И следы твои позёмкой белой
 Вьюга-злыдня прочно замела.
 Не ждала, что встретиться придётся,
 Что при встрече, как в былые дни,
 Сердце вдруг беспомощно забьётся
 Пойманным зайчишкою в груди.
 Нам бы друг на друга наглядеться,
 Нам бы век вот так — глаза в глаза.
 Нам допеть бы начатую песню,
 Всё, что не досказано, сказать.
 Но, огонь не выпустив наружу,
 Окна не решились мы открыть:
 Пусть дотла сгорим, но знаем — нужно
 Всех, живущих рядом, не спалить.

* * *

Подарю на прощанье
 Морю горсть серебра.
 И совсем не случайно
 Я сегодня щедра:
 Загадаю желанье
 Для себя для одной
 И назначу свиданье
 С черноморской волной.
 За дары мои, море,
 В синей даль-стороне

Ты когда-нибудь вспомни,
Погрусти обо мне.
Через все расстояния
Уловлю твою грусть
И к тебе на свиданье
Неприменно вернусь.

* * *

Жизнь свою легко переиначить —
Много вариантов у судьбы.
Но переиначить — это значит
Что-то разлюбить и позабыть.
Я могу смириться и поверить
Даже в неизбежность перемен,
Только обошли б меня потери,
Только бы не встретилось измен.
Дай мне силы верить в постоянство
И не доведись друзей терять...
Можно бесконечно изменяться,
Но себе не надо изменять.

* * *

Стынут ноженьки босы —
Ветер северный лют.
По колено берёзы
По сугробам бредут.
Промороженный воздух
Звенит поутру.
Развеваются косы
На колючем ветру.
Им бегом бы рвануться, —
Да снега не дают.

Им от сна бы очнуться, —
Соловьи не поют.
Потерпите, берёзы,
Не навечно — мороз.
Будут вешние грёзы.
Будет радость до слёз!

* * *

Неосторожные ромашки
К дороге близко подошли.
Стоят ромашки-замарашки
В грязи дорожной и в пыли.
Не их вина — кому-то надо
И у обочины расти.
Они не требуют награды,
Обидно только — не в чести.
На них никто гадать не станет...
Но ветер налетит сквозной,
Но ливень долгожданный грянет, —
Вновь засверкают белизной!

Сентябрь. Предместье

В сентябре медлительных уже стрекоз
можно было ловить руками...

Детское воспоминание

Пора ловить стрекоз,
сбирать плодов остатки,
сушить на солнце лук,
в кострах сжигать листву.
Сиянье стылых звёзд,
ледок поутру в кадке...
Простых событий круг
я в спешке не порву.

Дом детства моего.
Всё реже я с годами —
к тебе, хоть погостить.
Но яблоня-дичок
одарит — не грусти! —
невзрачными плодами.
Так терпко в них сладит —
от заморозков — сок!

Мы с сыном жжём костёр.
Дымок над огородом...
Достану круглый лёд
из бочки во дворе.
Быть может, сын поймёт,
как часть самой природы,

Кузьминский Олег Петрович, поэт (род. в 1951 г. в г. Иркутске). Автор книг: *Предместье в сентябре* (Иркутск, 1986: *Бригада*); *Стихи, начатые вчера* (Иркутск, 1990: *Стихи по кругу. Вып. 1*); *Набросок автопортрета* (Иркутск, 1992); *Ограда* (Иркутск, 2002). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

как речку или лес, —
предместье в сентябре?

К чему через года
спешить нам без оглядки?
Вглядись в волшебный свет,
наивный новичок:
пора ловить стрекоз,
сбирать плодов остатки...
Черёмуха. Ранет.
Боярышник. Дичок.

Мелодия

Вымучиванье строк.
А где-то по соседству —
Заучиванье гамм и телеговорок.
Поёт, бормочет жизнь,
Смычком ведёт по сердцу,
сумятицей звонков
вступает на порог.

Кто выдумал мотив?
Не ведаю, не знаю.
То ветер, то трамвай,
То тенькает капель.
Ты только никуда
Не пропади, сквозная,
Мой хлеб, моя судьба.
И песенка в толпе.

Таракан

В ту эпоху застоя, застолья ли,
светлым целям верны,
помню, раньше на кухне спорили
мы о судьбах страны.

Завивали горе верёвочкой,
споры лили в стакан.
А с буфета глядел с издёвочкой
друг семьи — таракан.

Было, было... Эпоха гласности!
Лёгким взмахом флажка
мы допущены в безопасности
к молотью языка.

Языки и мозги опухли. И,
словно в тягостном сне,
вся Россия огромной кухнею
вдруг привиделась мне!

Там кричим мы со светлыми мыслями,
вправо-влево громя,
подымая дымы коромыслами
и посудой гремя...

Неуклонно и неуступчиво,
по низам, по верхам!
А на корочке усом задумчиво
шевелит таракан!..

Millenium

Подбить баланс, пожалуй, не успеть.
И я вдруг замечаю удивлённым взглядом:
последний листопад тысячелетия
перемешался с первым снегопадом.

Хлам светло-охровый покрыл притихший двор.
Листва шуршит ещё и тихий снег летает
под наш сиюминутный разговор:
«А этот снег ещё, наверно, стает...»

Снега легли. Окончен листопад.
Окончен век, миллениум, эпоха.

А листья... Листья снова полетят,
и будет всё, наверное, неплохо...

И что же за приверженность, октись,
к столетиям, эпохам, эрам, датам?
Рискнуть, пожалуй, мерять дальше жизнь
дождями, листопадом, снегопадом

(«Куда с добром!», — как говорил отец),
делами, встречами, очередной утратой,
докупкой зимней шапки, наконец,
как беспримерной календарной датой.

Прощай, прощай, последний листопад,
заснеженный компост тысячелетия.
Под бормотанье как-то невпопад:
«Подбить баланс, пожалуй, не успеть...»

Ширпотреб

Что ж, признаюсь, вырастал на ширпотребе,
под заезженные танго радиолы,
на обычном магазинном сером хлебе,
на учебниках обычной средней школы.

К репродукциям привык, а не к полотнам.
Репродуктор был мне ближе, чем рояль.
И в дорожном клубе тенор мимолётный
мимо, мимо уносил свою печаль.

Мне высокого искусства не хватало.
Всё бреду к нему по тонкому лучу...
С простоватой хитрецей провинциала
в тонком споре с умным видом промолчу.

Так с великим бы срослись душой и кожей,
как с вещами мы сживаемся подчас.
Лишь бы люди вечно были не похожи
на шаблоны, на плакаты. И на нас...

В пыльном чреве деревянного сарая
греюсь радостью усталого ума.
Легкокрылые открытки разбирая
как шедевры и рисунка, и письма...

* * *

Я останусь в долгу
у великой российской словесности.
А она этот долг не заметит —
у ней до фи́га
и долгов, и шелков,
и трагедий, и драм, и безвестности.
Но плывёт сквозь века её флот,
и вдали не видны берега.

Я бы мог, я б хотел
к несказа́нному или неска́занному
небывалое что-то добавить
или скрижаль.
И она позволяет
со словом играть безнаказанно.
Только вот проигравших
ей, в сущности, вовсе не жаль.

Ночные стихи

Анатолию Кобенкову

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...

Не могу я придумать ни ласточки, ни соловья.
И в стихи их не вставлю, пока не представлю воочию.
И пока не услышу музыку бытия-жития,
за случайной строкой возникает одно многоточие...

И опять я в ночи повторяю чужие стихи,
И они меня лечат
надёжнее «но-шпы» и валерианы.
Там в степи за звездой Вифлеемской
бредут пастухи.
Колобродит сирень, бредит скрипка
и сходит с ума фортепьяно.
Растворяется ночь, словно в мир отворяется дверь,
и загадкой полна, — вдохновенье, наитие, чудо?
За фрамугой окна
тонкий месяц куда-то уходит покуда,
Что лет двести назад, что две тысячи лет, что теперь...

Русская сила

В. Г. Распутину

В синеве золотых потоков,
Освятив тишину окрест,
Между западом и востоком
Православный высится крест.

Над великой моей Россией
До последних поставлен лет.
Нету силы пред Русской Силой,
Нету мглы, что осилит свет!

Синь земная живым потоком
К занебесной течёт воде.
Там — над западом и востоком —
Государство русских людей,

Там живые наши Святые
Основали новую Русь,
Люди там живут золотые,
Сонмы их я считать не берусь,

Наши воины там полками
Перед новой битвой стоят,
Их знамёна парят над нами,
Их молитвы в нас говорят!

Кушелев Игорь Иванович, поэт (род. в 1952 г. в г. Гомеле, Белоруссия). Автор книги стихов *Русская сила* (Иркутск, 2008); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Доброволец

Когда вручают автомат,
И ты его почти ласкаешь,
В душе таинственность такая,
Как будто чьей-то смерти рад.

Но только твой наступит бой,
Вдохнешь внезапно смерти пряность —
И сразу пропадает радость
От власти стали боевой...

Я знаю шёпоты войны,
Её таинственную силу.
Меня за нею уносило
На самый край моей страны.

Я на войне увидел смерть.
Там были ясные жилища.
Она жила на пепелище,
На гильзах натирала медь.

Она взглянула мне в глаза —
И пули пролетели рядом,
И рухнул я под мёртвым взглядом,
Померкла неба бирюза.

И на краю среди огня
В окопе глубиной с могилу
Взмолил я: «Господи, помилуй!»
И Он помиловал меня...

Я на войне остался весь.
Там было всё честней и чище.
Я стал другим у пепелища.
Молился там. Не то, что здесь!

Душа зовёт меня назад,
И я уйду по доброй воле...
Спокойно ждёт мой доброволец,
Холодный в смазке автомат.

Предзимье

Осенние ветра — дыхание народа,
В них увяданья дух порывами разлит,
На вскопанных к зиме пустынных огородах
Сливается оно с дыханием земли.

В поленищах дрова просохшие белеют,
В хмельной траве стогов последний бродит мёд,
Шипучая река, на валунах мелея,
От кромок берегов отламывает лёд...

Осенние ветра, над крышами сменяясь,
Оставшийся народ считают по дымам.
Струится синева, с моей землёй сливаясь,
Великая любовь хранится по домам!

И грустно, и светло. И высоко над нами.
И в душах, и в сердцах — осенняя пора.
О, Русская земля! Ужель ты за холмами?
Уносят русский плач осенние ветра!..

Осенние ветра планируют на спуске,
Холодный льётся дух, и словно крепнет плоть.
Останется один на всей планете русский —
И сохранит её до времени Господь!

И купола церковей оглаживая плавно,
Осенние ветра кружат у наших мест.
Церковный хор поёт, и мальчик православный
Впервые на себя накладывает крест.

Последний полк

Пропадает русское, уходит...
Ну и что? Всё вечное — в пути.
Солнце снова выйдет на восходе,
Чтобы вновь на западе зайти.

Что же делать? Я ещё не знаю,
Но уже на древках слышен шёлк —
Собирает сторона родная
Может быть, последний самый полк.

Вместе с ним пойду в поход горячий,
Про свои вопросы промолчу,
И в бою коротком и незрячем
Я ответ свинцовый получу.

И уйдут, меня оставив, цепи,
И наступит холод ледяной,
И взлетит душа, и не зацепит
Ни одной слезинки дождевой!

А Россия?.. Воды в древних руслах
Молча отражают Божий взгляд.
На земле несчастной души русских
По одной пред Богом предстоят.

Весенний пал

Трава горит, и запахи весны
О прожитой войне напоминают...
Что мы должны и что мы не должны,
Сегодня я всё лучше понимаю.

Что мы смогли и что мы не смогли,
Ответят приднестровские окопы —
В прокопах ниже уровня земли
Протопаны особенные тропы.

Там жизнь была похожа на любовь,
В которой нет придуманных идиллий.
На уровне отеческих гробов
Стояли насмерть мы и победили!

Но все расстались после той войны,
И почему — я до сих пор не знаю...

Трава горит, и запахи весны
О том огне опять напоминают,

Как будто вновь пришла её пора,
И небо снова развернуло знамя.
Весна! Она и здесь, и у Днестра,
И в Сербии, не защищённой нами...

Мои ребята, вы всегда со мной.
Холодный ветер горький дым уносит.
Мы соберёмся как-нибудь весной,
Когда огнями сухостои косят.

Ведь жизнь проста, когда идёшь «на вы»,
И слишком усложнять её не стоит:
Лишь чиркнул спичкой у сухой травы —
И фронт огня пошёл по сухостою!

Надежды

Плывут облака кучевые,
Желая всю землю обнять...
Надежды мои кочевые,
Куда вы зовёте опять?

Всегда высоки и могучи,
Всегда с бирюзою в глазах —
Сомкнётесь в тяжёлые тучи
И снова уйдёте в слезах.

А!.. Ляжет на сердце досада,
Стегнёт беспощадная плеть!
Но выплеснет сердце осадок —
И чистая вызвенит медь.

Издумаюсь ночью до стона,
И вдруг надо мной не спеша
Почти колокольного звона
Поднимется к небу душа,

И я запою от полёта
В красивых моих облаках,
И боязно спрячется что-то,
Живущее в чёрных зрачках.

Зовите, надежды, зовите,
Родные, без вас я умру.
За дальние дали летите
На самом высоком ветру!

Парусник

Одинокий парусник луны
Лёг на гребне облачной волны,
Замерли живые небеса,
Слушают земные голоса.

Вместе со щемящей тишиной
Слышится, наверное, и мой,
Надо мною где-то он парит —
Господа за всё благодарит.

Владимир Максимов

Белые стихи

На белом свете — белая зима...
И в белое укутаны дома.
И город мой, как белый пароход,
Куда-то в чёрном космосе плывёт.

А белый и пушистый чистый снег
Кружит себе... Танцует человек
С пушистой ёлкою, один, под фонарём,
Мечтая с кем-то танцевать вдвоём.

И я ловлю губами этот снег —
Он здесь на время только — не на век,
Как все мы с вами, добрые друзья.
Но тем подобных не касаюсь я...

А ветер вдруг надует паруса
Тугой завесы белой! Чудеса
В такой буран должны происходить.
А с ними так чудесно всем нам жить.

Наташе

Если б это в моей было власти,
Я б отвёл от тебя все напасти,

Максимов Владимир Павлович, прозаик, поэт (род. в 1948 г. в пос. Кутулик Аларского р-на Иркутской обл.). Автор книг прозы: *Морозный поцелуй* (1998); *Формула красоты* (Иркутск, 1998); *В то лето* (Иркутск, 2004); *Не оглядываясь назад* (Иркутск, 2005); *Предчувствие чудес* (Иркутск, 2008); *Куда всё это исчезает* (Иркутск, 2010); поэтич. сб.: *Парижская тетрадь* (Иркутск, 1996); *Сестра моя осень* (Иркутск, 1999); *Памяти солнечный зайчик* (Иркутск, 2007) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

От печалей, несчастий — избавил,
Жизнь в спокойное русло направил.
И творил для тебя только счастье!
Если б это в моей было власти...

Если б это в моей было воле —
Ты играла бы первые роли
В том театре, что жизнью зовётся.
Может, так оно и обернётся?

А пока в моей воле и власти —
Быть с тобою в любые ненастья,
Сочинив тебе сказку о счастье:
Где любовь, как и жизнь — бесконечна,
Где Фортуна — смела и беспечна,
Где в пути нас Господь не оставит
И к спокойной юдоли направит.

По дороге из Иркутска в Ангарск

Всё кажется — ещё не начал жить
И с другом не делил ещё удачу.
Но друга нет. О нём я тихо плачу.
И с ним мне больше не поговорить.

А так мечталось крылья обрести
И ввысь подняться высокó-высоко!
Как холодно, тревожно, одиноко.
И губы шепчут позднее: «Прости»...

* * *

Собрав осколки прожитого дня,
Я из несчастий выкрою удачу.
Как было в детстве, я уже не плачу.
Лишь вы не отрекайтесь от меня.

И на моём лоскутном полотне,
Пусть красок серых,
 чёрных — меньше будет.
А добрых слов, улыбок —
 пусть прибудет.
Чтоб все мы были счастливы вполне.

Переиначив прожитые дни,
Я соберу всё лучшее в ладошку.
И больше не обижу даже кошку.
Зелёным светом мне, судьба, мигни!

И там, на склоне завтрашнего дня,
Я ни о чём пускай не пожалею.
Душой и сердцем не окаменею,
И не предаст там пусть никто меня.

* * *

«Всё пройдёт. Пройдёт и это...»
Фраза эта для поэта
Лишь безделица, лишь миф.
А поэт — он, как Сизиф.

Долго катит «камень» свой
В гору, к Вечности живой,
И не думает, не ждёт,
Что сорвётся камень тот.

Но другой его подхватит,
Тяжкий камень вверх покатит,
Веря в дар свой, веря в труд.
Да, поэты так живут!

* * *

И опять мне зимы не хватило.
Этих плавных сугробов и вьюг.

Будто мимо промчался мой дальний,
Мой весёлый и преданный друг.

И средь синего этого марта
Мне припомнится ветер и снег
И кружение бледных снежинок,
И позёмки стремительный бег.

Одинокий фонарь. Бег метели.
Снег то быстро кружит, то парит.
И тревожный декабрьский ветер,
Что спокойно сквозь годы летит.

Фиолетовых сумерек время...
Жёлтый свет из окна. Стол накрыт!
И у зеркала женщина в красном
На себя так печально глядит.

Тарас Манганов

* * *

Не опускай стыдливо взоры,
Излишней робостью дыша:
В том никакого нет позора, —
Так обнажается душа.

Когда без желчи самомнения,
Возможно, не без суеты,
В полузабытое волнение
Мой крепкий дух повергла ты.

Когда без цели обладания,
Быть может, раз за целый век,
Забыв и «титулы», и «звания»,
Воспрянул я, как Человек.

Метаморфоза

Чиста и холодна, как снег,
Сияешь белизной.
Не ведаешь иных утех,
Судьбы иной.

Запели вешние ветра,
Зардели щеки.
Слетела робости чадра
В мгновенье ока.

Манганов Тарас Танганович, поэт; пишет на русск. и бурят. яз. (род. в 1950 г. в улусе Хандагай Баяндаевского р-на Иркутской обл.). Автор книги *Обретения и потери* (Иркутск, 2008); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Журчит твой беспричинный смех
В тиши ночной.
Ты словно таешь вся,
 как снег
 весной...

* * *

Бесплотным духом первый снег ложится.
И торжествует дух мой во плоти:
— Над головою целый мир кружится,
Неуловимо гаснущий в пути! —

С теплом земли не в силах справиться,
Снежинки исчезают без следа.
Так юные строптивые красавицы
В любви земной сгорают иногда.

$$\text{CoH}$$

Вновь я детство своё вспоминаю:
Вижу бодрых ребят на снегу,
Слышу шум ручейков...
И не знаю,
Что осталось на том берегу.

Только вижу крутые вершины,
Детство красит их в розовый цвет,
Ниже — зелень просторной долины,
Что хранит моей верности след.

Тропы первой любви...
Самой нежной,
Самой чистой и самой простой,
Самой девственной, самой безбрежной,
Самой краткой, как сон золотой.

Первые сапоги

Не спеша, подтянув голенища,
Не желая сидеть на мели,
Ты выходишь в своих сапожищах,
Необузданный житель Земли.

И ручей говорливый, и лужи
Бесконечное чудо творят:
То залиvisto просятся в душу,
То себя молчаливо таят.

Зачарованный далью и светом,
Вдруг ты падаешь вниз головой
Прямо в лужу волшебную эту,
Чтоб достать небосвод голубой.

Раздумья

Я ль виноват, что поздно я родился?
Что дед — не я — ровесник Октября,
Что без меня над нашей степью взвился
Желанный день, ликуя и горя?!

Что мы за этот день не умирали,
Не воскресали в памяти живых...
Что только беззаботно продолжаем
Дела и судьбы жизненные их.

Письмо из деревни

А. Горбунову

Ну и что из того, что живу не в Иркутске,
Что и прадед, и дед проживали в селе,
Что читать и писать я учился на русском,
Что все думы мои о родимой земле?!

Что с тех памятных пор, как отец, умирая,
Полоснул по вискам побелевшей рукой,
И улыбка его, беззащитно-чужая,
Стала самой понятной и дорогой,

Что в любую эпоху есть люди нужнее,
Что найдутся всегда поважнее дела.
Мы к вещам изначальным приходим позднее,
Каким бы зигзагом нас жизнь ни гнала.

Какие бы истины мы ни знавали,
Какое бы чувство ни трогало нас,
По-своему мы предаёмся печали,
Изведав любви неподатливый час.

Какие бы бури в пути ни встречали,
Какая б позёмка кругом ни мела,
Каким-то чутьём мы всегда отличали
Свой собственный след...
И — была ни была!

* * *

Земля, земля, земелюшка, земляца,
Ты для меня, как чудо из чудес.
В аулах, кишлаках, корчме или в станице
К тебе у всех единый интерес.

В период ледниковой одиссеи,
Теплом, любовью, жизнью не скупясь,
Простейшие, как труд, как хлеб, идеи
Ты открывала каждому из нас.

В период бурь, сумятицы — солдатка,
Ты до сих пор, как любящая мать,
Стараяешься, чтоб был у нас достаток,
Чтоб мы могли друг друга понимать.

Чтоб свежий ветерок открытых споров
Достиг и самых дальних деревень,

Чтоб стал я, наконец, твоей опорой,
Как истинный земли абориген.

* * *

Спасибо за горестный вечер.
За всё понимающий взгляд.
За то, что прощальные речи
Уже ничего не сулят.

Природа и человек

Ты, Земля, для меня — как подарок.
Как святилище помыслов, дел.
Вероятность беречь от ударов —
Неизменный, реальный удел.

Эту тягу к тебе понимаю
И горжусь: в тебе есть и была
Всемогущая сила земная,
Человека она родила.

Эта сила рождалась веками,
Умирала. И снова жила.
Наконец, опираясь руками,
Она голову вверх подняла.

Навсегда поражённая мыслью,
Что в конце облекалась в слова,
В голубые, бездонные выси
Устремляла свои кружева.

Животворное тянется к свету.
Да и я на своём корабле
Облетаю другие планеты,
Так как крепко стою на земле.

Пунктиры судьбы

Поверила (Невестушка? Вдова?)
В его войной скреплённые слова.
Полуживой, седеющий субъект —
Слепого счастья редкостный билет.

Приданое. Из мебели — скамья.
Родных и близких плотная семья.
За хрупкий мир привычка быть в ответе,
Тех горьких лет седеющие дети.

Дугой промеж опущенных бровей
Легли дороги взрослых сыновей.
В край дутых форм, навязчивых моделей
Сорвавшихся с насиженных земель.
От внуков — в век высоких скоростей! —
Готова ждать и ждать...
Хотя б вестей.

Бабушка

Вереница шальных ребятишек.
Невысокий трамплин под горой.
Кто-то жутко лихачится: «Слышишь,
Тебя бабушка кличет домой?!»

И, к великому смеху и горю,
Вдалеке, суетливо спеша,
Появляется бабушка вскоре,
До кровинки родная душа.

Ту лыжню замело, заровняло.
Да и санных дорог не сыскать.
Ведь давно уже бабушкой стала
И моя седовласая мать.

Санний след — неплохая примета.
Ох, как короток день световой!

А ребята смеются над кем-то:
«Тебя бабушка кличет домой...»

* * *

Ильюше...

Не чуя возможностей внука,
В объятиях стиснутый дед
Семейного счастья науку
Вдыхает на старости лет.

Высокого древа росточек,
Посланец к далёким векам,
Являя живучести почерк,
Трепещет в корявых руках.

Любви животворное чадо,
Надежды и веры родник
Весомой, заветной наградой
К родимому сердцу приник.

Татьяна Миронова

* * *

Ночь, луна, дорогая белая,
Звёздный купол до земли.
Где я, Господи, что делаю
От привычного вдали?

Так глядят вокруг спросонок,
Силясь сущее понять.
Как потерянный ребёнок,
Я готова закричать.

Закричу, но нет ответа —
Всё объято мёртвым сном.
Словно я за гранью света,
В мире странном и чужом.

Тишина такая плотная,
Ско-вы-ва-ет тишина.
И минуты доля сотая
Нескончаемо длинна.

Облако

Из облака ветер ваял, что хотел —
То старец на землю с неба глядел
И скорбно седую качал головой.
То маленький мальчик прозрачной рукой
Ловил пролетающих мимо стрижей.
Беспечный, летящий, мальчик ничей...

Миронова Татьяна Геннадьевна, поэтесса (род. в 1955 г. в г. Балхаше, Казахстан). Автор книг: *Мой дом* (Иркутск, 1988); *На близость твою уповая* (Иркутск, 1994); *И увижу сон я золотой* (Иркутск, 2001); *Лепестки* (Иркутск, 2003). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Но в это мгновенье меня отвлекли —
Навстречу мне, за руки взявшись, шли
Старец и мальчик, сошедшие с неба.
Сказала бы я, что похоже на небыль
Пришествие это, когда б не видала,
Как облако тенью от них отлетало.

Перед храмом

Между сосенок зелёных
Свет и тень узоры ткут.
У церковных стен белёных
Одуванчики растут.

Травка стелется атласно,
Огибая старый пенёк.
Русый мальчик смотрит ясно —
Солнечный, как этот день.

Он стоит пред белым храмом,
Не решается войти.
У него нет папы с мамой,
Бабушке нет сил идти.

— Говорят, там Богородица
Помогает хворым сим. —
Неумело малый молится:
— Тяжело нам жить одним...

Так душа стремится к Богу,
Что не ведает дитя —
Сам собой нашёл дорогу
К церкви, бабушку любя.

Где-то горлинка воркует,
И сияют купола.
Не помянем Бога все,
Это всё его дела.

В глуши

Поле, словно полотнище.
Куст обдёрганный, как нищий
Пленник страждущей глуши.

Только время и пространство.
Нет и малого убранства
Для блуждающей души.

Тишина тоской повита.
К небу намертво прибита
Леса тёмная резьба.

Облака молчат надрывно.
Одиноко и призывно
Светит издали изба.

Ничья изба

Это было ни днём и ни ночью.
Мне привиделось словно воочью,
как мужик невеликого роста
избу поднял легко и просто.

Он держал за конёк избу,
отряхая кругом городьбу.
Изумился затее невольной,
увидав избяные корни.

Сотню лет простояла изба.
Не одна в ней роилась судьба.
Чтобы крепче стоять — на века —
подпирала себе бока.

Корни в землю пустила она.
А когда осталась одна,
поиссохли корни её.
Ветер в окна свистел: чьё жильё?

Чьё жильё — всё пытал он своё,
Только ставни скрипели — ничьё.

Меланхолия

За околицей вселенной,
погляжу, другая вьётся.
Учащенно сердце бьётся.
Жизнь покажется мгновенной.

Что мои лета для толщи
времени, пространства сгустка!
Погляжу, и станет грустно —
разум пятится и ропщет.

И зачем такая мука.
Я вернусь в родные рощи,
где яснее всё и проще
в ритме запаха и звука.

Но во сне, когда не властна
надо мной моя же воля,
мировым шагаю полем,
к тщетной жизни безучастна.

Полынь

Из каких глубинных снов
Вечности полынью пахнет?
Девочка присядет, ахнет
Над горчайшим из кустов.

Что напомним запах ей,
Отчего она заплачет
И полынь в кармашек спрячет
До других, весёлых дней.

* * *

Мне говорят с улыбкой:
— Твоими бы устами...
Но я всё не устану
Над миром, как над зыбкой,
Склоняться до зари,
Глядеть заворожённо
И плакать упоённо:
Гори, заря, гори!

Крепись, душа, крепись!
Ты в малом радость ищешь.
Не злобный скрежет слышишь,
А как струится жизнь,
И лепет, и дыханье
Животворящих вод,
И как щегол поёт,
Свободный от познания.

Двое

Пусть ветром пахнет занавеска
И ветром юная сирень.
В окне полуночная фреска
И чья-то золотая тень.

Так не бывает — слишком много
Несовпадений с бытиём.
Но кто-то ласково и строго
Следит, чтоб были мы вдвоём.

Светлана Михеева

На палубе

На палубе томление и скука
И гибели грядущей простота.
Скругляет море синие уста
Задумчивые впадины аукать.

Поспело небо — розовый налив.
Ещё не смерклось, а уже светает.
Незрячий глаз задумчиво катает
Луна-Гомер, считая корабли.

Как мы с тобой, нерадостный улов,
Рыбачка пьёт, тихонько подвывая:
О, дивных стран разруха снеговая,
Бесчисленных берёзовых углов!

Они прекрасны, ибо — далеки.
Она — темна, покачивает грудью.
И на неё, разборчивые судьи,
Мерцают влажным глазом рыбаки.

Рыбачка говорит: ещё налей!
И мы плывём под небом силикатным,
Где звёздочки приделаны на клей.

Я отдаю пустоты пиджака
Под бдительное око демиурга.
В карманчике — обмылок языка,
Им говорило горло Петербурга:

Михеева Светлана Анатольевна, поэтесса (род. в 1975 г. в г. Иркутске). Автор книги *Происхождение зеркала* (Иркутск, 2010); многочисленных публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

«Нам смерти нет, пугающий двойник.
 Она пришла и выросла из книг,
 Её позвали — и она явилась.
 И, кажется, когда она пришла,
 неслышным шагом, вдруг, из-за угла
 Сама любовь для нас остановилась.
 И любящий взошёл — и был таков
 Испариной багровых тупиков.
 Вспотевшие от ужаса подвалы
 Прислушивались к треску каблуков.
 Луна считала нас по головам
 И не могла дойти до середины —
 Зерно клевали черные машины,
 Была в цвету летейская трава.
 Но смерти нет. Доверься и молчи.
 Хвалите радость, бедные скитальцы,
 Предчувствуя, как скоро палачи
 Доманикюрят ласковые пальцы...»

Озябшие фонарики звенят,
 Нас впереди не ждёт Константинополь.
 Кораблик наш для моря маловат.

Сойдём на самовольное житьё!
 Скучает дом, скрипит дремучий тополь.
 А смерти нет, я выдумал её.

Концерт в саду

Чёрные губы судьбы в головы нас целовали —
 Словно в озябшем саду тёмные смоквы срывали.

Эти не велено рвать, эти нальются горячим,
 Так наполняется плоть вечным, бессильным, незрячим.

Разве не чувствуешь, как что-то качается слева.
 Грушам совсем тяжело, словно беременным девам.

Ноша и нам велика, чтобы с такою обняться —
 Мы называемся здесь: светлые зёрна акаций.

Гостем войти, а уйти выдохом почвы и ветра.
Высажен радужный сад славной рукой геометра,

Сферы звучат и звенят на голоса упований,
Тянется влажный выюнок, светлый цветок расставаний,

Нежный бесцветный немой рот Прозерпины
Бабочкой гладит ночной женские спины.

Двери и деревья

Верь мне, небо, смеющееся во тьме:
Тихо, робко движется мир к зиме,
Звяк звучит посуда в моём доме,
Я не хозяйка голосу своему.

Я не хозяйка голоду моему.
Лестниц топот, шёпот, сестру, куму,
Родственника, что незнамо пришёл и сел —
чья-то гибель, а чей-то смешной сосед —
Жду. Ну, сосед, проходи. Чаю? или вино?
Ты приходи ко мне, но не приходи за мной.

Двери смотрят и ждут, скрипом пугают сны.
Дерево ветер поёт. Мама печёт блины.
Был у меня один незнакомый отец —
Где-то один живёт в истинной темноте.
Был у меня один мимо ушедший друг —
Нынче между камней мечет метель икру.
Двери во мне живут, всяк о себе скрипит:
Что-то баском храпит, что-то дитём сопит.
Вязнет во скрипах сих золото, тень травы,
Голос пустой, душа лопнувшей тетивы.
Голод корней и глад,
съевший дотла листву.
Дерево вверх живёт,
Так же и я живу.

* * *

Еду в дом, чужой и голый.
Небеса над ним шумят.
Вдоль — спешат холмы и доли
Мрачной стайкой докторят.

Вдоль — покатые пустыни
Ни лица на них, ни зги,
И пропитан рыхлый иней
Сладким запахом пурги.

Россыпь звёздного горошка
Освещает поворот:
Зимняя сороконожка
Ловит хвостик меж болот.

Долго тянутся беседы
В поездах под Рождество...
Ну, куда, куда я еду,
Уезжаю от чего?

Память женскую отшибло,
А была она долга —
Что-то близкое погребло
От предчувствия врага.
Что-то нужное завяло,
Как оборван маков цвет.
Обернёшься — всё сначала,
Никого в помине нет.
Ходит тополя густого
Раздобревшая нога,
Да под утро, в полшестого,
Светят слабые снега.
Полустанка белый слоник
Прячет глаз, и ни ку-ку.
Как назойливый поклонник,
Ветер льнёт к воротнику.

Владимир Монахов

* * *

Полезно сеять хлеб
бесполезно воспевать сев
полезно растить хлеб
бесполезно воспевать рост
полезно жать хлеб
бесполезно воспевать жатву
полезно есть хлеб
бесполезно воспевать процесс еды
.....

Но всё, что посеял, вырастил, сжал, — съели,
а бесполезные песни остались!

Моя соцсреда

Призрак недостатка
Бродит по России...
Евгений Брайчук

Я живу среди людей,
которых не волнует
падение акций на бирже
ценных бумаг, а также
не беспокоит рост цен,

Монахов Владимир Васильевич, поэт, прозаик (род. в 1955 г. в г. Изюме Харьковской обл.). Автор книг: *Правда лица/Завещание пейзажа*: сб. верлибров (Братск, 1993); *Второе пришествие бытия*: сб. верлибров (Иркутск, 1993); *Заросли бесконечного*. По БАСЁнки: сб. русск. хайку (Санкт-Петербург, 1996); *Инакомыслящий глагол*. Стихобразии: сб. эксперимент. поэзии (Санкт-Петербург, 2000); *Вымысел правды*: проза (Санкт-Петербург, 2000); *Путешественник*: сб. верлибров (Иркутск, 2001); *Время повзрослело*: сб. стихов, верлибров и одностиший (Братск, 2010) и др. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

но они вздрагивают и поёживаются,
когда слышат от диктора московского
радио об очередном неурожае картофеля
и неуклонном повышении стоимости
булки чёрного хлеба... Только при этих
цифрах у людей, среди которых
я продолжаю жить, сжимается сердце,
а душа уходит в пятки,
где от долгого хождения
за хлебом насущным её
растаптывают в кровь.

Подросток Савенко. 1962

В сокращении

Он страстно желал и
Неустанно мечтал, чтобы все его любили.
Тогда он перерезал себе вены и умер.
На его похороны собрались люди,
Которые рыдали навзрыд.
<...>

А он лежал в гробу и с любопытством
Лицезрел, как все бескорыстно любят мёртвого
И впервые ощутил камнем сердца счастье вождя:
Все тебя любят, а ты не любишь никого!

* * *

Детей опрашивают в саду:
кем хотите стать, когда вырастете?
Потянулись кверху ручонки,
зашумели наперегонки:
генералом, лётчиком,
космонавтом, артисткой,
продавцом мороженого.

И только один мальчик
тихо-тихо прошептал:
«С-ума-сшедшим...»

Дети рассмеялись.
Взрослые многозначительно
переглянулись. Разве объяснишь
этим карьеристам и их пособникам,
что слышал мальчик среди ночи,
как мама нежно называла папу
«сумасшедшим»... А мальчику
уже не хватает в жизни таких
трепетных слов.

* * *

В школе хотел стать героем.
— Хорошо бы война, — говорил на уроках истории, —
Будут доблести и подвиги!
— А если убьют? — возмущалась учительница истории.
— Герои не умирают, — отвечал как урок.
Учительница возмущалась,
называла меня милитаристом.
И мне это имя нравилось.
Я ещё не знал, что можно просто сочинять стихи,
Которые станет петь вся страна,
И с их помощью стать доблестным героем.

«Вставай, страна огромная!»
.....
«Хотят ли русские войны?!»
.....
«Этот день Победы порохом пропах...»

Но всё-таки
для хороших песен
нужна сначала
великая
победоносная
война...

Из книги небытия

...раскаялся Господь
что создал человека на земле
и сказал Господь
истреблю с лица земли человеков
которых я сотворил

.....

шесть смертей тому назад
на второй мировой войне
погиб смертью храбрых
мой дед Андрей
пять смертей тому назад
в эпоху хрущёвской оттепели
совсем молодым умер
мой отец Василий
четыре смерти тому назад
в безвременье брежневского застоя
скоропостижно скончалась
моя мама Люба
три смерти тому назад
накануне чернобыльской трагедии
отправилась в мир иной
моя бабушка Феня
две смерти тому назад
в нулевые годы нового века
оставила меня жена Ирина

Не думай обо мне, о смерть моя!
О смерть моя, не думай обо мне!

а ещё сказал Господь
вы все — будущее того света.

* * *

Когда я умру —
патологоанатом вскроет грудную клетку
и удивится — моё сердце ещё сильнее любит тебя.

Но я ничего не возьму с собой на тот свет, любимая!
Даже стихи о тебе. Но ты не спеши за мной...
Разве только захочешь
узнать, что я пишу тебе после жизни
на семь нот тишины
и тридцать две буквомысли русского молчания.

Всего-то три слова из словарного запаса —
«Я тебя люблю!» — которые я говорил многим женщинам,
но только так научился любить
одну-единственную — тебя.

Артём Морс

* * *

Вот идёт река,
ты говоришь «пока»,
я смотрю тебе вслед,
меркнет закатный свет,
вспыхивают фонари,
а на асфальте смотри —
тяжела и легка
тень мотылька.

* * *

Бывают дни свободные, без стен,
как перестук колёс — зевота, скука,
дремотной тишины приятен плен,
воспоминаний караван пройдёт,
и самолёт зовёт тебя в полет,
но вдруг очнёшься — от дверного стука.

Везде любовь — как хлеб или вино,
как в каждом доме нежность есть и небо,
горит в ночи неяркое окно,
стираются названия городов,
но всюду сохраняется любовь,
которая не просит хлеба.

Что будет здесь? Когда-нибудь и мы
покинем этот дом и станем старше,

Морс Артём, поэт (род. в 1982 г. в г. Сосновоборске Красноярского края). Автор книги *Из этого темнеющего сада* (Иркутск, 2006); публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

переведём часы, уедем в Крым,
где наша жизнь войдёт в свои права,
любовь — слова, как море и трава,
и всё это тихонько станет нашим.

* * *

Ходишь с людьми ходишь
каждому что-то скажешь
с каждым поговоришь
так и время проходит
даже время проходит
земля тебя поцелует
вот ты и замолчишь
ты говорил не знаю
многое неизвестно
станет собой пустыня
лес породит туман
клады свои не сыщешь
золота не обнимешь
только грибы и рыбы
лягут к твоим ногам
корень растёт и плачет
камень лежит и верит
воздух стоит и дышит
ходит вокруг вода
ты меня не узнаешь
время пройдёт неслышно
вот растёт земляника
вот растёт лебеда.

* * *

Слова бормочешь ли,
шатаясь праздно
по берегу реки,
или лежишь, бессонницей измучен,
как мы с тобой от сути далеки,

поэт, художник — это только случай,
который нам как божия роса,
который нам репейник в волосах.

Всему своё, и каждому свой путь,
и что-то там про «неисповедимы»,
и мы пытались время обмануть,
пришла зима — мы вроде невредимы.

Что остаётся — только говорить,
пить чай, скучая,
молча слушать ветер,
курить, читать, по комнате бродить,
любить всё то, что есть на этом свете.

* * *

I
Кривая сумерек уткнулась в темноту.
И лес молчит задумчиво и страшно.
Луна мне говорит: я не приду.
Собака с волком спят обнявшись.

Нет ничего, что здесь могло бы быть.
Крадётся время там, по перелеску.
Ночь думает: настало время выть,
и в темноте натягивает леску.

Ты спотыкаешься и падаешь во тьму —
тебя уже не сыщут, не обрящут.
Не вспомнить имени, не сосчитать минут,
ты упакован в тихий тёмный ящик.

Так ночь голодная приходит за тобой.
Она тебя обнимет, не отпустит.
В неё нырнёшь, как в омут, — с головой
и растворишься в слове «пусто».

II

Собака залает, и ветер возьмёт её лай
и будет носить, как ребёнка, качая, качая...
Ну что ты зеваешь, давай просыпайся, встречай
ленивое утро своё на окраине мая.

Ленивое утро, ни кофе не хочется, ни другой ерунды,
начинающей каждое утро.

Грозы ещё не было в этом году, но смотри,
какая роса на траве — это слёзы как будто.

Мне хочется думать, что всё будет именно так
когда-нибудь с кем-нибудь, может, со мной или в детстве,
ребёнок заплачет, роса на траве — это знак
того, что весна на дворе, ну или где-нибудь по соседству.

Татьяна Назарова

* * *

Оставлю дом. Пойду к звезде,
Чтоб с ней всюнощную отплакать.
Разброд, разлад и хмурь везде,
И в душах то же — муть да слякоть.
О, Господи, помилуй нас
И не оставь одних пред страхом.
Россия, ты — иконостас,
Что жаждет вздохов Патриарха.
Когда же звонница души
Возжаждет покаянной песни
И гнев свой праведный свершит
Над нами юный провозвестник?
Россия, ты была со мной,
Не покидай меня, Россия,
Своей бесстрашной новизной
Себя врачуя от бессилья.

* * *

Облюбуеть погост,
Как покинутый пёс,
Побредёшь выживать на погосте.
И в жару и в мороз
И в сиянии гроз
Там усопшие ждут тебя в гости.

Назарова Татьяна Дмитриевна, поэтесса (род. в 1955 г. в г. Зиме Иркутской обл.). Автор книг: *Головокружение* (Иркутск, 1993: *Стихи по кругу. Вып. 2*); *Ты о любви меня не спрашивай* (Иркутск, 1996); *Беспризорная свирель* (Иркутск, 2004); *Приговорённая к весне* (Иркутск, 2007). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Как волнует тебя
Этот вечный покой,
Как тебя он ласкает и ранит.
До свежайшей могилы дотронься рукой —
Кто ушёл так немислимо рано?
Никого нет смиренней
Кладбищенских птиц —
Вот они сели рядом, ручные.
Ничего нет прощальной кладбищенских лиц,
Что мерцают, как звёзды ночные.
Здесь особая жизнь, здесь витают, легки,
Наши души в высотах нетленных.
Но сжимается сердце от древней тоски:
Здесь так много лежит убиенных.
Убиенные здесь и убийцы лежат,
Уравняла всех смертушка злая.
Мы при жизни так любим смотреть на закат,
После смерти рассвет созерцая...
Что нам делать, коль эту юдоль не любить,
Коль отсюда являлось спасенье?
Эта странная жажда и выжить и жить,
Этот день поминальный весенний...
Мне наполните рюмку, я выпью вина,
Помяну всех, и ближних, и дальних.
Перед жизнью и смертью стою я одна
С этой рюмкой победно-печальной.

* * *

Без твоей ненаглядной Любви
Жизнь напрасно сжигаю свою.
Это блажь и бравада, не боле,
Задыханье на самом краю.

Как не выдержит сердце разлуки,
Как начнёт бунтовать да болеть.
Отчего мне любовные муки
Не дано на сей раз одолеть?

Отчего не могу тебе в ножки,
Как подбитая птица, упасть.
А гордячкой хожу по дорожке,
Словно мне и не страшно пропасть.

Без твоей ненаглядной Любви
Мне не выжить на этой земле.
Утомлённое сердце от боли
Догорает, как искра в золе.

* * *

В чёрном теле держу своё тело,
То, которое лилий белей.
Ах, милейшие, что вам за дело,
Кто мне в жизни сегодня милей.
Ах, любезные, время пришло,
И бывшее осталось в былом.
И прикрыто белейшее тело
Адски чёрным судьбинным крылом.

Возвращение

Как будто исчез ты с планеты,
Пришелец нездешних миров,
Ушёл на все стороны света,
Вошёл во всю призрачность снов.
Ты где? Отзовись, я не слышу,
Мне больно смеяться одной.
Лишь вечность бездушная дышит
И тяжело звенит за спиной.
Послушай, ещё раз послушай,
Как рвётся натянуто жизнь,
Как стонут и рушатся души,
Послушай и тут же вернись.
Присядь у родного порога,
Дождись и дождя, и меня.
Как мало нам нужно,

Как много
Страдать до ближайшего дня.

* * *

Помедли, медленное солнце,
Не уходи за окоём,
Смотри, как вспыхивают сосны
В кровавом отблеске твоём.

Смотри, как лес, тобой объятый,
В испуге жарком онемел,
Напоминает об утратах,
Как ты уйти тогда посмел?!

* * *

Неожиданных звуков полна
Эта ночь для меня, оробелой,
Здесь гостила вчера тишина
И качала мой сон чёрно-белый.
А сегодня приснится цветной
Яркий, яростный, знойно-кошмарный,
И расколется мир надо мной,
Как бокал в ресторане шикарном.
И пребудет сознание вины
(Как немыслимо я виновата!)
Оправдания и слёзы смешны
Перед жизнью, идущей к закату!

Другу

Ты вспоминаешь ли меня
Среди сует своих и всплесков?
Я, словно искра от огня,
Исчезну в дымке перелесков.

Я, словно свет седой звезды,
Рассеюсь медленно над миром.
Взойдут безвестные кумиры,
Созреют редкие плоды.
Но никогда не повторится
Из вечности уже ни дня.
Мой друг, в другие глядя лица,
Ты вспоминаешь ли меня?

* * *

Зябнут звёзды над бескрайней далью,
Всё дрожат от холода в ночи.
И блестит колечком обручальным
Тонкий месяц. Сяду у печи,
Вспомню наши встречи ветровые,
Вспомню поцелуи на бегу,
И цветы... дрожащие, нагие,
Те, что ты оставил на снегу...

Виталий Науменко

* * *

Сезон обнаженья в искусстве —
ветвей, механизмов, корней.
Вот Ева стоит возле древа,
и мир одинок перед ней.

Стоит и торжественно смотрит,
как важно пикирует лист
простым треугольником света...
Прозрачна его нагота.

Где зреют плоды символизма?
Куда уплывают плоды,
когда мы трясём это древо
в случайной надежде пустой?..

* * *

Хитро, сложно, только не случайно
вырвется и выйдет ночевать
над твоею baby колыбелью,
над ручной железной строфой.

Если б не с тобою, то иначе
мне б судьба отмерила стишок
и другую песню неудачи,
хоть и на вершок.

Науменко Виталий Владиславович, поэт, критик (род. в 1977 г. в г. Железногорске-Илимском Иркутской обл.). Автор книг стихов: *Бессвязное молчание* (Иркутск, 2000); *Присутствие* (Иркутск, 2001); *Юноша в пальто* (М., 2011); критических статей в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Всё во мне перевернётся снова,
всех я позову и назову,
даже тех, кто голоса живого
не подпустит в эту синеву.

* * *

Памяти Поплавского

Уходит на небо Борис Юлианыч,
Летят дирижабли тридцатого года,
И кажется, будто прошедшие за ночь
Дожди изменили состав кислорода.

Так жадно в разбавленном небе Парижа
Не рыбы, а рыбины жабрами дышат,
А ниже — прохожие музыку слышат,
Трубач с трубочистом выходят на крышу.

Вода проникает в строение света,
Смывает оранжевый цвет черепицы,
Лети, мой корабль, подгоняемый ветром,
Хотя тебе некуда торопиться.

* * *

Бурятки поправляют прядки
от гастронома в двух шагах,
на ослепительных руках
сияют белые перчатки.
Играют листья в беспорядке
на просветлённых деревьях.

Преодолеваю гул небес,
листва шумит и смотрит в лес,
мигая, двигаясь, струясь,
а где-то рядом я стою,
дивясь тому, как с миром связь
вскружила голову мою.

Александр Никифоров

Баллада о сыне боярском Мартыне Васильеве «со товарищи»

Глухоманью коварной,
Не переча судьбе,
Шёл Мартын «со товарищи»
По сибирской тайге.
Вологодский молчальник,
Атаман-удалец
С полусотней пищальников
К молодцу — молодец.
Где водой, где по берегу
Без дорог и без троп.
Он искал не Америку —
Бережок под острог.
И надыбал, упрямец,
Место нужное — вот!
Скалы Лены румянились
В чистом зеркале вод.
Осенив крестным знаменьем
Верхоленский угор,
Буркнул он: «Дело знакомое».
И достал свой топор.
Неторопко, со строгостью
Помолясь, казаки
Зверовали и строили
Возле Лены-реки
На века, по-особому,
Как велел им Мартын,

Никифоров Александр Георгиевич, поэт, прозаик (род. в 1944 г. в г. Черногорске Красноярского края). Автор книг: *Подснежные ягоды: стихи* (Якутск, 1982); *Узник любви: стихи* (Качуг, 1990); *Крылатый пахарь* (Иркутск, 2002). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Избу, башню, часовенку,
Да бревенчатый тын.
Дело важное спорилось,
Рос острог по часам.
Крест на шапку часовенки
Атаман ставил сам.
Был вожак дюже грамотен,
От богатств не ослеп.
Отписал царю грамоту:
— Есть острог — будет хлеб.
Зябко тут, но не голодно.
Можно жить хорошо.
И пушистого золота
Воз к престолу ушёл.

... Костерок у дороги.
Золотится восток.
Родила эти строки
Пашня Старый Острог.

Подорожное

Ларисе Мельниковой

Не тревожься, мой друг, не печалься,
Как бы ни была доля горька
В миг, когда от уютных причалов
В неизвестность уносит река.
Повороты её пахнут утром.
Таёт тьма, и блаженствует день.
Даже беды случаются мудро
Для ослепших от счастья людей.
Верх одержит мудрец — не воитель
В разногласиях между людьми.
Береги тебя ангел-хранитель
И в пути, и в трудах, и в любви.

Таёжная баня

Вячеславу Лобачёву

Свят закон, в субботу — баня!
Наплывает вечер ранний,
Сумрак прячет тальники.
А тропюю мужики,
Прихватив с собой бельё,
Держат курс на зимовье.

Первым делом смыли «Дэту»,
Миг — и все уже раздеты.
Закрываем плотно дверь,
Можно пар поддать теперь.
Ждёт свой срок вода в тазах.
Млеет даже мох в пазах.

Есть берёзовый букет —
Жаль, буфета с пивом нет...
Но зато такого пара
Да отчаянного жара,
Хоть ропщи, хоть не ропщи,
В городах — ищи-свищи.

После к речке нагишом
По жердинкам шевелючим
Побегут, и —
Словно с кручи —
В леденящую купель.

Три захода и — в постель.
Примут грамм по сто из кружки,
Вспомнят дом, свою подружку.
Нары станут — мягче пуха.
Будет петь комар над ухом.
Всех заманит омут сна.
А во сне придёт Она...

Исповедь

Планета — Сад.
Ты — Ева, я — Адам,
Пристёгнутый на пуговики сосков.
Топлю свой взгляд, не ведая суда,
В ручьях волос, бегущих у висков.
Пусть никогда нам не дано летать
С тобой вдвоём над миром суеты,
Позволь хотя бы о тебе мечтать.
Я разве виноват, что снишься ты?..

Ягодка подснежная

Зрела ягодка с подружками-соседками,
Неторопко набирая дивный сок.
Ловко пряталась под тоненькими ветками,
Не желая попадаться в туесок.
И однажды сиротинкой закачалась:
Всех подружек подобрали, унесли.
День на убыль. Ночка тушью наливалась.
Мокрый ветер гнул кустарник до земли.
Костенела от мороза капля красная
Под метровой толщиной северных снегов.
Но пришёл апрель. Большое солнце, ясное
Расковало сок от тягостных оков.
Не сгубила стужа спелую красавицу.
Не испортил снег рубиновый настой.
Пусть кому-то плод заветный летом нравится.
А по мне, пусть из-под снега, но весной.

Любимой

Доброе утро,
Дюймовочка, милая!
Слышишь? —
Стучится весна.

Вновь над землёй бирюза многомильная
До горизонта ясна.
Ломится в окна
 прозрачным потоком
Мартовский синий рассвет.
Хлынуло солнце,
 оплавив с востока
Белый сибирский хребет.
Нехотя холод уходит по Лене
В царство ледовых границ.
Я пред тобою встаю на колени
Сон целовать твой с ресниц.
Нет без тебя мне
 ни песни, ни дома
В самом роскошном краю.
Дышит лицо твоё счастьем и дрёмой.
Спи.
 Я ещё постою.

ЛЮБОВЬ

Любе Тороховой

Незванная,
На свадьбу мужа,
Держа пожар жарков в руках,
Она брела по летним лужам,
В грязь втаптывая облака.
— Иди! — себе шептала с болью.
Поправив локон, в дверь вошла.
Ему вручив букет, невольно
Невесту взглядом обожгла.
Потом пила, но не пьянела.
Всё ж выплеснули боль уста:
— Убереги! Я — не сумела...
И тенькнул в тишине хрусталь.

Деревенская проза

На полбулки пшеницы.
Кипяточек с утра.
Сын не хочет учиться.
Дочке замуж пора.
Боже! Что так сурово?
Всё — наперекосяк:
Не покрыта корова,
А жена — на сносях.

Родительский день

От реки по тропе на кладбище
После Пасхи приходит мужик.
Снедь достанет из сумки, бутылку.
И печаль по щекам побежит...
Гладит он и траву, и деревья.
Лишь под вечер, как спутанный конь,
Поплетётся к останкам деревни
Сквозь заросший крапивой загон.
Возле мёртвой усадьбы, на взгорье,
Посидит в необъятной тоске.
И, сутулясь под тяжестью горя,
Сядет в лодку свою на реке.
— Ты прости, что сберечь не сумели! —
Молвит он, неумело крестясь.
...Он-то помнит, как эту деревню
Удавила безумная власть.

Последний лист

Оле Гусевской

Тепло развеялось, как грёзы.
Пришёл октябрь. Холодный свист
На голом венике берёзы
Колышет одинокий лист.

Кусочек лета над землею,
Свидетель жарких дней и гроз.
В последний миг перед зимою
Я задаю больной вопрос:
Давно ли с шумною гурьбою
Ты цвёл и рос одной мечтой.
А нынче никого с тобою,
Мой беспризорник
золотой.

Александр Обухов

На реке Белой

1. Размышление

Земля впадает в грусть —
 природа входит в осень,
И разноцветный лист одёжкой ветхой сброшен
 на волглую траву...
Ясней видна кора — стежёная одежда,
Близка-близка зима холодная как прежде.
Задумчивы верхи жёлто-зелёных сосен.
В тоске берёза. Наступает осень...
В прозрачной вышине ни шороха, ни звука:
Пространство мысли! и тоска, и мука.
Вопросы к прошлому всплывают из глубин,
И, как венец, вопрос всегда один:
Загадка-Пушкин — Лиры властелин:
Далёк ли? близок? сложен или прост?
Он, духом возносившийся до звёзд!

2. Осень

Лес — пленник осени,
 лист рвётся на свободу,
Летит и падает замедленно на воду —
Слежу за ним...
 А ветер и листва
Наносят пушкинские вечные слова:

Обухов Александр Иванович, поэт, критик (род. в 1939 г. на прииске Николаевский Красноярского края). Автор книг: *Цветы России* (Иркутск, 1993); *Сквозь время ненастное* (Ангарск, 1995); *Звёздный вальс*: сб. рассказов (Ангарск, 1998); *Зимы не будет* (Иркутск, 2001); *Светлячок*: стихи для детей (Иркутск, 2006) и др.; критических статей в различных изданиях. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

«Роняет лес багряный свой убор».
Моя душа крылатая — на воле!
Свободный дух стремится на простор!
Я чувствую: прекрасно Жизни поле,
Прекрасен лес, роняющий убор
В ладони луга...
И счастлив я: ко мне на час досуга,
Нежнее облака, с небес сошла подруга,
И Музы с ней заводят хоровод!
Со дна реки на гребень пенных вод
Русоволосые русалки всплывают —
Так вижу я...

Но вот — виденья тают,
И вновь печаль: «со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку»,
И потому — на счастье или муку? —
Брожу один, но я — не одинок:
Со мною Пушкин в бесконечье строк.
«Дни поздней осени — печальная пора»,
Туман что войлок стелется с утра
и кроет реку,
Где заберегов дивное стекло
Блеснёт, как вымытое на зиму окно,
И мягко стаснет...
А взгляд по берегу, по берегу скользит,
Где скалы мудрые вздымаются в зенит,
Где тонкая лоза безлиственно дрожит,
И тополь обнажён до ветки каждой...
И ветер ластится к тоскующей берёзе,
И тихий снег спешит поведать о морозе.

Потухнет краткий день —
в кострище позабытом
Взметну огонь! — и в звёздной тишине
Приблизится Поэзия ко мне...

3. Одиночество

Как страшно быть на свете одиноким.

Н. Рубцов

«Друзья мои, прекрасен наш союз!»
В строке заучит извечная надежда.
И Пушкин нам — не ветхая одежда,
А плоть и дух на безграничный срок!
Я только с ним не буду одинок:
Когда слышна мне пушкинская муза,
Душе легко — избавилась от груза.
Я близок к ним и всё-таки — далёк.
Но если бы родился я до срока:
Лет двести вспять — увидел бы воочью
Живого Пушкина, гуляющего ночью,
И понял бы изустно и построчно:
Он близок мне — он тоже одинок;
Ведь не случайно из дошедших строк:
«Для всех чужой, как сирота бездомный»,
Проглянет Пушкин до предела скромно!
Нить жизни коротка, а горестей — клубок.
Он только с няней не был одинок:
Когда от слёз мокра была подушка,
Мог с горя молвить:
— Няня, где же кружка?

В гостях

Плачут чистые стёкла окошка.
Ставня свислая глухо стучит,
И плетень, оплетённый горошком,
Скорбно никнет и сухо молчит.

Пёс облезлый. Помятая миска.
Кособоко крылечко лежит.
Знаю: бабушка топчется близко,
Чуть окликну — тотчас прибежит.

Скажет ласково:
— Здравствуй, Иваныч.
Погостить? или «здравствуй — прощай»?
Проходи.
 ...И достанет стаканы,
И предложит с малиною чай.

О дровах, о столбах для заплота,
О банёшке пойдёт разговор...
Сколько лет! — иссушает забота.
...Осмотрю полусгнивший забор.
Заждалась меня, видно, работа.
Что ж? — точу для начала топор.
И молчу, и точу, и точу.

Убежавшая шапка

Стою и гадаю: не заячью ль шапку
Забыл на пенёчке прошедший снежок?
Но, кажется, вижу и ушко и лапку...
И — прыгнула шапка
 с пенька на лужок!

Ох! напугал меня до смерти зая.
Пойду и пожалуюсь деду Мазаю.

Стрекоза

Прозрачней акварельного мазка,
Дрожит крылатый дух...
Незримый миг — невиданно-резка
Что молния, и — задремавший пух.
Как мысль — ничем не уловима.
Божественный узор, летящий мимо.

Рассказ в шутку про квакшу и шубку

...И надо же было мне, глупой лягушке,
Гнаться во дворик за сладкою мушкой.

То не беда, что вмиг муш-ква пропала:
Лакомства в ней удивительно мало!

Но эта беда была только началом...
Ох, квак сердечко моё застучало,
Когда окружили мохнатые звери,
Страшно глазам и не хочется верить!
А звери — узнала — добряжки-щенята,
Не то что зубастые злые щурята.

По-дружески сели щенятки округом.
Тепло потекло, как от летнего луга.
И вот, кому тяв-ква-ли часто: Трезор,
Сочувственный начал со мной разговор:
— Кто ж зло сотворил, недобрую шутку, —
Снял, на беду, с тебя тёплую шубку?!
Нам даже в шубках морозно до дрожи,
А ты, горемычка, в тонюсенькой коже.

— Квак-кое сочувствие! Так как не снится!
С-ква-чите за мною, как кваквы к водице!
Если с водичкою ква-квить надёжно,
Знайте, друзья, что без шубок жить можно.

...С разгону метнулась
в заливчик лягушка,
Только мелькнуло белёсое брюшко!

Максим Орлов

Сибирь

Околесица стука, стон упругих рессор.
Пассажиров расспросы и пустой разговор.
Ожидание, скука... За окошком — метель.
Навивают колёса на себя параллель.

Параллели Сибири — параллели судьбы.
Тропы, тракты, дороги, верстовые столбы.
Необъятные шири и суровость тайги,
буреломы, пороги, завыванье пурги.

Нам достались в наследство со времён Ермака
средоточие стужи, океан сосняка.
Поезд карту утюжит в направлении норд.
Я пленён с малолетства сеткой этих широт.

* * *

Когда всё валится из рук,
Не спишь от разочарований
и не спасает зыбкий круг
нахлынувших воспоминаний,
судьбу без меры не кори,
беги от самоистязаний.
И пусть не спится до зари,
ты встрепенись — и лучик ранний
тебе игриво подмигнёт.

Орлов Максим Томасович, поэт (род. в 1956 г. в г. Улан-Баторе, Монголия).
Автор книг: *Весь Падун уместился в оконце* (Братск, 2002); *Паче чаяния* (Иркутск, 2004);
Ямбы (Братск, 2006). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Стряхни душевных хворей гнёт,
забуди на время про невзгоды.
Поверь, что несмотря на годы,
ещё на многое горазд!
Жизнь возлюби!
Господь воздаст.

В тайге

Тайга щетинилась хвоею...
Деревьям отрапортовал:
— Не буду вас пилить пилою,
не учиню лесоповал.

Я к вам пришёл из жилмассива
домов квадратно-гнездовых
(не за живицею-смолою
и не за шматом бересты),
чтоб средь дерев, несуетливо,
вдали от гула мостовых,
побыть наедине с собою,
от трасс всего за две версты.

Деревья кронами качали,
скрипели старою корой
и мне чуть слышно отвечали,
шурша листвой наперебой:
«От ложки и виолончели
до плахи, гробовой доски
вам служат сосенки и ели,
так отнеситесь по-людски
к деревьям.

Видел с самолёта,
какие вырубki вокруг?
Без меры рубите, без счёта,
не покладая пил и рук!»

Я им твердил про целлюлозу,
про шпалы, что везут на БАМ...

покуда русские берёзы
не отхлестали по губам.

* * *

Отвори калитку в день вчерашний,
Приоткрой мне в прошлое окно,
Распусти прожитое незряшно
Времени поблекшее сукно.

Нитку эту бережно смотаем,
Чтобы вновь соткать нам при луне
Полотно, о коем не мечтали:
В нём рисунок, бисер, мулине.

Гобелен тот оберёгом будет,
Отведёт от праздной суеты,
Сбережёт от сытой скуки буден,
Как живые в январе цветы.

А когда пройдёт ещё лет двадцать,
Распустить холстину грянет срок,
Мы не будем очень огорчаться:
Были бы основа и утók.

* * *

Пришла любовь!
А это значит —
Вселенную переиначу,
Судьбу свою перелопачу,
Иные вехи обозначу,
Достану с неба, наудачу,
Звезду с кометою в придачу.

Пришла любовь!
А это значит,
Что я ещё чего-то значу!

Последняя трагедия Эсхила

Орёл — жестокосердный птах,
Чтоб мяса нежного отведать,
Бросает бедных черепах
С небес о скалы и — обедать.
Гласит легенда, что Эсхил
Сидел на камне, мыслей полон.
Вдруг с неба панцирь угодил
Ему на череп.

Уготован

Печальный трагику удел.
Эсхила коченело тело,
А черепаха уцелела —
Орёл голодный улетел.

Безбожник ты или викарий,
Никак не сможешь избежать
Причуд небесных канцелярий.
А твердолобым — исполать!

Но им Эсхилами — не стать!

Владимир Пламеневский

* * *

Мне сдаётся — уходят тихонько диктаторы и палачи.
Вон один заметался — в какие бы джунгли забраться?
Но уже запевают; гудит телемост;
а вчера я письмо получил —
затевается братство!

Затевается праздник. Звонок коридорный, звеня,
Перемену сулит — всё идёт к измененью погоды!
Я из школы весны — оркестранты, возьмите меня!
я из вашей породы!

Я лет двадцать последних искал вас и чуть было крест
Не поставил на бедных надеждах, играя в полтона.
Ну так чернорабочим
возьмите меня в свой оркестр,
Я согласен на всё — даже влагу сливать из валторны!

Затевается братство, зажжём миллиарды свечей.
Мы из крепких корней — перестанем подонков бояться!
Небосвод в этом мире ещё, слава Богу, ничей.
Приготовьтесь на полюсе, в море, в песках:
затевается братство!

Пламеневский Владимир Юрьевич, поэт (1946, Севастополь — 2003, пос. Листвянка Иркутского р-на Иркутской обл.). Автор книг: *Параллель* (Иркутск, 1981: *Бригада*); *Здравствуйте вечно* (Иркутск, 1987); *Попросту: я вас люблю* (Иркутск, 1990: *Стихи по кругу. Вып. 1*); *Затевается братство* (Иркутск, 1992); *Избранное* (Иркутск, 1999). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Ночь на Байкале

Празднуя или тоскуя,
Звезда колебалась в осоке,
Ночью сидел я
В серебряной мгле Чивыркуя,
Как в мастерской при создании мира.
В посёлке
Дизель гудел,
Для создателя свет образуя.

Ночь бормотала невнятно,
 как женщина под образами.
Выгиб священного моря
 был в олове лунном.
Гнулся во тьме горизонт,
Золотую тропу обрезаю.
Розовый омуль царил под водою
 в распаде валунном.

Благословлял я того,
 кто мне дал созерцать эти горы.
Тридцать один отпустил —
 засветил их свечами из воска.
Трон подарил в виде чёрной коряги,
Рассыпал глаголы.
— Трать осторожно, — велел
И тетрадь разлиней в полосу.

Не проносил ни восторга, ни слез,
Ни раскаянья мимо,
 мемориальное сердце зажёт
 и омыл его тёплой кровью.
А на бурятской холстине, как мастер, неумолимо
Первым лучом проявил чивыркуйские кровли.

Последняя жизнь

А жизнь последнюю я жить решил
в крестьянстве,
Чтоб руку положить на твёрдый лоб коня
И ветер ветряком добыть из щёк пространства,
И огород взрастить, и смысл постичь огня.

Когда я жизнь прожил средь моряков суровых,
То голос напрягал и знал закон волны,
Тогда я не обрюзг, я бронзов был и ловок,
И брызги на баркас летели, зелены!

Когда я жизнь прожил средь каменщиков
пыльных,
То воду подносил и гипс мешал рукой.
Когда я жил две жизни среди ссыльных,
Душа грубела, покрываясь шелухой.

Я с фотокамерой прошёл по жизни третьей.
Вытаскивая свет из общих тёмных мест,
Я длиннофокусником суть искал в портрете,
Был выгнут блик, и сумрак шёл в замес!

Когда я жизнь прожил среди пустой богемы,
Катился на меня вина девятый вал,
И вопль тоски, звериной вечной темы
Сидел внутри, изнанку тела рвал...

Но жизнь последнюю я жить решил
в крестьянстве,
Чтоб руку положить на твёрдый корешок
Тех малочисленных, взращённых в постоянстве,
Тех крепких, как листвяк, тех выстраданных строк.

* * *

Я долго на запад смотрел, но затем повернулся назад.
Бурятский хребет выползал, золотою каймой осяян.

Залив Баргузинский меня отразил, бормоча:
«Да ведь ты азиат,
есть звон тетивы и восточная одурь в крови россиян...»

Как часто ночами в азийских снегах остросулая
воет душа!

Как часто хватается пьяная удаль за нож!
Таёжница Рита, как пахнет твоя черемша!
Опять ты торгуешь, опять послезавтра запьёшь!

Чего тут не сыщешь! То злоба сидит под кустом,
припала к поганке беззубым пупырчатым ртом,
то птенчик свободы в высоких гнездовьях рождён —
иглою ствола к небесам он уже пригвождён!

То речка кристальная вьётся и стонет от драг, —
ещё бы не виться — могуч производственный гнёт.
Тут всё величаво — тут если дурак, то дурак!
А если силач — то столбы телеграфные гнёт.

Но придурь не вечна — продуют изнанку ветра.
Овчинка поистине выделки стоит. Гляди:
хитёр наш Емеля — он чинит оградку с утра,
он точит, тачает, он лук собирает с гряды!

Мне нравится эта восточная прочная ширь!
Я в мае люблю водосточную эту Сибирь,
и бабьего лета поблажки, и скучный октябрьский лес,
и микрорайон, под январский положенный пресс!

Я долго на запад смотрел, но потом оглянулся назад.
Ты, мой собеседник, стоял предо мною, как брат.
Я шапку снимаю, желая к тебе обратиться.
Пора нам — в глаза. Чтобы вспомнить
своё побратимство.

* * *

Снял с гвоздя извещение и ключ,
дверь открыл — что-то бросилось в ноги!

И озноб прокатился, колюч,
грудь пронзая шипами тревоги!

Чуть не сбил меня чёрный комок —
сумасшедшая чёрная кошка.
Он ударился твёрдо в комод,
а затем залетел на окошко.

Сатанински горели глаза,
шёл огонь золотой из утробы.
— Это всё за грехи мои, за
атавизм равнодушья и злобы,

За рекордные вылазки в ад
под бравурные выплески туша,
за корявые пятна заплат
на чужих тонкоскраенных душах.

Это знак, это только намёк,
он ещё подлежит дешифровке —
кто-то кровью, наверно, намок
или бьётся в объятьях верёвки!

Я швырнул этот жуткий комок
на площадку, но он что есть мочи
бьётся в дверь, сотрясая замок,
и в судьбу мою втиснуться хочет!

Так зачем же тоска меня бьёт,
не пуглив я и не суеверен.
Но с испариной выступил пот,
когда мрачно стоял я у двери.

А когда приоткрыл — никого.
То ль свершилось, то ль смерть отступила,
ни меня не взяла, ни его.
Только бездну слегка приоткрыла.

* * *

Над пропастью, уже утратив робость,
где два глагола: падать и пропасть.
Ты посвети туда. В утробу. Прямо в пропасть.
И мне туда, я знаю, не упасть.

Я зацеплюсь за луч. За твой пароль. За голос.
И, кашляя навзрыд, порву смертельный круг.
И горло зацветёт, в свою вмещающая полость
свет золотой, какой-то новый звук.
Я жить хочу. Я жить хочу счастливо.
Я вырвусь. Подтянусь, подай мне только знак.
О, только бы трава на краешке обрыва
была крепка и прочен известняк!

Звезду пошли, чтоб сердце укололось
и вострепелось так, чтоб ту звезду достать.

...А если и умру — последним будет голос
твой надо мной хотя б три дня стоять.

* * *

Вишни цветут. Вишни цветут.
Мама, спасибо за то, что я тут.
Я в этом мире цветущем не лишний.
Горько и радостно. Птицы поют.

Птицы поют. Чёрно-бронзовый шмель
Звонко пропел и в небесную щель
канул навеки. Прикроешь ресницы —
вяжет их солнцем тягучим апрель.

Что за чудесник собрал чудеса
в эту шкатулку — и море, и сад.
Я сюда выпал из пальцев мороза, —
хлопья его до сих пор там висят!

Сок по аортам древесным ползёт.
Пчелы колдуют в конструкции сот.
Хочется жизни простой и высокой...
И необъятной —
лет до двухсот!

Снова об этом? А я не боюсь.
Над многолетним пейзажем тружусь.
Сколько апрелей мне будет отпущено,
столько под сердца повтор повторюсь!

...Будет мне много апрелей отпущено,
будет любима и любяща женщина, —
росчерком трепетным стебля растущего
мне эта доля сегодня обещана!

Будут и страхи ночные, и горести,
ручки дверные, что к гробу привинчены, —
но мы вернёмся, мы встретимся вскорости:
стебли травы, я уверен, провидчивы!

Где-нибудь, в веке четыреста первом
встретимся — там не заплачем ни разу мы!..
Не покрывается мраком и пеплом
то, что полито любовью и разумом.

Анна Рангина

* * *

Вся в плевках,
 в окурках остановка.
Я стесняюсь собственных детей.
Мне за взрослых стало вдруг неловко —
Невозможно понимать людей.

...Дочка затянулась сигаретой,
Что ей не хватает в жизни этой?

* * *

...Как будто нет других программ,
Не доводящих до инсульта.
Переключаю кнопку пульта
От сериалов, от реклам...
На полюбившийся канал,
Там плещет волнами Байкал
Противовесом злему культу.

* * *

Декабрь — то оттепель, то выюга.
Не понимаем мы друг друга.
Меняю шубу на пальто,
Пальто на куртку — всё не то.

Рангина Анна Мироновна, поэтесса (род. в 1955 г. в г. Ангарске Иркутской обл.). Автор книг: *Со всеми и... одна* (Иркутск, 2004); *Остаток лета* (Иркутск, 2007); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

Зима такая — несерьёзность.
Артрит. Давление. Нервозность.

* * *

Тайшетский район, Соляная...
С автобуса — в чей-то дом!
В доме судьба иная,
Люди иные в нём.

Гостем войду с мороза,
В доме гостей не ждут.
Смотрят на гостя косо —
Кто я? Зачем я тут?

Но всё же люди как люди...
Они не прогонят вон,
Расспрашивать много не будут —
Лишнего знать не резон.

Жизнь по лесным законам
Здесь смотрит на всех в упор —
Картечью и самогоном...
Живут с горбачёвских пор.

* * *

Февральский день в заснеженном лесу,
Я лыжами в него свой след внесу.
Следы везде: вот мышка, вот лиса
Метнулись вдруг, услышав голоса.

Тепло, а снег растаять не спешит,
Причудливыми формами грешит
На камнях, на валёжинах, на пнях.
У новогодней сказки я в гостях.

Чуть видный лыжник «МиГа» в вышине
Беззвучностью вернёт меня ко мне.
И я очнусь, и новая лыжня
Свернёт туда, где город ждёт меня.

Трофей

Косули чёткая головка.
Смотреть в глаза её неловко,
В глазах застывших спит укор:
Мне, облакам, вершинам гор.

Охота — всё-таки убийство,
И жизнь земную загубя —
Не ощутить своё единство
С тем миром, что вокруг тебя.

* * *

Май на пороге, почему зима
Мой сад по крышу снегом завалила?..
В. И. Выборов

Красиво листья облетают,
Красиво лето умирает,
(Я так красиво не уйду...)

Вот-вот закружатся снежинки
И будут светлыми поминки
По летней зелени в саду.

* * *

Парочка нахальных голубей
У прохожих пищу вымогали,

Пусто было в сумочке моей,
Но об этом голуби не знали.

Ожидали, голову склоня,
Может, я подам какую малость...
Где же им понять, что у меня
Лишь десятка рваная осталась.

Летний дождик припустил сильней,
Торопя уехать с остановки:
Это не смутило голубей,
Только им прибавило сноровки.

Устремлялись голуби в момент
Проглотить кусок сырого хлеба,
Ручейками сквозь дырявый тент
На людей просачивалось небо.

* * *

Хорошо дышать асфальтом мокрым,
В час, когда земля свой жар отдаст.
...Гром гремит,
дождь льёт ручьём по стёклам,
И земля промочится на пласт.

Прошумел, промчал шальной и краткий
С запада транзитом на восток,
Слава Богу, что полил он грядки,
А иначе кто бы мне помог?

Юрий Розовский

Звонарь

Голосом дивных созвучий
Снова запел небосклон:
То громогласным, могучим,
То еле слышным, певучим,
Будто малиновый звон,
Что по окрестностям вея,
Ветер усладю нёс.
Люди, сердцами теплея,
Плакали молча, не смея
Прятать восторженных слёз.
Звуки весь мир полонили,
Души взлетали в зенит
И благовесту вторили.
Зря ли вокруг говорили:
«Шельма-звонарь, даровит!
Ишь, как выделяват лихо,
Дивное диво творя! —
И добавляли, уж тихо, —
Видно, не зря звонариха
Любит свою звонаря.
Даром мужик неказистый —
Вишь, как руками поёт!
Знамо, он праведник истый», —
А с колокольни лил чистый
Спаса искрящийся мёд.

Розовский Юрий Витальевич, поэт (род. в 1963 г. в с. Чистоозёрном Новосибирской обл.) Автор книг: *Не опаздывайте жить* (Иркутск, 2000); *Совсем немного до рассвета* (Иркутск, 2001); *Медовый ветер* (Иркутск, 2006). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Гармошечка

Эх! Душа моя российская!
Не умеешь понемножечку.
Коль дорога, так неблизкая,
А в дорогу, так гармошечку.
И начнут звенеть распевочки,
И пойдут по кнопкам пальчики.
Выкаблучивают девочки,
Выкамаривают мальчики.
Погляди-ка, как неплохо, а!
Аж нога в обуви чешется.
Эх, душа моя горохова!
Всё плясать бы ей, всё тешиться.
Ей бы силушку мужичию
В круг пихнуть — пусть там избудется.
Ведь, по русскому обычаю,
Петухи гармошкой будятся.
Ночь не спишь, а хоть бы крошечка
Сна в глазах, хоть доля малая.
Эх ты, русская гармошечка!
Эх, бабёнка разудалая!..

Графиня

Мороз застыл на балюстраде,
Метель по улицам мела.
В седом блокадном Ленинграде
Дворянка старая жила.
Осьмушку хлеба половиня,
В буржуйку бросив горсть трухи,
Полузамёрзшая графиня
Листала Байрона стихи.
В окно стучались взрывов звуки,
Метались блики по стене.
Но ей не страшно. Что там, внуки
Уже погибли на войне.
Их смерть не пережили дети,
А ей вот Бог отмерил дней.

Она одна на этом свете,
 Лишь Байрон что-то шепчет ей.
 Слова его — бальзам для слуха.
 Без них — господь не приведи!
 И томик маленький старуха
 Рукою жмёт к своей груди.
 На шали, словно на корсаже,
 Биеньем сердце ожило.
 Сейчас она ему расскажет,
 Как ей ужасно тяжело.
 Как часто обращалась к небу:
 «Возьми старуху, не томи».
 Как слёзы катятся по хлебу,
 Хлеб вкусен с солью, *mon ami*,
 Как будто ешь тоску и муку,
 А здесь её никто не ждёт.
 И Байрон, взяв худую руку,
 С собой графиню уведёт.
 А утром, у буржуйки сидя,
 Надев из инея тулуп,
 Держа стихи и строк не видя,
 Блокаду встретит новый труп.

Молитва

Пускай Господь тебя хранит
 И Дева Пресвятая.
 Пускай свеча твоя горит,
 От пламени не тая.
 Пусть ангел будет сторожить
 В душе источник света.
 Пускай ты дольше будешь жить,
 Чем я. Прости за это,
 Но я иначе не хочу
 И благодарен Богу,
 Что он зажёт твою свечу,
 Мне осветив дорогу.

Чаша любви

Сидели двое на балконе
И молча щурились на свет.
Друг с другом рядышком, на склоне
Судьбой отпущенных им лет.
На лицах их морщинок сети
Улыбкой тронуло чуть-чуть.
А во дворе смеялись дети,
Лупя ногами по мячу.
Их звонкий смех мячом кручёным
Летал и прыгал по траве.
Они играли увлечённо,
И даже не смотрели вверх.
Как эта юность безмятежна,
Ей отвлекаться не с руки.
Она не видела, как нежно,
Держась за руки, старики
На дворик маленький взирали,
Друг к другу плечи прислонив.
И будто что-то понимали,
Всем непонятное, они.
Потом она ему сказала,
Совсем глазами подобрев:
— Любимый! Помнишь, как играла
И я, вот так же, во дворе?
Как время быстро пролетело,
Уже и внуки поднялись.
— А что ж ты, милая, хотела? —
Он ей ответил. — Это жизнь.
У нас она-то, слава Богу,
Что у меня, что у тебя!
Теперь стареем понемногу,
Как жили — рядом и любя.
Тут только радоваться надо,
Тут огорчаться ни к чему.
— Да, да, родной! Я очень рада! —
Она в ответ шепнёт ему.
И он ей шёпотом: — Я тоже. —
Тут и закончить бы мне стих.
Но видел я, как крылья сложив,
Глядели с облака на них

Два белых ангела, два стража,
Два их хранителя от бед.
И в их руках сияла чаша,
И в ней вином искрился свет.
Свет той любви, что стариками
Испит из чаши был сполна.
То нежно, мелкими глотками,
То страстно и почти до дна.
И всё же чаша не скудела,
Поскольку ангелы, нет-нет,
В неё вливали, то и дело,
Небесный свет, Господень свет.
И он разглаживал морщины,
И на балконе в этот миг
Сидели женщина с мужчиной,
А не старуха и старик.

Андрей Сизых

Водяные знаки

Расшифруем клинопись дождя.
Выбил он сто тысяч вещей знаков,
Каплями всесильными дробя
Прошное, всю ночь насквозь проплакав.

Что нас ждёт, когда кругом вода?
Мы стремимся в общее течение,
Как в трубу бегущие года —
Юность им не придаёт значенья.

Но земля, ключи в себя вобрав
Прошлых жизней, прожитых когда-то,
Выпустит на волю стебли трав,
Словно пленников из мрака каземата.

И когда шершавым языком
Утро слижет влажные заветы,
Мы пройдем по травам босиком
От истока и до устья Леты.

* * *

Шёл демон в армейской шинели по улицам города N.
Нёс полный карман карамели любителям плотских измен.
Дарил марципановый морок, всю леденцами гремел.
Был равно и сладок, и горек итог демонических дел.
Но факт налицо — городишко, почти что безгрешный вчера,

Сизых Андрей Николаевич, поэт (род. в 1967 г. в г. Бодайбо Иркутской обл.).
Автор книг: *Интонации* (Иркутск, 2009); *Аскорбиновые сумерки* (М., 2011); публикаций
в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Бежал за лукавым вприпрыжку и жрал карамель на ура.
 Поругались местные нравы, и семьи трещали по швам,
 Но грамм вожделенной отравы съел каждый,
с грехом пополам.

Солдат мирового разврата, идущий на родину — в ад,
 За сласти не требовал плату и был до истерики рад,
 Что дяди и тётки все эти на свалку отправили стыд,
 Что стали они, словно дети, лишившись законов простых,
 И как под аккорды флейтиста, спешат на чужую войну,
 Где пули летают без свиста, где каждый солдат на кону.

El carnaval

Закажи мне китайский салют, карнавальную маску!
 Те, кто рядом, всегда предадут в Рождество и на Пасху.
 А когда отстучат топоры по сырой древесине,
 Остаётся лишь запах коры, кал и шёпот крысиный.

Остаётся глядеть, как с креста открывается небо,
 Как дышавшие жизнью уста улыбаются немо,
 И на то, что последний изгой станет всё-таки первым,
 Сделав шаг из купели земной, сбросив рубище скверны.

Развесёлая маска глупца слёз случайных не выдаст.
 Защитит от потери лица и вернёт мне невинность.
 Так давай не прельстимся былым — безвозвратно цветенье.
 К месту будет и грохот, и дым накануне забвенья.

Неэвклидовы заблуждения

Что за мюсли в моей голове —
 Несваренье желанья.
 Эта love, ну никак, не ловэ —
 Скучный хлеб выживанья.
 Влево, вправо — везде тупики,
 И не выйти наружу.
 Потому что решётки крепки,
 Окружившие душу.

Параллельные стены сошлись,
Проклиная Эвклида,
И моя неликвидная жизнь
Бьётся только для вида.
Для чего разводить детский ад?
Снисхожденья не надо!
Обходные дороги лежат
Внутри реального ада.
Все благие невежды вредны
Чаще, чем бесполезны.
Остаёмся в итоге одни
На окраине бездны.
Бей сильнее, не жалея, беда,
В постаревшую морду.
Пусть по скулам стекает руда —
Буду гордым, и бодро
Распрощаюсь, не без торжества,
С патентованной скукой,
С простотою — сестрой воровства
И судьбой криворукой.

Кантата

Шуршал закат малиновой листвой.
Шептались тени, прорастая в стены,
И облака выстраивались в строй,
Как пятая колонна в ночь измены.
А ты несла свою любовь ко мне
В китайской чашке с надписью «Aloha».
Глоток любви, скопившейся на дне
Твоей души, — не так уж это плохо.
Что за напиток — яду бы глоток!
Но я не буду требовать отравы.
Твои свежезаваренные травы
Опасней, чем цикуты едкий сок.
Спасибо, милая, за вызвавший огонь
Взрывной коктейль: мёд, мята и корица,
И если к сердцу приложить ладонь,
То в темноте она начнёт искриться.
Не властвую, но покоряюсь я

Дающему напиться. И закату,
Который, становясь убийцей дня,
Сложил для нас прощальную кантату.

Поэту

Снова не добросили трезубец.
Вроде бы в округе блажь да тишь.
Но к чему же ты, поэт-безумец,
Скарб свой скорбный, всем назло, влачишь?
Между божествами ходят слухи,
Что свободу слов познав, злодей, —
Ты из бестолковой бормотухи
Укус правды гонишь для людей.
О, гордец, таких глупцов не знало
Небо над землёй отцов твоих.
Просто жить — тебе на свете — мало,
Хочешь горя выпить за двоих.
Ищешь истину, а познаёшь печали.
Видишь свет, а ведаешь нужду.
Все, кто в пустыни допрежь тебя кричали —
Сеяли несчастья и вражду.
Если выжил — оглядись, и к Пану,
Брось обряды бормотать, поэт.
Дай наказ словам — служить обману —
И живи спокойно сотню лет.

Василий Скробот

Откровение

Может, Богом звезда уронена,
И упала, оставив след.
Моя мама здесь похоронена,
И покоится много лет.

Всё прошедшее забывается,
И меняются времена.
Я всю жизнь продолжаю каяться,
Перед мамою есть вина.

Пролетают года как молнии,
И по-прежнему я грешу.
Ну а мама моя безмолвствует,
Я прощенья у ней прошу.

И душа моя утешается,
Но обида во мне кричит.
Приезжаю я к маме каяться, —
Только мама теперь молчит.

Ей простить меня очень хочется
И прижаться к седой щеке.
Моё сердце от боли корчится,
И влажнеет платок в руке.

Причаститься иду к священнику
И стараюсь грехи искупить.

Скробот Василий Александрович, поэт (род. в 1941 г. в с. Андрюшино Куйтунского р-на Иркутской обл.). Автор книг: *Я радуюсь весне* (Иркутск, 1990); *Добротой поделиться* (Братск, 1991); *Моя судьба* (Братск, 1998); *Я дверь не закрываю никому* (Иркутск, 2001); *Моя родня: очерки* (Братск, 1998) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

И у мамы прошу прощения,
И печали хочу забыть.

Не люблю я пустой парадности,
Но порою и мне везло.
Только временны были радости,
А гостило всё чаще зло.

Когда сердце разлукой мается,
Когда впору душе кричать,
На погост приезжаю к маме я,
Чтоб с ней рядышком помолчать.

* * *

Улыбаться люди реже стали.
Я живу тоскливо, не спеша.
Вот сегодня что-то тяжело стало,
Будто бы заплакала душа.

И кого-то я винить не буду,
Лучше поклонюсь я небесам.
Я добро вовеки не забуду,
А в беде всегда виновен сам.

И чужой мне радости не надо,
Я такого счастья не пойму,
Жизнь моя — она моя награда
Горестям и счастьем моему.

Я терпенья прошу

Я терпенья прошу,
когда сердце тревожно забьётся.
Утешенья прошу,
когда просто порой не везёт.
Вот удача была,
и не знаю, уйдёт иль вернётся,

Вот обидел кого-то,
и сутками совесть грызёт.

Постоянно спешу,
хотя знаю: не к радости спешка.
Всё стараюсь быстрее
земные дела завершить.
Но всё меньше побед
и всё больше тревог безутешных,
И, поверьте, с годами
труднее становится жить.

Что ж такое со мной,
ведь, казалось бы, Бог не обидел.
Вот и внуки растут,
но в сомненьях я, будто в огне.
У людей не в долгу,
И по жизни я многое видел,
Но всегда повторяю:
— Господь,
дай терпения мне!

Я иду

Я иду,
иду своей дорогой.
Сутки пролетают и года.
Не был я ущербным и убогим,
Что такое радость и беда,
знаю я.
И здесь они со мною.
Спать ложатся, на заре встают.
Ждут меня зимою и весною,
для меня и плачут и поют.
Я порою их не различаю,
где же радость, ну а где беда?
В радости беду не замечаю,
а она ведь рядышком всегда.
Вы простите, если вас обидел,
этого я вовсе не хотел.
Просто радость вашу не увидел,

иль беду понять не захотел.
И они, привычки не меняя,
преданно глядят в мои глаза.
То однажды радость догоняет,
то от горя скатится слеза.
Но иду.
Иду дорогой жизни.
Господа за всё благодарю.
Может, в горе повстречаюсь с тризной,
или может, в радости сгорю.

Ностальгия

Петухи у соседей запели,
Воробьи копошатся в траве.
Я живу здесь четыре недели,
И такой кавардак в голове.
До сих пор я, признаться, не верю,
Что приехал в Иркутск насовсем.
Что закрыл неожиданно двери
И сказал «до свидания» всем.
Я уехал сюда не прощаясь,
Как-то так повернулась стезя,
Я вернуться назад обещаю,
Но вернуться, похоже, нельзя.
Закружили дела, замотали,
Будто цепью — прикован судьбой.
Ведь я в Братске полжизни оставил —
Эту жизнь я не смог взять с собой.
Я не думал и в мыслях не чаял,
Что в Иркутске увижу рассвет.
И меня одолели печали,
Тот ли я себе выбрал билет?
И сомнение гложет мне душу,
И тревожно ночами во сне.
Обещаний своих не нарушу,
Как бы ни было горестно мне.
По далёкому Братску скучаю,
Там соратники, годы, друзья,
На звонки каждый день отвечаю,
Будто снова с братчанами я.

Владимир Скурихин

Вектор

Я эту жизнь придумал для тебя.
А для себя мне этой жизни много.
Стихи возможны, если жить любя.
И жизнь возможна, если есть дорога.

Исполнилось моё причастие.
Приближен я к бессрочному порогу.
Я вымостил пределы бытия
И должен был другому
Дать дорогу.

Но эту жизнь
Придумал для тебя.
А для себя мне этой жизни мало.
В трубу Луны ты выдохни, трубя.
Пусть там сверкнёт,
Что мимо строк
Упало.

Кубок Сократа

Человек из барака,
Безофисный частный бессобственник,
Нам и Путин не тятя,
И Ротшильд не родственник.

Скурихин Владимир Евгеньевич, поэт (род. в 1949 г. в пос. Стан Утиный Магаданской обл.). Автор книг: *Владимирка* (Иркутск, 1993); *Вольная книга* (Иркутск, 2001); *Собирали колоски* (Иркутск, 2007); *Город* (Иркутск, 2009); *Улыбки литературного дома: дружеские шаржи* (Иркутск, 2009). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

По родству поколений
Мы все сплетены воедино.
Только танцы разнятся,
Раз джин — блудный сын Аладдина.
Одинокая юность
Что старости стылые вены.
Только мудрость Египта
На картушах, вделанных в стены.
Только сонм проповедников,
Жалящих в нос комарино,
Да в ноге передавленной
Ноев к погоде пластина.
Ба, дыхание птичье
Со стелы на площади Рима
Разлито по картинам,
Присутствуя в храме незримо.
Это пресные воды
С солёными смешаны ваннами —
Пятна татуировок
Под потолком разливаемые.

На осле

Закутан в Вифлеемскую попону,
Как в плед,
Я не приеду в Назарет,
Когда созвучно городскому звону
Пески текут на утренней заре.

Мне никогда не въехать в Назарет
Не потому, что я давал обет
Не поклоняться истинам во чреве,
А потому что на познания древе
Мне не досталось яблочка такого,
Которое бы, делая мудрей,
Не отнимало бы за право слова
Святых даров
У северных волхвов
И мантии у истинных царей.

Искус

Созвездьям их названия неизвестны.
Но нет Большой Медведицы как нет.
Я отомстил грозящему из бездны.
Мир побелел от собственной аскезы.
Стрела атлантов поразила свет.

Коварна месть. Она гордыню будит.
А сущие не сущих не снесут.
Одних убудет, а других прибудет,
Покуда заседает Страшный суд.

Я прядь волос моих высоколетних
Отдал гадалке прочитать судьбу.
Она, черница далее занебесных,
Жгла волос, чей ей не было известно,
И сыпала на зеркальце золу.

Взяла с подноса восковую свечку
И вправила в каминный канделябр.
Тут карлик вылез из сумы заплечной
И шепелявил ей: «Ничто есть вечность.
А годы пожирает минотавр».

Она вещала, в отраженья глядя:
«Он был и не был в жизни сорок лет».
И навевала сон, котёнка глядя:
«Его давно на белом свете нет».

Мне снилась мать. Она глядела кротко.
Но крикнула, крестясь на белый свет:
«Тебя сгубила дармовая водка!
Тебя давно на белом свете нет».

Тогда я зарыдал останкам века:
«Мне и сегодня только двадцать лет!»
Они смердили гарпиями грека:
«Что было — есть. А будущего нет!»

Взмолившись, я услышал Иисуса.
Он шёл по морю, оставляя след

И говорил: «Избавься от искуса.
Ко мне одни святые вознесутся.
Меня давно на белом свете нет».

Соратуйте, высокие светила!
Не верю, что вы ниже всех комет.
Ведь и во мне клокочет ваша сила,
Хотя меня на белом свете нет.

Биназир

Я с нею сплю давно в одной постели,
Но знать не знаю, как её зовут.
И мы не бессловесны, словно звери.
При нас повсюду мысленный уют.

А чувственно — немислимо бездомны.
Сегодня мне всех ближе Биназир.
А возле тела реющие сонмы —
Без имени, как божества, как мир.

Я называл везучую гризетку
Ассолью, убегающе в шторм.
И я держал в кармане не конфетку!
Моя душа свободна, в смысле форм...

Увлечь, зазвать, умчать в повозке санной
И править, править в нежность полоза,
И целовать в лучах рассветных ранних
Доныне незнакомые глаза!

Пришёл февраль,
Но где-то спят метели.
И женщина со мною рядом, тут.
Я с нею сплю давно в одной постели.
И всё же, всё же...
Как её зовут?

Каллиграфическое рабство

Курсор на файле так сплотит слова,
Что ритмов строк не оторвать от смысла.
На коромысле вёдер носят два.
И мысль для рифмы — то же коромысло.

К истокам чувств колодец — голова.
И мне стило не вырвете из рук вы.
Пусть говорят «слова, слова, слова»,
Я набиваю буквы, буквы, буквы.

Подмена

Любовь, полыхнувшая зелень травы,
Юнее ещё, непонятливей страсти,
Менявшая устрицы — губы твои
На хвостик косы изворотливым «здрасьте!»

Любовь ловит ласточек в нотном ряду,
Всё злее срывает покровы Данаи,
И самую гордую клятву труду
На праздную плотскую не променяет.

Любовь сводит пару кочующих орд,
Прокравшись Андрием в бурсацкой надежде,
На меч окровавленный рухнувший горд,
Пленяя партер, уплотняющий вежды.

Любовь жжёт майоликой.
Свесив в закат
Набрякшие трели роденовской жрицы,
Не смеет насытиться, если заряд
Катарсиса оды грозой разразится.

А нету подмены?
Нас вышутил Фрейд,
Инстинкт укоряя в уходе от света?
Любовь неизменно скрывает ответ.
А нам и не надо прямого ответа.

Зеркало

Я отражения ловлю,
Чтобы в свою всмотреться душу.
Какую бездну возлюблю,
Традиций рода не наруша?

Уже Минервой на позыв
Могильная сова слетела.
Не мне ль агукает азы
Духовных отправлений тела?

Вот спрыгнул кот на карася,
Сменив лежанку на поживу,
Чтоб всех, урча и голося,
Магнетика заворожила.

О, многоглазое трюмо,
Ты стало клеткой отказною
На драгоценное ярмо,
Посеребрённое казною.

Над росписью алтарных врат
Рука Творца полна отваги,
Чтоб горько не крестился брат
На равнодушный лист бумаги...

Столбы ин кварто

Из недр вселенной ад поднялся Дантов
И, грохнув наземь, раскололся вдруг.
Н. Заболоцкий

Жив Николай!
Подать ему рояль!
По клавишам, как по горам Сибири,
Ударит он.
И станет думы жаль,
Рассеявшейся в обморочной пыли.

Он новый звук добудет долотом
Из недр души,
Доверенной потомкам.
И золотой величественный том
Он застолбит,

Чтоб тачкой-полутонкой
По рельсам строчек
Выкатить на свет
И опрокинуть...
Был он или нет?

Людмила Соболевская

* * *

Щемяще пахнет свежий клевер,
рассвет сулит мне ясный день.
И паутины лёгкий веер
принарядил трухлявый пенёк.
Пока коса не разгулялась,
дурманит мятою трава.
Пока с тобой не повстречалась,
пустыми были все слова...
Бреду по полю на рассвете,
а ноги тонут в травах росных.
О дне грядущем шепчет ветер,
и на душе светло и просто.
И не хочу я жить иначе!
Щедра подарками земля...
Пчела гудит, пичуга плачет,
И я — желанная твоя.

* * *

Подоспела осень
 как-то невзначай.
Мы её не звали
 на вечерний чай.
Просто был по случаю
 яблочный пирог,

Соболевская Людмила Васильевна (первые кн. под фамилией Лабазина), поэтесса (род. в 1946 г. в г. Бресте). Автор книг: *Запах клевера* (Иркутск, 1994); *Как у света на краю* (Иркутск, 1997); *Возвращение к себе* (Иркутск, 1998); *Предчувствие на кончике пера* (Иркутск, 2009). Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

и уже наскучило
 бегать за порог.
Захотелось в сумерках
 тихо посидеть —
всё равно повсюду
 разом не успеть.
И так сладко рядом
 обо всём молчать,
и совсем не надо
 что-то объяснять.
Так бы век с надёжным
 и с надеждой жить —
только невозможно
 сумерки продлить.
Золотую россыпь
 осень растеряла
И с немym вопросом
 на пороге встала.
Гостьею незваной
 к пирогу явилась —
значит, будет праздник,
 чтобы ни случилось.
На мгновенье сумерки
 озарились светом,
листопадной грустью
 о минувшем лете.

* * *

Зовите, грибные туманы!
Ведите меня за порог.
Обдайте сосновым дурманом
не пройденных мною дорог.
Влеките скорей к бездорожью,
туда, где бормочут ручьи,
где лес вековечный, надёжный,
с живою водою ключи...
И вот рюкзаки за плечами —
тоска по природе остра!

Мне снятся привалы ночами
и песенный гвалт у костра...

Вливает лесная прохлада
в душу осенний запах.
И прячется шум листопада
в мохнатых еловых лапах.

* * *

Не трезвонит бабье лето —
август не переименовать.
Песни юности пропеты,
и душа об этом плачет.
Слёзы реже — слёзы горше,
лишь созревший плод — отрада.
Он и прошлое итожит,
он и в будущем награда.
Не трезвонит бабье лето,
как весна, не куролесит.
Только любит жадно, щедро
и поёт протяжней песни.
В эту пору сердцу тяжко,
будоражат душу травы.
И цветёт всю ромашка
для любви, а не для славы.

Этюд

У сумерек звучанье скрипки
и свой восторг в тревожной гамме...
Исчезли краски, по ошибке
застыли будто в серой раме.
А за окном маячит призрак.
Шутник — себе устроил праздник:
то хлопнет форточкой капризно,
то дверью заскрипит проказник.

Я с замиранием внимаю
тому, как тает тишина.
Мне слышно, как сосулька тает,
как беспричинно пёсик лает,
колдует часом полутьма.
И полутени, полувздохи,
полутона вечерней хмари
знакомы каждому прохоже.
А вот художник на бульваре,
ловя уже незримый лучик,
кладёт мазок последней точкой
и слышит за спиной: «Везунчик,
он видел Ангела воочью...»

* * *

Дочь зимы и ветра буйного
Дерзко вырвалась на волю.
И помчалась неразумная,
без дороги в чисто поле.
Там стонала, словно вдовушка,
сиротинкой безутешною...
Кто поймёт чужое горюшко?
Чует стон лишь мгла кромешная.
Ох, как воется, как плачется —
обрыдалась моя душенька.
Знаю, зимушка дурачится,
сколько ж мне ещё так мучиться.

Мой дом

К закату день. Его потери —
мои потери — день утрат.
Не до высоких мне материй,
лишь на ночь мир тревог затерян —
«Не проживает адресат!».
Я двери плотно притворила,
оставила фальшивый плен

всего того, что натворила:
 речами глупыми сорила,
 казнилась средь колючих стен.
 Теперь тот час, когда, покаясь,
 зажгла свечу. В огне мой дух.
 И пусть в фантазиях скитаюсь,
 но главное, душой не маясь,
 прощения прошу я вслух...
 А воздух движется над твердью,
 свеча трепещет. Чуть дыша
 от близких жду я милосердия,
 таящего тепло в предсердье,
 пусть справедливый суд вершат...
 Мой дом, ты лучше всех на свете,
 Не стой у жизни на краю.
 Обласканы любовью дети,
 счастливых больше здесь отметин —
 Храни от бед мою семью.

Старая фотография

Твой крепдешин струился с плеч
 в немыслимых оборках.
 Фигурка пряталась твоя,
 был лёгок стройный стан.
 Фотограф был ещё не стар,
 и глаз с прищуром — зоркий,
 он то и дело поправлял
 приспущенный волан...
 Смущалась мама. Лишь вчера
 рассталась с гимнастёркой.
 Кричала вслед ей детвора:
 — А где же твой наган?
 Фотограф лихо подмигнул,
 и вот сомкнулись створки...
 Как будто маме посулил:
 — Снимаю на экран.
 Там места нет команде: «К бою!»
 Подруги живы и в тиши

поют любимую вне строя,
как низко гнутся камыши...
Поют девчонки, верят в сказку,
залогом к счастью — ордена.
Не зная, что готовит встряску
для них любимая страна...
Твой крепдешин струился с плеч
в немыслимых оборках.
Тебя ещё не знала я —
всё было впереди.
В комоде прятались на дне
ремень и гимнастёрка,
и высшим орденом сиял
ребёнок на груди.

Николай Соин

* * *

Оксане

Ты пройдёшь как болезнь,
От которой я скоро избавлюсь.
Всё оставляю что есть,
И с котомкой по свету отправлюсь.

Отражаясь в пруду,
Под душистой разлапистой елью,
Я костёр разведу
Из последних ненужных сомнений.

Выпью водки впотьмах,
Съем домашнего хлеба краюху
И усну на цветах,
Прислонившись к булыжнику ухом.

И заплачу во сне,
Закричу словно баба при родах...
Так пройдет по мне,
Точно трактор колхозный, свобода.

* * *

Наташе

Изъеденная болью
Хрипящая строка.

Соин Николай Андриянович, прозаик, поэт (род. в 1949 г. в г. Ленске, Якутия). Автор книг: *На белом острове любви*: рассказы (Якутск, 1982); *Спроси у реки*: рассказы (Рязань, 1993); *Злой дух Наманы*: рассказы (Иркутск, 1998); *Что-то снилось...*: стихи (Иркутск, 1999) и др. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Я гнался за любовью,
А вышел — на стрелка.

Потешная наука,
Когда навскидку влёт
Из золотого лука
Судьба-злодейка бьёт!

А ты стоишь в сторонке
И даже не глядишь
И тетивую звонкой
От скуки шевелишь.

Отступница, зараза,
Поганая княжна,
Ты хороша для раза,
На больше — не нужна.

Но почему так колет
Мою шальную грудь?
Но почему от боли
Ни крикнуть, ни вздохнуть?

Нема тайга, незряча,
И небо как в крови.
Один стою и плачу
От горя и любви.

* * *

Сыну Дэнису

С собою и с миром в согласье,
От нежных волнений светла,
Красивая женщина Ася
В апреле меня родила.
Здоровье, дворянство и гены,
Что мне передали деды,
Я нёс по извивам вселенной
С достоинством новой звезды.

Фальшивому зову не внемля,
 Я рвался сквозь мутную весть,
 Чтоб не были втоптаны в землю
 Фамильная слава и честь.
 ...Один на один с тишиною
 Сижусь среди мёрзлых осин,
 Но знаю, стоит за спиною
 Мой сильный и преданный сын.
 И если не хватит усилий
 Дела довести до конца,
 Он выйдет с рассветною синью
 Тревожной дорогой отца.
 И все начинанья продолжит
 В разрыве весенних дорог.
 И многое, многое сможет,
 Что я, к сожалению, не смог.

* * *

Просила женщина устало,
 Чтоб я в её края пошёл,
 Где сладок привкус краснотала,
 Где всё светло и хорошо.

Где столько разного и даже...
 Ужель сумею, унесу
 Со всем, что сам на свете нажил,
 Её камения и росу?

Не оступлюсь, не закачаюсь
 И ей не сделаю больней.
 Ведь не любовь толкает, жалость,
 Меня, безжалостного, к ней.

А женщина глядит устало,
 Она не хочет слышать «нет».
 Хотя и знает — опоздала
 На восемь зим, на девять лет.

О любви

Суть любви и рядом, и не близко
В каждом веке кто-нибудь искал.
О любви стихотворений триста
Я уже, пожалуй, написал.

Но когда, от недоверий злая,
Ты явилась среди разных дел,
Понял, что любви совсем не зная,
Я о ней не так, как надо, пел.

И ещё я понял под руками,
Льнущими ко мне из темноты:
Что о ней написано веками,
Разом перечёркиваешь ты!

Маме

Пароходик гудит устало,
Волоча, словно бредень, тень.
Как внезапно тебя не стало
В тот весенний и яркий день!

По тропинке, тебе лишь знамой,
Ты ушла от своей реки.
Я кричу тебе: «Мама! Мама!»
Отзываются тальники.

Обступают толпой, лопочут.
День накатист. Листва ярка.
Кто придёт ко мне светлой ночью
Посумерничать у костерка?

Кто разделит и боль, и радость?
Кто спасёт от беды и лжи?
Давит плечи утраты тяжесть
До надсада хребта и жил.

Но ни слова в ответ, ни взгляда.
Так же тих и пустынен плёс,
Где спешит пароход-бродяга,
Еле видимый из-за слёз.

Дымит трава...

Дымит трава туманом поздним.
Слегка горчит сопревший стог.
Ужель в пространстве многозвёздном
Мир этих красок одинок?

И миллиарды километров
В любую сторону от нас —
Чередование тьмы и света
Да звёзд пустынных перепляс.

И ни цветка, ни лепесточка
Ни на одной из всех планет,
Как будто стронцием прострочен
Весь этот межпланетный свет.

Но вновь и вновь зарёю алой
Земля кричит в глухую тьму,
Как будто что-то потеряла...
Когда? Кого? И — почему?

России

Вновь и вновь не рождаются строчки.
Значит, сила таланта не та,
Чтобы мощно, прекрасно и точно
Засветилась твоя красота.

Я не буду тягаться словами,
Но случись — и на высверке дня —
Автоматом, руками, зубами
Я скажу, что ты есть для меня!

Баллада о рыжей корове

Мама доила корову —
Рыжую и ленивую,
А мы сидели тихо
Возле неё — рядком.
И пахло в хотоне старом
Цветами, туманом, ливнями,
А мама смеялась ласково:
— Так это ведь молоком...

В раскрытую дверь заглядывали
Лохматые синие звёзды.
Тянуло с реки прохладой,
Рыбою и песком.
А мама, смеясь, доила
Нашу толстую Розку,
А Розка жевала что-то
И чуть поводила хвостом.

По пол-литровой кружке
Мы держим, ждём, на ладони:
— Налей мне тумана, мамочка,
Белого до краёв...
— А мне цветочков синих,
Скользнувших ручьём в подойник...
— А мне немножко радуги
С тёплым-тёплым дождём...

И мама нам наливала,
И хлеб ломала душистый,
И звёзды мигали, и синью
Переливалась трава.
И сны наши пахли ливнями,
Мятою и душицею,
И в снах был рыжий телёнок —
Глупая голова.

Потом налетела осень.
Замёрзли цветы. В хотоне
Бесился и плакал ветер

И наводил куржак.
А на крыше сарая,
Как на большой ладони,
Лежала коровья шкура,
Удилища прижав.

И облетали сказки.
И лопались маком рассветы.
А мама шептала сквозь слёзы:
— Ведь что-то же надо есть...
И мы варили Розку
И ели до самого лета,
А шкуру на сараюшке
Съела зелёная плесень.

Мы выросли.
В этом доля и глупой рыжей коровы.
Мы вынесли много тягот
Из горьких военных лет.
И снится мне вой снарядов,
И воздух от пуль свинцовый,
И рыжей коровы Розки
В траве серебристый след...

На границе

Роса на автомате серебрится,
Немеют пальцы, сжавшись на цевье.
Лежит перед глазами заграница
В колючей прорастающей траве.

Лежит она в тиши зелёной молча,
Но я-то знаю, глядя на закат,
Что тишина границ бывает громче
Порою самых страшных канонад.

Анатолий Столяревский

* * *

Жить в меж- и безвременье нам досталось.
Стихи накапливались как усталость.

Детприёмник

Солнце играет, резвится щенок.
...Переступаю обычный порог.

Чем-то больничным повеяло вдруг:
мальчик — без глаза, девчушка — испуг.

В поезде мама «забыла» её.
«Мама вернётся», — шепчет дитё.

Папа Егорки от водки сгорел,
мамка пропала, остался пострел...

Мал шалопутик: на прутик — скакать!
Жаль, приучился малец воровать.

«Дядя, скажи им, ну разве я вор?»
Боль не утишишь, утешив его.

Рыжего Гришку запомню навек,
он в детприёмнике свой человек.

Столяревский Анатолий Георгиевич, поэт, критик (род. в 1949 г. в г. Донбассе, Украина). Автор книг стихов: *Горячий свет* (Иркутск, 1996); *Песочное время* (Иркутск, 1999); критических статей в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Гришка — бродяга, объездил весь свет:
только ни мамки, ни папки в нём нет.

Мир мой нарушен, и ожил в нём страх.
Дети, чьи души сжаты в кулак,

Смотрят колюче, отрывисто. Ждут.
Словно я призван на детский их суд.

Словно я важный не пойманный вор.
Страшная кража. Беда и позор.

...Чёрное солнце разбилось у ног.
Переступаю недетский порог.

* * *

Чёрный
Белый Дом
Щёлкают затворы —
теперь уже — фотоаппаратов.

Зеваки
спешат
увековечить себя
на фоне собственного позора.

Москва, 19 окт. 1993 г.

* * *

Позабыли мы имя славянского мира
и не видим, как нежить ползёт из щелей,
а толпа вновь готовит костры для кумиров.
Мир стал скопищем разъединенных вещей.
Затоптали — отыщем ли? — шлях тот Муравский,
заповеданный предками крепкой закваски,

что мечтали о нас, как о будущей славе,
в богатырских забавах Ярилиных дней.
...Как вольготно растут безымянные травы
на просторах заброшенных русских полей!

* * *

В прошлогодней скирде заночую,
и приблизится небо ко мне,
синим светом Венеры врачуя.
Звёздно мысль проискрит в полусне,
что вот здесь, посреди мироздания,
у полоски налившейся ржи,
все зарыты земные страдания,
жизнь и смерть не ведут дележи.

* * *

Сосна по-птичьи проскрипела.
Вся высохла, кора слетела,
на сучьях мох, паучья снасть,
но что-то в ней не отболело
и не давало ей упасть.

* * *

Времена жизни.
Они делятся на «до» и «после»:
до войны — после войны,
до болезни — после болезни,
до тебя — после тебя,
до рождения — после рождения,
до смерти — после смерти.

* * *

Побороли
собственную
совесть,
сломали ей хребет
и бросили на дороге,
в пыли,
помирать...
Победителями шествуют
к банкетному столу —
длинному,
как механизированное корыто.

* * *

Ветви скрипят,
как ученические перья.
Я задрал голову,
пытаюсь разобрать,
как в детстве разбирал,
что же пишут деревья
друг другу
на белых клочках облаков.

* * *

Изумрудные ящери
греются
на большом замшелом камне,
вросшем в землю.
Камень настолько стар,
что когда я провожу рукой
по его поверхности,
песчинки легко отслаиваются
и несильно вдавливаются в ладонь.

Когда-то я любил сидеть на этом камне,
болтать ногами и слушать музыку «журчья».

...Голоса как будто из воздуха,
знойного,
настоянного на диких степных травах,
где горький дух полыни
главенствует:
— Бабушка, почему этот родник
называют святым и серебряным?
— В этом источнике, внучек,
плещутся среброкрылые ангелы.

...Просветлённый,
вглядываюсь в просветлённый родник.
В раздумье держу на ладони
белый голыш,
что вода обкатала.
Так чувства мои
жизнь обкатала.
Из живой глубины
поднимаются
солнечные пузырьки
и лопаются на поверхности
фейерверком маленьких радуг.
Над радугами
зависают стрекозы,
играя, ныряют в них,
и прозрачные крылышки
окрашиваются
в неземные цвета.
Я принимаю
воздушный парад стрекоз,
устроенный в честь моего возвращения.
Пью
родниковую воду детства.
И всплывают из глубины неумершей души
слова моей мудрой бабушки:
— В этом источнике плещутся
среброкрылые ангелы.

...И воздух родины мне горек
ещё потому,
что я многих уже
потерял.

* * *

Дорога туда и обратно —
две разных дороги.

Песочные часы

Время замкнутого пространства.
Мышиное шуршание секунд.
Песчинки —
одна за другой,
одна за другой —
скатываются вниз,
падают,
в панике убегают
от надвигающейся
пустоты.

* * *

Куда подевались странники —
калики перехожие,
приносившие праздник
в заскорузлый быт медвежьих углов?
Хоть бы один
забрёл в мой дом
с новой сказкой,
ради которой
стоило жить.

* * *

Сколько жизней сменил!
Эта — последняя:
в ней ни-
че-
го
не происходит.

Любовь Сухаревская

* * *

Что там за голос такой неусыпный,
Чей это горн?
Кто там в лазури небесной рассыпал
Белый поп-корн?

Кто это облаком застит кудлатым
Юг и восток?
Кто в нас вселяет, большой и крылатый,
Страх и восторг?

Судьбы, как камушки, перебирает,
Взявши в персты...
Кто там рассеянно нами играет?
Господи,
Ты?!

Снег в Иркутске

А снег с утра размашисто шёл, шёл — как в степи пожар,
И мир сотрясался, как чистый шёлк, — белый холодный жар.

И долго, крыльями хлопая, хлопьев его мотыльки
Беззвучно кружились в воздухе от города до реки.

И люди, слегка растерянно, будто впервые — так,
Запутывались во времени и замедляли шаг.

Сухаревская Любовь Иосифовна, поэтесса (род. в 1950 г. в г. Анжеро-Судженске Кемеровской обл.). Автор книг: *Тёмный отзвук* (Иркутск, 1973: *Бригада*); *Послушай сердце* (Иркутск, 1979); *Прямая речь* (Иркутск, 2006); публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

Кто-то смеялся весело: да это же снег, зима!
Подумаешь, эка невидаль — снежная кутерьма!

А снег ничего не слышал, он песню свою молчал,
Как будто, расставшись с небом, землю собой привечал,

То робко топтался возле, то снова пускался в путь,
Алмазной свежестью воздуха мне разрывая грудь.

* * *

В день Святого Валентина
Целоваться? Вот рутина!
Тайно? Не было и нет!

Лучше — руки для объятий
Распахнуть, как у распятого,
Охвативши целый свет!

Может, в этом целом свете,
Где влюблённые и дети,
Старики, иной народ —

И твоя, мой друг, улыбка
Попадётся, словно рыбка?
И, как рыбка, уплывёт...

Невод пуст. Осталась тина.
В день Святого Валентина
От любви звенит струна.

Всё в порядке. Шито-крыто.
У разбитого корыта
Плачет вечная волна...

Ода одуванчику

Только вчера диванчик
Покинула свой зима —
И вот уже одуванчик
Собой осветил дома.

Рядышком, на газонах,
Среди прошлогодней травы
Бредут, как стада бизонов,
Солнышки — это вы!

Жёлтые однодневочки,
Фонарики, светляки!
Юные, словно девочки,
Загорающие у реки,

Бодренькие, как мальчики...
Завтра вы — старики,
Божии одуванчики —
На памяти узелки!

Седые у вас на темени
Прядочки чуть видны...
Рассеют вас ветры времени
До новой — чужой — весны.

* * *

Когда зима, печаль и холода,
И воля жить стояла под сомненьем,
Уже не я — вся плоть ждала, когда
Пошлёт весну природы добрый гений.

Но вот пора. И, кажется, пришла.
Являет снег картину разрушенья,
И с первого под крышами стекла
Летит капель на скорости крушенья.

Я вострепелась, как от спячки — зверь.
И влажный ветер мне ласкает кожу,
И запах юга проникает в дверь,
И по ночам неведомое гложет.

Неужто я полмесяца назад
Вполне смирялась с участью своею,
Едва дышала и ходила в сад,
В лохматый мех укутывая шею?

Но по законам листьев и травы,
Я с каждым мартом заново рождаюсь,
И не отягощают головы
Ни годы, ни сомнения, ни зависть...

* * *

Ещё нет-нет, и оживёт пристрастно
Простая мысль в моём холодном лбу,
Что мир устроен чисто и прекрасно,
И что не стоит нам хулить судьбу.

Во мне жива осенняя прохлада,
И запах рук, что подают мне хлеб,
И утра луч, и влажный шёпот сада,
И взлёт птенца, и людных улиц бег.

И с ними я как будто бы богаче,
И не пустует мой холодный дом.
Во мне живут друзья, я с ними плачу,
Их песни в горле плещутся моём,

Во мне живёт погибший на войне,
А вы, живой, —
вы умерли во мне.

Пока живу

Пока живу я на земле,
Стелитесь, травы, под ногою,
Танцуйте, бабочки, во мгле
Передвечернего покоя.

И золотая пыль в луче,
И лопухов большие уши,
И жук зелёный на плече —
Всё, что живёт, волнует душу.

И столько будет слов и слёз,
Дождей и ожидания снега,
Что вдруг покажется всерьёз,
Что вечно всё, как вечно небо.

Но звёзды падают в траву,
И утро на закат похоже...
Живите все, пока живу.
Когда умру — живите тоже.

* * *

А. М.

Ты подарил мне белую тетрадь —
Чтоб я могла стихи не рифмовать,

Чтоб я по белым праздничным снегам
Шагала легче, чем по облакам,

Чтоб мне в судьбу подмешивать легко
Не чёрный дым — тумана молоко,

И Млечный путь, и лилии долин,
И белым утром журавлиный клин...

Чтоб в поле и в заснеженных лесах,
Сердечной болью, сыростью в глазах

Напоминали белые листы,
Как были наши помыслы чисты...

Чтобы меня избавить от оков
Грехов, ошибок и черновигов,

Чтоб я могла сама собою быть —
Земные сроки набело прожить.

* * *

Не верю политикам — они обманули
тысячу наших надежд.
Не верю идеям — они обветшали и сгнили.
Не верю яблоку — его пропитали не мёдом соблазна,
а ядом познания.
Не верю солнышку — лучи его канцерогенны.
Не верю ветру — он несёт радиоактивную пыль...
Не верю страсти — она заканчивается
ещё одним дефицитом,
смертельным.
Не верю, что все мы уйдём.

Верю маме — она не лукавила,
когда говорила: устала жить.
Верю дочери старшей, которой ещё нравится
держать меня за руку.
Верю дочери младшей, которая говорит:
«Осторожней через дорогу!»
Верю работе — её никогда не переделаешь всю,
даже если окажешься
безработным.
Верю друзьям — они меня не предавали.
Верю в то, что про всех нас
написано
в Книге Судеб.
Верю тебе, сказавшему, что глаза у меня сияют
и что имя моё — любовь.

Андрей Тимченов

Лунный человек *В сокращении*

Той звезде, под которой
свершается Воскресенье,
понедельник неведом.

Белое солнце мёртвых,
солнце ночных скитальцев
монетой скользнёт затёртой
из онемевших пальцев

Лунного человека,
отражением в небе
плывущего с грустью светлой
на созвездии Лебедь.

У этого солнца втуне
гулкое сердце бьётся.
Мать моя в полнолуние
в последний раз улыбнётся,

Лунному человеку
больную протянет руку
и обречёт навеки
сердце моё на разлуку.

— Как тебе там живётся
за мёртвой свечой из воска?!

Тимченов Андрей (Тимченко Андрей Николаевич), поэт (1968, пос. Бохан Иркутской обл. — 2007, Иркутск). Автор книг: *Игры в домино с Чингисханом* (Иркутск, 2001); *Пустынное место* (Иркутск, 2004). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

— Тут у нас тоже солнце —
белое, как извѣстка.

Охотники на снегу
*По мотивам одноименного полотна
Питера Брейгеля-мужицкого*

У меня в рюкзаке
пара банок тушёнки,
каравай деревенского хлеба,
головка лука...

А. Кобенков

1
С узелком попутного ветра в руке
я ступил на снег вслед идущим гурьбой
охотникам,
но пёс вдалеке
оглянулся, почуяв мой взгляд чужой!

Я знал, за посёлком, через тайгу
Братское море во льдах молчит,
а здесь
охотники на снегу,
и пёс, почуяв мой взгляд, ворчит!

Первым идёт завхоз Пистолет —
всего один палец на правой руке.
Он идёт уже много лет,
столько же, сколько лежит в песке!

У химлесхозовского ларька
он любил анекдоты травить,
и парила его рука,
одним пальцем связуя нить.

Когда снег вступает в свои права,
деревья так же вступают в снег.
Жители посёлка везут дрова
на трелёвочных тракторах во сне.

В этом же сне они drankу лучат,
водкой в бараках слезу размочив,
а потом перед участковым молчат,
когда кровью удаётся снег омочить.

Вторым идёт немец Рудольф
С аккордеоном,
через плечо —
ремень, натёрший ему мозоль
за жизнь, прошедшую горячо!

Третьим идёт Димка Майор,
тот, что на вздымку попал за грехи,
он большой мастер бильярда на спор,
когда не с похмелья. Любитель духи

женские с утра потреблять,
чтобы сердце к работе привлечь,
когда оно не желает вскачь,
а всё норовит под желудок залечь!

Через ручей перекинут мост,
а ручей к морю спешит,
птица поймать его хочет за хвост,
снег пушистый над ним ворошит.

По узкой дамбе Шиверский-дед
тушу лося на санях волочит.
Лошадь фыркает солнцу вслед.
Дед, уткнувшись в сигарку, молчит.

Вижу себя на замёрзшем пруду,
мне не больше семи,
на коньках
с клюшкой паса от Лёхи жду,
чтобы в ворота шайбу загнать.

А в воротах не помню кто...
Взгляд собачий вступить не даёт
через австрийский музей в полотно,
на минувшего детства лёд!

Четвёртым завклуб с вертикалкой занёс
ногу, вот сделает шаг, и тогда
откроется взгляду кривой, как вопрос,
столб, уносящий к домам провода...

Слева от группы бондарка и зал
с дизелем, свет подающим.
Монтёр,
увидев охотников, что-то сказал,
но был не услышан.
А дальше вахтёр,

копаясь у топки сушильной печи,
от треска смолёвых поленьев ничего
не слышал.
И ветер, рукав засучив,
гремел над ним жестью,
смотрел на него

глазами оленя с герба на стене
и птички, под крышей нашедшей приют.
И ветер дивился, что выпавший снег
единым источником света был тут!

А дерево, символ всего бытия,
объединяло пространство — вокруг
и то, за чертой горизонта, объять
ему доставало извилистых рук.

То Братское море, ту жизнь, огнепад
мерцающих окон в больших городах —
всё это во сне закружил снегопад,
вернув меня в детских шататься мечтах!

Шатун с Шатунихой и Коля-мордвин,
ходящие летом-зимой босиком,
с далёкой временки брели в магазин,
накрывшись одним на троих пиджаком.

Вслед за санями и мимо пруда,
«пушниной» мордвина рюкзак нагрузив,

они так и шли, замерев навсегда,
в единственный храм их судьбы — магазин!

Пятым начальник участка, за ним
в группе охотников — свора собак.
И только одна оглянулась на крик,
когда я отчаялся детство догнать!

2

С узелком попутного ветра в руке,
чья-то тревожная тень за спиной,
словно рисунок на белом песке,
стёртый почти,
но идущий за мной!..

Немец Рудольф, потянув за меха
аккордеон,
извлекает гудок
электровоза, за гранью стиха
идущего вне полотна на восток!

Но в отраженье картины в стекле
сходятся напластованья времён.
Тень с узелком моей жизни в руке
в группу охотников входит.
Потом

начальник участка, заполнив наряд,
сводит концы между просек и троп
и птицей, зависшей три сотни подряд
лет над идущими с шелестом стоп!

Снег возвращает пространству объём
из насыщения светом — окрест
каждый предмет отражается в нём
светом повторным, мерцающим вслед

группе охотников.
В первой волне
тьма, расступаясь, ведёт ко второй...

Завхоз Пистолет, расплескав её вне,
Увидев меня, поманил за собой,

за рамку багета, где я ощущал
не скуку музея уже...
За спиной
дыханием снега пейзаж обитал,
вонзаясь под кожу сосновой хвоей.

И Шиверский-дед через дамбу в санях,
законы пространства блюдя в чистоте,
всё ехал и ехал в течение дня,
и ночи, и века...
На этой черте

меня осенило, что ход перемен,
ведущий по жизни, меня приведёт
в конечном итоге, за смертью, смотреть
за Лёхиным пасом на брейгелев лёд!

И перестанет собака ворчать,
когда, оглянувшись, увидит меня.
Виляя хвостом, она будет встречать
меня на исходе вчерашнего дня!

Вячеслав Тюрин

* * *

Безнадёжно садиться к бумаге,
когда на сердце нет ничего,
кроме слёз, этой клятвенной влаги,
сознавая с другими родство.

Безнадёжно таращиться в окна,
мерить комнату шагом, как зверь.
Тянет в рубище выйти на стогна
только русскую душу, поверь.

* * *

Облака по небу караваном
медленно идут в порядке рваном,
словно фантастические флаги
доброй воли, белокурой влаги.

Сединой увенчанного старца
мысли с перламутинками кварца,
в немоте своей подобны рыбам,
тучи громоздятся над обрывом.

На душе спокойно и дремотно.
Осени великие полотна,
пир воображения, победа
вымысла над явью, полной бреда.

Тюрин Вячеслав Игоревич, поэт (род. в 1967 г. в Якутии). Автор книг: *Всегда поблизости* (М., 2001); *Розы в стране гипербола* (Иркутск, 2006). Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

* * *

Берёза бережёт, осина сторожит.
И звёздами шатёр затейливо расшит.
И, с добрым утром поздравляя, птица
расспрашивает: чив, чего не спится?

Дыхание нахлынувшей весны.
Как будто среди страждущих озимо
забил родник, и люди спасены.
Жизнь женственна, загадочна, ранима.
Ни с чем до самой смерти не сравнима.

Вечнозелёное свидетельство сосны
дано, дабы не спятили сыны
звезды, сгорающей от дыма.

Луна, ниспосылающая сны,
как зеркало земле необходима.

* * *

Я заброшу тетради в стол,
ибо жалко бумагу жечь.
А куда бы задвинуть глагол,
о котором и шла речь?

Я пойду в контору служить,
стану время там убивать.
Я начну, как и все, жить
и поменьше существовать.

И когда-нибудь, по весне,
сгину полностью. Ты поймёшь
это сразу по тишине,
без которой слова — ложь.

Я покамест ещё говорю —
про себя, временами вслух,

и неведомое творю,
как один из Твоих слуг.

Ветер

Дул порывистый ветер,
заставлял твоё платье
пламенеть вокруг бёдер,
избежавших объятья.

Невидимка, волшебник
в износившихся ризах.
Он не вёл задушевных
разговоров, как призрак.

Но, как жаркий любовник,
он лобзал твои ноги.
Городской уголовник,
поднят, как по тревоге,

он обшарил углы все,
прежде чем тебя встретил.
Но куда же он скрылся,
твой порывистый ветер?

Завтрак

Жуть яйца, разбитого всмятку,
сигаретный дымок над кружкой
с кофе. Склонные к беспорядку,
мысли бегают друг за дружкой.
Эти салки под звон посуды —
настоящая пытка бредом.
Эти вечные пересуды
с существом, чей язык неведом.

* * *

В окно глазела нищета
земли, заждавшейся тепла.
Не понимая ни черта,
по эту сторону стекла
сидел писатель за столом
и вспоминал, как он ходил
сдавать цветной металлолом,
а чепухи не городил.
У дикой яблони в плену
стоял, забывшись, иногда.
Глотал голодную слюну,
и пахла хлоркою вода.
Трущоба лезла в окоём,
как оборванец на постой.
«Проваливай, не подаём», —
шутил язычник, холостой,
как выстрел, сделанный во сне,
где вещи кажутся людьми,
весёлыми, как на войне,
обратной стороне любви.

* * *

Словно избранные стихи,
предо мною мои грехи.
То есть песнь и судьба едины.
Тщетны поиски середины.
Тем не менее, надо жить,
хлеб надламывая бессмертный.
Ежедневностью дорожить,
как священники — тучной жертвой.
И вести себя по-людски.
Без того небеса близки
к помешательству, к сдвигу в бездну.
Ты исчезнешь, и я исчезну,
как улыбка с лица земли
или парус из окоёма.
На прощанье мелькнув вдали,
будем дома...

Денис Цветков

* * *

Маше

Через миры и расстояния,
Через войну
И смерти мрак,
К тебе спешил я на свидание,
Гонимый ревностью, чужак.
Ни сна, ни отдыха не зная,
Я обошёл весь шар земной.
Всё думал: вдруг да опоздаю?
Вдруг у тебя
Уже другой?

Тебя красивою я выдумал.
И ты красива,
Что скрывать?
Но коль меня
Из тысяч выбрала, —
Умела, значит,
Выбирать!..

Кони

Как бы спасаясь от погони
И ошалев
От буйства трав,

Цветков Денис Михайлович, поэт (род. в 1921 г. в с. Чулым, Западная Сибирь). Автор книг: *Высоковольтка* (Иркутск, 1973; *Бригада*); *Годовые кольца* (Иркутск, 2000); *Вечерний звон* (Иркутск, 2001); *Признание в любви* (Иркутск, 2002); *Стихотворения* (Иркутск, 2006); *Земной поклон* (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Резвились в поле
Чудо-кони,
Хвосты и гривы разметав.
О, боже,
Как они красивы!
Летящим лебедям сродни.
Россия!
Милая Россия!
Ты их для внуков сохрани!
Возьми с собою
В наше завтра
Всему на свете вопреки!..

...Когда-то ведь
И бронтозавры
Вот так резвились
У реки!..

Моя звезда

Я уходил из дома навсегда,
Не зная ни любви и ни измены.
Меня манила дальняя звезда,
Суля в нелёгкой жизни перемены.
Была дорога очень тяжела.
Хорошему коню, —
И то не в пору.
Но, закусив упрямо удила,
Я шёл вперёд, —
То под гору,
То в гору.

И, выбиваясь из последних сил,
Я нёс свой крест
И горько улыбался:
Чтоб кто-то мне помог, —
Не попросил,
В пути помочь —
Никто не догадался!

И я иду
Всему наперекор,
Всё сущее оценивая взглядом.
Горит звезда...
Маячит до сих пор...
То далеко,
А то почти что рядом!..

Бабка Марья

Одна, без мужа,
Вырастила сына.
Как честь свою, сыночка берегла.
И гнулась,
Будто тонкая рябина,
Что к дубу перебраться не могла.

А сын подрос,
Уехал из Кривуши:
Жизнь на селе — несладкая весьма...
Четвёртый год
Он где-то бьёт баклуши,
Четвёртый год
Ни одного письма!..

А может быть,
Он безнадежно болен?
Или давно уже в сырой земле?
А может быть,
Томится сын в неволе
На позабытой Богом Колыме?

В беде не помогает и иконка.
Как холодно в родном доме одной.
О, сжался, сжался,
Сжался, почтальонка,
Не обходи старушку стороной!

* * *

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе!..

Вас. Фёдоров

Качая головой при этом,
Василий Фёдоров сказал:
— Ты мог бы стать
Большим поэтом,
Но ты родиться опоздал.
Сказал, насупившись сурово,
Как генеральный прокурор.
Последние четыре слова, —
Меня смущают до сих пор.

С поэтов, знаю,
Взятки гладки.
Что это? Дёготь или мёд?
Сия загадка без отгадки
Мне жить спокойно не даёт.
Пусть я не вовремя родился,
Судить об этом не берусь.
А всё ж, родившись,
Пригодился, —
Не запятнал родную Русь!

То, что я делаю, — от Бога,
И не сную туда-сюда:
У каждого своя дорога,
У каждого своя судьба.
Я, вопреки признанью друга,
Без строчки не провёл и дня.
Поэзия — моя подруга, —
Вдовою станет без меня!

* * *

Когда смотрю
На это фото,
Я, как мальчишка, встрече рад:
Передо мной —
Родная рота, —
Сто двадцать стриженных ребят.
Они,
Друг к другу прижимаясь,
Стоят у каменной стены.
Стоят,
Беспечно улыбаясь,
Как будто нет уже войны.

Колхозный
Бывший председатель,
А ныне — фоторепортёр,
Загнал солдат
В видеоискатель
И расстрелял
Бедняг в упор.
Он громко кашлял то и дело.
И знал, провидец, наперёд,
Что этот снимок чёрно-белый
Всех, кто на нём, —
Переживёт!..

* * *

Жизнь — повседневная борьба,
Где каждый шаг
Берётся с бою...
Благодарю тебя, Судьба,
За то, что был храним тобою.

Что, подарив мне два крыла,
В сырой темнице не держала,

И хоть строга
Порой была,
Но не показывала жала.

Как путеводная звезда,
Ты в жизни верно мне служила.
И в трудный час
Везде, всегда
От бед подальше уводила.

Я комплимент тебе дарю,
К стопам покорно припадаю.
— Благодарю! Благодарю!
И на взаимность уповаю!..

Однажды

Я вычислил в тот раз «кукушку».
(То снайпер-итальянец был.)
И трижды
Брал его на мушку,
И трижды мушку отводил.
А он,
Агиткой сбитый с толку,
И зла к соседу не тая,
Читал вчерашнюю листовку,
Едва губами шевеля.

К нему
Проникся я доверьем.
Ведь есть, наверно, и семья?!
Передо мной
Сидел «деревня»,
Такой же парень, как и я.

Но чудо всё же есть на свете.
Хотя его
Порой не ждём.

Он тоже ведь меня заметил,
Но продолжал играть с огнём!
Земля была
В холодном поте,
И на кону стояла жизнь.
Но взвесив все
И «за» и «против»,
Мы полюбовно разошлись.

Война — волшебная наука.
И мне маячил трибунал.
И если бы
Не маршал Жуков, —
Ты б эти строки
Не читал!..

Марина Шамсутдинова

Баллада об «Артеке»

Памяти
Аллы Чеботарёвой

Шёл год восемьдесят девятый.
К закату клонился проклятый,
Прославленный и распятый,
Родной наш Двадцатый век...

Мы жили одной дружиной,
Дружина звалась «Хрустальной»,
Росли мы в равном Союзе,
Дети СССР.

В «Артек» двадцать первого мая
Слетелись на слёт весенний.
Союз — потому что совместно!
Дружина — от слова дружить!

Мы пели общие песни
О Родине на грузинском,
Потом о дружбе на русском,
О маме на украинском,
О доме на белорусском,
Учили слова на казахском,
Записывали на армянском,
Узбекском, киргизском, таджикском,
Что будем друзья навек...

Шамсутдинова Марина Сагитовна, поэтесса (род. в 1975 г. в г. Иркутске).
Автор книг: *Солнце веры* (Иркутск, 2003); *Нарисованный голос* (Иркутск, 2007); *Дань за 12 лет* (Иркутск, 2010); *Стихи* (М., 2011). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

А море искрилось шёлком,
Лоснилось, как спинка дельфина!
Влюблялись, смеялись, купались,
Взвивали отрядный костёр...
Ещё ничего не случилось,
Но нотки гнева впивались,
В родных голосах прорывались,
Вливались в нашёптанный хор!

Грузины припоминали
Сапёрных лопаток скрежет
И осетин между делом
Звали грязным ворьём.
Делёж шёл равнин и посёлков...

Львовяне сбегали на сходку,
Днепропетровск созывали
С собой в самостийный союз...

Спокойные, как удавы,
И преданные казахи
С русскими объединялись —
Мальчики из Иркутска,
Мальчики из Астаны...

Таджики не выносили
За москвичами мусор,
Узбеки для нас не строили
Походным днём шалаши...

Мы были нелепым слепком
Всех болей и всех конфликтов,
Которые, как нарывы,
Взрывались на теле страны...

Мой друг из Тбилиси — Леван,
И Мака из Еревана,
Гоча из Соликамска,
Вася из Алма-Аты —
Жизнь нас растасовала
И по Земле разнесла...

Мне больно представить даже
Левана руководящим
Отрядом, который ночью
Бомбил оглохший Цхинвал!

Мне страшно даже представить
Евген, чтобы бил ногами
На жёлто-блакитном майдане
С братками Уна-Унсо
Лёшку из Днепропетровска!..

Уже двадцать лет минуло,
И пусть мы не мушкетёры,
Но сердце по-прежнему верит,
Что дружба не продаётся
И братства не разорвать!

И встретимся мы однажды,
Как на прощанье решили,
У памятника в Тбилиси
На площади у Горгасали
В шесть вечера после десятой,
Двадцатой, тридцатой, сто пятой,
Тупой и ненужной войны...
Обнимемся и заплачем...

* * *

Я не люблю мужчин, которых я люблю.
Они чуть-чуть подлей, чем остальные.
Мне врут, а я их, в сущности, терплю —
На грошик дела, да слова пустые.

Быть может, я люблю их за слова,
Нанизанные на скупую нитку?
Немножечко кружится голова,
Когда читаю в золоте визитку:

«Ген. дир.», «Ком. дир.», «Советник»,
«Президент»...

Как много в этом спеси и гордыни.
И в портмоне надраен каждый цент.
Запоминаю на визитке только имя.

Я выбираю имя невзначай,
Каким их мама в детстве называла,
Их приглашаю на простецкий чай,
На штопанное в клетку покрывало.

Стихи читаю, и слова тихи.
Я говорю, что в мире зла немало.
Гоню их в дверь, шаги мои легки,
И вою от тоски под одеялом.

Сергей Шаршов

Мужик

...Часто вползая в жилище убогое думал
страшные мысли по сути...
другой испугался б... кинулся к людям... бедняга...
а этот лениво... помнил... бубнил их...
давился раскатисто ими...
шарил постель и жену...
засыпал... просыпался...

некий учёный... этнограф... записывал сказки...
морщил застенчиво лоб... если где-то вульгарность...
или фигура... достойная вновь монографий...
он собирался... так много уже матерьялу...
что, понимаете сами, глаза разбегались...
и в перспективе мерещилось новое имя...
хоть и не скромно, конечно... но ради науки...

вдруг появлялся мужик...
он не видел дороги...
шёл спотыкаясь... и тупо взирая куда-то...
так несуразно... ненужно... босой и без шапки...
что-то поганя такое... без спросу... одним своим видом...
и никакой за собою вины он не числил, понятно...
мало того... за доuku... за нечто пустое... почёл бы...

милый этнограф от этого чуть ли не плакал...
всё... в том числе и себя... подвергая сомнению...
сами собою фольклорные записи мялись... сами потели...
и с удивленьем... застыв бесполезно глазами...
слушал он дальше рассказы старушечьих лиц...

Шаршов Сергей Николаевич, поэт, прозаик (род. в 1961 г. в г. Черемхово). Автор книг: *Фрагменты* (Иркутск, 1990: *Стихи по кругу. Вып. 1*); *Преизбыток* (Черемхово, 2005); публикаций в периодике. Член Союза российских писателей (Иркутское отделение).

как наважденье... как смех... и над ним... той трясины...
где тот мужик так умело блуждал и кружил...
жизнь не имела значенья... она не хотела...

а мужик просыпался...
и поворачивал трудное молча лицо на жену...
что неуклюже спала... непонятная мужу...
и выходил по нужде... и смотрел на луну...
в это безмерное... рваное... смачное небо...
жадное небо...
колышущее листву...

Хлеба и зрелищ *В сокращении*

1.
Страна распростёрлась от края до края...
Солнце далёкой провинцией слыло...
солнечный дым...
его волны...
клубились...
обожеествляя... и возрождая...
многие были торжественно рады
тем... что владеет страна этим чудом...
и презирали смеясь чужеземцев...
и потешались над ними лукаво...
были дороги запружены людом...
ехали... шли... поклониться... увидеть...
в солнечном дыме они исчезали...
и становились наверно святыми...
а в городах умножалось богатство...
пиршества... оргии... споры о жизни...
шумным обилием плыли базары...
Хлеба и зрелищ!
Хлеба и зрелищ! <...>

3.
Браво!
Браво!
Рукоплескания...
Это браво умирает гладиатор...
— Какая пластика!
— Как он вошёл в свой образ!
— Какое понимание умирающего!
Рукоплескания...
цветы летят в песок...
изрытый кровью... жаждой жить... и мужеством...
Уже бегут:
— Автографа! — Автографа!
но тело...
к сожаленью... уже крючья...
оттаскивают... Цирк окончен... толпы
зевак расходятся... но сколько впечатлений!
и не сказать? не показать свой ум?
Все смертны... эта сторона конечно...
но ведь Триумф! Триумф!
все говорят... все разговоры лишь о нём...
все страсти...
— Его портрет нарисовали... — Боже! Когда?! —
у самого зверинца некто...
я видел... тот лик... его осанка...
— Он бесподобен!
— ...знал его немного...
— был благородным юношей...
— Безумец...
— Ах, что вы понимаете в талантах!
Расходятся... темнеет... бьют куранты...
один поэт...
бродяга и бездельник...
потрогал струны...
усмехнулся...
ветер
понёс было листву... но не осилил...
на стенах как обычно манифестов...

но Ночь...
пора в ночлежку...
завтра утро...

4.

...но между тем... в соседнем доме свечи
ещё горят...

хозяин держит речь...

то заговорщики...

один другого краше...

совет у них идёт... назначен час...

(Зачем всё это?

Что всё это значит?

Игра воображения, друзья...

Игра...

советуют играть воображеньем...

чтоб забывать

чтоб понимать себя)

Их заговор раскрыли... всех казнили

один бежал... и прятался три дня...

И если б не свидание с любимой...

но это скучно...

помнится родня

его не понимала в этом роде...

не допускала мысли чтобы так...

* * *

Представьте комнату где книги... книги... книги...

все в золотых тиснениях... все рядом... и привидение...

и заспанный профессор:

— Я вас не понимаю... Что вам надо?

— Я привидение...

— Ах, да!.. Какого века?

— Я право же не помню... но, пожалуй,
в пределах ваших знаний...

— Что ж... прекрасно...

Мне надо уточнить один вопрос...

Я верил... Верил... Вы располагаетесь...

Вам может кофию?.. а впрочем есть коньяк...

Употребляете?

— ...хотя не столь и часто...

Премного благодарен... Значит к делу?..

— Я звал к себе всю мощь воображенья...
Я звал к себе коллег из мрака чисел.
И ваше посещение...
— ...Не стоит... Так в чем же заключается вопрос?
— Вы верно помните весь текст Священной Книги?
— О, нет... я в общем-то не помню ничего...
Так... основные постулаты... принцип...
— Но как же так?! Я столько лет... я сед... и...
— ...надобно смириться с этим... Всё очень просто...
— Не поверю! Нет! Последний лоботряс и я...
— Равны... а вы к тому ж ещё равны излишне...
Вы понимаете?
— Кон-нечно! Да-а... я слеп... Был слеп...
Вы верно шалопай большой, но я-то!
я столько раз задумывался сам...
что если... это отговорки... а не знание...
что если — бред испуганной души... познавшей истину...
веление познавшей... и убоявшейся идти...
идти и жить?
все эти комментарии... раскладки...
Испуг... который... боже! лечат бабки...
какая-то нелепая волшба... а впрочем — сказки...
дети так мудры... им всё понятно...
мы для них — велики... Наш образ... Замысел хорош...
Какой зачин! заметьте сей нюанс... Он вдохновляет!..
а что бы если б сразу говорили — мы — черви...
мы — продукт... не говорим! любовь мешает...
боязно за них...
пусть будет мир прекрасен!
значит знаем... что занимаемся не тем чем мы должны...
и продолжаем заниматься зная...
за веком век... круги, круги, круги...
то — лёгкий путь... легко и не накладно...
предмет нам чужд... особенных рефлексий,
страданий... он не вызовет
и... так что тут можно городить и городить...
Широкая дорога, милый друг,
когда был молод... я смотрел на это,
как на огромные возможности свои...
Но вот явились вы... мы пьем коньяк.
И что я буду говорить им утром?

— Я право же себя уже виню...
— Для привиденья... это очень странно...
Но всё равно не надо... быть сему...
Сыграйте лучше, друг мой на бандуре...
Вы бандурист?
— Да, банда «Ла Когуль»...
— Так, вы Вийон, который?!.
— Был поэтом?
Однако — жизнь, она ведь... вот — брожу...
И даже вот — приходится с кастетом:
Ночная публика, ночные рандеву...
Так, вы пойдёте?
— Да, да, да! Конечно! А сколько нас?
— А сколько захотим...
Хотите свистнем всё Средневековье?
В окошко гляньте: «прошлогодний снег»!
А сыплет как! Отныне только Вечность...
ни следствий ни причин... мы у Творца,
сначала страшно — но потом — смеёшься...
Он — приколист, он любит чудеса...
И, в общем-то, смиряешься, что тоже...
И если скучно — значит не туда...
— А, я-то! Я-то!
— Он непредсказуем.

Светлана Шегебаева

* * *

Не торопись. В моей груди
Ещё волнение не остыло...
Бог мой, как я тебя любила!
Но всё равно: не уходи.

Конечно, жизни суета
Нас разведёт. Но будет прожит
Прекрасный миг, и вновь встревожит
Глазниц огромных темнота...

Не торопись. Дай отлюбить,
Дай счастьем сердцу всласть напиться,
И этим счастьем отравиться,
И это счастье пережить.

* * *

Не для того меня растила
Родная русская земля,
Чтоб я её потом забыла,
Уехав в дальние края.

И вера мне дана, и сила,
Чтоб выстояла я в бою,
Чтоб для потомков сохранила
Породу крепкую свою,

Шегебаева Светлана Сабыровна, поэтесса, прозаик (род. в 1967 г. в г. Дивногорске Красноярского края). Автор книг: *Горalinka*: стихи (Иркутск, 2000); *День ангела*: проза (Иркутск, 2004); *По тонкому лучу*: стихи (Иркутск, 2010). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Передала на попечение —
Казалось бы, что проще нет —
Из поколения в поколение
Хранимый бережно секрет:

Мы навсегда — одно с землёю,
Где неслучайно родились,
Навеки с ней и меж собою
Корнями русскими сплелись,

Друг друга стойкостью питая,
Друг другу — кровная родня...
Да, сильно, сторона родная,
Надёжно держишь ты меня.

* * *

Простынет хата! — бабушка кричала. —
Не выстуди!
Я дверью — хлоп! — в мороз.
И долго на крыльце потом стояла,
Прикрыв от стужи рукавицей нос.

Выл у соседки наглый поросёнок,
Ход в огород был узок, как окоп.
Мороза сотни крохотных иголок
Впивались в мой упрямый смуглый лоб.

В туманы молча кутались Саяны,
И дыбилась на их хребтах тайга.
И инеем застывшего дыханья
Ложились на ресницы мне снега.

Прохожих и проезжих отмечая,
Позёмка вдоль по улице мела.
И чья-то баба, вёдрами качая,
Сквозь ту позёмку с коромыслом шла.

Звенела цепь промёрзшего колодца,
Мотоциклет строчил как пулемёт.

Я знала: это счастье мне даётся
На много зим и много лет вперёд.

* * *

А я лечу на скакуне сквозь ветер,
И остаются за спиной потомки.
Желания мои хлёстки, как плети,
Из-под копыт коня летят обломки.

Всё разбивают начисто копыта,
Всё, что сама я, как мечту, любила.
И сердце в скачке бешеной разбито,
И лошадь удила перекусила.

Жжёт плеть её бока. Ей больно, больно!
И я к свистящей гриве прижимаюсь.
Пора бы в страхе закричать: довольно!
Но нет, вперёд! Вперёд, пока не каюсь!

Что впереди — не видно, всё в тумане,
И только звезды мне навстречу мчатся.
На миг забьюсь в наброшенном аркане
И испугаюсь, что могу бояться....

Но друг мой верный, хоть и в мыле, всё же
Из петли вырвет всадницу на волю.
А от бечёвки крови след на коже
Я новой, свежей болью обезболю.

Летим — и в скорость шеи выгибаем,
То в пропасть падая, то вылетая.
Сто сорок раз в минуту погибаем,
Сто сорок раз зачем-то выживая.

* * *

Платите щедро за любовь — любовью.
 Не яростью платите и не болью —
 С начала мира до конца времён
 Любите нежно тех, кто в вас влюблён.

И горечью вознаграждать не надо
 За свежесть чувств, за откровенность взгляда.
 Не оскверняйте чистоту колодца —
 Пусть пить вам из него и не придётся.

Перед и после

Почти спокойна. Передвечер.
 Иль передутро — горя мало.
 Оплывшая слепая свечка
 Упрямо тянет тень бокала
 По скатерти. Дрожит, змеится
 Дымок над фитилём чадящим.
 И сердце... Сердце трусит биться
 Меж будущим и настоящим.

Всё замерло. Всё в ожиданье.
 Всё в стадии передпохмелья.
 Переплавляется в страданье
 Уставшее послевеселье.
 И тает цвет, плывёт фактура
 Реальности, взорвавшись болью.
 Все бесы ада караулят
 Мою измученную волю.

Я скоро сдамся — скоро, скоро...
 Я ваша. Но не торопите.
 Последнего души затвора
 Не взламывайте, обождите.
 Передтоска — после утраты.
 После разлуки — посленежность.
 И настигающей расплаты
 Оправданная неизбежность.

* * *

Меня, строптивицу стобедную,
Зря пробуешь ты приручить.
И скучную, дурную, вредную
Привычку к жизни мне привить.
Все знают, что река послушная
Загороди — с пути снесёт
Заторы. Внешнее, наружное
Воды течение — не в счёт.

А что же я? Стихия дикая
Всегда для воли рождена.
По снегу алыми гвоздиками,
На белой скатерти вина
Неровными густыми брызгами:
Что это — кровь или вино?
Какую выгоду ты выгадал?
Коль это счастье, в чём оно?

Другое дело — неизбежностью
Мую свободу искушать,
И с томною восточной нежностью
Изгибы шеи целовать.
Да, околдована, контужена,
Я забываю непокой,
И скованною лютой стужею
Рекой смиряюсь пред тобой.

Но в глубине резвятся светлые,
Таёжные мои ключи.
И в полыньях вода по-прежнему
Совсем немного, но горчит...
Сама же я, нема, не сломлена,
Как прежде, не покорена,
Нет, нет и нет! Не остановлена —
На время лишь усыплена.

Символ веры

...ибо какою мерою мерите,
такую же отмерится и вам.

Евангелие от Луки. 6, 38

Он, веруя, по водам мог пройти
И накормить народ пятью хлебами.
Дочь Лазаря заветными словами
Окликнуть смог со смертного пути.

И кто сравнится с ним в его беде?
Иных и прочих тоже распинали...
Но не ходили люди по воде!
И мёртвые — не воскресали!

Избыток знанья как избыток слов...
Чем истинности меру их измерить?
В начале всех начал была Любовь.
В конце концов — призыв в неё поверить.

Чудесен Божий день. Чудесна ночь.
Мир многоцветен, ярок и прекрасен.
Но Лазаря испуганная дочь
Глядит на Божий лик — и он ужасен,

И грозен, и угрюм, и нетерпим,
И нет от Спаса этого спасенья!
Нет гибели, а значит, воскресенья
И оправдания страстям земным...

Вот в чем разгадка вечности самой:
Без веры нет и тех, кто должен верить —
Ведь ничего ничем нельзя проверить,
Коль нету меры веры никакой!

Тьма — тьме! А светоч — светочу! Поверь!
И всё, во что поверил, воплотится...
Но, если духом слаб, не смог решиться,
Тогда — вперёд, дерзни и сам проверь!

* * *

А на мне всё возят воду,
Погоняют в два бича
Вдоль и вширь по огороду:
Остывай, коль горяча!

Но отчаянье — приправу
К разносолам дрызг пустых —
Презираю я по праву
Огнеглазых, молодых,

Подпоясанных мечтами,
Чьё высокое чело
Светлой радуги цветами
В перепевах обвело:

Сытость сытых, жадность жадных,
Никогда мне не привить:
Коль любить, так верить надо,
Коли верить, так любить!

Сергей Эпов

* * *

«Титаник» бесконечно тонет
И ужас кормит сам себя.
Вторая палуба. Джин-тоник.
Прозрачный айсберг, как судьба.

Кромешность, кроме льдин и лодок.
Заочность — это тот же лёд.
Огромный дом. Душа и логос...
Он утонул. И на бок лёг.

* * *

На окраинах снов топография чьих-то реальных событий.
Угождая себе, мы предчувствием это зовём.
Все подробности наши — всего лишь ремейки наитий.
Кто-то спал... «Не всегда мы себя узнаём», —
Кто-то спел... И, узнавши, забудем — круг замкнут.
Ничего не привносится в этот прокуренный мир.
Я могу пропустить опостылевший ангельский завтрак.
Но под вечер — чума. Соответственно, ужин и пир.

* * *

Мне сказано: стыдись. И я стыжусь.
Но всё же в этом мега-гуманизме
Так много НЕДО... Не договорили мы

Эпов Сергей Рудольфович, поэт, критик (род. в 1960 г. в г. Иркутске). Автор книг стихов: *Посторонний* (Иркутск, 1999); *Минуя сон* (Иркутск, 2003); критических статей в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

На берегу... Но я опять боюсь,
Что не договоримся. Отвяжусь

Легко. И пусть меня уносит
В формате бреда вычурная речь.
Нашедший брод способен всё пресечь.
Он даже разрешения не спросит.

Пусть так. Но только лишь не ты...
Но время и его спонтанность пауз
Отформатируют потом. Белеет парус...
И грим, и всё, что на лице осталось,
Стирает гений чистой красоты.

* * *

Весна — осень наоборот.
Купол небесный — яростный Буанарот.

Птицы летят задним ходом с юга.
С таяньем снега проступит квадрат из круга.

Мой телефон эксгумируется из футляра.
Глаз обретает опции окуляра.

Девятая

Воздух — как фреска, сырая фреска...
Это бетховенское созревшее presto.

Иезуитски-сокрыто подкралась радость.
Что-то восточное... в ней красота и слабость.

В ней изощрённый смычок разнимает душу.
Вы продолжайте... я слышу... хотя и трушу.

* * *

Обожение — жжение и Бог,
Где сами вещи, а не их названья.
И нас проводит через лес клубок,
Эдемский лес сплошного узнаванья.

И Достоевский, обжигая гипс,
Сибирский рай осваивал предметно,
Вещей касаясь, как аквалангист,
И фабулы слагая незаметно.

* * *

Платиновый Пилат
Руки мыл в серебре.
Но проступала сквозь плат
Кровь. И палец в ребре

Был у Христа — Фомы
Палец — он приложил...
Радость своей вины
К верности... и прожил

Честно. И был казнён,
Как большинство из них.
И никакой объём
Пишемых в мире книг
Этого не вместит...
Этот грех нам простит
Бог.

* * *

Просто так — спонтанно, а не в отместку —
Каждый должен иметь возможность послать «эсэмэску»,
Разжать ладонь, выпустить бабочку — пусть порхает...
Она этот мир тяжёлый не отрицает.

Цветными крылышками — не заштрихует,
Лишь тяжесть, невыносимей делая, адресует
Материю — ей же — материи мёртвой,
В которой сгоревший электрик светло ковыряет отвёрткой.

* * *

Счастье может быть только там, где бывает несчастье —
Это из настоящих понятий, как «да» и «нет».
Детство невинное — сказочка о мещанстве,
Идиоматика — будничное «привет».

Это одно и то же, как чёт и нечет —
Потому что монета не падает на ребро.
Кто же из нас драгоценные раны лечит...
Горе нам — если оно уже отлегло.

* * *

Позволь мне любить того, кого я хочу любить, Господи.
Но пусть будет так, как хочешь Ты, Господи.
Но позволь мне любить того, кого я хочу любить, Господи.
Но пусть будет так, как хочешь Ты, Господи.
Но позволь мне любить того, кого я хочу любить, Господи.
Но пусть будет так, как хочешь ты, Господи.
Помоги мне любить Тебя, Господи.
И пусть будет так, как хочу я, Господи.

* * *

Жизнь уже при жизни
Нас приучает к смерти.
Белый халат и джинсы —
Опытные эксперты.

Боль — это угол зренья,
Способ ограниченья,
Может быть, без прозренья,
Всё же и без презренья.

Всё то, что нам даётся —
С нами не остаётся.
Ранее ненаглядный —
Нынче объект наглядный.
Неумолимый глянец.
Но туда не заглянешь.

Только лицо бледнеет.
Только словарь беднеет,
Что избегает тленья —
Всё без употребленья.

* * *

И прирастает. Год от года.
Из тех и тем, кого сошлют.
В мороз, жару и гололёд,
Во глубине сибирский люд,
Как антрацит из углерода,
Преобразуется в народ.

* * *

От смерти Лермонтова словно молодея,
До смерти Пушкина как будто возмужав,
Сторонимся развалин мавзолея.
И в Африке изысканный жираф,

Похожий на поэта Гумилёва,
Нездешними очами
 камуфляж
Свой не меняет, чтоб сакральность слова
На этот ЧАД отважиться в вояж

Сподобила оставшихся пиитов,
Чтоб просто сохранил себя как вид,
Минуя мрак происхожденья видов,
Нерукотворный хоть один пиит.

* * *

1. Быть или не быть.
2. Тварь я дрожащая или право имею.
3. Ответ уже дан: любить.
4. А любить-то я не умею.

Людия Юрьева

Токуют глухари

Ещё весна студёна и грязна,
И далеко до полного цветенья,
Но эта сырость без конца, без дна
Наполнена неистовым смятеньем.

И всё короче путь её в ночи,
И эту пору с осенью не спутать:
В тайге, набычась, ходят косачи.
Как взор их глаз суров и смутен!

А впереди — жестокие бои
За глухариное коротенькое счастье,
За будущие выводки свои,
За миг повиновения и власти.

Так в эту пору — до цветов и трав —
Они весну любовью открывают.
И жаром брачных, яростных забав
Они как будто Землю согревают.

...Быть может, так прелюдия любви
Приходит к нам через тоску глухую
Из сумрачных, неведомых глубин,
Где первобытно глухари токуют.

Юрьева Людия Владимировна, поэтесса (род. в 1942 г. в г. Саратове). Автор книг: *Кипрей* (Иркутск, 2008); *Прозрение* (Иркутск, 2009); публикаций в периодике. Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

Апрель

Весенний ветер присушил снега
И сквозняком далёких поездов
Шальные запахи принёс издалика —
Томительные, нежные, как зов.

И это всё как приступ, как болезнь,
Любви неясной первые слова —
И набухают почки тополей,
И у берёз кружится голова.

И новый, долгий пробует напев
Капелла взбудораженных синиц.
И каждый день, как ясная капель,
Звенит и падает, и, падая, звенит.

* * *

Солнце гвоздикою алою
За краем земли растаяло.
Как ему там? Наверно, не хуже.
Знай себе, кружит да кружит.

Может, ты с ним закатился —
С неба на землю спустился.
Как тебе там? Обратно не тянет,
Временный островитянин?

К берегу как прибило —
Бедою, волною иль шалостью?
Может быть, время пробило
Размениваться на малости.

...Только бы без раскаяний
Встретиться нам довелось!
Милый, неверный маятник,
Я — твоя вечная ось.

Правнукам победы

Беспечно несмышлёное дитя...
Что знают наши дети о Победе?
Как старики военного литья
Сумеют правнукам своим
о том поведать?

И сможет ли сегодняшнее племя
Душой понять ту, давнюю, войну,
То прошлое, безжалостное время,
Чтоб дрогнуло сердечко за страну?
Чтоб гордостью наполнилась душа
За наших предков, грешных и святых,
Которые, всё старое круша,
Умели строить новое. А ты?
Как научить тебя любить семью
И Родину, как мать, неотделимо?
Прекрасную, несчастную свою.
... Она ещё пока непобедима!

2012-й год

Мы ещё услышим
по странам миров
революций радостный топот...
В. Маяковский

Мир запугали предвестья...
Гибелью жизни грозя,
Год надвигается крестный —
Новая зреет стезя.
Банды богатых взбесились,
Золото наций деля...
Камо грядеши, Россия,
Камо грядеши, Земля?
Гнёт родовую культуру,
Ведя на распутье её,
Прёт капитал, словно буром —
Странами правит жульё.
Тратят, народ не спросивши,

Деньги на ветер пыля.
Камо грядеши, Россия,
Камо грядеши, Земля?
Даже природа устала
Видеть, как губят её, —
В вихрях торнадо восстала
За равноправье своё.
Ненависть зреет подспудно
В тех, кто не волен в судьбе,
Армии их многолюдые
Снова готово к борьбе.
Русь моя, разве забудешь
Светлую веку свою?!
Жаль, что не первой ты будешь
В этом последнем бою...
Тысячи наций сольются
Вновь в человеческий род!
«В терновом венце революций
Зреет...» — Двенадцатый год.

В горы!

Не ищи меня сегодня
И не жди моих звонков —
Я иду туда, где гонит
Ветер гроздя облаков.

Тот, кто вырос в крае горном,
Всё грустит о том житье —
Горизонт вершинный дорог,
Душу тянет к высоте.

Я давно хотела в горы,
Нарисованные мной,
Там, где нет другой опоры,
Кроме камня под ногой.

В одиночку там не бродят,
Кто-то должен — за спиной,

Молча, хмуро, строго вроде,
Только знаешь — он с тобой.

Я хочу сегодня в горы,
Очищенья дум и чувств.
Обвожу глазами город —
Я товарища ищу.

Деревенское приволье

По-над озером, на взгорке,
Избоченилась изба.
Расцветает вся на зорьке
Ярким кружевом резба.

Лиственничны брёвна крупны
И надёжны что скала.
Для избы не нужен дуб нам —
Тут Сибирь листвяк дала.

Как привольно! Как мне спится!
Не спалось так давно.
Лучик солнца, будто спица,
Утром тычется в окно.

День. Посёлок Санно-Лыжный.
Тишина звенит в ушах.
В хрупком воздухе неслышно
Растворяется душа...

* * *

Осень — время всевозможное,
Золотое, как ни глянь.
Жизнь, цветения итожа,
Урожаем платит дань.
Говорят, что плачет осень —

Это небо моросит,
Вспоминая время вёсен,
Гасит зарево осин.
Словно бабушка, надёжно
Наготовит всё и впрок...
В листья землю спать уложит —
Всё закончит в нужный срок.
Осень мудро и спокойно
Долг свершает по пути:
Гасит пламя, ссоры, войны,
Чтоб достойно вдаль идти.
...Всё вернётся к нам когда-то,
Но она горит в крови
Долгим заревом заката
Всеобъемлющей любви.

Уроки природы

Как часто, глаза лишь закрою,
А сердце, как поезд, спешит
Туда, где заветной порою
Зовёт меня память души.

Добрее, сильнее и ярче
Льёт детство ликующий свет,
Где путь неизбежный мой начат —
Завязка и жизни сюжет.

Природа — мой первый Учитель:
Мир трав, насекомых и птиц,
Щенят и котят обитель,
Гнездо из травы и тряпиц.

— Люби всё живое на свете, —
Шептали мне тихо цветы, —
Мы тоже Земли нашей дети,
Посланцы земной красоты.

Тогда поняла я наитьем
Великую силу любви
И разума тонкие нити,
Которые мир наш вели.

Магический трепет познанья
Узнала намного позднее,
Свой груз неприкаянных знаний
И втуне потраченных дней.

.....
Все истины мира — в начале,
Вся мудрость Земли — из основ.
А мы, повзрослев, подкачали
И нужных не поняли слов.

Марина Яковенко

ОТЦОВСКИЙ ВЗГЛЯД

Весна травой пробивалась
И зеленела с палисадом.
Затосковав, я возвращалась
В наш старый дом с резной оградой.

Верёвку мокрых полотенец
Мотало ветром за калиткой,
Вдоль бани ровный ряд поленниц,
С крыльца отец шагнул с улыбкой.

Он стал как будто ниже ростом.
Его теперь всё реже вижу.
Сама давно я стала взрослой,
И с каждым днём он мне всё ближе.

На лбу добавились морщинки,
Совсем седыми брови стали,
В глазах запрятались слезинки:
— А мы тебя на Пасху ждали.

И мама в дверь, всплеснув руками,
Засуетилась возле печки,
Погас вдруг свет, искали свечку,
А в доме пахло пирогами...

От радости углы светились,
Мурлыкал кот — седой и старый.

Яковенко Марина Игнатъевна (детские кн. под именем Мария Артемьева), поэтесса (род. в 1952 г. в д. Хайрюзовка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.) Автор книг: *Шафраны* (Иркутск, 2001); *Цветы морозом схвачены* (Иркутск, 2004); *Поклон тебе, родная Русь* (М., 2008); книг стихов для детей: *Нет сапог у журавля* (Иркутск, 2009); *Как готовит пчёлка мёд* (Иркутск, 2011); *Как замешивают тесто* (Иркутск, 2011). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

И чай мы пили, не напились,
И шаньги ели с пылу с жару.

В часах кукушечка дремала,
Свечи огарок таял воском,
Вот так всегда бы: рядом мама,
И добрый, тёплый взгляд отцовский.

Мама

Умерла ты утром ранним,
На Казанскую молясь,
Не открыла в доме ставни,
В гости нас не дождалась.

Из квашни сползает тесто —
Хлеб выкатывать пора...
Чугунок, знакомый с детства,
Позабытый со вчера.

Кто-то всхлипывает рядом,
Простыни на зеркалах,
Сват здоровается взглядом,
Дрожью тень во всех углах...

Занавешены окошки,
Дверь притворена слегка,
Под ногами трётся кошка —
Ей не дали молока.

Громко всхлипнула соседка:
«Что ж так быстро собралась?»
И, присев на табуретку,
В причитаньях залилась.

Час прощанья, час суровый,
Неживых цветов печаль.
Не надёвана обнова —
Мной подаренная шаль.

* * *

Я не меняла адрес.
Жила себе, жила.
Чинила старый парус.
Строгала два весла.

Встречала буйность вёсен,
Любила свою Русь.
Все бабушкины песни —
Я знала наизусть.

Я предков почитала,
Растила дочерей,
И с молоком впитала,
Что нет страны милей.

Бывает, что ругаю,
Но за тебя держусь,
Поклон тебе, родная,
Моя святая Русь!

* * *

Не успела проститься я с летом,
Как вовсю разохотилась осень,
И обласканных солнцем букетов
Вновь душа безнадёжно попросит.

И кокетство, и грусть — всё девичье,
И собою ещё хороша,
Знать, в природе не всё гармонично,
Коли с возрастом спорит душа.

Не сули, осень, сырость да слякоть,
И не прячь от меня бабье лето.
Я даю себе волю поплакать,
Платье с вышивкой не надето.

Не успела проститься я с летом,
Гонит ветер последний листочек.
Мне бы только кусочек от лета!
Мне бы только любви островочек!

Сюда мы не придём

Нет матери и продан дом,
Всем вышло по семьсот.
Сюда мы больше не придём,
Не отопрём ворот.

Такая малая цена —
Чужому не понять.
Она за дом нам отдана,
А будто бы за мать.

Никто не выйдет на крыльцо,
Не кинется обнять,
Как мать, накинув пальтецо,
Моя святая мать.

Никто нам чая не нальёт,
Не испечёт пирог,
Никто, как мать, нам не споёт,
Сколь не тори дорог.

* * *

Я Русь уже за то люблю,
Что на земле моей родимой
Я босоногая стою,
И всё мне, до былинки, мило!

* * *

Тишиною встретила деревня —
Носится босая детвора,
Вдоль дороги скошена трава,
Сложены в поленницы дрова.

Пахнет сладко: клевером, горохом,
Мак краснеет с берега реки.
Полегоньку дышат — на полвздоха,
Греются на брёвнах старики,

Кузница стоит в чертополохе,
В свалках деревенские зады.
Радуются, прыгают сороки
Возле чёрной свежей борозды.

На лугу пасётся кобылица,
Табуном за нею — облака.
Жеребёнок вдоволь нарезвился,
Ищет вымя — тычет мать в бока.

* * *

Нынче осень мне добрая сваха,
Дарит прелести бабьего лета...
Я крою приготовленный бархат
И шью платье осеннего цвета...

Вечера одинокой кукушкой
Коротаю, задёрнувши штору,
А ночами рыдаю в подушку —
Грустно жить мне в осеннюю пору.

Переполнена горькая чаша.
Я забыла про дату рожденья...
Где ж природа-то бабская наша —
Обольщенье, цветенье, хотенье!

Я меняю осенний панбархат
На забытый цветастый шифон.
Вслед соседки ревниво вздыхают:
— Коли рядится — есть, видно, Он!

* * *

Я иду по радуге забытой,
Бьётся сердце, прыгает в груди.
Огороды солнышком залиты,
Просят огуречики воды.

Похрустеть бы ими, как бывало,
Пробежать по вызревшей росе!
Деревенька, как же ты устала
Думать о картошке и овсе.

Замирает дух при виде ставень,
Мостик, палисадник, зимовьё...
Кто-то поселился рядом с нами, —
Строит двухэтажное жильё.

Пусть себе стучат с утра до ночи —
Не тревожит доброе покой.
Мама заждалась, встречает дочку,
Прижимаясь мокрою щекой.

Здравствуй, детство, — милое раздолье!
Золотом подсолнухи пылят.
Кажутся родными даже колья,
Что подпёрли старый палисад.

* * *

Цветы морозом схвачены,
Не за горами снег.
Чертою обозначенный,
Короткий бабий век.

Душа не обогрета,
И с ярмарки пора...
Ласкает бабье лето,
И шепчет про вчера.

За годом год охотится,
Смеётся жизнь всерьёз.
Любить хотелось — хочется
До одури, до слёз.

Любовь в весенней кофточке
Стучится снова, но —
Закрыта плотно форточка,
Завешано окно.

К зиме готовлю валенки —
Не скоро быть весне,
И греться на завалинке
Ещё не время мне.

Остров детства

Серые кусты чертополоха
Тянутся вдоль прясла у реки.
Через поле спелого гороха —
Синей вереницей — васильки.

Занесло меня попутным ветром
В край, что малой родиной зовут.
Удивлён кузнечик — в конце лета
Снова одуванчики цветут!

Чайки делят с цаплей берег местный.
Это мой и прадедов исток.
Обойти, обнять мой остров детства,
Остров, где ни стёжек, ни дорог...

По траве ступаю с замираньем,
Босиком бы вволю походить.

И лужок, пьянящий разнотравьем,
Дедовой литовкой покосить.

* * *

Вечер подпоясал жаркий день,
Куры взгромоздились на насесты,
Клонится подсолнух на плетень
И ромашку сватает в невесты.

Солнце покатилося за лесок —
В зареве пылают лес и поле.
Гармониста слышится басок:
— Ты моё сибирское раздолье!

Татьяна Ясникова

На лесном озере

Во внутреннее зеркало воды,
Далёкое от города трезвона,
Рыбак закинул резкий мах уды,
Крючком вопроса остро завершённой.

Душой овеял многовекий бор,
Охранной силой окруживший оно,
В котором чудеса высоких гор,
Посланцев туч, теснились изумлённо.

Рыбак, столь многим поражён, молчал,
Хотя и был вместилищем речений.
И чистый лик воды не трепетал,
Скрывая донное спокойствие течений.

Рывок — и щука на сырой траве
О Китеже вещает и Хейрате.
И много дум в рыбацкой голове
В сан облеклись в почёте и в палате.

Прохлада туч стекает серебром,
Поверху блещут стерхи золотые,
И бор в течение листьев дождевом
Возносится шумливо о долине.

Рыбак настолько плотно окружён
Всем тем, что истинно и верно возвышает,

Ясникова Татьяна Викторовна, поэтесса, критик-искусствовед (род. в 1962 г. в с. Кабанск, Бурятия). Автор книг: *Тень вечеров* (Иркутск, 1992); *Стихотворения* (Иркутск, 1995); *Возвращение* (Иркутск, 2003); *Ключи* (Иркутск, 2008); критических статей в периодике на тему живописи. Член Союза писателей России (Иркутская областная организация).

Что видит свой забытый водоём
Как славу, что посредь миров сияет.

Вот наострил опять уду и чудо ждёт.
Ему одно неладное неясно:
Зачем иное нечто настаёт,
Когда рыбацкое занятие прекрасно?

* * *

Шелест трав долетает до камня
И становится начертаньем.
Бьётся жизнь о незримый предел,
Будто он из железистых тел.

Ну, а я говорю тебе слово:
Что ж такого!
Оно в уши как будто влетает,
Но в каких тайниках пропадает?
О какие препятствия бьётся,
В темноте огневицей смеётся?

Долетают слова до бумаги
И становятся буквами саги.
А на самой строжайшей двери
Череп, кости и надпись «Be free».

Если кто-то её открывал,
Он обеты молчанья давал.
Никогда в неё жизнь не стучалась
И на подступах прекращалась.

На зелёной траве — мотыльком.
На горящей сосне — петушком.
В русле времени синим журчала.
О пределе подумав — скучала.

Так хотелось ей за предел,
Тот, что будто из каменных тел.

Обозначенный истуканом,
Ждёт он жертвенной пищи румяной.

Сочных неисчислимых туков,
От травы самых шёлковых слов.
Сам не видит, не знает, не слышит,
Будто власти, нам данные свыше...

* * *

Нет меня здесь,
Осаждённой
Полуденной пылью
На книги и стулья.
Нет меня там.

Я была бы пчелой
На излучине дня.
Только вы всё равно ведь
Убьёте меня.

Нет меня здесь.
Нет меня там.

* * *

Я жизнь свою прожила одна.
С миром один на один.
Приходит, приходит ко мне
тишина
От всеми забытых долин.

И с нею не станешь ведь
говорить
И скрытые смыслы искать.
Она приходит благодарить
За то, что такая тоска.

На лёгкую наледь я наступлю.
Байкальский спугну ветерок.
Он полетит в золотую страну
Покинутых белых дорог.

«Здравствуйте, — скажет он
в лунный бурьян, —
Здесь жил до меня другой.
Здесь пусто не будет, и вот я сам,
Наполненный синей тоской».

* * *

Я отошла от Солнца на десять шагов.
Так отступает река от своих берегов.
И обернулась — сзади восходит Луна.
Я от неё отступила, и встала близ Солнца она.

* * *

Лето, ласточка,
Проходит,
Гаснет вера,
Стелет дым.
Туча серенькая
Бродит —
Это цвет
Глубоких зим.

Лето, ласточка,
Проходит.
Как ты будешь
Без меня
В очарованной
Свободе
Вити гнёзда
У плетня?

Ты лети за океаны,
В подарённое тепло.
Твоё сердце, твои раны
Заживают весело.

Мы же станем зимовати
Под угрюмою горой.
Как горбатые дитяти
С думой лютой,
С думой злой.

Лето, ласточка,
Проходит,
За душою ничего.
Ветер, словно леший, бродит
Возле дома моего.

А мы будем зимовати
На развалинах его.
И весною ожидать
Святовита самого.
Пусть славянскою рукою
Он ненастье пригвоздит.
На ладье уйдёт рекою,
Светом радости увит.

Алфавитный указатель

- Акимова М.Н. 306
Аксаментов Г.В. 311
Аксаментов Ю.П. 88
Алексеев В.А. 95
Андрейко Т.П. 317
Анучина Н.Л. 323
Архипкин Б.М. 330
Балин А.И. 8
Баранов Ю.И. 342
Безридная Т.Н. 346
Бендер Л.М. 351
Богатырёв В.Н. 357
Богданов А.В. 364
Боярских Е.Г. 372
Бронштейн В.В. 377
Варламов Е.П. 386
Вихров Г.И. 393
Вяткин Н.Ю. 400
Гайда Г.М. 407
Гедзевич А.Н. 415
Горбунов А.К. 101
Горчаков В.О. 419
Гусенков В.П. 115
Дмитриевский В.В. 426
Ершов А.Л. 432
Жилкина Е.В. 16
Журавский А.В. 437
Забелло В.К. 440
Замаратский Г.И. 452
Зарубин Н.К. 459
Захарова В.Г. 121
Змиевский А.Б. 463
Иващенко Д.А. 473
Иоффе С.А. 127
Камышова Н.А. 479
Киселёв В.В. 139
Клошар И. 484
Кобенков А.И. 145
Козарь В.Н. 488
Козлов В.В. 152
Козлов И.И. 160
Корбут С.В. 495
Корнилов В.В. 500
Костромин В.Ю. 506
Кочура Ю.С. 510
Кудашкина Н.Н. 514
Кузьминский О.П. 519
Кушелев И.И. 525
Левитанский Ю.Д. 27
Луговской И.С. 38
Максимов В.П. 531
Манданов Т.Т. 535
Миронова Т.Г. 542
Михеева С.А. 547
Молчанов-Сибирский И.И. 46
Монахов В.В. 551
Морс А. 556
Назарова Т.Д. 560
Науменко В.В. 565
Непомнящих В.И. 61
Никифоров А.Г. 567
Новокрещенных И.Ф. 166

Обухов А.И. 574
Ольхон А.С. 69
Орлов М.Т. 579
Пакулов Г.И. 173
Пламеневский В.Ю. 583
Преловский А.В. 180
Рандина А.М. 590
Реутский П.И. 193
Розовский Ю.В. 594
Румянцев А.Г. 206
Седых К.Ф. 81
Сергеев М.Д. 213
Сидоренко В.В. 219
Сизых А.Н. 599
Скиф В.П. 227
Скоп Ю.С. 242
Скробот В.А. 603
Скурихин В.Е. 607
Соболевская Л.В. 614

Соин Н.А. 620
Соколов В.П. 248
Столяревский А.Г. 627
Суровцева Т.Н. 257
Сухаревская Л.И. 634
Тимченков А.Н. 640
Трофимов М.Е. 269
Тюрин В.И. 646
Филиппов Р.В. 279
Хрилёв Л.С. 294
Цветков Д.М. 650
Черных Ю.Е. 299
Шамсутдинова М.С. 657
Шаршов С.Н. 661
Шегебаева С.С. 667
Эпов С.Р. 674
Юрьева Л.В. 680
Яковенко М.И. 687
Ясникова Т.В. 695

Содержание

От редактора и составителей	5
--	---

1930–1950-е годы

Александр Балин	8
«Куда бы гневно ни кидала...» 8. «Порой случается — забытая любовь...» 9. Полные ведра 9. Осеннее вино 9. «Немая музыка полей...» 10. «Тропою будущих дорог...» 10. Воспоминание 11. Юность 12. Возвращение 12. Во славу песни 13. Песнь о весёлом стихолове 14. Камни поют 15	
Елена Жилкина	16
Исток 16. «Суровое родное Приангарье...» 17. «Не дом с резным, диковинным навесом...» 17. «Проходят мимо поезда...» 18. Новый тракт 19. «Почему оно уйти не может...» 20. «Улетают птицы, улетают...» 21. «Едва коснувшись моего порога...» 21. Парус 22. Птенец 22. Байкальская осень 23. «Им не досталось слов стоустых...» 24. «Я иду одна по городу...» 25. «Торчат у берега торосы...» 25. «Мне досталось немного...» 26	
Юрий Левитанский	27
Кое-что о моей внешности 27. Квадратный человек 28. «Сколько нежных слов я не сказал...» 29. Жизнь моя — кинематограф 30. «Я медленно учился жить...» 31. «Окрестности, пригород — как этот город зовётся?..» 32. Диалог у новогодней ёлки 33. Зачем дураку море 34. Зимний пейзаж 34. Трава 35. «Разлюбили. Забыли...» 36	
Иннокентий Луговской	38
Слово к Байкалу 38. «Лишь ветер ударит о скалы...» 39. Кедр над Леной 40. Как быть? 41. Волк 41. Зимним утром 42. В дни листопада 43. Заревая тишина 44	
Иван Молчанов-Сибирский	46
Я бы рад 46. «Серый, серый гаснет вечер...» 46. «Снова старенькая комната...» 47. «Ваши очи — небесные выси...» 47. Осеннее 48. Мать 49.	

Я не знаю... 50. «Скучно в городе. Шум переливчатый...» 51. Кузнец 51. В разлуке 52. Русская гармошка на Хингане 53. Дуб в пустыне Чахар 53. Танк в облаках 54. Годовщина 54. «Идём по спалённой пустыне...» 55. Утро в степи 56. «Скудный вид из моего окошка...» 56. Мунку-Сардык 57. На берегу 57. Год назад 58. У таёжного ключа 58. Избушка на Ичене 59

Василий Непомнящих 61

Сплавщики 61. Пороша 62. Разноцветные стекляшки 63. Огонь 64. Короткие стихи 65. Биография стихов 66. Катунь 67

Анатолий Ольхон 69

Байкальское сердце 69. Вечерины 70. Омулёвый лов 75. Зимняя путина 77. Прибой на острове Ольхон 78. Семён Дежнёв 79

Константин Седых 81

Прадед 81. Беглянка 83. Зимнее утро 84. Лебеди 85. «В вагонах русская гармошка...» 86. Забайкальцы 86

1960–1980-е годы

Юрий Аксаментов 88

«Вижу Лену, вижу Чую...» 88. Утреннее 89. «Вьюга белая летает...» 89. «Зелёный дол и синий плат...» 90. Иван — шоферская башка 91. Было что-то в ней такое 92. «Никто не продал и не предал...» 93. «В глуши сибирских плоскогорий...» 94. «Услышу ли дальнюю песню...» 94

Валерий Алексеев 95

Детство 95. 22 июня 1941 года 95. Старая церковь 96. Смерть командира 96. В госпитале 97. Карликовая берёзка 98. «Пятьсот весёлый» 98. Осенние цветы 99. «Буряты не стреляют лебедей...» 99. Ворон 99. Бабье лето 100. «Я на хребты Саянские гляжу...» 100

Анатолий Горбунов 101

Пьяная деревня 101. Зелёная отчизна 103. Домовуша 103. Рыбачье горе 104. Напарники 105. Утулик 105. Нефть 107. Раскол 108. Упырь 108. Праздничная скатерть 109. Молодчинка 109. Бегство 110. Медведки 111

Владимир Гусенков 115

«Поклонимся маю, сулящему мёд...» 115. «Нет моста через реку...» 115. «Не бежал и не скрывался от пурги я...» 116. «Ещё рано проталины солнцу торить...» 116. «Живу в саду, где яблоки мои...» 117. «Это жар в голове, или сон наяву...» 118. «Поэты русские не даром...» 119

Вера Захарова 121

«Погляди мне в глаза и — мимо...» 121. «Серенький полдень сквозь се-

ренький дождик...» 122. «Была река. — Остался ручеёк...» 122. «В окно, в пугающую глубину...» 123. Тайная вечеря 124. Баллада 124. «Рождённый светел. Он о смерти...» 126

Сергей Иоффе 127

«У крылечка — скамья, кадушка...» 127. Слово 128. Терпение 129. «Какие женщины встречались!...» 129. «Благословенные края...» 130. «Ты про недуги снова...» 131. Потомку 132. Ты меня не кори 133. Книги 134. Несправедливость 135. Немые дни 136. «Боюсь остаться в памяти твоей...» 137. Во сне и наяву 137

Виктор Киселёв 139

Русские леса 139. «Женщина бывает без причины...» 140. Следы 140. Байкал 141. Сосна и берёза 141. Лесной пожар 142. Шестой океан 143

Анатолий Кобенков. 145

«Я однажды лежал на зелёной траве...» 145. Первое увольнение 145. «Вот и кончились наши свиданья...» 146. Вечер в провинции 147. Игра 149. «Зимой, весной, осенью и летом...» 149. «Ночами в родительском доме...» 150. «Нет, не только затем, чтоб когда-то...» 151. «Разве дело в печали, которой я жив...» 151. «Набери, пожалуйста, мой номер...» 151

Василий Козлов 152

«Светлый месяц в окне как младенец...» 152. Воскресение 152. Преображение 154. Могильщикам России 154. Другая жизнь 155. Памяти поэта 156. «Я стою над ликующей бездной...» 157. «Уходя, задержись на пороге...» 157. «Я оставил на том берегу...» 158

Иван Козлов 160

«Есть звёздный час...» 160. «Вся душа моя словно застыла...» 160. Отрывки из триптиха «Нижеудинск» 161. «Я живу среди байкальских лесов...» 163. «Столько лет без тебя...» 164. «Похоже, так устроено судьбою...» 165

Иннокентий Новокрепленных. 166

Сквозь театральный занавес 166. В трёх соснах... 167. «Двое. Каждый о своём...» 167. Мир в пиршеской чаше, или Время работы над переводами монгольской и бурятской поэзии 168. «Мир земной: поэты и пираты...» 169. Горестный сонет 169. «С весны обжитой уезжаю...» 170. Томления странствующего 170. «Сегодня я лечу...» 171

Глеб Пакулов 173

Царь-пушка (Поэма, в сокращении) 173

Анатолий Преловский 180

Осень 180. Зимняя гостя 181. Ерусалимка 181. «Я жизнь любил, и, верно, буду...» 192

Пётр Реутский 193

Мелочь 193. Несбывшееся 194. Настоящее 195. 9 Мая 196. Наедине 196. Не загадывай 197. Россия 198. Осень 198. Шрамы 199. Мама 200. Гармонь 202. В деревне 202. Последний сон 203. Волкодав 204. Безумие 205

Андрей Румянцев 206

«Горит вечерний окоём...» 206. «Ты забралась в такие дали, Русь!..» 206. «Какие кони на лугу!..» 207. «Неужель это звёздочка-кроха...» 208. «Ведь это дар чудесный просто...» 208. «Задыхаясь от нежности...» 209. «Не постиг я чужую науку...» 210. «Прикажи этой чёрной метели: «Замри!»...» 210. «Когда придёт последний день...» 211. «В пустой трубе эстрады гул затих...» 212

Марк Сергеев 213

«На душе — печаль и смута...» 213. Позёмка 214. Весенняя графика 215. Стихи об усталости 215. Когда нас предают ученики... 216. Леса! Как ваши руки зелены!.. 217. А что нам даётся без платы? 217. Главная линия 218

Валентина Сидоренко 219

«С прощальной тоской обернусь я назад...» 219. «Когда грянут колокола...» 220. «Боже светлый, конец сентября...» 220. «Что мне до ваших иступлений...» 221. «Мне говорили — я любила Вас...» 222. Прощание 222. Баллада о русских матерях 223. «Что, мой друг, запечалился вдруг...» 224. Поминальное 225

Владимир Скиф 227

Родина 227. Струна 228. «Ещё шиповника кусты...» 229. «Твоя любовь остра, как звёзды...» 229. Осень 230. «Незримо времени течение...» 231. «Стихи в старинную тетрадь...» 231. Женщина в автобусе 232. Край света 232. Варька 233. Кумач 234. Сибирский дивизион 235. Журавли 235. «Чёрно-белое стадо вдоль неба бредёт...» 236. «Какое царство осени могучей...» 237. Осенний сон 237. Взятие Кремля 238. Мужество 239. Скакун 239. Таллин и Сталин 239. Гнездо 240. Пустомеля 240. «Как хорошо идти по свету...» 241

Юрий Скоп 242

Дарья 242. Замёрзшая песня 243. «Луга ещё не кошены...» 244. Мосты 245. Мы — веруем! 245. На взлётной полосе 246

Виктор Соколов 248

«Твердь неба севером объята...» 248. «Песнь отзвучала... и не повторится...» 248. «В душе с рожденья два начала...» 249. «Август на исходе...» 249. Верблюд 250. «Мы уходим и вкупе, и розно...» 251. «Приемлю жизнь, ликуя и трубя!..» 251. Над Прохоровским полем 252. «Утром сентябрьским...» 253. Полярная звезда 253. Ирине 255. «Итак, окончен жизни праздник...» 255. Художник 256

Татьяна Суровцева 257

Матушка-Русь 257. Рождество — рождение 258. Соловей в Александровском саду 259. «Разлетелись, как птицы, дороги...» 260. «Та деревня, как мамина сказка...» 260. Журавли 261. Баллада о старом руднике 262. «Мне славно жилось той зимою...» 264. «Небо над Байкалом открывает...» 265. Стихи к друзьям 265. «Возле печки так легко...» 266. «Деревья стоят, словно кубки...» 267

Михаил Трофимов 269

Лапти 269. «Я давно с деревнею расстался...» 270. «Я байкальску воду пил...» 270. «Под заветною сосной...» 271. Наследство 272. Соболёнок 272. «Нет, не вышел я к реке...» 273. Тайга 274. Жених 275. Остров 276. Шатун 277. «Затаилась Русь в лесах дремучих...» 278

Ростислав Филиппов 279

«О, ты всегда красива и добра...» 279. «Я пригляделся. Я подвёл черту...» 279. «Когда в печи твоей румяной...» 280. «По узбекскому небу ярко солнце бежит...» 281. «Вот я, Господи! Прости меня, я грешен...» 281. «Утка металась в распадке...» 282. «Я живу ожиданием большого кочевья...» 282. «Господи, взгляда с меня не своди...» 283. «Излупили б, что ли, изругали...» 284. «Я ждал темна. Таился в переулках...» 284. «Вот мои шестнадцать строк...» 285. Триптих 285. «Скучные сибирские вокзалы...» 286. «Я люблю вас, я люблю вас, Вера!...» 286. «Открывается Байкал из окна вагона...» 287. «Проявлю сноровку...» 287. «Райская птица сказала мне так...» 289. «Дым — вонюч. Дорога — грязь...» 291. «Как-то раз весенним добрым часом...» 292

Леонид Хрилёв 294

Сибиряк 294. «Как проклинали мы приход весны...» 295. Рождение Братского моря 296. Медведь-монтажник 297. «Во мне живёт раздвоенность души...» 298

Юрий Черных 299

Кто пасётся на лугу? 299. Встреча на косе 299. Две луны 300. Егоркины скороговорки 300. Жили-были 301. Игры 302. Познакомились 302. На уроки 303. Сто потов 304. Хотите — проверьте! 305. Часы с кукушкой 305

1990–2000-е годы

Марина Акимова 306

«Этот город — кому он нужен?...» 306. «Если между ладоней...» 306. «Наверно, это январю...» 307. «В полуполёте от земли...» 308. «В переулке не съели меня заборы...» 309. «Ну как по Карла Маркса не пройти...» 309. «...и не спасёт ни ремесло словесное...» 310

Геннадий Аксаментов 311

Письмо 311. «Небо над Россией, небо надо мной...» 311. Январский пол-

день 312. Портрет женщины с детьми 313. Одиночество 313. О весне 314.
Август 314. Зимний вечер 315. Факел 315

Татьяна Андрейко 317

Восхождение к мельнице (*Отрывки из поэмы*) 317. «Поэт — он либо поёт, либо нет...» 320. Из цикла «Песни и песенки»: Песня старого казака 321. Русская, бабья, хоровая 321. Рок-н-ролл в лапах 322

Надежда Анучина 323

«И самые кроны стремительных многоэтажек...» 323. «Ни вождей своих, ни пророков...» 323. «Не умираем мы, а отстаём порой...» 324. Памятник 324. «Знаки, значения, звуки...» 324. «Потери, утраты...» 325. «Как просто иногда ложится строчка...» 325. «Опять не спишь, и на ладошках...» 325. «Тонким лезвием нитку красную...» 326. На кончину патриарха 326. «Ваньке сядь на шею — Ванька повезёт...» 326. «Промозглая пропасть в ночных небесах...» 327. Кочевнице 327. «Тук-тук, тук-тук. Идёт война...» 328. «Так сильно никогда сентябрь не плакал...» 328. «Много у меня предстоятелей...» 328. «Идёшь, Трехмесячная смерть...» 329

Борис Архипкин 330

«Виджу белое белым...» 330. «Слёзы полные глаз притаил в очках...» 331. «Молчат не заведённые часы...» 331. Стихотворения на льду 331. «Разбит и разграблен...» 332. «Всевышний! Спаси нас!..» 332. «Страхи пытаются людей...» 333. «Вся паутинка в паучке...» 334. Он и Она 335. «Славьте Бахуса, поэты!..» 335. Попытка автопортрета (*Диптих*) 336. «Туманы Августа — холодное бесцветье...» 337. «Живопись — горная жизнь!..» 337. «Грязные губы женщины — мальчику...» 338. «Пустая рюмка ожила от наполнения...» 338. «Несоответствие отпразднуйте...» 338. «Поэзия мудра, мучительна и вечна...» 339. Мой путь 339. Родительский день 340. Пастернаку 340. «Полтинники расходятся и сотенки...» 341

Юрий Баранов 342

Июньский снег 342. Песня старых пилотов 342. «Скончалось лето...» 343. Осеннее 344. Лиственницы 344. Брызнуло охрой 344

Татьяна Безридная 346

«Здесь победитель получает всё...» 346. «Дым Отечества горек, горек...» 346. «Мимо спесь столичная проходит...» 348. Из цикла «Барьер» 348. «Я больше никогда не лгу...» 350

Людмила Бендер 351

Талисман 351. «Опять суббота. Заполночь...» 352. А. Вампилову 352. Код 354. Сибирская осень 354. Посещение 355. Идол 356

Вадим Богатырёв 357

Луна 357. Саян и небо 357. А вдруг опять? 358. Далёкое созвездье 358. Землекопы 359. Рождество в Замоскворечье 359. Могила №... 360. Моя Джоконда 361. Шатурские торфушки 361

<i>Андрей В. Богданов</i>	364
«Давай полюбим этот миг...» 364. «И в старое лицо уткнёшься...» 364. «Всё пройдёт: на капитанском мостике...» 365. «не сердись...» 365. «Всё про- стим?...» 366. «Ты никогда так не любил...» (Из цикла «Скомканный мир») 367	
<i>Екатерина Боярских</i>	372
Преображение 372. «Его отправили домой, как всех других детей...» 373. Мост 373. Баллада о чёрном сердце 374. Детское море 375. Простая песня 375	
<i>Виктор Бронштейн</i>	377
«Как не завидовать сосне...» 377. Иерусалимское чудо 377. «Над бренно- стью Рима плывут облака...» 379. «Волной сезонного прилива...» 380. «Мы внукам охотней, чем детям, читаем...» 380. Немодная 381. Счастье 381. Выбор 381. Признание 382. Солёный привкус детства 382. Школьная исто- рия 384. «По реке, как по жизни...» 385	
<i>Евгений Варламов</i>	386
Трали-вали 386. Чужое небо 388. В.П. М. 389. «Ты чай по старинке за- варишь...» 390. Осень-в-зиму 391. «И жив, и — что ты! — даже припе- ваю...» 392	
<i>Григорий Вихров</i>	393
Песня о дёгте 393. «Пахнет воском у церквушки...» 394. Стихи о совет- ском шампанском 395. «Мама! Ты только не смей...» 395. «Не брезгуй ря- биной...» 396. «Весёлые травы и ветер степной...» 397. Донские стихи 397. «Из ночных оснеженных ветвей...» 398. «Последний кузнецник великого лета...» 399	
<i>Николай Вяткин</i>	400
«Я солнце синее за тучей...» 400. «Мы больше не будем вместе...» 400. «Бу- дет песня моя — не мёд...» 401. Осенний триптих 402. Пушкину 404. «Я вы- пил любви золотое вино...» 404. «Падает снег. Обеляется местность...» 405. Тополь 405	
<i>Геннадий Гайда</i>	407
«...И с молитвой бессловесной...» 407. Архистратиг 407. «Все устои, как сваи, прогнулись...» 408. «Мы ищем ответа... Мы милости про- сим...» 408. «Дорога земных упований разбита...» 409. «Безмятежностью дышим в начале...» 409. «Как долго нас беспечность нянчит, долго...» 409. «Словно хлопья сажи над пожарищем...» 410. «Отчего поздний вечер таин- ственно-светел?...» 410. Завещание 411. «Чтоб во сне меня смерть не смани- ла...» 412. «Музыка бьётся в железных тисках...» 412. «Имена иных в иные дали...» 413	
<i>Алексей Гедзевиц</i>	415
Из цикла «К Лао-Цзы» 415. Из цикла «Последний в арьергарде» 417	

Владимир Горчаков 419

«Ни к чему гражданину дебош...» 419. «Надо мной пролетел самолёт...» 420.
 «Корчуют яростно леса...» 420. «Умирал Потёмкин. Князь Тавриче-
 ский...» 420. «Ростислава Филиппова “роспись”...» 421. «Желательно,
 чтоб вечно оставалась...» 421. Марш 421. Пустырь 422. Весна 422. Токарь
 Ганцев 423. «Какими неуклюжими...» 424. «Уже далёк тот год...» 424.
 «Салют. Гулянье. День Победы...» 424

Валерий Дмитриевский 426

«Тонким серым дождём заштопано...» 426. Баллада весенняя 427. «Гуман-
 ный полдень птиц к земле прижал...» 429. Богородское кладбище 429

Алексей Ершов 432

Изюбрь на Ольхоне 432. В деревне 432. «По всей Сибири чудный
 свет...» 433. Живое отражение 434. Нежное солнце 434. В осеннем доме 435.
 Я помню 435. Кормилицы 436. Проливной дождь 436

Александр Журавский 437

«Мне кажется: я слышал голоса...» 437. «Пока рука...» 437. «Ни радость вы-
 дыха, когда преодолеешь склон...» 438. «Я много книг прочёл чужих...» 438.
 «Вздохнуть и жизнь начать с конца...» 438. «Разорена Ниневия! Кто теперь
 пожалеет о ней?...» 439. «Пройдёт немного времени, в итоге...» 439

Василий Забелло 440

Под небом Байкала 440. «Быть может, где-то есть розарий...» 441. «Уходи в
 дорогу с лёгким сердцем...» 441. «Торчат стволы, объединенные палом...» 442.
 Пока живу 443. «Набродился по миру, по миру...» 443. Осенние стихи 444.
 Мечта 444. Притча 445. «Не слышать ни шороха, ни стука...» 446. «Неужто
 метели пропели, звеня...» 447. «Подойдут и отступят морозы...» 448. «Затя-
 нулось прощанье моё...» 448. Берёзовка 449. Русь 450. «Что-то с нами сегод-
 ня случилось...» 450. Под звездой Богородицы 451

Георгий Замаратский 452

Молитва 452. Правда жизни 453. Глухариный этюд 454. Моё отечество 455.
 Я не могу! 456. Другу детства 456. Вечёрки 457. Побывал бы я 458

Николай Зарубин 459

Осень 459. Воспоминание о Родине 460. Душа 460. Свет русских дере-
 вень 461. Мы — народ геройский 462

Анатолий Змиевский 463

«Выдыхает берёзовый хор...» 463. «Сияет невеста в берёзе...» 464. «Мороз
 о щёки разбивался в кровь...» 465. «В белой юбке и такой же белой блуз-
 ке...» 467. «Жив человек надеждами на свете...» 468. «Не говорите так: смо-
 трите, — это он...» 469. «Привет, завьюженный декабрь...» 470. «Преобра-
 жает свет окна...» 471

Дмитрий Иващенко 473

«Я из тех, кто от жизни...» 473. «Тишина...» 474. «И пульс часов настенных...» 474. «Здесь все, молодой и старый...» 475. «Ночной грозы промчала колесница...» 475. «Уж над лесом закат буравит...» 476. «Где бульвар стекленеет глазами...» 476. «Сгорели на кострах бадана...» 477. «Ты яблоками пахнешь и травой...» 477

Наталья Камышова 479

«Я была далеко впереди...» 479. Проводы 479. «Берегу негасимое пламя...» 480. «Мой мир расколот пополам...» 480. «Выживания задрана планка...» 481. «Полетай, ручной мой сокол!..» 481. «Солнце моё незакатное...» 482. «Нет никакой золотой середины...» 482. «Простор, свобода! Я взлетаю птицей...» 482

Игорь Клошар 484

Полнолуние 484. Кай 484. Змеиное сердце 485. «Желтоватый, как старческий ноготь...» 485. «Не носи любовь на блюде...» 486. «Чужие окна обнажённые...» 486. Поэзия рыбы 487

Вера Козарь. 488

Ветла 488. Россия 488. Анна Ахматова 489. «Покорилась сухая горячая степь...» 489. «Золотые таёжные розы...» 490. «И всё живей, стремительней и строже...» 490. «Прошедший день был прост и пуст...» 491. «Зашнурованы ботинки...» 492. «Дожди нужны, и засухи, и лёд...» 492. «Писали мне письма осенние листья...» 493. «Сплетались колечки, круги и сердечки...» 493

Сергей Корбут 495

«Все дороги, которые я выбирал...» 495. «Вот мы так долго, так долго, так долго жили...» 496. «Золу костра смело порывом ветра...» 496. «Мир открыт для любви...» 497. «После пыток сердечных и паток...» 497. «Выцветает ковёр разнотравья...» 498. «Хочу продлить рассвет или закат...» 498

Владимир Корнилов. 500

«Веками слыл превыше ценностей...» 500. В августе 500. Барышня осень 501. В сентябре 502. «Остывает душа у поэта...» 502. «Жизнь моя, не заблудись в дороге...» 503. Русский говорок 503. Зимняя элегия 503. Пасхальные стихи 504. «Вся жизнь наша в поисках смысла...» 504

Василий Костромин 506

«Здесь нету убитых, здесь без вести нету пропавших...» 506. «Давнишней непогоды лёд...» 506. «Обычная цена: и зрячий, и слепой...» 506. «Для чего здесь была дорога...» 507. «У ночного костра среди леса...» 507. «Всё дальше быстрая река...» 508. «Разлетелись листья, словно дети...» 508. «Как зверь, теряющий берлогу...» 508. «От гальки рек, бегущих вдаль...» 509. «Ночью тепло у случайной печи...» 509

<i>Юрий Кочура</i>	510
Венчанье 510. Рябина 510. Блужданье 511. Моё село 511. Я помню 512. Октябрь 512. Любви слова 513. «Славлю Господа за муки...» 513	
<i>Надежда Кудашкина</i>	514
«Как хорошо из родника напиться...» 514. «Гнёзд стрижиных считаю го- рошины...» 514. «Ну, вот и снова осень началась...» 515. «А вдруг поглотит солнце липкий смог...» 515. «Бьют в окошко слезинки дождя...» 515. «Дума- ла, прошло и отболело...» 516. «Подарю на прощанье...» 516. «Жизнь свою легко переиначить...» 517. «Стынут ноженьки босы...» 517. «Неосторожные ромашки...» 518	
<i>Олег Кузьминский</i>	519
Сентябрь. Предместье 519. Мелодия 520. Таракан 520. Millenium 521. Шир- потреб 522. «Я останусь в долгу...» 523. Ночные стихи 523	
<i>Игорь Кушелев</i>	525
Русская сила 525. Доброволец 526. Предзимье 527. Последний полк 527. Весенний пал 528. Надежды 529. Парусник 530	
<i>Владимир Максимов</i>	531
Белые стихи 531. Наташе 531. По дороге из Иркутска в Ангарск 532. «Со- брав осколки прожитого дня...» 532. «Всё пройдёт. Пройдёт и это...» 533. «И опять мне зимы не хватило...» 533	
<i>Тарас Манданов</i>	535
«Не опускай стыдливо взоры...» 535. Метаморфоза 535. «Бесплотным ду- хом первый снег ложится...» 536. Сон 536. Первые сапоги 537. Раздумья 537. Письмо из деревни 537. «Земля, земля, земелюшка, земляца...» 538. «Спа- сибо за горестный вечер...» 539. Природа и человек 539. Пунктиры судьбы 540. Бабушка 540. «Не чужа возможностей внука...» 541	
<i>Татьяна Миронова</i>	542
«Ночь, луна, дорогая белая...» 542. Облако 542. Перед храмом 543. В глу- ши 544. Ничья изба 544. Меланхолия 545. Полынь 545. «Мне говорят с улыбкой...» 546. Двое 546	
<i>Светлана Михеева</i>	547
На палубе 547. Концерт в саду 548. Двери и деревья 549. «Еду в дом, чужой и голый...» 550	
<i>Владимир Монахов</i>	551
«Полезно сеять хлеб...» 551. Моя соцсреда 551. Подросток Савенко. 1962 (в сокращении) 552. «Детей опрашивают в саду...» 552. «В школе хотел стать ге- роем...» 553. Из книги небытия 554. «Когда я умру...» 554	

Артём Морс 556

«Вот идёт река...» 556. «Бывают дни свободные, без стен...» 556. «Ходишь с людьми ходишь...» 557. «Слова бормочешь ли...» 557. «Кривая сумерек уткнулась в темноту...» 558. «Собака залает, и ветер возьмёт её лай...» 559

Татьяна Назарова 560

«Оставлю дом. Пойду к звезде...» 560. «Облюбуеть погост...» 560. «Без твоей ненаглядной Любви...» 561. «В чёрном теле держу своё тело...» 562. Возвращение 562. «Помедли, медленное солнце...» 563. «Неожиданных звуков полна...» 563. Другу 563. «Зябнут звёзды над бескрайней далью...» 564

Виталий Науменко 565

«Сезон обнаженья в искусстве » 565. «Хитро, сложно, только не случайно...» 565. «Уходит на небо Борис Юлианыч...» 566. «Бурятки поправляют прядки...» 566

Александр Никифоров 567

Баллада о сыне боярском Мартыне Васильеве «со товарищи» 567. Подорожное 568. Таёжная баня 569. Исповедь 570. Ягодка подснежная 570. Любимой 570. Любовь 571. Деревенская проза 572. Родительский день 572. Последний лист 572

Александр Обухов 574

На реке Белой: 1. Размышление 574. 2. Осень 574. 3. Одиночество 576. В гостях 576. Убежавшая шапка 577. Стрекоза 577. Рассказ в шутку про квакшу и шубку 578

Максим Орлов 579

Сибирь 579. «Когда всё валится из рук...» 579. В тайге 580. «Отвори калитку в день вчерашний...» 581. «Пришла любовь!..» 581. Последняя трагедия Эсхила 582

Владимир Пламеневский 583

«Мне сдаётся — уходят тихонько диктаторы и палачи...» 583. Ночь на Байкале 584. Последняя жизнь 585. «Я долго на запад смотрел, но затем повернулся назад...» 585. «Снял с гвоздя извещение и ключ...» 586. «Над пропастью, уже утратив робость...» 588. «Вишни цветут. Вишни цветут...» 588

Анна Рандина 590

«Вся в плевках, в окурках остановка...» 590. «...Как будто нет других программ...» 590. «Декабрь — то оттепель, то вьюга...» 590. «Тайшетский район, Соляная...» 591. «Февральский день в заснеженном лесу...» 591. Трофей 592. «Красиво листья облетают...» 592. «Парочка нахальных голубей...» 592. «Хорошо дышать асфальтом мокрым...» 593

<i>Юрий Розовский</i>	594
Звонарь 594. Гармошечка 595. Графиня 595. Молитва 596. Чаша любви 597	

<i>Андрей Сизых</i>	599
Водяные знаки 599. «Шёл демон в армейской шинели по улицам города N...» 599. El carnaval 600. Неэвклидовы заблуждения 600. Кантата 601. Поэту 602	

<i>Василий Скробот</i>	603
Откровение 603. «Улыбаться люди реже стали...» 604. Я терпенье прошу 604. Я иду 605. Ностальгия 606	

<i>Владимир Скурихин.</i>	607
Вектор 607. Кубок Сократа 607. На осле 608. Искус 609. Биназир 610. Каллиграфическое рабство 611. Подмена 611. Зеркало 612. Столбы ин кварто 612	

<i>Людмила Соболевская</i>	614
«Щемяще пахнет свежий клевер...» 614. «Подоспела осень...» 614. «Зовите, грибные туманы!...» 615. «Не трезвонит бабье лето...» 616. Этюд 616. «Дочь зимы и ветра буйного...» 617. Мой дом 617. Старая фотография 618	

<i>Николай Соин</i>	620
«Ты пройдёшь как болезнь...» 620. «Изъеденная болью...» 620. «С собою и с миром в согласие...» 621. «Просила женщина устало...» 622. О любви 623. Маме 623. Дымит трава... 624. России 624. Баллада о рыжей корове 625. На границе 626	

<i>Анатолий Столяревский</i>	627
«Жить в меж- и безвремяе нам досталось...» 627. Детприёмник 627. «Чёрный Белый Дом...» 628. «Позабыли мы имя славянского мира...» 628. «В прошлогодней скирде заночую...» 629. «Сосна по-птичьи проскрипела...» 629. «Времена жизни...» 629. «Побороли...» 630. «Ветви скрипят...» 630. «Изумрудные ящерицы...» 630. «Дорога туда и обратно...» 632. Песочные часы 632. «Куда подевались странники...» 632. «Сколько жизней сменил!...» 633	

<i>Любовь Сухаревская.</i>	634
«Что там за голос такой неусыпный...» 634. Снег в Иркутске 634. «В день Святого Валентина...» 635. Ода одуванчику 636. «Когда зима, печаль и холода...» 636. «Ещё нет-нет, и оживёт пристрастно...» 637. Пока живу 638. «Ты подарил мне белую тетрадь...» 638. «Не верю политикам — они обманули...» 639	

<i>Андрей Тимченев</i>	640
Лунный человек (В сокращении) 640. Охотники на снегу (По мотивам одноимённого полотна Питера Брейгеля-мужицкого) 641	

Вячеслав Тюрин	646
«Безнадёжно садиться к бумаге...» 646. «Облака по небу караваном...» 646. «Берёза бережёт, осина сторожит...» 647. «Я заброшу тетради в стол...» 647. Ветер 648. Завтрак 648. «В окно глазела нищета...» 649. «Словно избранные стихи...» 649	
Денис Цветков	650
«Через миры и расстояния...» 650. Кони 650. Моя звезда 651. Бабка Марья 652. «Качая головой при этом...» 653. «Когда смотрю...» 654. «Жизнь — повседневная борьба...» 654. Однажды 655	
Марина Шамсутдинова	657
Баллада об «Артеке» 657. «Я не люблю мужчин, которых я люблю...» 659	
Сергей Шаршов	661
Мужик 661. Хлеба и зрелищ (В сокращении) 662. «Представьте комнату где книги... книги... книги...» 664	
Светлана Шегебаева	667
«Не торопись. В моей груди...» 667. «Не для того меня растила...» 667. «Простынет хата! — бабушка кричала...» 668. «А я лечу на скакуне сквозь ветер...» 669. «Платите щедро за любовь — любовью...» 670. Перед и после 670. «Меня, строптивцу стобедную...» 671. Символ веры 672. «А на мне всё возят воду...» 673	
Сергей Эпов	674
«Титаник» бесконечно тонет...» 674. «На окраинах снов топография чьих-то реальных событий...» 674. «Мне сказано: стыдись. И я сты- жусь...» 674. «Весна — осень наоборот...» 675. Девятая 675. «Обожение — жжение и Бог...» 676. «Платиновый Пилат...» 676. «Просто так — спонтан- но, а не в отместку...» 676. «Счастье может быть только там, где бывает несчастье...» 677. «Позволь мне любить того, кого я хочу любить, Госпо- ди...» 677. «Жизнь уже при жизни...» 677. «И прирастает. Год от года...» 678. «От смерти Лермонтова словно молодея...» 678. «1. Быть или не быть...» 679	
Лидия Юрьева	680
Токуют глухари 680. Апрель 681. «Солнце гвоздикою алою...» 681. Прав- нукам победы 682. 2012-й год 682. В горы! 683. Деревенское приволье 684. «Осень — время всевозможное...» 684. Уроки природы 685	
Марина Яковенко	687
Отцовский взгляд 687. Мама 688. «Я не меняла адрес...» 689. «Не успела проститься я с летом...» 689. Сюда мы не придём 690. «Я Русь уже за то люблю...» 690. «Тишиною встретила деревня...» 691. «Нынче осень мне до- брая сваха...» 691. «Я иду по радуге забытой...» 692. «Цветы морозом схва- чены...» 692. Остров детства 693. «Вечер подпоясал жаркий день...» 694	

Татьяна Ясникова.	695
---------------------------	-----

На лесном озере 695. «Шелест трав долетает до камня...» 696. «Нет меня
здесь...» 697. «Я жизнь свою прожила одна...» 697. «Я отошла от Солнца
на десять шагов...» 698. «Лето, ласточка...» 698

Алфавитный указатель.	700
-------------------------------	-----

Информационно-справочное издание

ИРКУТСК. БЕГ ВРЕМЕНИ

в 2 томах

Том 2. Автографы писателей

Книга первая: Поэзия

Составители

Забелло Василий Константинович,

Скиф Владимир Петрович

Редактор *В.А. Семенова*

Художник *В.В. Дейкун*

Верстка *Н.А. Мазутовой*

Корректор *Н.О. Шильникова*

Подписано в печать 26.12.2011. Формат 70х100/16.

Усл. печ. л. 58,2. Тираж 1000 экз. Заказ 14801

Издательство «Сибирская книга»

664047, Иркутск-47, а/я 174. Тел.: 8-914-88-73-880

E-mail: laptev99@mail.ru

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»

664047, Иркутск-47, ул. Ал. Невского, 99/2

Тел.: (3952) 540-940

ISBN: 978-5-91871-014-2

9 785918 710142